

П. С. МАХРОВ

В БЕЛОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА

Записки начальника штаба
Главного Командующего Вооруженными Силами
Юга России

Санкт-Петербург
Издательство
"Logos"
1994

ЛЯ СЕРИЯ. XIX-XX ВЕК ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ. XIX-XX ВЕК ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ. XIX-XX ВЕК ИС-
ИЧЕСКАЯ СЕРИЯ. XIX-XX ВЕК Историческая серия. XIX-XX ВЕК Историческая серия. XIX-XX ВЕК ИС-
-XX ВЕК ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ. XIX-XX ВЕК ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ. XIX-XX ВЕК ИСТОРИЧ-
ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ. XIX-XX ВЕК ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ. XIX-XX ВЕК ИСТОРИЧЕ-
XIX-XX ВЕК ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ. XIX-XX ВЕК ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ. XIX-XX ВЕК
РИЧЕСКАЯ СЕРИЯ. XIX-XX ВЕК ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ. XIX-XX ВЕК ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ. XIX-XX ВЕК И-
Я СЕРИЯ. XIX-XX ВЕК Историческая серия. XIX-XX ВЕК Историческая серия. XIX-XX ВЕК Историческа
IX-XX ВЕК ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ. XIX-XX ВЕК ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ. XIX-XX ВЕК Историческа
ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ. XIX-XX ВЕК ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ. XIX-XX ВЕК ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ. XIX-
ЕСКАЯ СЕРИЯ. XIX-XX ВЕК Историческая серия. XIX-XX ВЕК ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ. XIX-XX ВЕК ИСТОРИЧЕСКАЯ С
РИЯ. XIX-XX ВЕК ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ. XIX-XX ВЕК Историческая серия. -XX ВЕК ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ.
К ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ. XIX-XX ВЕК ИСТОРИЧЕСКАЯ
Я СЕРИЯ. XIX-XX ВЕК ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ. XIX-XX ВЕК ИСТО-
ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ.
-XX ВЕК ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ.
Я СЕРИЯ.

П. С. МАХРОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
СЕРИЯ · XIX-XX ВЕК

В БЕЛОЙ АРМИИ
ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА

XX ВЕК ИСТО-
XIX-XX

ХХ

П. С. Махров. Варшава, 1920 г.

ББК 84.Р1
М36

Публикация Общества ревнителей русской истории (Париж)
под общей редакцией Н. Н. Рутыча и К. В. Махрова

Вступительная статья, биографический справочник Н. Рутыча
Редактор И. Наровлянская
Художник В. Корнилов

М 4702010101
Г73(03)-94 без объявл.

ISBN 5-87288-072-3

© Издательство «Logos»,
© Н. Рутыч. Вступ. статья,
биограф. справочник, 1994
© В. Корнилов. Художественное
оформление, 1994

К «Воспоминаниям» генерала П. С. Махрова (Краткий биографический очерк)

Генерал Петр Семенович Махров был одним из немногих видных военачальников Белой армии, оставивших записки о гражданской войне. Однако его воспоминания, в отличие от воспоминаний многих других генералов, занимавших, как и он, высокие должности в армиях Вооруженных Сил Юга России, содержат, можно сказать, почти уникальную галерею портретов белого генералитета.

Великолепное знание своих сослуживцев еще по службе в старой армии, настойчивая работа в эмиграции по сбору недостающих сведений (о чем свидетельствует находящаяся у нас обширная переписка генерала Махрова с полковником Колтышевым и генералом Стоговым), исчерпывающая оценка профессиональных качеств и боевых заслуг — все это, часто дополненное кратким и ярким описанием внешности соратников по Белой армии, позволяет сказать, что мемуары генерала Махрова занимают особое место в истории Белого движения.

П. С. Махров родился 1 сентября 1876 года в Тамбове. В 1893 году он был выпущен из Виленского юнкерского училища и назначен подпоручиком в 117-й Ярославский полк. Поступив в Николаевскую академию Генерального штаба вслед за своим братом Николаем Семеновичем и окончив ее по первому разряду в 1907 г., он уехал по собственному желанию еще во время занятий на фронт в 3-ю Маньчжурскую армию, где «за отличие в делах против японцев» получил ряд орденов.

В начале войны 1914 г. капитан Махров временно исполнял должность начальника штаба 34-й дивизии, а с сентября того же года служил в штабе 8-й армии генерала Брусилова, сначала старшим адъютантом оперативного отделения, а потом, вплоть до сентября 1916 г., исполняющим должность генерал-квартирмейстера штаба армии. И генерал Брусиллов и генерал Каледин, командовавшие 8-й армией, высоко ценили талантливого «оператора», как шутя называл полковника Махрова хорошо знавший его генерал Деникин, 4-я, «Железная дивизия», которого входила в состав этой армии.

Успех полковника Махрова объясняется еще и тем, что он сумел подобрать себе, в оперативное отделение штаба 8-й армии, целую плеяду молодых талантливых офицеров Генерального штаба, в том числе капитанов Коновалова, Шкленко и Дормана.

В январе 1917 г. полковник Махров принял 13-й Сибирский стрелковый полк, отличившийся в боях под Ригой. Осенью 1917 г., произведенный в генерал-майоры, он вступил в должность генерал-квартирмейстера 12-й армии, а потом и начальника штаба Главнокомандующего Юго-Западным фронтом. Временно командующий фронтом и связанный

с Махровым узами старой дружбы генерал Стогов устроил ему «отпуск по болезни». Воспользовавшись им и не желая служить у большевиков, генерал Махров уехал в январе 1918 г. в Полтаву, где проживала его семья.

Живя в Полтаве, генерал Махров сначала, как он сам пишет в своих записках, хотел уклониться от участия в братоубийственной гражданской войне, но в конце 1918 г. при приближении войск большевиков к Полтаве, зная о своей неизбежной мобилизации в Красную Армию, что было, как он пишет, «несовместимо с моим чувством национальной гордости и понятием о чести офицера», он уехал через Одессу в Крым с тем, чтобы вступить в ряды добровольцев.

21 февраля 1919 г. генерал Махров был назначен Деникиным заместителем начальника военных сообщений Крымско-Азовской армии генерала Боровского. Вспоминая о своем пребывании в Симферополе зимой 1919 г., генерал Махров осторожно дает понять, что он участвовал в дискуссиях образовавшегося при штабе армии кружка либерально настроенных офицеров, озабоченных политической туманностью заявлений Особого Сопещения и отсутствием ясно и четко поставленных целей в непредрешенческих декларациях вождей Белого движения.

Участниками этого кружка были начальник разведывательного отдела штаба полковник Тихон Александрович Аметистов, генералы Сафронов и Невадовский и начальник оперативного отдела полковник Герман Иванович Коновалов, которого позже, в 1920 г., генерал Махров назначил на должность первого генерал-квартирмейстера штаба ВСЮР. Очевидно уже тогда в Симферополе окончательно оформились те политические и стратегические взгляды этой группы офицеров Генерального штаба, которые нашли свое отражение в Секретном Докладе Главнокомандующему Вооруженными Силами на Юге России от 8 апреля 1920 г. *

Этот доклад, впервые опубликованный нами в № 124 журнала «Грани», можно без преувеличения назвать программой той части либерально настроенной военной интеллигенции, политические взгляды которой разделял генерал Махров и его ближайшие друзья еще по штабу 8-й армии генерала Бруслова.

Русская военная интеллигенция и прежде всего ее элита — корпус офицеров Генерального штаба, как, впрочем, и вся наша интеллигенция, не была во время гражданской войны единой в политическом и идеологическом плане. В Белом движении ее объединял патриотизм, ярко вспыхнувший после позора Брест-Литовского мира, стремление восстановить Россию и ее государственный строй на национально-традиционной основе. Дальнейшие определения и устремления оставались за чертой непредрешенчества, сознательно проведенной генералом Деникиным, надеявшимся на этой основе сохранить единство в борьбе за Россию вплоть до победы и созыва Учредительного собрания. Доклад генерала Махрова, широко использованный генералом Врангелем, проводившим, как тогда говорили, левую политику правыми руками, представляет со-

* См. Приложение I, с. 266.

бой исключительный по своему значению документ, отражающий взгляды одного из течений русской военной интеллигенции. Он оставил значительный след в Белом движении.

После отхода Крымско-Азовской армии на Ак-Манайские позиции и переформирования ее в отдельный корпус в апреле 1919 г. генерал Махров сдал свою должность и прибыл в Екатеринодар в распоряжение штаба генерала Деникина. Несколько недель, проведенных в Екатеринодаре, дали ему возможность близко соприкоснуться со штабом Вооруженных Сил на Юге России, где он нашел немало сослуживцев и знакомых по старой армине. Его острое наблюдение, особенно когда речь идет о генералах, так и не получивших назначений, остаются пока единственными опубликованными комментариями к «Очеркам Русской Смуты» Деникина.

Назначение начальником военных сообщений в Кавказскую армию генерала Врангеля позволило Махрову ближе познакомиться с ее командующим. И надо признать, что во всех стратегических и политических дискуссиях, а потом и конфликтах между генералами Врангелем и Деникиным, генерал Махров неизменно оставался на стороне Деникина. Не скрывая своей личной симпатии к Деникину, Махров в то же время отдает должное генералу Врангелю, когда речь идет о нем как о выдающемся военачальнике или просто о непосредственном начальнике, всегда вежливом и в то же время простом и внимательном в отношениях с подчиненными.

Со своей стороны, генерал Врангель, умевший разбираться в людях и весьма требовательный и к самому себе и к подчиненным, писал позже о своем новом сослуживце: «Генерала Махрова я знал очень хорошо. Он долгое время состоял в Кавказской армии начальником военных сообщений. Это был чрезвычайно способный, дельный и знающий офицер Генерального штаба. Ума быстрого и гибкого, весьма живой. Он не прочь был поиграть «демократизмом»*.

Служба в Кавказской армии дала возможность генералу Махрову оставить в своих записках еще одну галерею портретов, начиная с заслуженного и опытного начальника штаба армии генерала Юзефовича и кончая генерал-лейтенантом Покровским, бывшим военным летчиком в чине штабс-капитана в 1917 г., принявшим командование Кавказской армией после генерала Врангеля в конце 1919 г.

21 февраля 1920 г., когда отступление белых армий Юга России приняло катастрофический характер, на железнодорожной станции в Екатеринодаре генералу Махрову было предложено от имени генерала Деникина немедленно вступить в должность генерал-квартирмейстера в штабе Вооруженных Сил на Юге России. Нет сомнений, что уже в эти дни генерал Деникин подготавливал замену своего начальника штаба генерала Романовского.

Приняв основные отделы штаба и прежде всего оперативный и разведывательный, генерал Махров сразу обнаружил, что их начальники

---

* Генерал П. Н. Врангель. Воспоминания. Франкфурт/М.: Посев, 1969. Ч. 2. С. 18.

не соответствуют занимаемым должностям, что всю работу за них ведут их помощники — молодые офицеры Генерального штаба Колтышев, Шкеленко и др. Сам генерал Романовский, ставший начальником штаба еще при генерале Корнилове, как отмечает генерал Махров, потерял веру в себя и сидел заваленный бумагами и делами, не относящимися к боевым операциям. Он даже не всегда присутствовал на докладах Главнокомандующему. Поэтому назначение генерала Махрова 16 марта 1920 г. начальником штаба ВСЮР не было для него неожиданным.

К этому времени у генерала Деникина созрело решение передать Главное командование тому, кого выберет Военный Совет. Приказ о созыве Совета был отдан Главнокомандующим 20 марта. Как признает сам генерал Деникин, на это его решение повлияла телеграмма командующего Добровольческим корпусом генерала Кутепова от 28 февраля, где было выражено завуалированное недоверие Главнокомандующему.

Последовательное назначение генерала Махрова сначала генерал-квартирмейстером, а затем и начальником штаба Главнокомандующего означало, что именно ему генерал Деникин решил доверить судьбу армии в критический момент передачи Верховной власти новому Главнокомандующему, перед которым сразу вставал трудный выбор: продолжать борьбу или спасти оставшихся от неминуемой гибели, уйдя за границу.

Генерал Махров был первым, кто на Военном Совете, собравшемся в Севастополе 21—22 марта, выступил за продолжение борьбы. Подробным описанием хода этого Военного Совета, на котором был выбран новый Главнокомандующий генерал Врангель, и заканчиваются записки генерала Махрова.

Как всегда сдержанно и скромно, он лишь отметил свое выступление. Поэтому следует напомнить, что после сообщения генерала Врангеля о том, что англичане прекращают какую-либо поддержку и снабжение армии и что он сам не видит «возможности рассчитывать на успешное продолжение борьбы», генерал Махров первым прервал наступившее молчание, сказав, что как бы безвыходно ни казалось положение, борьбу следует продолжать «пока у нас есть хоть один шанс из ста, мы не можем сложить оружия»*.

Генерал Врангель, вступив в командование ВСЮР, не только оставил генерала Махрова на должности начальника штаба, но и подтвердил все перемены, произведенные им в штабе. Первым генерал-квартирмейстером стал ближайший друг Махрова — полковник Коновалов, вторым — полковник Дорман. И это несмотря на то, что, как пишет сам генерал Врангель, «либерализм начальника штаба и его ближайших помощников вызывал большие нарекания. Их обвиняли в „эсеровщине“».

Особенно яростно выступал против генерала Махрова и его штаба генерал Слещов, обвиняя в своих рапортах генералу Врангелю их всех в «подрывной» деятельности. Надо сказать, однако, что сам генерал

---

* Генерал П. Н. Врангель. Там же. С. 9.

Слащов через год, в ноябре 1921 г., оказался на пути в Москву в вагоне Дзержинского.

Генерал Врангель, как мы уже видели, умел разделять деловые качества и боевой опыт своих подчиненных и их политические взгляды, поскольку отношение последних к большевизму и к делу борьбы за Россию не вызывало сомнений. До самого конца, до ноября 1920 г., Врангель не расставался ни с полковником Коноваловым, произведенным им в генералы, ни с полковником Дорманом. Он писал: «...полковник Коновалов даже его врагами признавался за выдающегося по способностям офицера. Впоследствии я имел случай убедиться в справедливости этого мнения. (Вероятно, генерал Врангель имел в виду полет на самолете по его приказу генерала Коновалова к десантным войскам генерала Улагая на Кубань. Коновалов принял должность начальника штаба генерала Улагая и вывел его войска из трудного положения. — Н. Р.). Полковник Дорман был также способный офицер»*.

Вопрос о составе нового штаба ВСЮР после принятия командования Врангелем заслуживает особого внимания еще и потому, что, как считал сам генерал Врангель, «либерализм начальника штаба в настоящее время являлся в значительной мере отражением политических взглядов его ближайших помощников, обоих генерал-квартирмейстеров».

Говоря о «настоящем времени», генерал Врангель, очевидно, имел в виду «Секретный Доклад начальника штаба Главнокомандующего ВСЮР», поданный ему 8 апреля 1920 г., о котором мы уже говорили выше как о документе, отражавшем взгляды того течения в среде военной интеллигенции, которое сложилось уже в начале 1919 г. и к которому принадлежали генерал Махров и его друзья. Из примечаний к докладу, сделанных рукою генерала Врангеля, видно, что он разделял основные положения доклада и, прежде всего, необходимость политической борьбы с большевизмом и принятия федеративной структуры государства. Армия была реорганизована согласно плану, предложенному генералом Махровым, но, вместо наименования — «Крымская Русская армия», генерал Врангель написал просто — «Русская».

Но были и расхождения. Главнейшим из них следует считать отказ генерала Врангеля от немедленных выборов в Учредительное собрание от Крыма и выборов в соседних областях по мере их освобождения от большевиков.

8 июня 1920 г. генерал Махров был произведен генералом Врангелем в генерал-лейтенанты и уже 16 июня назначен военным представителем Главного командования ВСЮР при польском правительстве. Это была сложная и ответственная миссия, ибо в Польше были интернированы части генерала Бредова, не успевшие погрузиться в Одессе во время отступления зимой 1919—1920 гг. Там же находились отдельные отряды из Северо-Западной армии генерала Юденича и, наконец, многочисленные казаки — перебежчики из 1-й конной армии Буденного, попавшие в нее во время новороссийской катастрофы. Все это позволяло рассчитывать на формирование на территории Польши 3-й Русской ар-

* Генерал П. Н. Врангель. Там же. С. 18.

мии (Русская армия в Крыму была разделена на две), однако переговоры с польским правительством затянулись, и генерал Махров смог выехать в Польшу лишь в начале июля.

Перед отъездом в Польшу генерал Махров еще как начальник штаба Главнокомандующего 21 июня 1920 г. отдал приказ по штабу, где он писал, в частности: «Храни вас Господь и пошлн вам силы, мои дорогие сослуживцы; работайте не покладая рук во имя той святой идеи, за которую лучшие русские люди пролили много крови, а наши матери, жены и сестры — много слез».

В сентябре 1920 г., перед началом Заднепровской операции — последнего наступления Русской армии, появилась надежда, что в случае успеха удастся достигнуть соединения с находящейся в стадии формирования 3-й Русской армией. В связи с этим 20 сентября (3 октября по ст. ст.) 1920 г. генерал Врангель отдал приказ: «С моего согласия на территории Польши моим представителем при польском правительстве генералом Махровым формируется 3-я Русская армия. Задача этой армии — борьба с коммунистами, сначала под общим руководством польского командования, а затем по соединении с Русской армией под моим непосредственным начальством.

Приказываю всем русским офицерам, солдатам и казакам, как бывшим на территории Польши раньше, так и перешедшим в последнее время к полякам из Красной Армии, вступить в ряды 3-й Русской армии и честно, бок о бок с польскими и украинскими войсками бороться против нашего общего врага, идя на соединение с войсками Крыма»*.

Но уже через девять дней после этого приказа, 12 октября, в Риге были заключены предварительные условия мирного договора между Польшей и советской стороной. План формирования 3-й Русской армии рухнул. Положение генерала Махрова в Варшаве стало исключительно трудным. Тем не менее он, со свойственным ему чувством ответственности, делал все возможное для защиты и устройства русских солдат, казаков и офицеров, оставшихся в Польше после Рижского мира. Письмо генерала Врангеля генералу Махрову от 1 ноября 1921 г. и его приказ от 23 декабря 1924 г., публикуемые нами (см. приложения № 2 и № 3), красноречиво говорят об этом.

В 1925 г. генерал Махров с супругой Марией Адамовной и дочерью переехал в Париж, где началась его трудная эмигрантская жизнь. В 1932 г. Махровы покинули Париж и уехали на юг Франции, в Канны, где генерал зарабатывал на хлеб уроками английского и русского языков, будучи в то же время репетитором по математике и физике во французских семьях.

В годы, предшествующие началу второй мировой войны, генерал Махров все больше и больше склонялся к оборонческой позиции, отнюдь не примиряясь при этом с природой большевистской власти. В феврале 1936 г. он писал в газете Деникина «Доброволец»: «18 лет

---

* Генерал П. Н. Врангель. Там же. С. 201.

тому назад добровольцы, движимые национальным чувством, выступили в первые походы за национальную правду против большевиков, за национальную честь против Брест-Литовского бесчестия».

Однако горячий патриотизм генерала толкнул его на рискованный шаг. Как он сам пишет в письме полковнику П. В. Колтышеву от 12 мая 1953 г. (письмо хранится в архиве Общества Ревнителеев Русской Истории в Париже): «День объявления войны немцам России, 22 июня 1941 года, так сильно подействовал на все мое существо, что на другой день 23-го (22-е было воскресенье) я послал заказное письмо Богомолу (советскому послу во Франции — Н. Р.), прося его отправить меня в Россию для зачисления в армию, хотя бы рядовым.

Несомненно, мое письмо было цензурировано... и вот 19 августа 1941 г. меня сперва засадили в тюрьму в Ницце, а потом отправили в лагерь Верне (Verne), где я и просидел до 7 декабря. Освобожден я был только благодаря ходатайству генерала Нисселя (Niessel), который меня хорошо знал в эпоху моего пребывания в Варшаве в роли представителя Врангеля в Польше».

После войны генералу Махрову пришлось немало хлопотать о восстановлении своего эмигрантского статуса «русского беженца», т. е. политического эмигранта, которого его было лишнили французские власти.

В начале 50-х гг. генерал Махров приступил к работе над своими воспоминаниями. Как свидетельствуют его письма адресованные полковнику П. В. Колтышеву, он настойчиво собирал и скрупулезно уточнял сведения, необходимые ему, в частности, о личном составе штаба ВСЮР. Этот труд занял последние годы его жизни.

Петр Семенович Махров скончался 29 февраля 1964 г. в городе Канны и похоронен на местном кладбище.

От публикаторов

Воспоминания генерала П. С. Махрова занимают более 700 тетрадных страниц, оригинал которых находится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета. Публикуя их с любезного разрешения Бахметьевского архива, Общество Ревнителей Русской Истории в Париже использовало также из своего архива обширную переписку генерала П. С. Махрова с полковником П. В. Колтышевым и генералом Н. Н. Стоговым. В некоторых письмах генерала Махрова полковнику Колтышеву, например в письме от 11 марта 1954 г., он передает содержание тех частей своих записок, которые относятся к его пребыванию в штабе ВСЮР. Это позволило в ряде случаев восстановить текст трудночитаемого оригинала со многими зачеркнутыми местами и расплывшимися на рыхлой бумаге чернилами.

Мы позволили себе некоторые сокращения, относящиеся к семейным делам генерала, а также к обширным цитатам из книги Раковского «Конец белых» и «Очерков» Вороновича. Мы упустили некоторые приказы генерала Деникина, опубликованные уже им самим в Очерках Русской Смуты.

В «Приложениях» мы помещаем Доклад генерала Махрова от 8 апреля 1920 года, впервые опубликованный нами с любезного разрешения Гуверовского Института изучения войны в № 124 журнала «Грани», а также письмо генерала Врангеля из Константинополя от 1 ноября 1921 года и его приказ № 59 от 23 декабря 1924 года, хранящийся в Бахметьевском архиве, которые еще раз подчеркивают отношение генерала Врангеля к генералу Махрову.

Наконец, следует напомнить, что генерал Махров является автором ряда работ и брошюр, список которых мы прилагаем. Он написал также большое количество статей, заметок и некрологов, разбросанных в периодических изданиях, выходивших за границей, но главным образом, в журналах «Доброволец», «Часовой» и в газете «Русская мысль». Некоторые из этих статей содержат нигде не опубликованные сведения, так например, о трагической кончине генерала П. К. Ренненкампа в очерке, помещенном в «Часовом» (март 1962), или в некрологе, посвященном генералу Г. И. Коновалову («Единый фронт» 9 июня 1936).

Записки генерала П. С. Махрова подготовлены к печати Кириллом Васильевичем Махровым (племянником генерала) и Николаем Николаевичем Рутычем (Рутченко).

Основные опубликованные работы генерала Махрова

Военная тайна и военная цензура. Варшава, 1909.

Специальность Генерального штаба и его служебная практика.
Москва, 1911.

Балканская война 1912 г. Севастополь, 1913.

Применение воздухоплавательных аппаратов на войне. Севастополь,
1914.

Кто и почему мог похитить ген. Кутепова и ген. Миллера? Па-
риж, 1937.

Что нам делать? Париж, 1938.

Историческая памятка о Виленском военном училище. Париж, 1959.

На службе в Крымско-Азовской Добровольческой армии

В

декабре 1917 года Юго-Западный фронт окончательно развалился и потерял боеспособность. Главнокомандующий фронтом генерал Стогов 14 декабря покинул свой пост. Я был назначен его заместителем, но в должность не вступил и уехал в Полтаву. В мае 1918 года я получил письмо из Москвы от Генерального штаба полковника Махина, извещавшего меня, что мне предлагают занять место в Главном управлении Генерального штаба Красной Армии. Одновременно начальник Полтавского центра Добровольческой армии Генерального штаба полковник Фролов сообщил мне сведения о Добровольческой армии для решения вопроса о моем вступлении в нее. Участие в братоубийственной войне претило всему моему существу, а служба в Красной Армии, которой в это время распоряжался проходимец Троцкий, казалась позорной. Это было несовместимо с моим чувством национальной гордости и с понятием о чести офицера. Я хотел избежать службы и в Добровольческой армии, но судьба решила иначе.

В конце 1918 года возникла опасность, что Полтаву могут занять большевики. 1 января 1919 года я уехал в Одессу и прибыл туда 16 февраля. В Одессе у меня была возможность обосноваться и найти себе занятие вне военной службы. Когда же я ознакомился с жизнью этого города, настоящего Вавилона, с его еврейско-французской спекуляцией, с его биржевиками

и всевозможными дельцами, торопившимися только нажиться, когда я увидел политические партии, стремящиеся к власти, и толпы праздной молодежи, не желавшей вступить в ряды добровольцев, я почувствовал, что здесь остаться не могу.

20 февраля я встретился с моим другом генералом Дзевановским, одесским старожилом, хорошо знавшим и Одессу, и французов. Он убедил меня в правильности принятого мною решения уехать в Екатеринодар и сказал мне, что 21 февраля он сам уезжает в Крым, куда назначен генералом Деникиным начальником военных сообщений Крымско-Азовской армии. Я обратился к нему с просьбой предоставить мне какую-либо должность в его Управлении. Он согласился назначить меня начальником эксплуатационного отдела. 21 февраля мы вместе отплыли из Одессы в Севастополь, куда и прибыли 22-го около 10 часов утра.

Сойдя с пристани на севастопольскую землю, я переживал странное чувство. Мое сердце сильно билось при виде Севастополя, города, в котором я прожил около трех лет. Я покинул его в конце июля 1914 года, уехав на войну против австро-германцев, а теперь, через пять лет, возвратился, чтобы воевать против русских, против своих братьев.

Было солнечное, ясное южное утро. Мы с Дзевановским отправились на вокзал. Город был чисто убран и казался пустым. Прохожих почти не встречали. На вокзале не было пассажиров.

Генерал Дзевановский распорядился, чтобы в его вагон-салон поставили аккумуляторы, а вагон прицепили к поезду, отходившему в час дня в Симферополь. До отхода поезда мы отправились в город, чтобы пройтись и посмотреть на Севастополь.

Движения в городе не было заметно, точно люди притаились. Разрушений не было видно, как будто здесь не бушевали матросы в 1917 году. На рейде в бухте стояло мало судов.

Удивительная потребность человека побывать в тех местах, где он жил, работал, переживал. Меня тянуло посмотреть на дом, где была моя квартира, на Никольской улице. Я там прожил три года, до 1914-го. И теперь он был таким же, каким я его покинул, уехав на войну, только в моей квартире помещались новые жильцы. Прошел я и к дому, где был в 1914 году штаб 13-й дивизии. Там я провел лучшие годы моей службы. Там же недалеко стоял дворец командующего флотом. До войны он был занят адмиралом Эбергардтом и его штабом. Из окон дворца была видна бухта и темно-голубое море, а на береговой линии — крепостные форты. Оглянувшись назад, я вновь увидел Исторический бульвар с его знаменитой панорамой, на которую

я так любил смотреть. Спустившись через Мичманский бульвар, мы очутились на Нахимовской площади, а потом подошли к Морскому собранию, где в 1913 году я читал лекции о Балканской войне.

По Екатерининской улице мы направились на вокзал, но у нас до отхода поезда еще было время и мы решили вернуться на Исторический бульвар, который в эти дни весны, одетый в розовую ризу набухших почек миндаля, представлял особенную прелесть. Вспоминая Севастополь, описанный так хорошо Толстым, мы с Вячеславом Андреевичем Дзевановским подошли к южному бастиону номер 4; он, как и другие сооружения, постепенно разрушался, так как после революции этот памятник «реакционной эпохи Николая I» казался никому не нужным. А воспоминание о Корнилове, Нахимове, Истоине, Тотлебене пахло «контрреволюцией».

Глядя на красоту окружавшей нас природы, я сказал Дзевановскому:

— Посмотри, Вячеслав Андреевич, какая красота, рай земной, умирать не надо!

— Да, хорошо, очень хорошо и как легко дышится,— ответил он мне.

А я продолжал:

— Помнишь ли ты, как Толстой в своем «Воскресении», описывая обаяние весенней природы, сказал: «А люди, взрослые люди, не переставали мучить друг друга».

— Я люблю Толстого,— возразил Дзевановский,— но его проповедь непротivления злу не приемлю. Всякое общество может жить и работать только при условии существования порядка, а для порядка нужна сильная власть. Мы с тобой видели керенщину, которая нас привела сюда. А знаешь ли, что проповедь «непротivления», безнаказанность всяких безобразий в Крыму проводится в жизнь евреем Винавером, который играет первую скрипку в правительстве Соломона Крыма. Я боюсь, что это продолжение керенщины. Ведь они додумались до уничтожения военно-полевых судов. По Крыму свободно разгуливают убийцы-матросы и их не арестовывают, ведется пропаганда против Добровольческой армии и против «реакционера» Деникина.

Затем мы отправились на вокзал, где Дзевановского встретил комендант станции с рапортом. Между прочим, он доложил, что в порту неблагополучно: рабочие приняли постановление добиваться удовлетворения их материальных требований под угрозой забастовки; идет брожение и среди железнодорожных служащих. По мнению коменданта, требования и портовых рабочих и железнодорожников вполне справедливы, так как при дороговизне продуктов первой необходимости они живут впроголодь. В общем отношение их к Добровольческой армии благожелательное, но за их спи-

нами стоят большевистские агитаторы, которые ведут пропаганду за советскую власть.

Мы сели в прекрасный вагон-салон и около трех часов дня прибыли в Симферополь. На станции Дзевановского встретил молодой, высокий, статный поручик-комендант с обычным рапортом и тут же попросил Дзевановского оградить его (коменданта) от разнузданных офицеров, терроризирующих его всевозможными нелепыми требованиями, сопровождающимися угрозами расправы. В стороне стоял возбужденный, с красным лицом артиллерист, полковник. Комендант доложил, что этот штаб-офицер требует немедленно прицепить его вагон к паровозу и отправить в Джанкой. Комендант отказал, и полковник в ярости грозил расстрелять его за неисполнение приказа. Генерал Дзевановский заявил этому полковнику, что он как начальник военных сообщений поступок коменданта вполне одобряет и спросил фамилию штаб-офицера. От последнего пахло вином, но он пришел в себя и принес свои извинения и начальнику военных сообщений, и коменданту станции Симферополь.

С вокзала мы отправились в город, в штаб армии. Симферополь мы оба хорошо знали еще в мирное время. Несмотря на то, что теперь Симферополь стал «столицей» Крыма, он продолжал оставаться таким же небольшим губернским городом, каким был и в мирное время. Несмотря на вновь прибывших беженцев с севера и Екатеринодара, магазины все были открыты и бойко торговали. Симферополь никогда не отличался ни красотой, ни благоустройством, но в нем был провинциальный уют. Высокие кипарисы на северной окраине города да окружающие город сады придавали ему некоторую парадность. Штаб армии располагался в центре города в большой гостинице, если не ошибаюсь, под названием «Европейская». Я останавливался в ней в мирное время. Там было много комнат, а внизу — большой зал.

Когда мы подошли к штабу, первый, кого я увидел, был мой родной брат Василий, Генерального штаба полковник. Он разговаривал с незнакомым мне генералом маленького роста, худеньким, с небольшими светлыми усами. Я был в штатском черном пальто и в мерлушковой шапке. Брат с любопытством глядел на меня. Он узнал меня не сразу, а потом, прихрамывая, бросился навстречу. Нечего говорить, как мы были рады друг друга обнять.

— Что ты хромаешь, Вася? — спросил я его.

— Да ведь под Ставрополем, когда мы с Дроздовским атаковали большевиков, мне левую ногу прострелили, но слава Богу, кость не повредили, и вот, как видишь, уже хожу. А как ты сюда попал?

Я объяснил, что назначен в Управление начальника военных сообщений.

Маленький генерал подошел и представился мне и Дзевановскому:

— Генерал-лейтенант Невадовский, инспектор артиллерии Крымско-Азовской армии.

Если бы у него не было генеральских погон, его можно было бы принять за поручика, так молодо он выглядел. А между тем, когда мой брат был юнкером Константиновского артиллерийского училища, Невадовский был его батарейным командиром. Ему должно было быть теперь за сорок лет. Он был отличным артиллеристом. За боевые подвиги генерал Деникин произвел его в генерал-лейтенанты.

Во время нашего разговора мимо нас прошла маленького роста элегантно одетая дама. Лицо ее показалось мне знакомым, и я спросил брата, не знает ли он, кто она.

— Да, это наша приятельница, мадам Сулькевич,— ответил он мне.— Она никак не может примириться, что она уже не первая дама в Крыму.

Я знал ее и ее мужа в 1913—1914 годах. Небольшого роста, коренастый, кривоногий русский татарин со скуластым лицом, с жиденькой рыжеватой бородкой и такими же усами, с маленькими косыми глазами, Сулькевич был заурядным офицером Генерального штаба, горячим и суетливым, но добросовестным работником. У него не было, как у его предков, ни Золотой или какой-либо другой орды, ни талантов администратора, ни дипломатического чутья, ни даже склонности к интригам и коварству. Впрочем, для того, чтобы стать президентом Крымской республики, в этом не было надобности. Во время оккупации Крыма немцами им нужно было установить порядок и создать власть на месте. Немецкий генерал Кош весной 1918 года предложил Сулькевичу занять пост президента Крымской республики. Сулькевич был генералом, татарин и магометанином. Чего же больше? Это было даже прочнее, чем Скоропадский на Украине. Татары поддержали Сулькевича, и он взошел на ордынский престол и при желании мог поселиться в ханском Бахчисарайском дворце.

4 ноября 1918 года генерал Кош освободил Сулькевича от бремени президентской власти, передав ее Совету министров Крымского краевого правительства, как это немцы сделали в Киеве, выпустив из тюрьмы Петлюру против гетмана.

Сулькевич пал на два месяца скорее, чем Скоропадский. На Украине Скоропадского заменила Директория большевиков с Винниченко во главе и «главным атаманом» Петлюрой. В Крыму во главе правительства встал кадет Солломон Крым. Украинская директория как-никак имела свое

войско, Крымское правительство никакой вооруженной силой не располагало. Оно обратилось к генералу Деникину с просьбой высадить в Крыму добровольцев, дабы обеспечить внешнюю безопасность и внутренний порядок в крае. Правительство Соломона Крыма выразило свою полную лояльность генералу Деникину и обещало всякую поддержку. В ноябре началась высадка небольшого отряда Добровольческой армии в Керчи. Ко дню моего приезда в Симферополь в Крыму образовалась уже армия численностью около 5 тыс. человек под начальством генерала Боровского.

Во время нашей беседы генерал Дзевановский спросил генерала Невадовского, что из себя представляет Боровский, которого и я никогда не встречал. Невадовский ответил, что Боровский очень хороший строевой начальник, храбрый, энергичный, толковый и распорядительный, но ему не хватает хорошего начальника штаба, так как Пархомов явный сибарит, непригодный для войны в революционной обстановке.

Дзевановский простился с нами и пошел к своему брату, доктору медицины, который жил в собственном доме, а я, пожав руку Невадовскому, отправился со своим братом в его номер, в гостиницу. Мой брат немедленно позвонил в интендантство, чтобы мне прислали солдатскую шинель, а потом мы вместе отправились в город, где я купил себе фуражку и погоны.

К вечеру я преобразился в генерала. Было около 7 часов, мы спустились вниз в офицерскую столовую поужинать. Столовая помещалась в большой зале гостиницы, где в мирное время устраивали балы, концерты и приемы. Посередине ее теперь стояли столы в виде буквы П, за которыми сидело около 150 человек. Столовую организовал дамский комитет, который обслуживал все хозяйство и подавал к столу. Дамы были в массе своей жены и сестры офицеров, но среди них можно было встретить и дам-благотворительниц из местных зажиточных семей «недорезанных буржуев». Столовая была образцовой. Чистота безупречная, ни суеты, ни шума, внимание к посетителям и сытная, вкусная и простая еда. За стол сажались по чинам и по служебному положению.

Когда мы вошли в столовую, она уже была полна гостей. Я хотел занять место на краю стола рядом с братом, где сидели младшие штаб-офицеры, но мне это не удалось. Сидевший на председательском месте начальник штаба армии генерал Пархомов узнал меня и сделал любезный жест, приглашая сесть рядом с ним. Делать было нечего, я направился к нему, отвечая на поклоны знакомых.

Пархомов был маленького роста тщедушный человек с усталым, болезненным лицом. Он был чисто выбрит, но носил коротенькие темные усики. Одет он был с иголочки

в сюртук мирного времени, что казалось странным. Я его знал как хорошего, добросовестного офицера. К сожалению, он страдал язвой желудка, что делало его раздражительным, и он, при всей своей благовоспитанности, иногда выходил из себя из-за пустяков. Он был одного выпуска Академии Генерального штаба с Деникиным и вместе с ним служил в штабе Варшавского военного округа. Их связывали во время боевых действий на фронте 8-й армии узы дружбы. Поэтому генерал Деникин и назначил Пархомова начальником штаба Крымско-Азовской армии. Однако Деникин в выборе своем ошибся. Пархомов был человек больной, страшный пессимист, а в Крыму в помощь энергичному Боровскому нужен был советник более сильный и предприимчивый, способный понимать революционную действительность.

В тот же вечер я познакомился и с чинами штаба армии: генерал-квартирмейстером генералом Виктором Васильевичем Чернавиным, начальником оперативного отделения полковником Германом Ивановичем Коноваловым, начальником разведывательного отделения полковником Тихоном Александровичем Аметистовым и дежурным генералом Генерального штаба полковником Даровским. Всех их, кроме Аметистова, я знал раньше. С Чернавиным мы вместе слушали курс в Академии Генерального штаба, но он оказался старше меня по выпуску, так как я уехал со 2-го класса в 1905 году на войну, а он продолжал оставаться в Академии. Чернавин был среднего роста, худощавый, с маленькими темными усами, очень мягкий, спокойный и элегантный. Он всегда носил очки, и часто его можно было видеть с книгой в руках. Он был эрудирован, хорошо всесторонне образован, обладал философским складом ума, а в военном деле отличался вдумчивостью и умением четко анализировать обстановку и беспристрастно оценивать людей. Однако он не способен был на риск, что на войне иногда бывает неизбежным, ибо часто «смелость города берет».

Герман Иванович Коновалов был моим любимым подчиненным и сослуживцем во время службы в штабе 8-й армии Брусилова и на Юго-Западном фронте. Он imponировал мне и своей внешностью, и умом, и характером. Высокий, широкоплечий, скуластый, с открытым правдивым лицом, всегда чисто выбритый, с большими темными глазами, способный, серьезный и добрый, он привлекал к себе задушевностью, смелостью и тактом. Он был самым лучшим из всех офицеров Генерального штаба, которых я знал в Императорской армии, и остался таким же в Добровольческой. Никто лучше него не понимал, как нужно было действовать в революционной обстановке гражданской войны. Он это открыто

высказывал своему начальству, но, к сожалению, не всегда встречал понимание.

Полковник Даровский был одного выпуска со мной из Академии в 1907 году. Но во время войны мне не приходилось с ним встречаться. Я слышал о нем как о скромном, добросовестном офицере Генерального штаба.

Полковника Аместистова я совершенно не знал и во время войны 1914—1916 гг. с ним не встречался. Он был последнего выпуска из Академии Генерального штаба в 1914 году, окончив двухгодичный курс вместе с моим младшим братом Василием, с которым был в дружеских отношениях. На войне Аместистов был награжден Георгиевским крестом как храбрый и распорядительный офицер Генерального штаба. Он был блондином маленького роста, с умными глазами, очень подвижный и обязательный. Одет он был в черкеску Терского казачьего войска. Это был оригинальный и образованный офицер, окончивший курс двух академий: Петербургской духовной и Военной. В нем совмещались и монах-аскет, и разгульный офицер-кавалерист, любивший хорошо выпить.

Утром на другой день мы с генералом Дзевановским зашли в помещение, отведенное под Управление начальника военных сообщений. Там уже кипела работа по формированию этого учреждения. Генерал Соловьев, помощник Дзевановского, не был офицером Генерального штаба, но был отличным специалистом по военным сообщениям, так как вся его служба с молодых лет протекала в этой области. Высокий, довольно полный, краснощекий, с небольшой русской бородкой, он был очень энергичным и отличным организатором. За день он успел набрать почти полный штат служащих из специалистов, а к вечеру в день нашего посещения обещал Управление обставить и начать работу. Впрочем, насчет работы едва ли можно было ждать особой деятельности. В Крыму были только две железнодорожных ветви. Одна — Севастополь—Джанкой—Мелитополь, другая — Джанкой—Феодосия. С этими путями вполне мог справиться один офицер Генерального штаба — заведующий военными перевозками, с двумя писарями. Этапный отдел был тоже не очень сложный. Но, видимо, Военное Управление генерала Деникина считало, что армия в Крыму быстро увеличится в результате мобилизации, и хотело иметь готовый аппарат, подобный штабу армии, под управлением которого было около 5 тыс. человек. Для командования такими силами вполне достаточен был бы штаб бригады, самое большое — штаб дивизии.

В этот же день, после обеда, я нанес визит моему приятелю генералу Бутчику, с которым я познакомился в 1909 году в городе Вильне, где он был начальником штаба 27-й пе-

хотной дивизии. Это был высокий, худой человек, наружностью своей напомилавший сарта, с черной густой бородой и большими темными глазами, в высшей степени добродушный, гостеприимный и симпатичный, отличный офицер Генерального штаба, впоследствии и выдающийся командир полка. Теперь в Крыму он занимал должность военного министра, в которой состоял еще при Сулькевиче. Он мне аттестовал правительство Соломона Крыма как надежное. Сам Крым — председатель правительства, Винавер — министр иностранных дел, Кабаков — министр юстиции, Багдаиов — министр внутренних дел — все были кадетами. Только министр народного просвещения Никонов и министр труда Бобровский были социалисты. Главную роль в этом правительстве играл Винавер в роли «оберегателя невинности демократизма» и «охранителя» Деникина от «реакционных» шагов. Это был один из самых порядочных, честных и благородных евреев в России. Однако ни он ни его коллеги по правительству, несмотря на хорошее кровопускание разиуданных матросов-убийц первых дней революции, еще не успели очнуться от химеры «свобод» демократизма. Все они мечтали установить порядок в Крыму путем «уговаривания» революционных мерзавцев, грабителей, воров и всяких прохвостов-журналистов левой прессы. Последние же вели агитацию против Добровольческой армии и «реакционера» Деникина. Конечно, они хорошо оплачивались советскими агентами, которые во имя «демократизма» не подвергались никаким репрессиям и свободно разгуливали во всех городах Крыма. Это благодушное, мягкотелое правительство, составленное из благовоспитанных интеллигентов и представителей земств и городов, совершенно не понимало того опасного положения, в котором находился Крым. Ему грозили иеприятель с севера, который был в три раза сильнее Крымско-Азовской Добровольческой армии, и неизбежный взрыв внутри, который готовился местными крымскими большевиками.

Несмотря на настойчивость генерала Бутчика, военного министра, требовавшего скорее провести в Крыму мобилизацию, правительство объявление ее откладывало, а когда начальник дивизии Корвин-Круковский, не выдержав ожидания, сам объявил мобилизацию, и она прошла хорошо, Винавер нашел это актом «недемократическим», и Крымское правительство отменило мобилизацию, дискредитируя этим и свой авторитет и престиж генерала Деникина. Мягкотелое отношение правительства к преступникам, всем известным убийцам-матросам, спокойно преуспевавшим в Симферополе, Севастополе, в Керчи и других городах, вызывало негодование среди офицерства, что часто выражалось в самовольных арестах и даже самосуде. Это, в свою очередь, раз-

дражало Винавера, и он обращался к Деникину с просьбой принимать необходимые меры, чтобы оградить доброе имя Главнокомандующего от упреков в «реакционности» Добровольческой армии. Генерал Бутчик считал свое положение ложным. Он отлично понимал, что Крымское правительство не отдает себе отчета в общей политической обстановке, требовавшей полномочий Главнокомандующему. Но он был бессилён повернуть курс политики Крымского правительства. В общем, во внутреннем правлении Крымом повторялась керенщина, только в маленьком масштабе.

• • •

Военная обстановка была очень неблагоприятной. Крымско-Азовская армия имела в своих рядах около 5 тыс. человек. Она состояла из двух пехотных дивизий: 13-й и 34-й с незначительной артиллерией и техническими войсками, да сборного гвардейского отряда численностью около 800 человек. Кроме того, в стадии формирования были кадры еще двух дивизий. Этой армии приходилось занимать очень большой фронт: от Каховки на западе у Днепра, в стыке с французским фронтом перед Одессой, через Федоровку, севернее Мелитополя и далее к востоку в район Бердянска, где фронт соприкасался с каменноугольным бассейном, занятым генералом Май-Маевским. Дух войск был низок, а гвардейский отряд просто не желал сражаться, так как офицерство считало своей задачей быть на страже охраны Императорской фамилии, члены которой находились в Крыму.

В Севастополе находился десантный французский отряд, состоявший из полка пехоты и двух батарей артиллерии под командой полковника Рюэ, который не имел приказа от своего начальства выступить на фронт. Он был занят только обеспечением ремонта французского броненосца «Мирабо», чинившегося в нашем порту. Рюэ держал себя не только независимо, но как бы главноначальствующим в городе. Он совершенно игнорировал коменданта крепости и отдавал приказы о поддержании порядка в батареях. Присутствие этого отряда и слухи об ожидающейся дальнейшей высадке французских войск в Крыму наводили на мысль, что Крым, подобно Одессе, попадает в сферу влияния французского командования.

Перед Крымско-Азовской армией маячили банды разных украинских «атаманов» числом около 18-ти тысяч. Несмотря на их трехкратное превосходство над добровольцами, последние были лучше организованы и управляемы и отражали атаки этого воинства. Однако ко времени моего приезда в Симферополь разведка стал обнаруживать, что силы

украинцев не только увеличиваются, но и улучшаются качественно.

С 25 февраля Управление начальника военных сообщений начало свою работу. Сведения о состоянии железных дорог, подвижного состава и пропускной способности были вполне удовлетворительными, чтобы обслуживать фронт. Железнодорожные служащие относились доброжелательно к добровольческому командованию и работали хорошо. Если и бывали вспышки, то только в Севастополе и исключительно на экономической почве. Хуже обстояло дело с автомобильным транспортом. Грузовиков было мало, мало было и легковых автомобилей. Рассчитывать на реквизицию не было никакой возможности, так как все что было уже служило в армии. Легких автомобилей еще было достаточно у богатой буржуазии, но все они были забронированы властью местного правительства и малейшая попытка на них покунуться вызвала протест почему-то не у министра внутренних дел, а иностранных, т. е. Винавера. Однако генерал Соловьев, со свойственной ему энергией, начал собирать сведения о частных владельцах автомобилей, имея в виду пополнить наш корпус, чтобы снабдить машинами старших начальников на фронтах.

Из-за слабости сил Крымско-Азовской армии штаб заболел об укреплении Перекопа и других доступов к Крыму на случай, если бы пришлось временно оставить позиции на линии Каховка—Федоровка—Бердянск. Ко дню моего приезда, как я узнал из бесед с полковником Коноваловым, работы по созданию укреплений не шли дальше рытья окопов и только в последнее время там начали строить более серьезные сооружения при участии инженера путей сообщения Чаева. У нас в армии были отличные военные инженеры и поручение работ инженеру путей сообщения мне показалось странным. Еще более непонятным для меня было то, что Чаева всюду сопровождал Кривошеин, бывший царский министр земледелия и государственных имуществ, который, конечно, в военном деле не был компетентным и к тому же не был инженером. Чаева я хорошо знал в мирное время. Это был умный и очень предприимчивый, энергичный человек. О нем отзывались как о хорошем инженере-путейце, но главная его особенность была в его характере «дельца». Он брал большие подряды на постройку разных сооружений по заказам правительства и их быстро и отлично выполнял.

Слабость сил Крымско-Азовской армии, оборонявшей Мелитопольский плацдарм радиусом 50—70 верст, необеспеченность подступов в Крыму, непонятная позиция, занятая французами в Севастополе и особенно трения между Став-

кой и Крымским правительством — все это очень тревожило офицеров штаба армии. Обычно по вечерам в номере моего штаба собирались: полковник Коновалов, полковник Аметистов, генерал Николай Степанович Софронов, иногда заглядывал генерал Невадовский. В этой среде откровенно обсуждались всякого рода мероприятия, которые могли бы оздоровить и армию и атмосферу внутри Крыма. 26 февраля на нашем собрании Коновалов говорил, что самое главное — это, прежде всего, «открыть забрало». Генералу Деникину необходимо ясно и определенно высказаться, за что борется Добровольческая армия, чтобы избежать подозрений в реакционности, на чем играют большевики. Он говорил:

— Поднять монархический флаг нельзя — это значит реставрация, т. е. восстановление помещиков, чего пуще всего боятся крестьяне. Даже конституционная монархия будет понята как обман. Большевики опираются на кучку фанатиков и революционеров и называют это рабоче-крестьянской властью, лозунгом которой является «грабь награбленное», и на силу своего террора. Мы же должны опираться не на Особое Совещание, состоящее из бюрократов, генералов, сенаторов и разных лиц по назначению, а на избранное собрание от всех людей занимаемых нами областей. Вместо лозунга «грабь награбленное» нам следует провозгласить принцип справедливости для всех и неприкосновенность частной собственности, конечно, в пределах разумной справедливости.

Кто-то из присутствующих, точно не помню кто, но кажется Аметистов, возразил Коновалову:

— Все это, конечно, правильно, но народ считает нас «реакционерами» не потому, что Деникин не открывает своего лица, а по тому, как ведут себя некоторые добровольцы. Вот возьмем хотя бы есаула Боровского, брата командующего армией и командира сотни его охраны. Нет дня, чтобы не было жалоб на него то за грабежи, то за самовольные аресты, то за незаконные обыски и пр. А сколько таких Боровских гуляет по Крыму.

Конечно, никто ничего не мог возразить на это. Дисциплина расшаталась, Крымское правительство не принимало мер против преступного элемента, агитирующего против Добровольческой армии, и озлобленное офицерство позволяло себе акты беззакония, мстя за прошлые злодеяния матросов и им подобных. Был поднят вопрос и о скудности содержания офицеров, о бедственном положении их семей и о таком же положении семей добровольцев-солдат. В заключение Коновалов настаивал на том, чтобы через генерала Пархомова довести до сведения Боровского наши соображения.

Присутствующие просили меня как бывшего сослуживца Пархомова взять на себя эту миссию. Я категорически отказался от этой чести, мотивируя тем, что я в Крыму совершенно новый человек, проживший здесь только несколько дней, и что моя активность может быть истолкована как желание играть роль «высочки». Все с этим согласилось.

Генерал Софронов решил повидаться сам с Пархомовым и доложить наш разговор Боровскому. Надо заметить, что Николай Степанович Софронов был умным человеком, честным и прямым, всеми любимым и уважаемым. Его никто не мог заподозрить в интригах.

На другой день, 27 февраля, ко мне зашел генерал Невадовский, из близкого окружения Боровского, и сообщил, что командующий армией желает меня видеть в 3 часа дня. В указанный час я прибыл в небольшой особняк, где жил Боровский. Он меня принял строго официально, но приветливо. Боровский произвел очень хорошее впечатление. Он был видным, красивым мужчиной с выправкой хорошего солдата. Глаза его говорили, что это прямой и честный человек, не способный на интриги, а выражение его лица было энергичным и мужественным. Он спросил меня, ознакомился ли я с обстановкой в Крыму, не желаю ли занять какую-либо более высокую должность, чем начальник эксплуатационного отделения в Управлении начальника военных сообщений. Я поблагодарил его и ответил, что вполне удовлетворен моим положением, но всегда готов служить там, где я могу быть полезным. В нашей беседе он коснулся вопроса взаимоотношений его с французским командованием, которое держит себя в Севастополе, как будто у себя дома. На фронт не желают выводить ни одного солдата и кормят обещаниями прибытия новых войск. «Между тем,—говорил Боровский,—наш фронт трещит». Наша короткая беседа этим и закончилась. Позже от Невадовского я узнал, что Боровский хотел со мной познакомиться, так как Пархомов предполагал покинуть свой пост и меня прочили его заместителем.

Между тем у генерала Деникина были недоразумения с главнокомандующим французским экспедиционным корпусом генералом Бертелло. В Одессе всем вертел начальник штаба дивизии генерала д'Ансельма полковник Фрейденберг, который смотрел на Россию, как на колонию. В военном отношении французское командование не искало форм какого-либо сотрудничества Добровольческой армии с войсками французского экспедиционного корпуса и стремилось к независимости своих действий не только в Одесском районе, но даже и в Крыму. Все просьбы генерала Деникина

о расширении одесского плацдарма и о мобилизации были отклонены. Добровольческая армия расценивалась французами как «реакционная», на призыв которой о мобилизации население якобы не пойдет. Генерал д'Ансельм по идее Фрейденберга хотел увеличить силы французского корпуса путем формирования особых бригад «микст», т. е. смешанных, где бы боевым элементом были русские, а инструкторами французы. Когда же генерал Деникин с этим не согласился, французский главнокомандующий решил взять в Одессе всю власть в свои руки. Генерала Санникова, командующего войсками Одесского района, французский штаб совершенно игнорировал.

25 февраля распространился слух, что в Симферополь приехал генерал Санников, чтобы говорить по важному делу с генералом Деникиным по прямому проводу. Вскоре в штабе Боровского было получено известие, что генерал Деникин собирается ехать в Констанцу для личных переговоров с генералом Бертелло. Весть эта произвела очень хорошее впечатление на офицеров штаба, рассчитывавших, что поездка генерала Деникина разрядит неприятную обстановку.

25 февраля рабочие в Севастополе вынесли постановление прекратить работы на Добровольческую армию в мастерских и в учреждениях. Французский начальник гарнизона боялся, что это может распространиться и на портовых рабочих, ремонтировавших французский броненосец «Мирабо». Французы объявили все суда на военном положении и выслали наряды войск для поддержания порядка в городе. Военное положение было объявлено и на железных дорогах, хотя необходимости в этом не было. К тревогам в Севастополе прибавились неудачи на фронте. Казалось, будто какая-то невидимая сила направляла действия противника.

26 февраля началась эвакуация Мелитополя. Рабочие в Севастополе к работе не приступили. На фронте большевики все сильнее и сильнее давили, и 1 марта пришлось Мелитополь очистить. Весть эта встревожила население Симферополя и Крымское правительство. В это время, когда Крымско-Азовская армия вынуждена была отходить за перешейки, в Одессе 27 февраля генерал д'Ансельм пригласил к себе только что возвратившегося из Севастополя генерала Санникова и заявил ему, что он решил взять на себя всю полноту власти в Одесском районе и образовать в помощь себе совещание из политических и общественных деятелей. Протесты Санникова не привели ни к чему. На следующий день в газетах появилось объявление французского командования о формировании Южно-Русской армии. Но для вы-

полнения этого приказа нужно было прежде всего расширить Одесский плацдарм, на чем и настаивал генерал Деникин, а не мешать русскому Главнокомандующему объявить мобилизацию. Французы же не продвигались вперед, хотя у них было достаточно войск в резерве.

Таким образом, после этого приказа генерал Деникин лишился права распоряжаться добровольческими войсками генерала Тимановского в Одесской зоне.

7 марта стало известно, что в Одессу приехал генерал Франше д'Эспре и ожидается прибытие его в Севастополь. Ходили слухи, что он имеет полномочия разрешить все недоразумения политического и военного характера между Ставкой и французским командованием. В Севастополе ожидалась высадка отряда греческих войск численностью около 2 тыс. человек.

В Симферополе спешно организовывалась бригада пехоты из немецких колонистов, решивших по своей инициативе встать в ряды Крымско-Азовской армии. Это произошло совершенно неожиданно. 4 марта к полковнику Аметистову пришли четыре офицера немецкого происхождения из колонистов, знавшие Аметистова как земельного собственника*, и просили его помочь в снабжении оружием, патронами и обмундированием, так как свыше 1 тыс. немецких колонистов готовы идти сражаться против большевиков. Аметистов немедленно довел это до сведения Пархомова, который, согласившись в принципе, решил все же повременить и запросить Ставку.

Тем не менее, не ожидая ответа из Екатеринодара, колонисты начали собираться в Симферополе. Аметистов волновался. Надо было их размещать, кормить, дать оружие и пр. Все это осуществлялось с большим трудом.

Между тем 10 марта стало известно, что в Одессе генерал Франше д'Эспре произвел переворот. Представители генерала Деникина, генералы Санников и Гришин-Алмазов, были высланы в Екатеринодар. Генерал Шварц был назначен командующим русскими войсками и генерал-губернатором в Одессе. Генерала Шварца я не знал и никогда с ним не встречался, но с его начальником штаба генералом Прохоровичем был хорошо знаком еще со школьной академической скамьи. Прохорович был умным, серьезным и порядочным человеком. Он умел разбираться в обстановке и был известен как очень хороший офицер Генерального штаба.

11 марта прибыл в Севастополь генерал Франше д'Эспре. 12-го состоялась его встреча с генералом Боровским, которого сопровождал Пархомов. Последнего офицеры штаба

---

* Аметистов имел небольшое имение под Севастополем у Херсонеса (Корсувь).

почему-то называли «политик ближнего плавания». Боровский был встречен генералом Франше д'Эспре более чем холодно. Разговор велся чисто в деловой форме и сопровождался «поучениями», как русские должны воевать. Франше д'Эспре сообщил, что в Севастополе высадился эшелон греческих войск в 1 тыс. человек, а 13-го высаживается еще одна тысяча. Начальником союзного гарнизона был назначен вместо полковника Рюэ полковник Труссон. Французы обещали Боровскому обеспечить тыл в Крыму, но требовали, чтобы все русские силы были бы выдвинуты на фронт. Было дано обещание об оказании помощи снабжением сформировавшейся в Симферополе бригаде немецких колонистов, командиром которых был назначен генерал Диденко.

Генерал Боровский возвратился в штаб, удрученный французским приемом. Он ждал какого-либо разъяснения, как координировать военные действия на фронте. Греческие войска высаживались в Севастополе, и за ними ожидалось прибытие стрелков французской сенегальской дивизии. После нашего ухода 1 марта из Мелитополя большевики начали атаку на Сальков. Нужны были свежие силы, чтобы парировать удар, а их не только не было, но с фронта пришло донесение, что гвардейский отряд окончательно деморализован и перестал быть боевой силой.

В этот же день, 12 марта, из Ставки пришел приказ о сведении Крымско-Азовской армии в Отдельный корпус. Командование им было возложено на генерала Боровского. Генерал Пархомов немедленно уехал в Екатеринодар в сопровождении генерала Батюшина. Надо заметить, что Батюшин в Крымско-Азовской армии никакой официальной должности не занимал, а состоял при Пархомове. Роль Батюшина никому не была известна, но офицеры штаба знали о тесной дружбе этих двух генералов. Пархомов сблизился с Батюшиным еще в штабе Варшавского военного округа, где Батюшин был старшим адъютантом разведывательного отделения. Батюшина все знали как умного человека и как замечательного организатора разведки. Его, конечно, знал и сам Деникин, служивший вместе с Пархомовым и Батюшиным в том же штабе.

Однако по каким-то соображениям Деникин не воспользовался талантами Батюшина. Батюшин был монархистом, монархистом был и Пархомов. Батюшин уехал в Екатеринодар, рассчитывая провести Пархомова на должность военного министра. В данном случае Батюшин ошибался, так как Пархомов не имел никаких данных, чтобы занять этот пост.

За Пархомовым последовал отъезд моего начальника генерала Дзевановского. Его вызвал в Екатеринодар генерал Деникин с тем, чтобы назначить начальником военной мис-

сии в Италию. Его помощник, генерал Соловьев, не предупредив меня, покинул Симферополь и тоже уехал в Екатеринодар. Таким образом, совершенно неожиданно, я стал начальником военных сообщений Особого корпуса Добровольческой армии в Крыму.

Крымское правительство, озабоченное событиями на фронте, только теперь нашло необходимым объявить мобилизацию, чего так давно добивался генерал Деникин и в чем ему, в силу каких-то «демократических» соображений, было отказано. Начальником по строительству укреплений в Крыму был назначен генерал, инженер путей сообщения Чаев, а начальником эвакуации симферопольский прокурор Крыцков.

Надо сказать, что мне не было известно о настроениях во французских войсках. 156-я французская дивизия, привезенная в Одессу после окончания войны, была утомлена и не видела смысла в новой войне против большевиков. С первых же дней она обнаружила свою малую боеспособность. Греки же считали, что борьба с большевиками есть святое дело и надо сражаться за поруганную православную веру. В боях они оказались стойкими и мужественными. Так, в конце января 1919 года Херсон был занят небольшим греческим отрядом почти без использования артиллерии и патронов. Он храбро отстоял город, атакованный превосходящими силами атамана Григорьева. Отряд дрался в течение нескольких дней и в конце концов вынужден был отступить. Присланный на поддержку его французский батальон отказался идти в бой. Никакие уговоры французских офицеров не могли заставить роты идти в атаку. Французское командование решило сдать Херсон «бандам» Григорьева. Вслед за сдачей Херсона последовала сдача без боя Николаева.

Херсон и Николаев представляли собой очень важные пункты в смысле снабжения Одессы хлебом и другими продуктами. Кроме того, в Херсоне были громадные склады артиллерийского имущества, а в Николаеве и радиостанция. Весь этот ценный материал попал в руки «банд» большевиков.

Между тем генерал Деникин указывал генералу д'Ансельму на значение Николаева и Херсона как продовольственной базы для Одессы. Он предлагал занять Херсон добровольцами, но французы ему отказали.

Французы, действовавшие вместе с греками под местечком Березовка, в 20 верстах северо-восточнее Одессы, потерпели поражение, потеряв 5 танков и 6 орудий.

Приказ 1 марта имел целью передать всю власть в районе Одессы в руки французского командования, которое решило приступить к созданию Особой Русской Южной армии

для действия под командованием французов. Для этого прежде всего нужно было расширить Одесский плацдарм, образовать сильную завесу и за ней формировать войска Южной армии.

На фронте Крымско-Азовской армии продолжались бои. Ясно было, что силы большевиков крепнут и в их руках инициатива. Для противодействия им контратаками нужны были свежие войска, но в распоряжении генерала Боровского их не было. Егерская бригада немецких колонистов в 800 человек еще не закончила свое формирование.

22 марта на фронт выехал сам Боровский с командующим войсками союзных войск в Севастополе полковником Труссоном. Объезд позиций и переговоры со старшими начальниками на фронте ясно показали, что нужна безотлагательная помощь. Полковник Труссон обещал выдвинуть на фронт отряд греческих войск. В этот день большевики перешли вброд Сиваш. Доблестный генерал Корвин-Круковский не мог остановить наступление противника и вынужден был отвести свою малочисленную дивизию, очистив Перекоп и Крымский Базар.

Перекопские позиции оказались не укрепленными Чаевым. Хорошо было то, что там сохранились окопы, построенные военными инженерами. Переход большевиками вброд Сиваша показал, что так называемые «банды» уже не так ничтожны, как их считали.

В Симферополе царила паника. Зажиточные горожане, в том числе и молодежь, стремились поскорее перебраться в портовые города на юг. На вокзале стоял в готовности подвижной состав для отправки на фронт двух рот греков, но роты не прибыли, так как не было приказа их командования. Из Севастополя французский штаб сообщил, что через 5 дней, 28 марта, прибудет десант и была обещана поддержка нашего фронта, но в это уже никто не верил.

Разложение тылового офицерства приняло характер обратительный. Видно было, что его занимали заботы только о своем благосостоянии и даже о наживе. Армейские офицеры, особенно находившиеся в руках таких начальников, как генерал Корвин-Круковский и полковник Сланцев, были значительно лучше, но дух их тоже был подавлен.

Сланцев прибыл в Крым одновременно со мной, т. е. месяц тому назад. В двадцатых числах февраля он мне представился на вокзале станции Симферополь, отправляясь на фронт командовать бригадой пехоты. Это был блондин, бритый, среднего роста, стройный и полный жизни. Элегантно одетый в серую черкеску, Сланцев производил впечатление очень хорошее и вызывал к себе симпатию. Чувствовалось, что такой начальник может быть примером для своих офицеров.

После полудня 22 марта на станцию Симферополь прибыли две греческие роты для отправки на фронт. Я присутствовал при их погрузке. Они выделялись дисциплиной и выправкой, и, главное, бодростью духа. Их ротные командиры, их офицеры обращали на себя внимание распорядительностью. Скоро поезд покатил к станции Джанкой. В этот день все наши газеты пели дифирамбы грекам, отмечая их добрым словом в различных статьях. Но что значили две роты, когда фронт трещал по всем швам! Будь это дивизия или хотя бы те 2 тыс. «голлитов», которые стояли в Севастополе под начальством полковника Труссона, они могли бы оказать существенную помощь на фронте, если бы перешли в контратаку, во всяком случае ободрили бы наши измученные войсковые части.

23 марта, в 8 часов вечера, пришло донесение, что греки участвовали уже в бою, причем одна рота понесла большие потери и ротный командир тяжело ранен. Бой произошел у Соляных озер. Большевистское наступление было приостановлено, но, несомненно, надо было ждать новой атаки. Генерал-квартирмейстер немедленно сообщил о неблагоприятной обстановке у Соляных озер полковнику барону Нолькену*, состоявшему при французской военной миссии. От Нолькена никакого ответа не последовало. При таких условиях генерал Боровский приказал 24 марта начать эвакуацию Симферополя. О том, что в это время происходило в Одессе в штабе Крымско-Азовской армии, ничего не было известно.

* * *

24 марта началась эвакуация штаба армий в Феодосию. В городе было совершенно спокойно. Из чинов штаба при генерале Боровском остались только оперативное отделение и я.

Около 7 часов вечера было получено донесение с фронта, что полковник Сланцев успешно остановил большевиков возле Соляных озер. 4-я дивизия Корвин-Круковского устраивалась на новую позицию за Перекопом и соприкосновения с противником не имела, но Симферопольский офицерский полк настолько был деморализован предыдущими боями, что буквально бежал, покинув позиции.

---

* Барон Нолькен был потомком выходцев из Скандинавии, но по внешнему виду он скорее напоминал монгола: он был маленького роста, кривоногим и коренастым, со скуластым некрасивым лицом темю-коричневого цвета в веснушках. Как офицер Генерального штаба он не обладал ни знаниями, ни способностями, но выйдя из гвардии благодаря протекционизму, он уже в мирное время стал делать карьеру. Владея иностранными языками, он в Добровольческой армии попал в Управление, ведавшее иностранными миссиями.

Около 8 часов 30 минут штаб говорил с полковником Нолькеным. От него были получены сведения, что союзники готовят десант для высадки в Херсон. Место высадки было выбрано хорошо, так как отсюда можно было нанести противнику удар во фланг, а при благоприятных условиях — выйти ему в тыл. Это было правильно даже в том случае, если бы высадка энергично продемонстрировала только силу десанта союзников.

25 марта на фронте продолжались атаки большевиков. Генерал Корвин-Круковский перешел в наступление, сбил стоявшего перед ним противника и оттеснил его на 12 верст к северу. Конечно, этот успех несколько не менял обстановку на фронтах, но показывал, что войска еще боеспособны. Боевая же разведка свидетельствовала о вероятности атаки большевиков на Сиваш.

Немецкие егеря-колонисты, стоявшие в резерве в Симферополе, вели себя подозрительно. Ходили слухи, что они не собираются выступать на фронт, хотя формирование их бригады было почти закончено. Были даже опасения, что они могут перейти на сторону большевиков. Полковник Аметистов, который принимал горячее участие в разрешении вопроса о создании этой бригады и знавший почти всех ее офицеров, не допускал возможности измены немцев, но считал, что с приближением большевиков часть из них вернется на хутора для защиты своих очагов.

В этот же день из Севастополя было получено известие об эвакуации французами Одессы. Внезапность случившегося всего через две недели после посещения Севастополя генералом Франше д'Эспре многих удивила. Оставалось ждать, как разовьются дальнейшие события при участии французских войск в Крыму. Генерал Боровский в их помощь не верил и продолжал полагаться на собственные силы и делал все, дабы не дать возможности большевикам проникнуть в Крым.

Наши войска вместе с небольшим отрядом греков продолжали бои с противником, который после переправ у Алешки и Каховки наседавал все сильнее и сильнее.

26 марта генерал Боровский приказал начать эвакуацию Джанкоя. Очевидно было, что удерживать позиции, заграждавшие путь противнику, нет возможности. В штабе армии был разработан план на случай отхода в глубь Крыма. Крымско-Азовскую армию было решено отводить вдоль линии Джанкой—Феодосия, предоставив французам оборонять Севастополь. В глубоком тылу, особенно в районе Керчи, местные большевики сосредотачивались в каменоломнях. Здесь они организовали свою базу для нападения на тыловые учреждения и для взрыва мостов на железнодорожной линии.

На всем пространстве от Джанкоя до линии Феодосия —

Керчь не было серьезных естественных преград. Только на Керченском полуострове, в самом его узком месте, шириной около 20-ти верст, у Ак-Маная, местность была относительно удобна для обороны, так как ее можно было простреливать насквозь огнем судовой артиллерии. Недостатком этой позиции являлось отсутствие питьевой воды. Рекогносцировка позиции была произведена полковником Коноваловым, который нашел ее вполне удовлетворительной. Конечно, на этой линии не было никаких сооруженных заблаговременно укреплений, так как инженер Чаев, взявший подряд на укрепления от Крымского правительства, заблаговременно покинул Крым.

Утром 27 марта генерал Боровский со своим оперативным штабом и моим Управлением военных сообщений оставил Симферополь для переезда в Феодосию. Все ехали на грузовике, эскортировавшемся сотней текинцев, а генерал Боровский с адъютантом и еще с кем-то из его свиты следовали на автомобиле. Сзади, в роли арьергарда, двигалась сотня есаула Боровского, составлявшая охрану командующего Крымско-Азовской армией.

27 марта большевики заняли Джанкой. Силы их, вступившие в Крым, исчислялись в 15 тыс. человек. Большевики разделили их на две группы: левофланговую, около 10 тыс., предназначенную для преследования Крымско-Азовской армии, отходившей на Керчь, и правофланговую — незначительный отряд, двигавшийся на Севастополь беспрепятственно, так как греческий отряд был перевезен по железной дороге в Севастополь.

28 марта штаб армии расположился в Феодосии в гостинице «Астория». Весь день ушел на то, чтобы успокоить панически настроенное население и на эвакуацию беженцев*. По распоряжению Ставки были поданы пароходы.

Железная дорога была местами повреждена бандитами. Мост у станции Богрово оказался взорванным. Войска Крымско-Азовской армии от Джанкоя отходили с такой поспешностью, что быстро оторвались от противника. Я объехал линию железной дороги до станции Владиславовка, где ремонтировались взорванные мосты. Работали железнодорожные офицерские команды и быстро приводили линию в порядок. Между прочим, они заявили, что второй месяц не получают жалования. Как они могли жить, для меня было непонятно. Я в тот же день приказал всем выдать под расписку из сумм местного управления причитавшееся им содержание, хотя это не входило в круг моих обязанностей.

В Керчи паники, подобной панике в Феодосии, не было заметно. Я зашел к коменданту крепости генералу Холод-

* Эвакуация шла в Константинополь, Грецию, Новороссийск и Туапсе.

ковскому. Это был строевой офицер, Георгиевский кавалер, маленького роста, лет за сорок, бритый, с короткими усами и свежим юношеским лицом, человек умный и тактичный. Он знал Керчь, как свой карман, управлял крепостью толково и разумно. С городскими властями, несмотря на его строгость и требовательность, у него были хорошие отношения.

На мой вопрос, каково положение в Керчи, он ответил, что местные большевики, обосновавшись в каменоломнях, «пошаливают»: появляется много листовок с призывом к забастовкам и саботажу; хотя в городе открытых выступлений не было, но к этому они готовятся; их цель ослабить положение армии на Ак-Манайских позициях. Борьбаться с ними, т. е. выловить их в каменоломнях, трудно, так как нет для этого достаточного количества войск, а они тесно связаны с соседними деревнями, жители которых поставляют им и продовольствие и необходимые сведения. 3 апреля позиция была еще слабо укреплена. Со дня на день ожидалось прибытие флотилии к берегам у Ак-Маная.

В это время в Севастополе высадились 4 тысячи сенегальских стрелков, что вместе с бывшим здесь гарнизоном составляло 7,5 тыс. союзных штыков. Если к этому добавить, что на рейде стояли французские военные суда с мощной артиллерией, а на суше было 8 орудий, то под общим начальством адмирала Амета образовалась достаточная сила для обороны Севастополя. Во всяком случае сухопутные войска почти в два раза превосходили силы Крымско-Азовской армии, сведенные теперь в одну дивизию для защиты фронта в 20 верст длиной.

28 марта полковник Труссон, командовавший Севастопольским гарнизоном, объявил крепость на особом положении и предложил желающим покинуть город. Масса беженцев погрузилась на транспорты. Вдруг 2 апреля адмирал Амет отдал приказ, чтобы все чины Добровольческой армии покинули Севастополь. Они были распределены на различные корабли под Андреевским русским флагом, и им давалось 24 часа, чтобы покинуть севастопольский рейд.

Медленно приближался небольшой большевистский отряд* к Севастополю. Конечно, большевики и думать не могли штурмовать крепость. Они решили «взорвать» ее при помощи действий местных севастопольских большевиков, применяя свой обычный метод забастовок, саботажа и пропаганды. Они знали, что французы дрожали за свой еще непочиненный броненосец «Мирабо».

* По непроверенным мной сведениям, он не превышал 2 тыс. человек с несколькими пушками.

29 марта местные большевики отдали приказ о прекращении работ в порту и требовали приостановить эвакуацию крепости. Они произвели взрыв на «Рионе», переполненном русскими беженцами. К счастью, этот взрыв вовремя был локализован. Однако жертвы исчислялись в 20 человек убитыми и около 60—80-ти ранеными.

Только 2 апреля большевики подошли к Севастополю и, не встретив никакого сопротивления, заняли Корабельную слободку и Инкерман, где находился городской водоем. Крепость осталась без воды.

Адмирал Амет и полковник Труссон начали переговоры с большевиками о заключении перемирия. Почувствовав их слабость, революционный комитет стал предъявлять все больше требований: передачу ему полностью власти, государственной казны, имущества, прекращение эвакуации беженцев и пр. По городу ходили с красными флагами манифестанты, среди которых можно было видеть и французских солдат.

Наконец, французы не выдержали, заговорила французская судовая артиллерия. 5 апреля она смолкла и было заключено перемирие на 10 дней, т. е. до конца французской эвакуации.

Во время этих событий в Севастополе войска Крымско-Азовской армии с боями продолжали отступление к Ак-Манайским позициям, где шли работы по созданию укреплений.

3 апреля, по сводке Ставки, на фронте у генерала Деникина операции развивались успешно, а генерал Шкуро занял Мариуполь. Сведения вносили бодрость в настроение наших войск, создавая уверенность, что на Ак-Манайских позициях большевистское наступление будет остановлено.

6 апреля в 11 часов вечера я пошел в одну из керченских церквей, дабы послушать богослужение перед Святым праздником. Церковь была переполнена молящимися. Пел хороший хор... Я больше люблю вечернее богослужение в скромных церквях в неторжественные дни, когда в полумраке где-либо в укромном месте можно забыть о мирской суете. Я люблю звон церковного колокола, напоминающего нам о бренности нашего существования. Он отдаляет меня от мыслей о земном. Я люблю слова молитвы «Да будет воля Твоя». Они примиряют со всеми невзгодами жизни. Я люблю символ Креста. Я в нем черпаю духовные силы в житейской борьбе.

Слушая богослужение, я думал о том, что сейчас и на позициях в братоубийственной войне, и повсюду в России православные люди либо поют «Христос Воскресе», либо го-

ворят это друг другу, либо вспоминают об этом дне. Я вспомнил семью, мою жену Марию Адамовну, оставшуюся в Полтаве, мою маленькую дочь и светлые дни, которые мы весело проводили в мирное время.

8 апреля наша пехотная дивизия заняла Ак-Манайские позиции. Закипела работа по ее укреплению. Душой организации был Генеральный штаба полковник Герман Иванович Коновалов, неутомимо посещавший все участки и дававший необходимые указания. К правому флангу позиции подошли два французских миноносца и английский монитор с нашей флотилией. К левому — греческий броненосец и английские миноносцы. Появление французских судов после сдачи Севастополя адмиралом Аметом для нас было неожиданностью. Обеспечение флангов судовой артиллерией, которая могла простреливать насквозь подступы к позиции, значительно ее усилило. Настроение в войсках улучшилось.

Генерал Боровский со своим оперативным штабом переехал из Феодосии в Ак-Манай. Дежурный генерал, генерал Ветвеницкий, со своим отделом разместились в Керчи; мое Управление военных сообщений — на станции Керчь в вагонах. Мой брат, полковник Василий, получил поручение заведовать контрразведкой в тылу Ак-Манайской позиции в Керчи. На усиление штаба крепости генералу Холодковскому был придан для поручений Генерального штаба полковник Потемкин.

Мой брат со своей канцелярией жил на станции Керчь, в одном из вагонов Управления военных сообщений.

Штаб генерала Боровского придавал очень большое значение контрразведке в тылу Ак-Манайских позиций. Несомненно, что красные, встретив сильное сопротивление на фронте, решили повторить нечто подобное тому, что они сделали в Севастополе. В каменоломнях были их штаб, их база и организованные отряды, которые действовали очень энергично. Они не только засыпали город листовками, призывая рабочих к забастовкам, но нападали на транспорты добровольцев и даже среди бела дня захватывали пленных, которых уводили к себе в каменоломни.

7 апреля произошел такой случай: полковник Коняев, находившийся в распоряжении коменданта крепости, получил от него приказ произвести разведку подступов к каменоломням. Коняев выехал на автомобиле из Керчи без всякой охраны и даже легкомысленно пригласил двух дам прокатиться. Едва автомобиль доехал до окраины города, как был остановлен бандитами, которые захватили машину и отвели ее с Коняевым, его спутницами и шофером в каменоломню.

В этот же день был захвачен бандитами Симферопольского полка полковник Керножицкий с женой. Произошло это так: он, будучи интендантом, следовал с грузом в по-

возке к железнодорожной станции Керчь в сопровождении жены. Не доезжая вокзала, он был окружен вооруженными бандитами, которые и отвезли повозку с кучером и седоками в Аджиджарскую каменоломню. Эта каменоломня была самой большой. В ней укрывалась целая деревня, после того как ее обстреляли с английских миноносцев.

В верстах 12-ти от Керчи находился Брянский железнодорожный завод, рабочие которого были тесно связаны с каменоломнями. Они враждебно относились к офицерству, были случаи нападения на офицеров. Однажды вечером военный летчик Буцилло возвращался с завода пешком в Керчь. На него накинулись три рабочих с палками. Но у Буцилло был с собой револьвер. Обладая к тому же огромной физической силой, он заставил нападавших идти впереди него в Керчь и сдал их коменданту.

Начальник разведки имел в своем распоряжении очень хороших агентов: чиновника Кирпичникова и капитана Стеценко. Кирпичников был человек умный, ловкий и находчивый. Он умел проникать в любую среду и благодаря этому был всегда хорошо осведомлен. Районом его действий был тыл фронта и Феодосия. В его распоряжении, кроме сыщиков, был небольшой отряд из верных людей.

В распоряжении же самого коменданта крепости генерала Холодковского вооруженные силы не превышали 150 кирасир, из коих в конном строю было не больше двух десятков.

Между тем Тамань была буквально забита всевозможными беженцами из Крыма, громадными обозами с явно награбленным имуществом, дезертирами с фронта.

Генерал Боровский 8 апреля возложил на меня обязанность руководить эвакуацией Керчи. Станция Керчь была переполнена подвижным составом с большим количеством паровозов. Председателем комиссии по эвакуации города был назначен артиллерист полковник Тарновский, очень энергичный, толковый и спокойный человек.

Весь «тоннаж», который был предоставлен комиссии для перевозки грузов в Тамань, состоял из двух маленьких старых колесных пароходов — «Вестника» и «Бабушки». Несмотря на это, эвакуация протекала очень хорошо. Оставалось разгрузить Тамань от беженцев и обозов и выловить дезертиров, но она находилась вне нашего армейского района. Распоряжением Ставки туда был назначен Кубанского казачьего войска генерал, очень порядочный и серьезный человек. Если не ошибаюсь, это был Генерального штаба генерал Кислый (пластун), который скоро и «расшил» забытую Тамань.

Приступив к исполнению новых обязанностей начальника эвакуации, я переехал из моего вагона на станции Керчь в город, где мне была отведена квартира в доме Мессаксу-

ди, известного на всю Россию табачника. Это был не дом, а настоящий мраморный дворец, разделенный на две половины. В одной был помещен комендант крепости генерал Холодковский, а в другой я с моим братом Василием, который был еще раньше знаком с семьей Мессаксуди. Внутреннее устройство этого дворца отличалось комфортом и изяществом. Все полы были покрыты коврами, а стены увешаны музейными картинами.

В день моего вселения в этот дворец хозяева отсутствовали. Они гостили в Египте. Семья Мессаксуди состояла из двух братьев, Дмитрия и Петра Константиновичей, и двух сестер, Елены и Надежды Константиновны. Братья были с университетским образованием, оба юристы.

Мне братья Мессаксуди рассказывали, что их отец, приехав в Керчь, начал работать как мелкий торговец, он отлично знал все сорта табака и такие рецепты приготовления, которые неизвестны были его конкурентам. Он решил построить собственную табачную фабрику в Керчи, что на склоне лет и осуществил. Детям своим он дал высшее образование и оставил большое наследство.

Я бывал на этой фабрике, вредной для здоровья рабочих, но там было предусмотрено все. На первом месте была забота о гигиене, о здоровье рабочих. Для них же были построены светлые чистенькие домики, окруженными цветами и фруктовыми деревьями. Была отлично оборудованная больница и школа для детей. Наконец, рабочие ставки по оплате труда превосходили все нормы, существовавшие тогда в России, и задолго до войны 1914 года был установлен 8-часовой рабочий день.

Когда грянула война 1914 года, Мессаксуди немедленно за свой счет открыли в Керчи прекрасно оборудованный госпиталь, в котором обе дочери работали в качестве сестер милосердия. В городе они пользовались всеобщим уважением, на фабрике их любили и относились как к родным. Во время революции рабочие отказались выбирать комитеты и не допускали в дела фабрики постороннего революционного элемента.

Когда я поселился в их доме, прислуга меня приветливо встретила и проявила в отношении меня и моего брата такую заботу и внимание, каких мы не знали с того дня, как покинули наш собственный дом, уехав на войну 1914 года.

Но кругом чувствовалось беспокойство, неуверенность в завтрашнем дне. Большевики все больше и больше поднимали голову. Случай же с наглым захватом в плен в каменоломню полковника Коняева и Керножицкого переполнил чашу терпения.

Я зашел к коменданту, чтобы обсудить, как поступить, чтобы добиться освобождения этих офицеров. Вооруженной

силы для занятия всех выходов из каменоломен не было. Командир английского отряда миноносцев предложил свои услуги, а именно, 9-го с утра бомбардировать каменоломни. Капитан же Стеценко доложил начальнику контрразведки, что им арестовано свыше двадцати человек общественных деятелей, в том числе несколько членов городского самоуправления. У него были все доказательства, что они имели связь с бандитами.

Мы решили, что для острастки пусть англичане откроют огонь с миноносцев с утра 9-го, а арестованным из общественных деятелей и членов городского самоуправления необходимо предъявить ультиматум, чтобы они вступили в переговоры с каменоломнями и потребовали освобождения Коняева и Керножицкого и всех захваченных ими лиц, а также возвращения автомобиля, повозки и имущества. В противном случае они ответят своими головами.

Городской голова поспешил во французскую миссию с просьбой защитить от грозящей смерти ни в чем не повинных членов Городской управы. Французский офицер попытался поговорить с комендантом крепости, убеждая генерала Холодковского, что подобные действия со стороны могут только «озлобить население города». Однако генерал Холодковский ответил на французское вмешательство, что он делает то, что нужно для установления порядка и спокойствия города, и свой ультиматум не отменил.

9 апреля на Ак-Манайских позициях было полное затишье, а в Керчи с утра началась бомбардировка каменоломен с английских военных кораблей. День выдался солнечный, теплый. Гремели непрестанно пушки, а на бульваре, на набережной, играл оркестр. Мирно гуляли жители, одевшись по-праздничному. На «Митридате» стояла толпа любопытных.

К вечеру выяснилось, что бомбардировка каменоломен никаких результатов не дала. Решено было, что огонь артиллерии поддерживать бесполезно.

9 апреля к мне приехал с позиции полковник Тихон Александрович Аметистов, чтобы поздравить со Светлым праздником. Я рад был его видеть и особенно тому, что мы с братом могли его хорошо принять, так как прислуга Мессаксуди сервировала стол по-праздничному.

Аметистов сообщил, что на Ак-Маная англичане очень серьезно помогают огнем судовой артиллерии. Благодаря этому в наших войсках укрепились бодрость духа и уверенность, что большевикам Ак-Маная не взять.

11 апреля на фронте особых перемен не произошло, а в Керчи с утра жители прочли объявление большевиков с угрозой, что город будет заброшен ручными гранатами. Наш гарнизон был наготове. На улицах — пешие патрули и

конные кубанцы. Около 9-ти часов вечера началась перестрелка кое-где в городе и особенно на Новом Базаре. Здесь казаки оцепили дом, где укрылись бандиты и, вероятно, расправились с ними собственными силами, так как заявили, что помощи им не нужно.

В этот же день на английский крейсер, стоявший на рейде в Керченском проливе, прибыла делегация от революционного комитета города Керчи и предъявила требование, чтобы командир корабля прекратил огонь по каменоломням. Они рассчитывали, что англичане, вероятно, с ними будут считаться так же, как французы в Севастополе. Командир крейсера им ответил, что он находится в состоянии войны со всеми, кто борется против Добровольческой армии, и огонь прекращен не будет. Копию своего ответа он переслал командующему французской флотилией. Революционный комитет ушел не солоно хлебавши.

На другой день, 13 апреля, все захваченные бандитами офицеры: полковник Коняев, Керножицкий, Краснопутский и Иванов с тремя дамами, были освобождены, возвращен автомобиль, шоферы, повозки и кучера с лошадьми. Командант, в свою очередь, приказал освободить арестованных общественных деятелей и трех членов городского управления, на которых не было улик о связи с большевиками.

Возвратившиеся «пленники» рассказали, что в каменоломнях было сосредоточено не менее 300—400 большевиков. Они видели запасы ручных гранат, винтовок, револьверов, даже несколько пулеметов системы Гочкиса. У большевиков были запасы продовольствия, которым их снабжала главным образом деревня Адусил-Мутайская. Размещались большевики довольно хорошо: спали на соломе, имели отдельное помещение, где стучали пишущие машинки. Обращение с захваченными офицерами и особенно с женщинами было корректное. Кормили хорошо. С первого дня они стали убеждать офицеров, чтобы те остались у них работать и помогли бы организовать дело. Узнав, что мадам Керножицкая хорошо печатает на машинке, они потребовали, чтобы захваченная работала в канцелярии, и ей пришлось печатать разные прокламации против Добровольческой армии. Когда англичане начали 9 апреля обстрел каменоломен, то настроение бандитов понизилось. В их «канцелярии» было собрание, где, видимо, обсуждался вопрос, что следует предпринять. Со всеми офицерами и другими захваченными лицами большевики продолжали оставаться корректными.

Наш сводный корпус у Ак-Маная перешел в наступление против красных 15 апреля. Красные оказывали сопротивление. У нас были раненые. 16-го атака повторилась. Главным образом хорошо действовала 5-я дивизия генерала Шиллинга. Привезено было в госпиталь 40 раненых офицеров.

На Ак-Манайской позиции бой продолжался и 17 апреля. Большевики, сосредоточив свои силы на левом крыле, перешли в решительную атаку против нашего правого фланга. Однако их атака была отбита, и они вынуждены были отойти на исходные позиции. Во время этого боя существенную помощь в отражении противника оказала судовая артиллерия англичан, прикрывавшая фланги.

По сведениям одного офицера, бежавшего из каменоломни, красные готовились к вооруженному восстанию. Это же подтвердил агент контрразведки капитан Стеценко, который выследил, а потом арестовал бандитов, вырезавших семью Золотаревых. Полковник Тарновский, ведавший эвакуацией, доносил, что с командами на наших судах неблагополучно и что ходят слухи о каком-то сговоре.

24 апреля у Керчи произошло столкновение с большевиками отряда пехоты контрразведки Кирпичникова. Во время перестрелки было убито два наших офицера, но Кирпичникову удалось захватить ценные документы и 700 тыс. рублей царскими деньгами. Данные указывали, что красное командование организовывает в тылу, в Керчи и Феодосии, отряды для подготовки восстания в Керчи. Кирпичников установил целую сеть действовавших коммунистических ячеек. Предстояло их выловить.

Между тем гарнизон Керчи, бывший в распоряжении коменданта, не превышал 400 солдат и казаков, которые были распределены небольшими группами в разных местах по городу.

Наша контрразведка работала отлично. Она выяснила, что в каменоломнях число бандитов с каждым днем увеличивается, что ими руководит опытная невидимая рука, готовая повторить севастопольскую операцию, опираясь на сочувствие местных большевиков. В числе последних оказались и общественные деятели из местных социалистов и даже члены городского управления. Но комендант крепости не имел достаточно войск, чтобы их вылавливать и арестовывать.

В этот день, 24 апреля, на рейд пришел английский корабль «Император Индии». Его внушительный вид, сильная артиллерия произвели большое впечатление на большевиков на Ак-Манайских позициях и в каменоломнях: они на время притихли. Наши же войска у Ак-Маная воспряли духом и готовы были к активным действиям.

Таким образом, через месяц после того, как Перекоп был оставлен, Крымско-Азовский корпус силой около 4 тыс. штыков и сабель стал совершенно боеспособным и, благодаря помощи английской судовой артиллерии, прочно стоял на Ак-Манайской позиции. Однако положение в тылу этой позиции вызывало опасения.

При штабе генерала Деникина

На основании распоряжения Ставки от 17 апреля я сформировал мое Управление военных сообщений, поручив ведение военных перевозок полковнику Генерального штаба Флорову. Эвакуация ценного имущества из Керчи была закончена. Я остался без дела и решил уехать в Екатеринодар. Генерал Боровский просил меня передать лично генералу Деникину доклад о положении в Ак-Манае и в Керчи, а также рассказать Главнокомандующему о разного рода нуждах Крымско-Азовского корпуса.

26 апреля утром на стареньком пароходе «Вестник» я отплыл в Тамань. Тамань мне показалась маленьким, уютным поселком. Как приятно было видеть весело идущих здоровых, статных казаков в их черкесках с бурками, башлыками, винтовками и кинжалами. Я спросил, куда они идут. Молодой сотник ответил: «В Керчь». Я догадался, что они посланы на усиление гарнизона. Дальше я должен был следовать в Темрюк, где размещалась автомобильная часть, но в это время ко мне подошел полковник Керножицкий, тот самый, которого мы освободили из каменоломен 12 апреля. Керножицкий был моим однополчанином по 119-му пехотному полку. Мы с ним вместе провели на службе наши молодые годы. Это был очень хороший офицер и товарищ.

Мы оказались в Интендантском управлении* за гостеприимным столом с самоваром. Была подана керченская селедка, всякого рода холодная рыба и птица. Керножицкий мне говорил, что черноморцы хорошо живут, у них много хлеба, а также всякой птицы, которую они едят каждый день. «Когда я гляжу, как богато живет простой кубанский казак-черноморец,— говорил он,— я сравниваю нашу с тобой офицерскую жизнь в полку в годы нашей молодости, и она мне кажется жалкой и бедной». Это было верно: офицерство всегда было в долгу и всегда считало гроши. Нас можно было назвать «Орден бедных рыцарей».

Ровно в 12 мне подали автомобиль. Простившись с моим другом, я отправился в направлении на Темрюк. Меня сопровождал начальник автомобильной части капитан Сахнов, ехавший по делам службы в Екатеринодар.

Около часа дня 27 апреля мы благополучно прибыли в Екатеринодар. Автомобиль катил по главной, Красной улице, в направлении Крепостной площади. Город казался шумным, на улице было много прохожих, среди них преобладали военные. По середине улицы навстречу нам медленно шла

* Полковник Керножицкий занимал должность интенданта Крымско-Азовской армий.

похоронная процессия. На телегах стояли гробы. У одного из них сидела молодая казачка-вдова и горько плакала. Встречные снимали шапки и крестились.

Наш автомобиль повернул на Крепостную улицу и остановился у большого одноэтажного дома, принадлежавшего богатому армавирскому мукомолу Анпеткову. Здесь после ранения под Ставрополем нашел радушный приют мой брат, полковник Василий. Когда мы с ним распрощались в Керчи, он предупредил меня, что в Екатеринодаре трудно найти комнату и посоветовал ехать прямо к Анпетковым, уверяя меня, что это очень гостеприимные и хорошие люди.

Я позвонил. Меня встретила маленького роста брюнетка лет сорока с уже посеребренной головой и приветливым, очень приятным и добрым лицом. Это была хозяйка дома, Галина Яковлевна Анпеткова, муж которой в это время жил в Армавире, где управлял своим мукомольным делом. Узнав, что я брат Василия Семеновича Махрова, она приняла меня как родного и немедленно устроила. Когда она ушла, чтобы распорядиться приготовлениями к столу, из соседней комнаты вышла другая дама, сестра хозяйки Ольга Яковлевна, вдова богатого купца из Москвы. Она тоже расспрашивала меня о моем брате Василии Семеновиче, за которым ухаживала, когда он ходил на костылях. Вскоре вошел юноша лет восемнадцати, вольноопределяющийся, сын Ольги Яковлевны Степан, с солдатским Георгиевским крестом. Он приехал на несколько дней с фронта. За ним вбежал мальчик лет четырнадцати в гимназической блузе — Галуся, сын Галины Яковлевны. Он убегал несколько раз из родительского дома на фронт, откуда начальство отправляло его назад — к родителям. Вскоре хозяйка, Галина Яковлевна, пригласила нас к столу. Когда мы сели, вошел мужчина лет сорока с большими черными глазами и пышными усами. Это был брат хозяйки — адвокат. За ним появился стройный, красивый генерал-артиллерист с Георгиевским крестом — Андреев. Он был женат на одной из кузин Анпетковой.

Андреев рассказал о том, что Добровольческая армия восстановила свое положение на правом фланге. Большевики были отброшены на северо-восток, и станция Торговая вновь была в наших руках.

Все очень интересовались положением в Крыму и на Ак-Манайской позиции и спрашивали меня, удержится ли там генерал Боровский. Я им ответил, что при содействии английского флота там можно рассчитывать на прочное положение, но в тылу, в самой Керчи, в каменоломнях нашли себе приют бандиты, поддерживаемые социалистическими элементами местной интеллигенции. Адвокат, его звали

Иван Федорович*, говорил, что эти элементы можно было бы нейтрализовать и успокоить, проведя демократические мероприятия, но все зависит от генерала Деникина. Я не поддержал эту точку зрения. Генерал Андреев возражал адвокату, который по общему мнению был не только либералом, но и социалистом. Вся эта армянская семья относилась с любовью к Добровольческой армии и видела в ней спасительницу России. Генерал Деникин пользовался здесь глубоким уважением.

Когда мы встали из-за стола, который по количеству блюд и их вкусу напоминал доброе старое время, хозяйка указала мне мою комнату с двумя кроватями, заметив, что вторая предназначена для моего брата Василия Семеновича на случай его приезда.

Я отправился в город, чтобы найти штаб и навести справки, когда я могу повидать генерала Деникина для вручения ему доклада генерала Боровского. День был весенний, ясный и теплый, дышалось легко. Я чувствовал себя жизнерадостным, сильным и энергичным. Незаметно я подошел к штабу, который размещался в большом доме, недалеко от Красной улицы.

Среди офицеров штаба был мой любимый сослуживец по 8-й армии Юго-Западного фронта, Генерального штаба полковник Николай Леонтьевич Щербицкий. Это был отличный офицер Генерального штаба, человек большого ума, философского склада, очень наблюдательный, не лишенный юмора, высокообразованный, благовоспитанный и тактичный. По натуре своей он был добрейший человек, немного сентиментальный. Лучшего товарища и друга было трудно найти. Среднего роста, крепко сложенный, с некрасивым, но одухотворенным лицом, со светлыми небрежно причесанными волосами и голубыми умными глазами, всегда элегантно одетый, он выделялся среди других офицеров. Достаточно было на него посмотреть, чтобы сказать — это оригинальный и незаурядный человек. При ближайшем знакомстве нельзя было его не полюбить. В штабе генерала Деникина он был начальником общего отдела, который ведал всеми офицерами Генерального штаба: назначениями на должности, переводами, увольнениями и пр. На такой должности должен быть человек беспристрастный, справедливый, умеющий правильно оценить особенности каждого офицера. Именно таким и был Николай Леонтьевич Щербицкий.

Мы с ним встретились сердечно, как старые друзья, много пережившие в штабе 8-й армии генерала Брусилова, хорошо

---

* Адвокат по имени Иван Федорович, а по фамилии, кажется, Томак, принадлежал к этой же семье черкесских армян. Впоследствии при эвакуации Новороссийска он не покинул Екатеринодар и, несмотря на свои революционные убеждения, был расстрелян большевиками.

знавшие генерала Деникина. На мой вопрос, когда я могу увидеть Главнокомандующего, чтобы передать ему доклад генерала Боровского, Щербицкий ответил, что в данное время генерал Деникин находится на станции Торговая, откуда лично руководит операциями в районе станицы Великокняжеской.

Наша беседа была краткой, так как у Николая Леонтьевича было много посетителей. От него я отправился в Главное Управление начальника военных сообщений, во главе которого стоял генерал Тихменев. Я его знал еще в мирное время, а его родной брат, полковник Юрий Михайлович, был моим сослуживцем в штабе 4-го армейского корпуса во время русско-японской войны 1904—1905 гг., и мы были с ним приятелями. Мне нужно было представиться генералу Николаю Михайловичу как начальнику, так как дела моего расформированного Управления военных сообщений еще не были сданы. Вместе с тем я решил просить Тихменева поместить меня в какой-либо следующий на станцию Торговая вагон для поездки к генералу Деникину.

Николай Михайлович Тихменев был довольно высокий, представительный мужчина с большой рыжеватой бородой. Он был известен в Генеральном штабе как специалист по военным сообщениям и считался опытным и тактичным начальником. Я представился ему официально и по окончании служебного доклада заговорил о вагоне для поездки на станцию Тихорецкая, о чем он немедленно распорядился. Тогда я спросил его о судьбе его брата — Юрия Михайловича. С грустью он ответил мне, что генерал Юрий Тихменев не смог вовремя уехать на юг и застрял у большевиков. «По некоторым сведениям, — сказал генерал Тихменев, — он был мобилизован и попал на службу в Красную Армию».

В свою очередь я рассказал ему о моем брате, Николае Семеновиче, генерале Генерального штаба. Мне было точно известно, что его мобилизовали большевики, и он командует не то бригадой, не то дивизией, которая действовала против Добровольческой армии. «Все это очень печально, Петр Семенович, — сказал генерал Тихменев, — оказалось, что брат на брата пошел». Утешительным было лишь то, что наши братья оказались против нас поневоле.

29 апреля я побывал у дежурного генерала Трухачева, чтобы узнать о моем служебном положении после расформирования Управления военных сообщений Крымско-Азовского корпуса. Трухачев был моим товарищем по выпуску из Академии Генерального штаба. Он показал себя как очень способный офицер, отличный администратор и организатор. В частной жизни его знали как добрейшего человека с очень общительным характером и большим юмором. Помощником Трухачева оказался наш же товарищ по Академии — генерал

Николай Францевич Эрн, весьма подходивший по своему складу ума и характеру для совместной службы с дежурным генералом. Генерал Эрн был высокого роста, тонкий, стройный блондин с элегантными манерами. Видя его энергию и неутомимость, трудно было предположить, что это был мистик глубоко религиозного склада*.

Нечего и говорить, что у дежурного генерала меня встретили радушно, и мы вспоминали нашу общую академическую жизнь. Трухачев мне сообщил, что я зачислен в резерв чинов Добровольческой армии со скромным содержанием, впредь до какого-либо нового назначения.

В разговоре об обстановке в Добровольческой армии генерал Трухачев придавал большое значение восстанию казаков в северных станицах Донской области. Влившиеся в армию добровольцы и кубанские казаки каменноугольного бассейна оздоровили обстановку в отступившей части Донской армии. В результате — северные станицы Донской области, вкусив «сладости» советской жизни, восстали и теперь могли искать соединения со своими станичниками на юге.

Генералы Трухачев и Эрн с большим уважением отзывались о генерале Деникине, который, по их мнению, был единственным, кто правильно понимал создавшуюся обстановку и подходил к вопросам о военных операциях с точки зрения не только чисто стратегической, но и с государственной и политической.

О генерале Романовском — начальнике штаба Главкомандующего оба они отзывались с большой теплотой. Романовский был, по их мнению, очень вдумчивым и трудолюбивым работником. К нему, как говорили Трухачев и Эрн, надо было приходить не только с хорошо обоснованным докладом, но и приносить с собой груду материалов и книг — Своды законов и военных распоряжений. Им казалось это порой даже недоверием и мелочностью, но они оба с этим мирились, зная свойство характера Ивана Павловича Романовского. В качестве примера его стремления к поискам правды и справедливости они указывали на то, что он требовал предварительно докладывать ему все приговоры военно-полевых судов, подлежащих утверждению коменданта Ставки. Романовский тщательно их изучал, часто задерживал и пред-

---

* После поражения армии генерала Врангеля Эрн уехал в Парагвай, где начал работать на ферме и испытал всю тяжесть непривычного труда. Узнав о нем, парагвайское правительство пригласило его на должность профессора Военной академии. Он участвовал в войне с Боливией, отличился и был произведен в генерал-лейтенанты. Будучи глубоко религиозным, он приписывал свое благополучие милости Божией и основал недалеко от парагвайской столицы нечто вроде скита, где жили русские беженцы. Генерал Эрн издал несколько брошюр, посвященных роли церкви в строительстве новой России, в которую он всегда верил.

ставлял генералу Деникину на предмет помилования. Он обычно предлагал замену смертной казни более легким наказанием и только в случаях самых тяжелых преступлений, не вызывавших никаких сомнений, передавал дело на утверждение коменданта Главной квартиры. Благодаря такому отношению к делу, Романовский перегружал себя работой и часто переутомлялся, ибо он же с генералом Деникиным лично составлял все планы операций. Генерал-квартирмейстер Ставки Плющик-Плющевский, не обладая должными качествами, часто не имел своего мнения и у него не хватало мужества защищать свои взгляды даже тогда, когда он придерживался другого мнения.

1 мая, следуя в поезде на Торговую к генералу Деникину, я прибыл утром на станцию Тихорецкая. Я ехал в штабном вагоне, предоставленном мне генералом Тихменевым; здесь мой вагон прицепили к другому поезду и вскоре я оказался на станции Торговая. Недалеко, на другом пути, находился поезд Главнокомандующего, состоявший из нескольких вагон-салонов: генерала Деникина, Романовского и генерал-квартирмейстера Плющик-Плющевского.

Я отправился к вагону оперативного отделения, ко мне вышел молодой дежурный офицер. Я сообщил ему, что мне нужно представиться генералу Деникину. В ожидании приглашения я прогуливался вдоль железнодорожных путей под лучами теплого весеннего солнца. Через несколько минут ко мне вышел полковник Генерального штаба Павел Алексеевич Кусонский, мой бывший помощник в оперативном отделении штаба 8-й армии генерала Брусилова. Мы встретились очень радушно.

— Зайдем ко мне в вагон,— предложил я,— я расскажу тебе в чем дело.

— Нет, нет, никак не могу,— сказал он,— у нас сейчас такое горячее время — ждем прибытия генерала Врангеля на совещание.

Я вкратце поведал ему о моем поручении от генерала Боровского.

— Отлично,— сказал он,— ты подожди у себя немного, а я доложу генералу Романовскому, но думаю, что вряд ли сегодня тебе удастся поговорить с Деникиным, на фронте идут тяжелые бои.

Павел Алексеевич Кусонский мало изменился с того времени, когда мы расстались в августе 1916 года. Он только коротко подстриг прежде лихо подкрученные светлые усы. Это его еще больше молодило, хотя и без того ему было не больше сорока лет. Он был маленького роста, худой светлый блондин с голубыми глазами. Но голос его звучал как труба. Говорил он отрывистыми фразами, четко, авторитетно, с начальством держал себя в высшей степени корректно, но не-

зависимо, мужественно отстаивая свое мнение. Как офицер Генерального штаба Кусонский отличался исполнительностью, аккуратностью, но не блистал какими-либо способностями и творческой мыслью в оперативной работе. Выезжать на фронт, где свистели пули, он не любил, но это был хороший товарищ и на него можно было рассчитывать.

Кусонский был женат на сестре жены Романовского, но рано овдовел. После моего ухода из штаба 8-й армии он попал в Ставку Верховного. Он любил большие штабы. В Ставке он был одним из помощников начальника оперативного отделения. Когда Ставку заняли большевики, Кусонский по поручению генерала Духонина отправился в Быхов для освобождения генералов Корнилова, Деникина, Маркова и других. В Ставку он уже не возвратился, а уехал на юг вслед за генералом Корниловым.

Естественно, что в Добровольческой армии Кусонский был близок к ее штабу. Деникин назначал его на должности, где нужен был хороший исполнитель. В данное время он был генерал-квартирмейстером в штабе армейской группы генерала Врангеля, на которую возлагалась задача разбить 10-ю Красную Армию, занимавшую позиции в районе реки Маныч.

Около часа дня ко мне в вагон зашел генерал Кусонский и передал, что Главнокомандующий приглашает меня к завтраку. Я оделся по форме, и мы отправились в вагон-салон к Деникину. В салоне, кроме Деникина и Романовского, находились еще два генерала. Один из них был высокого роста, тонкий, как горец, с красивым лицом и большими живыми темными глазами, одетый в серую черкеску. Другой — плотный, среднего роста, с черной густой бородой, в форме какого-то Добровольческого полка.

Я представился генералу Деникину.

— Ну — вот и «оператор»*. Господь привел нас снова встретиться, — сказал генерал Деникин.

Я поздоровался с Романовским, а затем представился другим. Генерал в черкеске представился — Врангель, а другой — Кутепов. И то и другое имя я слышал еще во время японской войны, но встретился с ними впервые.

В вагон вошел генерал Плющик-Плющевский и сказал: «Милости просим к столу — все готово». Мы перешли в другую половину вагона, где был накрыт стол. Завтрак был очень скромным. Видно было, что всем некогда рассиживаться.

---

* Когда генерал Деникин командовал 4-й «Железной бригадой» в 8-й армии Брусилова, он часто в дни затишья приезжал к нам в штаб и запросто завтракал с нами в моем вагоне оперативного отделения, где он меня всегда называл «оператором».

После завтрака генерал Деникин сказал мне: «Я поговорю с Вами либо вечером, либо завтра». При выходе из вагона меня ждал Кусонский. Он кратко обрисовал обстановку: «На фронте положение тяжелое, висим на волоске, большевики наступают по всему фронту: на Мариуполь, на Юзовку, на Луганск, а здесь — от Великокняжеской. Если у Великокняжеской Деникину не удастся отбросить красных, то мы попадем в мешок. Они завяжут его у Ростова, и ты понимаешь что будет. В каменноугольном районе командир Добровольческого корпуса вчера доносил, что у него страшные потери, фронт трещит, он просит разрешения отойти. Вот, как ты видишь, приехал Врангель. Деникин подчинил ему всю нашу конницу и приказал атаковать Великокняжескую. Теперь от него зависит судьба армии. Врангель — один из лучших генералов Добровольческой армии. Это стало очевидным при очищении Северного Кавказа».

Кусонский торопился, так как должен был выехать с Врангелем на фронт.

На другой день, 3 мая, около 11 часов утра дежурный офицер штаба доложил мне, что Главнокомандующий просит меня к себе в вагон. Генерал Деникин был один. Он сидел у стола в кожаном кресле и, протянув мне руку, указал на другое кресло. Я подал ему конверт с докладом генерала Боровского. Главнокомандующий вскрыл его и стал внимательно читать. Воспользовавшись этим, я смотрел на него. С осени 1916-го, когда я видел его в последний раз на фронте, в штабе 8-й армии, он сильно постарел. Его небольшая темная бородка, подстриженная клином, начала сесть на концах, а голова стала совсем лысой. Но его глаза с поволокой продолжали, как и прежде, светиться умом, энергией и были молоды.

Генерал Деникин, прочтя бумаги, отложил их в сторону и внезапно спросил:

— А Боровский здорово пьет?

Я не знал, что ответить. Боровский без водки и вина за стол не садился. Однако я никогда не видел его пьяным. На вопрос Деникина я ответил:

— Боровский пьет, но ума не пропивает.

Я знал содержание доклада Боровского, он просил помощь войсками на Керченском полуострове, так как, кроме обороны Ак-Манайской позиции, нужно было ликвидировать «крепость» большевиков в каменоломнях у Керчи. Вместе с тем генерал Боровский докладывал о необходимости реформы управления гражданской частью, и мне лично было поручено на словах доложить о тревожном положении в Керчи и о полном бессилии начальника гражданского управления. После краткой беседы Главнокомандующий пожал мне руку, и я ушел к себе в вагон, чтобы отдать распоряжение

об отправлении с первым поездом, отходящим в Екатеринодар.

У меня осталось впечатление, что генерал Деникин, как и прежде, был человеком долга. С начальством он держал себя с достоинством, с подчиненными — доброжелательно, просто и приветливо, но был сдержан и никогда не искал популярности. Исполнив поручение генерала Боровского, я в тот же день выехал в Екатеринодар, куда и прибыл 4 мая.

Я снова поселился у Анпетковых, где меня радушно встретили. Вскоре сюда приехал мой брат Василий Семенович. Он, сдав свою должность начальника контрразведки в Крымско-Азовской армии, которую занимал временно, был зачислен в резерв чинов Добровольческой армии и оказался в таком же положении, как и я, т. е. без всякого дела, в ожидании какого-либо назначения.

Однажды, гуляя по Екатеринодару, я встретился на Соборной площади с моим старым сослуживцем — генерал-майором Генерального штаба Владимиром Николаевичем фон Дрейером. Блондин, очень высокого роста, с бритым лицом и с пенсне на носу, он говорил всегда громко, не стесняясь в выражениях. С неизменной сигарой во рту он встретил меня дружески и спросил сразу о моем брате, служившем в бригаде Дрейера во время августовских боев в 1915 году. Эта бригада, входившая в состав 20-го корпуса, была окружена немцами и взята в плен в январе 1915 года. Генерал Дрейер, как и мой брат, скрывался в картофельных ямах и избежал плена. Я сказал ему, что брат мой живет вместе со мной и предложил пойти к нему. Однако прежде чем согласиться, он снял пенсне и стал громко ругать Деникина.

— Он... хочет сделать из меня изменника и предателя, — заявил он.

— В чем же дело, Владимир Николаевич? — спросил я.

— Вы ведь знаете, — отвечал Дрейер, — что Деникин учредил здесь «чистилище»* и только пройдя его можно попасть в Добровольческую армию. Я, конечно, туда не ходил, а обратился к Плющик-Плющевскому с тем, чтобы он предоставил мне какую-нибудь должность в кавалерии. Представьте себе, что Плющевский заявил мне, что я должен

---

* «Чистилищем» офицерство называло очень непопулярную комиссию, предназначенную для проверки всех офицеров, желавших поступить в Добровольческую армию. Задачей этой комиссии было не допустить в армию нежелательных офицеров. В действительности это бюрократическое учреждение не достигало своей цели, а только вызывало у всех озлобление.

прежде всего представить свидетельство от этого «чистилища». Тогда я плюнул и пошел прямо к Врангелю, у которого я во время революции служил начальником штаба в его 7-й кавалерийской дивизии на Румынском фронте. Сначала генерал Врангель встретил меня очень радушно и для начала хотел назначить командиром бригады. Но Деникин категорически воспротивился. Я стал искать причины этого и, представьте, узнал, что меня, бежавшего из Москвы, где я сотрудничал в одной секретной монархической организации, подозревают в сношениях с немцами и что обо мне ведется расследование для предания суду. Я подал немедленно рапорт генералу Деникину, требуя, чтобы меня предали без всяких отлагательств военно-полевому суду. Вот и жду этого суда, а жена моя ревет как белуга.

Только в конце мая состоялся военно-полевой суд над генералом Дрейером. Председательствующим был генерал Эк, в числе членов — генерал Маркадеев, а делопроизводителем суда оказался мой брат, полковник Генштаба Василий Махров.

Генерал Дрейер был оправдан единогласно. Однако эта реабилитация не помогла ему. Осталось в силе распоряжение штаба генерала Деникина, запрещающее определять генерала Дрейера на службу в Добровольческую армию. А жаль: Дрейер мог быть очень полезен, особенно в коннице, на командных должностях. Это был очень храбрый, с большим порывом и в то же время умный и способный офицер Генерального штаба. Он начал службу капитаном Генерального штаба еще в мирное время у генерала Ренненкамфа, а потом служил в штабе Брусилова. В начале войны он был начальником штаба 1-го кавалерийского корпуса, во главе которого стоял генерал Новиков. Фактически же корпусом командовал Дрейер. Академию Генерального штаба он окончил последним. Лекций не слушал, а его любимым времяпрепровождением в Петербурге были посещения с веселой компанией ресторанов на островах с цыганской музыкой или знаменитой «Виллы Родэ». Он отлично знал достоинства вин, но никогда не был пьян. В 1911 году он уехал в качестве военного корреспондента в Триполитанию к итальянцам, а затем — на Балканскую войну 1912—1913 гг. В 1916 году он стал известен как храбрый и отличный командир полка. Когда я был назначен генерал-квартирмейстером штаба Юго-Западного фронта, Дрейер был произведен в генералы. После Октябрьской революции он проживал в Москве и ему удалось избежать службы в Красной Армии. Он бежал на юг с женой и годовалым ребенком.

После военно-полевого суда Дрейер пригласил меня с братом к себе. Он рассказал нам о своем побеге и о том, как ему удалось добраться до Крыма. Потерпев крушение

в попытках поступить на службу в Добровольческую армию, Дрейер* начал писать в газетах и одновременно, чтобы заработать на жизнь, занялся какими-то коммерческими делами. Он навсегда остался враждебно настроенным к генералу Деникину.

Встреча с генералом Дрейером, а потом и с другими моими сослуживцами по Императорской армии, заставила меня присмотреться ближе к генералитету Добровольческой армии.

Генерал Келчевский, бывший до войны профессором Академии Генерального штаба, пустил о командном составе армии генерала Деникина крылатое словечко, что он разделяется на «князей», «княжат» и «прочих». Под первым подразумевались Быховские узники, генералы и офицеры, арестованные еще Временным правительством по делу генерала Корнилова во главе с ним самим. Под вторыми — первопоходники, так сказать, привилегированная категория, а под третьим — остальная, большая часть всех офицеров Белой армии. Однако надо сказать, что в числе «князей» (помимо, конечно, генералов Деникина и Романовского), т. е. бывших Быховских узников, был генерал Лукомский, ставший при Деникине начальником Военного управления, т. е. военным министром. Ему нельзя было отказать ни в знаниях, ни в служебном опыте. Был среди них и генерал Марков, возглавивший Добровольческий офицерский полк и геройски погибший на поле сражения еще в 1918 году в должности командира бригады. К «князьям» принадлежал также полковник Неженцев, основатель Корниловского полка, образованный офицер Генерального штаба, человек долга и безумной храбрости, убитый под Екатеринодаром во время 1-го Кубанского похода.

В числе первопоходников были и бывший гвардейский полковник, отличный боевой генерал Кутепов, ставший командиром Добровольческого корпуса, генерал Казанович, начавший службу в Добровольческой армии рядовым солдатом, а к моему приезду ставший командиром корпуса. Также начали свою службу храбрый из храбрых генерал Боровский, выдвинутый потом на должность командующего Крымско-Азовской армией, и генерал Май-Маевский, дослужившийся до должности командующего Добровольческой армией.

---

* Генерал Дрейер выпустил книгу своих воспоминаний «На закате Империи», вышедшую в Мадриде в 1965 году. Генерал Врангель подтверждает в своих воспоминаниях, что он просил разрешения взять к себе Дрейера в качестве начальника штаба. В 1950 году, в Ницце, во время встреч с нами, В. Н. Дрейер все еще не мог простить Деникину его отказ о принятии в Добровольческую армию (*прим. — Н. Р.*).

Среди первопоходников был и генерал Дроздовский, организатор добровольческих отрядов на Румынском фронте в 1918 году. Он был известен как исключительно одаренный офицер Генерального штаба и бесстрашный боевой генерал, преждевременно скончавшийся от гангрены после ранения под Ставрополем.

Большинство генералов-первопоходников начали свою службу в добровольческих полках, развернутых в 1919 г. в дивизии: Дроздовском, Марковском, Корниловском и Алексеевском, являвшихся ядром Добровольческой армии. В армии их окрестили «цветными», так как их форма отличалась разными цветами на околышках фуражек, чего не было в других частях армии. Эти полки были известны своей доблестью и стойкостью, что всегда отмечал Главнокомандующий.

При выборе подчиненных генерал Деникин как Главнокомандующий не допускал никакого протекционизма, руководствуясь только пригодностью того или иного лица для занятия определенной должности. За заслуги он награждал чином и продвигал по службе, в случае непригодности — отрешал от командования.

Прибывший в армию уже после первого похода, генерал Врангель был назначен командующим Кавказской армией исключительно за свои боевые заслуги.

В Донской армии генерал Деникин тактично одобрил выбор атамана Богаевского, назначившего на должность командующего молодого энергичного боевого офицера Генерального штаба Сидорина.

В Кубанском войске он не препятствовал назначению на должности командиров корпусов генералов Шкуро и Покровского, несмотря на их некоторые отрицательные качества. Они первыми начали борьбу с большевиками и вели ее доблестно и отважно, хотя зачастую и партизанскими методами. Также на должности командиров корпусов он выдвинул и произвел в генералы полковников Улагая и Топоркова, отличившихся своими подвигами.

Наконец, надо отметить, что генерал Деникин произвел в генералы, учитывая его боевые заслуги, простого казака Кубанского войска Павличенко, награжденного еще в мировую войну всеми четырьмя солдатскими Георгиевскими крестами. Павличенко отлично командовал дивизией.

Из этого краткого перечня видно, что генерал Деникин не придавал никакого значения при назначении на ответственные должности ни Быховским узникам, к которым сам принадлежал, ни первопоходникам. Командный состав белых армий сформировался не на основе «исторического» подхода или личного выбора, а на полях сражений. В начале мая, когда я снова зашел в штаб к Николаю Леонтьевичу Щер-

бицкому, он спросил меня, представился ли я генерал-квартирмейстеру генералу Плющик-Плющевскому, которому по своей должности были подведомственны все офицеры Генерального штаба.

Я ответил, что не люблю ходить на поклон, так как он может подумать, что я напрашиваюсь на службу. Щербицкий рассмеялся и стал уверять меня, что Плющик-Плющевскому доставит удовольствие встреча со мной, и от него зависит мое назначение. Вскоре генерал-квартирмейстер пришел со мной поздороваться. Я встал и представился ему по всей форме военного устава. А надо сказать, что мы вместе с ним слушали курс в Академии Генерального штаба. Тогда он был поручиком гвардии, а я — поручиком 119-го Коломенского полка.

Юрий Николаевич Плющик-Плющевский держался всегда несколько напыщенно, хотя и был человеком довольно добродушным. Он оказался старше меня по выпуску из Академии на год, так как я уехал на войну с Японией, а он остался в Академии. В войну 1914—1917 гг. я его не встречал и не знал, как он стал генерал-квартирмейстером в штабе Деникина.

Во время нашей встречи он сказал, что доложит обо мне начальнику штаба генералу Романовскому, прибавив: «Вам нужно будет ему представиться, о чем я сообщу Вам через Николая Леонтьевича». По его тону я понял, что, вероятно, Романовский имеет в виду какую-либо должность, с тем чтобы назначить меня в ближайшем будущем.

В ту же первую половину мая 1919-го я встретил в Екатеринодаре моего приятеля генерал Петра Анисимовича Маркодеева, с которым мы вместе покинули Полтаву 1 января 1919 года, чтобы через Одессу попасть в армию генерала Деникина. Я тогда остался на службе в Крымско-Азовской армии, а он поехал дальше в Екатеринодар.

Маркодеев был талантливый офицер Генерального штаба. Он окончил вторым Академию и еще в мирное время зарекомендовал себя как блестящий офицер во всех отношениях. В войну 1914—1917 гг. он был награжден Георгиевским крестом за командование одним из Финляндских стрелковых полков. Не будучи и сорока лет от роду, он к концу войны командовал корпусом на Юго-Западном фронте. Но во время революции в нем произошел душевный перелом. Из энергичного, волевого начальника он превратился в слабого, всего опасавшегося человека.

Благодаря покровительству нашего общего товарища по Академии, генерала Вязьмитинова, занимавшего в штабе Деникина должность помощника начальника Военного управления, т. е. заместителя военного министра генерала Лукомского, Маркодеев был назначен в комиссию по пересмотру

военных уставов в связи с накопившимся опытом мировой войны.

Мы часто беседовали, сидя на лавочке около моей квартиры, и обсуждали положение на фронтах. Маркодеев считал, что адмирал Колчак во время своего военного наступления на Волгу спас армии генерала Деникина от поражения в каменноугольном бассейне и на Маныче.

Мы оба хорошо знали по совместной службе в Виленском военном округе командующего красным Восточным фронтом Сергея Сергеевича Каменева, отбросившего армии Колчака к Уралу. Каменев был одного выпуска со мной из Академии Генерального штаба, и мы с ним были в дружеских отношениях. Несмотря на его усидчивость, Академия давалась ему трудно. На последнем, дополнительном курсе, его положение было критическим по общей сумме баллов. Для того чтобы быть причисленным к Генеральному штабу, ему нужно было получить не меньше 11-ти баллов за работу по стратегической теме. На его счастье, ему досталась та же тема, которую защищал мой брат, Николай Семенович Махров, за два года до него, в 1905 году.

Каменев через меня обратился с просьбой к моему брату прислать срочно его доклад, что мой брат, служивший в это время уже в штабе Виленского военного округа, и сделал. Каменев вызубрил присланную моим братом «тему», и его доклад был оценен в 12 баллов. Попав вместе с нами на службу в Вильну, Каменев не раз вспоминал эту историю и сердечно благодарил нас с братом. Он был хорошим офицером Генерального штаба и отлично командовал полком в конце войны. Его политических убеждений я не знал, но во время революции он умел ладить с комитетами, а потом, попав в Красную Армию, он служил большевистскому правительству так же честно, как и царю и Временному правительству.

Маркодеев и Вязьмитинов, зная хорошо обстановку, считали, что пользуясь тем, что Каменев продолжает преследовать Колчака, надо сосредоточить главные силы в направлении на Москву, а не искать соединения с отступающей армией Колчака. Сторонником этого варианта был и генерал Врангель.

7—8 мая весь Екатеринодар радовался, узнав, что генерал Деникин разбил большевиков в районе Маныч—Великокняжеская. Генерал Врангель, командовавший группой войск в этом районе, атаковал левый фланг противника, вышел ему в тыл, разгромил наголову красных и заставил их спешно отступать к Царицыну.

7 мая генерал Деникин приехал в Великокняжескую, лично поздравил генерала Врангеля с победой и произвел одного из командиров корпусов, Шатилова, за боевые заслуги

в генерал-лейтенанты. В то же время Главнокомандующий назначил генерала Врангеля командующим новой Кавказской армией, в состав которой вошли войска, сражавшиеся на Маныч-Великокняжеском фронте, в том числе доблестные Кубанские корпуса генералов Улагая и Покровского. В директиве от 8 мая генерал Деникин приказал генералу Врангелю овладеть Царицыным, генералу Эрдели — Астраханью, а Донской армии генерала Сидорина соединиться с восставшими казаками на Верхнем Дону и выйти на линию Лихая — Царицын.

Одновременно Главнокомандующий приказал генералу Май-Маевскому, занимавшему с Добровольческой армией район Мариуполь — Юзовка, перейти в наступление на Харьков, выделив отряд генерала Виноградова для занятия крымских перешейков в тылу красных, с тем чтобы содействовать наступлению 3-го корпуса генерала Шиллинга с Ак-Майских позиций на Керченском полуострове для освобождения Крыма.

Добровольческой армии угрожали с тыла и фланга части 14-й Красной Армии и шайки «батьки» Махно. В 20-х числах мая генерал Шкуро и его начальник штаба генерал Шифнер-Маркевич, не ожидая приказа от командующего Добровольческой армией, двинули свой кавалерийский корпус против частей 14-й армии, разгромили их и отбросили отряды Махно из Гуляй-Поля далеко за Днепр. Используя эту инициативу Шкуро, 1-й Добровольческий корпус генерала Кутепова двинулся в направлении на Харьков и занял Купянск, а корпус генерала Шиллинга вытеснил большевиков из Крыма.

Благодаря всему этому поднялся авторитет генерала Деникина. Он вырос еще больше, когда генерал Деникин признал 30 мая Верховным Правителем и Главнокомандующим адмирала Колчака и выразил готовность ему подчиниться.

В эти дни я часто думал о том, что, как бы ни кончилась гражданская война, имена Деникина и Колчака сохранятся в нашей истории как светлые образы русских людей.

3-го или 4 июня я снова зашел в Ставку к полковнику Николаю Леонтьевичу Щербицкому. От него я узнал, что 1-го и 2 июня генерал Врангель вел тяжелые двухдневные бои на подступах к Царицыну и потерпел неудачу. Красные подвезли свежие войска и встретили кубанцев Врангеля сильным артиллерийским огнем с судов. Кавказская армия понесла большие потери, в том числе 11 командиров полков и 3 командира бригад были убиты или ранены.

Генерал Деникин, идя навстречу Врангелю, приказал отправить под Царицын только что закончившую формирование, полностью укомплектованную 7-ю пехотную дивизию под командованием генерала Бредова.

На мой вопрос о генерале Врангеле Щербицкий ответил, что он, несомненно, один из лучших, если не просто лучший генерал Добровольческой армии, хорошо образованный, энергичный, храбрый, умеющий подойти к солдатам, но и в то же время и требовательный, и настойчивый. Все эти качества Врангель проявил во время операции по освобождению Северного Кавказа.

— Но,— продолжал Щербицкий,— генерал Врангель чрезвычайно честолюбив и не стесняется адресовать свои условия, а то и поучения начальнику штаба генералу Романовскому, а бывает и самому Главнокомандующему. Я всегда удивляюсь долготерпению генерала Деникина.

7 июня я получил от Щербицкого извещение о том, что генерал Романовский приглашает меня явиться в 3 часа дня по делам службы. В назначенный час я был в приемной начальника штаба и был сразу приглашен им. Я представился ему по уставу. Генерал Романовский сообщил мне, что Главнокомандующий предлагает мне занять по моему выбору или освобождающуюся должность командира бригады Терского казачьего полка, или принять заведование передвижением войск на линии Владикавказской железной дороги. Я предпочел последнее, так как был мало знаком с бытом казаков, а службу военных сообщений знал хорошо.

— Ну и прекрасно,— сказал мне начальник штаба,— представьтесь Главному начальнику военных сообщений генералу Тихменеву. От него Вы получите все указания.

На этом мы расстались, чтобы снова встретиться через 8 месяцев, но уже в совершенно другой обстановке.

Выйдя от Романовского, я заглянул к полковнику Николаю Леонтьевичу Щербицкому, чтобы поделиться новостью о своем назначении. Ему уже было известно, что должность заведующего передвижением войск в районе Кавказской армии будет повышена до ранга начальника военных сообщений.

Утром 8 июня я представился Главному начальнику военных сообщений генералу Николаю Михайловичу Тихменеву. Как всегда, он встретил меня приветливо, подтвердив мое назначение.

— Поторопитесь,— настаивал Николай Михайлович,— Врангель бьет тревогу, надо срочно наладить железнодорожное движение, сообщение по Волге, восстановить почтово-телеграфную связь, поставить на ноги тылы.

Он тут же предложил мне зайти к помощнику начальника Военного управления генералу Вязьмитинову, чтобы получить разработанные штаты моего будущего Управления и теперь же подыскать соответствующих лиц для его формирования.

Я немедленно отправился к генералу Вязьмитинову, с которым мы вместе слушали курс Академии Генерального штаба, и которого я полюбил как симпатичного человека и хорошего товарища. К тому же с ним было приятно иметь дело как с умным и знающим человеком, избегавшим канцелярского бюрократизма и излишней волокиты.

Когда я изложил генералу Вязьмитинову суть моего дела, он немедленно пригласил к себе одного из начальников отделения и спросил, готовы ли штаты Управления начальника военных сообщений. Получив ответ, что все готово и уже перепечатывается на машинке, генерал Вязьмитинов попросил меня подождать четверть часа, а сам, извинившись, углубился в чтение бумаг для доклада генералу Лукомскому.

— Когда он подпишет все,— сказал он,— тогда мы и побеседуем.

Я сел. Кругом трещали машинки, звенели телефоны, в полуоткрытую дверь можно было видеть суетящихся писарей, а в приемной — ожидающих приема у генерала Лукомского важных престарелых генералов.

Просмотрев все бумаги, Василий Ефимович Вязьмитинов отправился с папкой в руках в соседний кабинет к начальнику Военного управления генералу Лукомскому.

Возвратившись через полчаса, он протянул мне бумагу, сказав:

— Вот штат Вашего Управления. Если по ходу дела возникнет необходимость каких-либо изменений, пишите прямо мне. Так будет скорее.

Видя, что Вязьмитинов очень занят, я уже собрался уходить, но он задержал меня, спросив о наших общих друзьях по Академии. Я рассказал о моей службе вместе с Маркодеевым и Бреслером в Полтаве у гетмана и о том, что мы все хотели избежать участия в гражданской войне. Удалось это только Владимиру Петровичу Бреслеру, который устроился в Константинополе.

— Жаль, жаль,— сказал Вязьмитинов,— Бреслер как специалист по этапно-хозяйственной службе мог бы быть нам очень полезным в качестве начальника по снабжению, а именно эта служба хромает у нас больше всего. Союзники начали доставлять нам в достаточном количестве обмундирование и снаряжение. Склады заполняются, а распределение этого имущества да и его отправка на фронт идут медленно.

Я спросил Василия Ефимовича, как он оценивает положение на фронте.

— Как Вы знаете,— ответил он,— мы наступаем на фронте от Царицына до Екатеринослава. У Царицына произошла заминка, но я уверен, что генерал Врангель, вне всякого сомнения, там справится. Сплошного фронта нет. И красные и

мы занимаем только узловые центры. Полный простор для маневренной войны. Однако она требует искусства, управления и главное — резервов. Если в первом деле нас упрекнуть никак нельзя, то с резервами дело обстоит плохо. Но самым большим местом является неустроенность нашего тыла. Я уже много раз докладывал Лукомскому и обращал его внимание на срочную необходимость создания Инспекции запасных частей, мобилизационного аппарата и, наконец, настоящего Отдела снабжения, тем более, что в тылу у нас имеется достаточное количество находящихся без дел офицеров и генералов. Но Лукомский все тянет и, в результате, у нас до сих пор нет стройной организации тыла.

То, что мы имеем сейчас, создавалось на ходу, вроде как приказы Московского государства XV века. Потребовалось провести в жизнь то или иное насущное дело, ну и создавали соответствующее Управление или, что еще хуже, пристегивали его какому-нибудь уже существующему учреждению. Системы не было и нет. А события на фронте происходят с такой быстротой, что существующий тыл не успевает обслуживать фронт. В результате, происходит то, что называется «война питает войну», т. е. грабеж, в том числе и своего населения. И это беспокоит меня больше всего.

— Василий Ефимович,— спросил я,— всюду слышны споры, даже среди опытных генералов, о выборе операционного направления. Какое Вы считаете правильным — харьковское или царицынское ?

— Для меня в этом вопросе нет сомнения,— сказал Вязьмитинов,— нашей главной стратегической целью является Москва, сердце России. Поэтому основным операционным направлением остается Харьков—Орел—Москва. Теперь, когда армии Колчака отошли на Урал, царицынское направление является, очевидно, вспомогательным.

Поблагодарив Вязьмитинова, я вышел из его кабинета и тут же встретил элегантно одетого генерала с Георгиевским крестом на груди. Это был генерал Лукомский. Я ему поклонился, он протянул мне руку и спросил:

— Ваша фамилия? Мы, кажется, с Вами не встречались?

Я назвал себя и напомнил ему, что мы встречались в доме генерала от инфантерии Петра Аркадьевича Коненович-Горбатовского в Севастополе в 1913 году.

— Вы тогда были начальником мобилизационного отдела в Главном управлении Генерального штаба, а я капитаном и старшим адъютантом штаба 13-й пехотной дивизии,— добавил я.

— А, помню, помню,— сказал Лукомский и, пожав мне руку, пошел дальше.

Вскоре, в сентябре 1919 года, генерал Лукомский стал председателем Особого Совещания и помощником Главного

Н. С. Махров, родной брат
П. С. Махрова. 26 марта 1902 г.

В. С. Махров, младший брат
П. С. Махрова.

командующего. Когда генерал Врангель заменил генерала Деникина и стал Главнокомандующим в Крыму, он назначил Лукомского своим представителем в Константинополе. Там я встретил его в 1920 году, когда следовал в качестве представителя генерала Врангеля в Польшу.

Генерал Лукомский держал себя очень важно и напыщенно, не знаю, насколько это соответствовало занимаемой им должности как представителя генерала Врангеля при Союзном командовании. После крушения в Крыму Лукомский уехал в Париж и одно время занимал какой-то пост при Великом Князе Николае Николаевиче. После смерти Великого Князя он пытался занять одно из первых мест при генерале Миллере, но это уже был закат его карьеры.

Был обеденный час, когда я вернулся в гостеприимную квартиру Анпетковых. Как всегда, дом был полон гостей. Настроение было приподнятое в связи с успехами на фронте. Имена Деникина и особенно Врангеля были у всех на устах. Узнав о моем предстоящем отъезде в армию генерала Врангеля, все мне желали успеха, а милая хозяйка просила всегда останавливаться у нее, если мне доведется приезжать в Екатеринбург.

Мой брат Василий, все еще не получивший никакого назначения, просил меня устроить его на какую-нибудь должность в моем Управлении. И мне хотелось, чтобы брат был со мной на гражданской войне, где очень важно иметь вер-

ных и надежных помощников. Тем более, что Василий был отличным офицером Генерального штаба. Но вопрос о нашей совместной службе был очень щекотливым. Наше близкое родство могло породить разные кривотолки. Мне могли бы сказать: «Ну как не порадовать родному человеку».

Мне нужно было набрать штат служащих, приобрести пишущие машинки, канцелярские принадлежности и, наконец, получить денежный аванс, так как у меня не было никаких денег. После обеда я решил зайти к дежурному генералу Трухачеву и посмотреть у него список офицеров, находящихся в армейском резерве.

Когда я с братом вышел на Красную улицу, то увидел идущего мне навстречу высокого красивого полковника с небольшой светло-русой бородкой и благородными чертами лица. Он показался мне знакомым. Поравнявшись со мной, он отдал честь и представился:

— Ваше Превосходительство — полковник Саттеруп.

Я был рад этой встрече. Это был случай, когда говорят «На ловца и зверь бежит». Я спросил Константина Владимировича, что он здесь делает.

— Ничего не делаю,— ответил он,— вот случайно узнал в Управлении генерала Тихменева, что Вы назначены начальником военных сообщений в армии генерала Врангеля и поспешил в дом Анпетковых, чтобы предложить Вам свои услуги. Ведь во время войны я служил по военным сообщениям в 12-й армии под начальством генерала Владимира Ивановича Кондратьева.

Полковника Константина Васильевича Саттерупа я знал еще по довоенной службе в Вильно, где он был начальником Жандармского железнодорожного управления. В начале войны он перевелся в Управление военных сообщений армии и прекрасно знал и железнодорожный мир и саму службу военных сообщений. Таких специалистов, как он, у нас было мало. А помимо всего, Саттеруп был в высшей степени симпатичный человек. По происхождению он и его брат Дмитрий Владимирович были датчане, но уже сильно обрусевшие. Его брат был моим товарищем по Академии Генерального штаба, а потом мы с ним вместе служили в Виленском военном округе, где он был начальником мобилизационного отдела. Во время войны 1914—1917 гг. Дмитрий Владимирович заменил генерала Лукомского на должности начальника мобилизационного отдела в Главном управлении Генерального штаба. С приходом к власти большевиков он был мобилизован в Красную Армию и его заставили работать в том же мобилизационном отделе. Случилось так, что два любящих брата оказались один против другого, в двух враждебных станах.

Я пригласил полковника Саттерупа присесть на лавочку в ближайшем сквере и, достав бумагу о моем назначении, дал ему ее прочесть. Тем временем мой брат отправился в штаб, а я спросил Саттерупа, сможет ли он найти подходящих специалистов для моего Управления, а сам принять временно должность моего помощника. Я был вынужден сказать «временно» в силу того, что по штату мой помощник должен был быть офицером Генерального штаба, а Саттеруп им не был.

Он принял с удовольствием мое предложение, и я тут же поручил ему отправиться в Управление Главного начальника военных сообщений, чтобы получить там денежный аванс и приступить к формированию нашего Управления. Поблагодарив, Саттеруп поспешил отправиться в штаб, чтобы приступить за дела.

12 июня Добровольческая армия овладела Харьковом. Донская продолжал наступление на север, выходя на линию Балашов—Воронеж. 12 июня генерал Врангель отдал приказ овладеть Царицыным. К этому времени он уже располагал 7-й пехотной дивизией с танками, впервые появившимися на его фронте. С рассветом, 17 июня, началось наступление, в котором танки сыграли большую роль. Часть победы принадлежала генералу Улагаю, командовавшему ударной группой, и генералу Покровскому, вышедшему в тыл красных. Несмотря на упорное сопротивление и сильный артиллерийский огонь, к вечеру 18 июня участь Царицына была решена.

В приказе по Кавказской армии, отданном 18 июня, генерал Врангель говорил, что, начиная с разгрома красных под Великокняжеской 8 мая и до взятия Царицына, армия захватила 70 орудий, 300 пулеметов, 2 бронепоезда и десятки тысяч пленных. Имя генерала Врангеля было у всех на устах. Главнокомандующий, генерал Деникин, лично прибыл в Царицын, чтобы выразить ему свою благодарность.

20 июня формирование моего Управления было закончено, и я получил приказ от Главного начальника военных сообщений отправиться в Царицын и поступить в распоряжение командующего Кавказской армией.

В Кавказской армии генерала Врангеля

Рано утром 21 июня поезд, в котором я следовал, подходил к южной окраине Царицына. Первое впечатление было неприглядное — маленькие, черные от дождей деревянные домишки, крытые тесом. Всюду были видны следы разрушения: полуосыпавшиеся окопы, валяющиеся кольца проволочных заграждений и торчащая повсюду порванная проволока. По мере приближения к Царицыну картина менялась: появились каменные постройки, улицы становились шире, дома больше. Но вот и сам вокзал Царицына: большое трехэтажное здание казарменного типа с навесом над платформами.

Меня встретил с рапортом комендант станции, еще молодой, лет сорока, подполковник, высокий, видный мужчина. Я обошел с ним станцию. Всюду были чистота и порядок, все служащие были заняты своим делом, как в мирное время. Разбитые окна были вновь вставлены, на стенах здания виднелись следы осколков снарядов и пуль. Все запасные пути были заняты подвижным составом, так как большевики не успели его угнать. В северной части станции находилось большое депо, мастерские и склады угля. Паровозов было много, но, как мне доложил бригадир депо, большинство труб у котлов текли. Закончив осмотр станции, я возвратился к себе в вагон и отдал распоряжение коменданту о составлении поезда моего Управления.

Поезд командующего Кавказской армией стоял у вокзала на запасном пути. У поезда играл духовой оркестр. Платформа была переполнена фланирующей публикой, с любопытством заглядывающей в окно вагона командующего армией. Лица у всех были веселые. Гулявшие принарядились, у детей в руках были цветы. Я подошел к вагону, у которого стояли у входа часовые с саблями наголо, и поднялся по ступенькам. Меня встретил дежурный офицер. Я попросил его доложить о моем прибытии и был немедленно принят.

Генерал Врангель сидел за письменным столом в роскошном салоне со своим начальником штаба генералом Яковом Давыдовичем Юзефовичем. Генерал Врангель выглядел очень эффектно: высокий, стройный, затянутый в черную черкеску с белыми газырями и небольшим изящным кинжалом у пояса. У него было красивое гладко выбритое лицо, коротко подстриженные усы, в больших темных глазах отражались ум, воля, энергия. Манеры Врангеля были элегантны в своей простоте и непринужденности. Голос звучал приятно, а говорил он кратко и ясно.

Генерала Юзефовича я знал еще в мирное время, а потом встречался с ним на Юго-Западном фронте в 1914—1915 гг., когда он был начальником штаба «Дикой дивизии», которой

командовал Великий Князь Михаил Александрович. Генерал Юзефович был небольшого роста, коренастый, с темным скуластым монгольским лицом и густыми волосами, подстриженными ежиком. Он был известен как солидный вдумчивый офицер и начальник штаба. Располагая немалыми средствами и будучи очень гостеприимным, он давал в Петербурге частые приемы, что способствовало его популярности. Человек он был добрейшей души, тактичный, не любивший интриг, и слыл очень хорошим товарищем.

Наш разговор с генералом Врангелем был краток. Он выразил пожелание, чтобы я как можно скорее привел в порядок железнодорожное сообщение, службу этапов и, самое главное, чтобы я установил транспортную связь с левым берегом Волги.

Простившись с генералами Врангелем и Юзефовичем, я вышел из вагона, чтобы немедленно зайти в Управление и отдать там нужные распоряжения, а затем отправиться на берег Волги, где я рассчитывал встретить на пристани кого-либо из бывших судовладельцев. С трудом пробираясь сквозь толпу на платформе, я вдруг увидел шедшего мне навстречу высоченного роста несколько сутоловатого молодого генерала в пенсне и с большой сигарой в зубах. Это был генерал Владимир Николаевич Дрейер, отличный кавалерийский начальник, любимец Ренненкамфа и Бруслова. Увидев меня, он широко распростер объятия и громко закричал:

— Дорогой мой друг, Петр Семенович, как я рад Вас встретить здесь.

Он обнял меня.

— Слышал, что Вы назначены начальником военных сообщений, какая прекрасная должность.

А потом, понизив голос, продолжал:

— А видели Петра IV?

Я расхохотался и спросил:

— Какого Петра IV?

— Как какого, не видели? Так идем к вокзалу, я Вам его покажу.

В это время к Дрейеру подбежала какая-то миловидная дама с восторженным лицом и, вся раскрасневшись, преподнесла ему большой букет цветов. Дрейер стоял в недоумении, держа цветы в руках. Но поклонница скрылась, и мы подошли к подъезду вокзала.

— Ну вот, полюбуйтесь! — сказал Дрейер.

На стене был наклеен большой плакат, изображавший Врангеля верхом на коне. Причем лошадь была скопирована с гравюры «Петр Первый под Полтавой».

— Но разве, Петр Семенович, это не красота? — спросил Дрейер.

Сознаюсь, я был очень удивлен. Хотя я и слышал, что Врангель человек честолюбивый, но не допускал и мысли, что этот лубок появился на улицах города с его согласия. Я предполагал, что это дело рук кого-либо из услужливых пропагандистов из ОСВАГа*, что и сказал Дрейеру.

— Так или не так, но услужливый дурак опаснее врага,— ответил Дрейер.

— А что вы здесь подельваете? — спросил я его.

— Я просил Врангеля дать мне в командование хотя кавалерийскую бригаду,— ответил он.— Врангель мне сказал, что он рад бы дать мне и корпус, но Деннкин категорически запретил определять меня на военную службу. А сюда я приехал,— продолжал он,— в качестве военного корреспондента, надо же, батюшка, на хлеб зарабатывать. Кстати, пригласите меня вечером к себе поужинать, я привез с собой шампанское. Ведь говорят, что здешний буфетчик на вокзале — маг и волшебник.

Я заглянул к себе в Управление, где узнал, что у меня был капитан первого ранга Зуев, назначенный в мое распоряжение, затем я отправился на вокзал, чтобы позавтракать в буфете. Громадный зал первого и второго классов, где в мирное время стояли длинные столы, покрытые белоснежными скатертями, где была красивая и удобная мебель, представлял теперь собой мерзость запустения. Буфет был пуст. В зале стояло несколько небольших, сколоченных наскоро столов и перед ними такой же конструкции деревянные лавки. Я приказал пригласить ко мне буфетчика. Ко мне явился небольшого роста пожилой человек, очень скромный и симпатичный, типичный татарин, каких мне приходилось встречать в Петербурге. Сделав жест рукой, как бы говорящий о его сожалении и отчаянии, он объяснил, что только что приступил к восстановлению своего разрушенного дела и пока у него нет никаких продуктов, нет даже хлеба. Затем, почесав затылок, сказал, что может подать к столу свежую икру, уху, да кусок жареного мяса, но без гарнира, так как у него нет картофеля. «А рюмочку водки, прикажете?» — спросил он в заключение. Через несколько минут все было на столе. Расплатившись с буфетчиком, я сказал ему, что вечером у меня будут гости и попросил, чтобы он приготовил нам что-либо к ужину. На лице его отразилось страдание. «Постараюсь, Ваше Превосходительство, разве что вместо жаркого — пельмени».

Поблагодарив буфетчика, я отправился на Волжскую пристань. Улицы были пустынные, окна домов закрыты ставнями. Через несколько минут я очутился на большой круглой

* Осведомительное агентство. Создано 31 августа 1918 г. при Особом Совещании как пропагандистский отдел. В марте 1920 г. ОСВАГ был заменен отделом печати при Правительстве Юга России.

площади, мощенной булыжником. В центре ее стоял величественный православный собор с позолоченными куполами. Церковь была открыта. Я вошел в храм. Богослужения не было, но перед иконами стояли на коленях несколько казаков, горячо молившихся. Несколько женщин утирали слезы. С площади я свернул в одну из улиц с нарядными особняками. Вскоре я дошел до небольшого сквера, где был цементный низкий бассейн с какими-то каменными нагромождениями. Подойдя ближе, я понял, что это была разрушенная цементная статуя высокого мускулистого рабочего, который занес большой молот для удара по «гидре контрреволюции». Очевидно, что и рабочий и «гидра контрреволюции» были повержены в прах рукой какого-то казака. Кругом было пусто, только чирикали воробьи, купавшиеся в пыли.

Подойдя к берегу Волги, я заметил большое здание, напоминающее сарай. Когда я вошел в это довольно грязное помещение, то застал в нем человек 6—7 в штатском, вид у них был очень потрепанный. Это были бывшие местные судовладельцы, а также бывшие управляющие. С ними был моряк — капитан первого ранга Зуев, энергичный, хорошо и элегантно одетый человек. Узнав, кто я, он назвал себя и познакомил меня с присутствующими. Шло обсуждение вопроса об организации сообщения между Царицыном и левым берегом Волги. Зуев доложил, что большевики угнали все суда, но есть два парохода, способные служить в качестве буксиров. Они полузатоплены, и Зуев рассчитывал их поднять. Далее выяснилось, что ниже Царицына красные кое-что и оставили, благодаря чему 21 июня Зуеву удалось переправить несколько севернее Царицына 3-ю Кубанскую дивизию на левый берег Волги.

Было уже поздно, когда я возвратился к себе на станцию. Поезд моего Управления был уже составлен. Он состоял из десяти вагонов, в том числе классного вагона для конвоя из двадцати пяти казаков. В одном товарном вагоне помещалась «электрическая станция», освещавшая поезд, в другом — кухня для всех чинов Управления. Все служебные вагоны были соединены телефоном. Надо заметить, что многие из офицеров жили в вагонах со своими женами, а некоторые и с детьми. К моему поезду был прицеплен вагон, в котором должны были ехать начальник службы движения инженер Александр Александрович Соколов и инженер Александров, специалист по управлению узловыми станциями. Они представлялись мне. Вслед за ними представился капитан из железнодорожного батальона Соколов. Он обслуживал голозные станции Царицынского узла совместно с инженером Александровым. При нем состояли команда из мостовиков и мастерские под начальством прапорщика Гребенюка. Капитан Соколов был еще молодой человек лет тридцати пяти,

подвижный, горячий и вспыльчивый, но хорошо знавший эксплуатацию железных дорог. Он представил мне худого, сухопарого и мускулистого прапорщика Гребенюка, отрекомендовав его как замечательного работника. Гребенюк попал на службу в железнодорожный батальон еще во время войны 1914 года, заслужил солдатский Георгиевский крест и был произведен в офицеры.

Смеркалось. У меня в вагоне горело электричество. Салон-вагон был обставлен не только комфортабельно, но, можно сказать, роскошно: диван, письменный стол, два мягких кресла, несколько стульев, да еще отдельный стол, на котором стоял телефон. Я сидел в кресле отдыхая, когда услышал голос:

— Так точно, Ваше Превосходительство.

Я догадался, что ко мне пришел Дрейер. Протягивая мне руку, он держал в другой большой пакет, завернутый в бумагу.

— На всякий случай,— сказал он,— принес вот закусить.

Он тут же положил на стол какие-то консервные банки. — А вот,— добавил он,— бутылочка красного бордо.

Оглядев бюро и присвистнув, он сказал:

— Вот как живет и работает мой дорогой Петр Семенович, да это же благодать! Это не то, что сделал со мной этот ваш комендант, загнав меня в нору грязного вагона с неведомыми соседями, которые по ночам своим храпом мертвого могут поднять.

Я позвонил проводнику и приказал сообщить буфетчику, чтобы тот подавал ужин.

Через четверть часа проводник, превратившись в метрдотеля, сервировал стол, и мы принялись по всем правилам искусства за еду, которая оказалась такой, как буфетчик и обещал. Икры и всего прочего было много. После ужина Дрейер протянул мне большую гаванскую сигару, другую закурил сам и, удобно развалившись в кресле, начал рассказывать о своем последнем визите к Врангелю:

— Он меня встретил по-приятельски, ведь я у него был начальником штаба 7-й кавалерийской дивизии во время Великой войны, но уже при Керенском. Теперь я доложил ему, что явился в его армию в качестве военного корреспондента и хотел бы получить интервью и, если можно, материалы для помещения в газетах. Он рассказывал мне о своем походе с тяжелыми боями от Великокняжеской до Царицына и о взятии последнего. Нет, Петр Семенович, шутки в сторону, эти операции были блестящими. Правда, при атаке Царицына ему помог Деникин, послав танки, и командир Донского корпуса Коновалов, который вышел в глубокий тыл Царицына на Балашов. Сегодня к вечеру, как он рассказал, его войска уже у Дубовки — это верст 70 от Цари-

цына. На левом берегу — его же 3-я Кубанская дивизия. По его словам, Врангель хотел дать здесь своим орлам передохнуть. Но Деникин приказал преследовать большевиков по пятам на Камышин и далее на Саратов.

Ну и ругал же Врангель Романовского и Деникина за так называемую московскую директиву от 20 июня. Конечно, Деникин прав, когда он говорит, что нужно гнать противника, указывая в своей директиве ближайшие рубежи для занятия их генералом Врангелем. Раньше и сам генерал Врангель говорил, что главный удар должен быть нанесен в направлении на Саратов и далее на Москву. Но теперь положение изменилось, и он представил Деникину докладную записку от 19 июня, где настаивает, что на царцынском фронте надо перейти к обороне, оставив здесь минимум сил, а сосредоточить три-четыре конных корпуса в районе Харькова и бить по Москве кулаком, а не растопыренными пальцами. Деникин настаивает на своем и в то же время приказал Врангелю отправить на Полтаву дивизию генерала Бредова, да вывести еще в резерв лучший из Донских корпусов — корпус генерала Коновалова.

— Давайте-ка, мой друг, выпьем «бордовское», как говорили в нашем ташкентском военном собрании. А мне пора возвратиться в свою нору и строчить корреспонденцию в газету. Между прочим, на смену Юзефовичу приехал новый начальник штаба генерал Шатилов, терпеть его не могу.

Последнюю фразу Дрейер сказал уже уходя.

Владимир Николаевич Дрейер был оригинальным и незаурядным человеком. Под внешней оболочкой грубоватого солдата скрывался начитанный и образованный офицер Генерального штаба. На войне он зарекомендовал себя как человек исключительной храбрости. Отказ Деникина принять его на военную службу чрезвычайно его огорчил, но он не пал духом и нашел себе занятие в роли военного корреспондента. Меня он считал своим родственником, ибо мой брат Николай Семенович, генерал Генерального штаба, женился на бывшей жене Дрейера Наталье Даниловне. Главным же образом, нас связывали узы дружбы, возникшие во время службы в Вленинском военном округе, хотя и там мы резко отличались друг от друга образом жизни.

Назначенного вместо генерала Юзефовича начальником штаба Кавказской армии Шатилова я знал хорошо. Мы с ним поступили вместе в Академию Генерального штаба в 1904 году. Вместе участвовали в войне в Маньчжурии в 1905 году и встретились в 1914—1915 гг. на фронте 8-й армии генерала Брусилова, где Шатилов был старшим адъютантом одной кавалерийской дивизии, а я начальником оперативного отдела штаба армин.

Шатилов был блондином среднего роста с маленькими усиками и простоватым лицом. Его отец — генерал-лейтенант — был начальником штаба и помощником Главнокомандующего на Кавказе. «Павлуша», как его звали, был баловень матери, почтенной и уважаемой Марии Петровны, и она добилась того, чтобы ее сын был переведен из кадетского корпуса в Пажеский. По окончании Пажеского корпуса он поступил в лейб-гвардии Атаманский казачий полк. И через три года поступил в Академию Генерального штаба.

Шатилов не лишен был способностей, но отличительной чертой его характера являлось тщеславие. Как только была объявлена русско-японская война, он немедленно перевелся в один из забайкальских казачьих полков и, как о нем говорили в Академии, отправился «на гастроли». Вместо того чтобы быть с полком на фронте, он оказался в конвойной сотне главнокомандующего, генерала Линевица, где ухитрился, почти не участвуя в боях, получить все боевые награды. В Академию он возвратился чином выше своих товарищей и с грудью, украшенной орденами. Окончив Академию посредственно, он как офицер Генерального штаба ничем себя не проявил. На фронте 8-й армии, где я его знал, он обнаружил свою ловкость в получении наград. Шатилову удалось, чтобы начальник штаба представил его к награждению Георгиевским офицерским крестом, которым он уже был награжден в русско-японскую войну. Шатилов надеялся, что это представление получит ход и что ему заменят эту награду какой-либо другой по Высшему повелению. Однако начальник штаба 8-й армии генерал Ломновский это представление отклонил, после чего Шатилов перевелся на Кавказ, чтобы быть ближе к своему отцу — почтенному и всеми уважаемому генералу.

В Белую армию Шатилов приехал генералом, украшенным двумя Георгиевскими крестами, что удивило всех офицеров Генерального штаба. Уже в эмиграции генерал Деникин опубликовал статью «Чин и орден генерала Шатилова», где доказал его самозванство. В бытность мою начальником военных сообщений Кавказской армии о боевой деятельности Шатилова я узнавал только из приказов генерала Врангеля, который его отмечал как отличного начальника штаба. В наших служебных взаимоотношениях никогда не было никаких трений, все вопросы разрешались быстро, он шел во всем мне навстречу. В частной жизни Шатилов относился ко мне по-товарищески, даже дружелюбно.

Генерал-квартирмейстером Шатилов пригласил к себе генерала Зигеля, который был значительно старше Шатилова и по возрасту и по Академии. Ему было уже лет под шестьдесят. Маленького роста, худощавый блондин с козлиной бородкой, он больше был похож на сельского дьячка, чем на

офицера Генерального штаба. Познакомившись с ним ближе, я убедился, что это был скромнейший человек, добросовестный служака, честно выполнявший свой долг. Он был женат на молоденькой очень красивой женщине, которая служила в одном из госпиталей в качестве сестры милосердия. Казалось, что эта очаровательная дама составляла для Зигеля весь смысл его жизни. Все его помыслы и заботы были только о ней, о себе он мало думал.

Начальником оперативного отдела в штабе Кавказской армии генерала Врангеля был Генерального штаба полковник фон Лампе. Высокого роста, с красным лицом и рыжеватой бородой, он выглядел, как типичный немец. Как-то раз я попросил его осветить мне обстановку на фронте. Это он сделал с методичностью немца: ясно, обстоятельно и обоснованно. Вскоре он заболел воспалением легких, был эвакуирован в Константинополь и до конца гражданской войны оттуда уже не возвращался. Мне говорили, что генерал Врангель дал ему какое-то поручение, которое, видимо, он хорошо выполнил, так как после крымской катастрофы, уже в 1923 году, будучи военным агентом Врангеля в Берлине, был произведен в генералы.

23 июня началась перевозка из Царицына в Полтаву 7-й пехотной дивизии. Эшелоны приходили в полном порядке. Солдаты поражали своей дисциплинированностью и внешним видом. Все они были одеты в новое английское обмундирование.

25 июня на станцию Царицын прибыл эшелон со штабом дивизии. На платформе я увидел начальника дивизии Николая Эмильевича Бредова. Это был очень симпатичный человек и отличный генерал, имевший репутацию боевого храброго офицера. За командование полком в 1915 году он был награжден Георгиевским крестом и как талантливый офицер Генерального штаба был известен еще в мирное время. Выше среднего роста, красивый, стройный, прекрасно сложенный, с чисто военной выправкой, одновременно он был подвижен и спокоен.

— Николай Эмильевич,— окликнул я его,— у меня к вам просьба, когда займете Полтаву и освободите мою жену, от которой я не имею сведений, дайте мне весточку.

— Напишите мне адрес вашей супруги,— ответил Бредов, тут же вынул свою записную книжку и записал наш адрес в Полтаве.

Раздалась команда коменданта станции «по вагонам», и мы расстались.

Благодаря самоотверженному труду железнодорожной администрации, с каждым днем пропускная способность железной дороги увеличивалась. Подвоз всякого рода товаров и продовольствия в Царицын вырос. Магазины стали откры-

ваться, рынки ожили. Казалось, люди стали забывать ту мерзость запустения, которая была 18 июня. На улицах и на берегу Волги можно было видеть жителей, которые до сих пор прятались или приглядывались к новой власти. В предчувствии хорошего заработка появились купцы. Многие из них обращались ко мне с просьбой дать подвижной состав для перевозки леса. Этот материал очень ценился в Екатеринодаре и Новороссийске. По существу мое дело было очень простое: давать наряд на перевозку. Я знал, что в Царицыне были богатейшие лесные склады, но мне не было известно, кому они принадлежали. Всем лицам, обращавшимся ко мне с просьбой о перевозке леса, я неизменно отвечал: «Ваша просьба будет исполнена, если вы мне представите разрешение от штаба командующего армией с указанием количества груза». Большинству мой ответ не нравился. Они говорили, что в Новороссийске за лес можно получить валюту, а за валюту все, в чем нуждалось наше сельское хозяйство и городское население.

Выполняя директиву Главнокомандующего выйти на линию Саратов—Балашов, генерал Врангель 15 июля овладел Камышином. Эта победа дорого стоила командующему Кавказской армией. Большевики сражались с упорством. Несмотря на большие потери, генерал Врангель приказал преследовать красных в направлении на Саратов. Противник был отброшен от Царицына на 100—120 верст. Кавказская армия вместе с двумя бригадами Донской преследовала красных к северу на фронте свыше 100 верст от Волги к западу от реки Медведицы, притока Дона.

Почти в то же время, 17 июля, пришло известие, что генерал Бредов занял Полтаву. Сведения эти настолько приподняли настроение жителей Царицына, что город нельзя было узнать. Все ожили.

Учитывая, что положение на фронтах перед Царицыном было прочным, и узнав о занятии Бредовым Полтавы, я решил поехать в Екатеринодар к Главному начальнику военных сообщений генералу Тихменеву и просить его разрешения отправиться в Полтаву, чтобы забрать мою жену с дочкой и привезти их с собой в Царицын. 19 июля я выехал из Царицына в Екатеринодар, куда и прибыл в тот же день и отправился к генералу Тихменеву. Как всегда приветливый и доброжелательный Николай Михайлович Тихменев охотно дал мне отпуск.

В этой поездке я имел возможность по пути побывать на всех станциях до Тихорецкой и познакомиться с железнодорожной администрацией. Все станции были в образцовом порядке, мосты были всюду исправлены. Никто бы не мог сказать, что месяц тому назад здесь только начались работы по восстановлению полуразрушенных путей и зданий.

На станции Котельниково меня встретил начальник станции полковник железнодорожных войск Даниэль. Он сделал подробный доклад о работе в депо, которое несколько дней тому назад было окончательно восстановлено. Фамилия его была мне знакома. Будучи мальчиком лет десяти, я жил в казенном имении Старый Борисов Минской губернии, где мой отец служил в лесном ведомстве. Его сослуживцем был лесничий, Василий Иванович Даниэль. В его семье было два мальчика — Володя и Саша. Выслушав доклад Даниэля о состоянии станции, я спросил его, не родственник ли он лесничего Василия Ивановича Даниэля. Он ответил:

— Да, я его сын.

— Так Вы должны знать меня,— сказал я, и мы бросились друг другу в объятия.

В Екатеринодаре я узнал, что армия генерала Врангеля при преследовании противника до Камышина встретила серьезное сопротивление красных. До Саратова оставалось еще верст 75 и положение казалось мне прочным. Вечером 23 июля я отправился в Ростов для дальнейшего следования в Полтаву.

Около 3 часов дня 25 июля мой поезд остановился на станции Полтава-Харьковская. Первым, кого я встретил на вокзале, была жена моего друга генерала Маркадеева, Мария Емельяновна. Она бросилась ко мне, спрашивая, не приехал ли ее муж Павел Анисимович. Я ответил, что видел его в Ростове, следовательно, он вот-вот приедет. Тут же я спросил ее:

— А как же мои — живы?

— Ох, не спрашивайте, Петр Семенович, плохо, очень плохо. Ваш дом разграблен. Жена и дети чуть не были расстреляны в Чрезвычайке, но, слава Богу, их выпустили в последний момент.

Я попытался взять извозчика, но извозчиков не оказалось, и я побежал по направлению к городу, никого не видя перед собой. Расстояние от Харьковского вокзала до Сенной площади около шести верст я одолел за 40 минут. Наконец, весь мокрый от пота, позвонил в дверь нашего дома.

Навстречу мне вышла жена. Худая, с впалыми щеками, она бросилась обнимать меня, и мы плакали от радости. Обнимал меня и тесть, полковник Адам Иванович Бафталовский, худой семидесятипятилетний старик. Моя дочурка Елена, заплакав, тоже бросилась мне на шею. Наша прислуга Настя, всеобщая любимица, верная, преданная, как родная, обливаясь слезами, крепко обнимала меня. Когда я 1 января 1919 года покидал Полтаву, она была еще розовощекой толстушкой, теперь же передо мной была бледная девушка с ввалившимися щеками.

Прежде всего я попросил свежее белье, чтобы переодеться. Однако все мое белье и моего тестя, и его четырех сыновей-офицеров, как и все обмундирование, забрали большевики. Моя заботливая жена могла мне предложить только дамскую ночную рубашку, чем я с удовольствием и воспользовался.

После моего отъезда 1 января 1919 г. семья моя переживала большие материальные лишения, так как с приходом большевиков все на рынке исчезло, часто не было хлеба и за ним приходилось стоять в бесконечных очередях, чтобы получить на семью из четырех-пяти человек фунт-полтора хлеба. С первых же дней начались аресты офицеров и расстрелы.

Мою семью Господь Бог хранил, но за два дня до вступления в Полтаву 7-й дивизии генерала Бредова, 15 июля, произошел разгром в нашем доме. Жена подробно рассказала об этом. А было это так: на рассвете 15 июля раздался звонок. Все стали быстро одеваться. Настя пошла открывать дверь. В дом ввалились человек восемь солдат с винтовками под предводительством молодого человека дегенеративного вида с гнилыми зубами, который оказался чекистом Сметаничем. Обратившись к моей жене, он заявил:

— Денщик Вашего белогвардейского мужа сообщил нам, что в вашем доме хранится оружие.

Пока он разговаривал с отцом жены, один из солдат отвел ее в сторону и тихо скороговоркой сказал:

— Если у вас есть что-либо из оружия, то лучше скажите сразу об этом, тут народ аховый, бывает и свой пулемет подбросят, а вы, я вижу, люди хорошие, наверно, монархисты, такие же, как и моя мама — москвичка.

Сметанич приказал вытащить корзины с моими вещами на веранду и вскрыть их, но жена успела передать Насте шкатулку с золотыми вещами, да та и сама начала переносить на кухню в свой сундучок столовое серебро.

Сметанич велел открыть все сундуки, шкафы и комоды, откуда было вытащено обмундирование и белье, а также мой парадный мундир. Оторвав погоны и аксельбанты, солдаты повесили его на дерево в саду.

Взломав письменный стол с моей диссертацией по военной психологии и пачки писем, Сметанич объявил, что это, вероятно, контрреволюционная литература, и отложил все в сторону. Попытки объяснить ему, что это диссертация, успеха не имели. Обнаружив колодку с моими орденами, он немедленно сорвал их, оставив только бронзовые медали, а мой кортик с Георгиевским темляком и золотой рукояткой нацепил на себя.

После всего этого он потребовал от жены:

— А теперь показывайте оружие.

Она указала место в саду, где под деревом были зарыты 15 или 16 австрийских винтовок, привезенных с фронта моими братьями на память. Солдаты раскопали это оружие и нашли еще несколько револьверов и ручных гранат. Сметанич был в восторге.

— Да это подготовка к вооруженному восстанию! — воскликнул он и объявил моей жене и ее отцу, что они арестованы.

Отправив дочку к соседке, они сели в коляску, которая тронулась с двумя солдатами на подножках. Все вещи были погружены на подводу.

Жену и тестя привезли в здание окружного суда, где помещалась Чрезвычайка. Допрос вел человек средних лет. Записав все данные и расспросив обо мне, он сказал, что сейчас идет экспертиза найденного оружия, и отправил жену в комнату для арестованных, куда скоро пришел и ее отец.

Во дворе Чрезвычайки раздавались выстрелы. Это расстреливали приговоренных. Вскоре к арестованным забежал тот же солдатик, что советовал не скрывать оружия, и сказал, что винтовки оказались иностранными и патроны к ним не подходят. Кроме того, он добавил:

— Ваша девушка приходила сюда, хвалила вас, просила за вас, говорила, что вы люди хорошие.

Через некоторое время к арестованным вышел мужчина в штатском и заявил:

— Гражданин Адам Иванович Бафталовский и гражданка Мария Адамовна Махрова, вы свободны, возвращайтесь домой, но впредь до особого распоряжения из дома не выходите, иначе вы будете снова арестованы.

Дома все было раскрыто и разбросано. На полу валялся мой парадный кивер. Соседка рассказала, что квартирующий у нее коммунист из городского Совета Лечейда, узнав, что моя жена и ее отец арестованы, немедленно отправился в здание окружного суда, чтобы хлопотать за них. Лечейда был полуинтеллигентом, но человеком воспитанным. Знакомство с ним было шапочное. Однажды он сказал моей жене:

— Какая Вы генеральша? Вы молодая, простая, скромная, а я привык видеть генеральш старых, грузных, важных и гордых. Отец Ваш, да и муж служили честно, зла никому не делали.

На другой день, 16 июня с утра, на востоке со стороны Харьковского вокзала, послышалась отдаленная канонада. Отец жены сказал: «Не подходит ли это уже Белая армия?» Настя, возвратившись из города, где она стояла в очереди за хлебом, сообщила, что по Александровской улице красноармейцы везли на подводах ящики, сундуки, чемоданы на Киевский вокзал. Пушечные выстрелы доносились все сильнее и сильнее. К вечеру канонада стала слышнее со стороны

Харьковского вокзала, а потом к ней присоединилась и пулеметная трескотня. В самом же городе было тихо. Жена с Настей вышли на Сенную площадь к Александровской улице и увидели, что по улице, в направлении к Киевскому вокзалу, неслись телеги и коляски, нагруженные кладью. Кучера то и дело нахлестывали лошадей, с повозок падали чемоданы, ящики, но никто их и не думал поднимать. Это было паническое бегство коммунистов. Стало ясно, что завтра утром Полтава будет в руках белых.

17 июня все встали очень рано. Около 8 часов утра в дверь позвонили и вошел пожилой капитан Добровольческой армии, одетый в новенькое, чистое английское обмундирование.

Он любезно попросил отвести ему комнату и помещение для нескольких солдат. Тесть предоставил ему свой кабинет, а для солдат освободили комнаты у веранды.

Около трех часов дня Настя сообщила, что жену хочет видеть какой-то офицер. Жена поспешила в дом. Перед ней стоял стройный, моложавый генерал, симпатичный и элегантно одетый. Это был Николай Эмильевич Бредов. Он сказал:

— Петр Семенович в Царицыне просил меня, чтобы я, когда займу Полтаву, зашел к Вам и передал привет. Я обещал и исполняю. Прошу Вас сказать мне откровенно, в чем Вы нуждаетесь, я сделаю все возможное. Может быть, вам нужны деньги? Мы с Петром Семеновичем потом сочтемся.

— Все это было сказано просто, видно прямо от души. Я едва удержалась, чтобы не расплакаться. Конечно, мы во всем нуждались, но я его поблагодарила и ничего не просила. Вскоре он встал и, прощаясь со мной, сказал: «Я думаю, что на днях Петр Семенович приедет к Вам». На этом мы расстались,— закончила свой рассказ жена.

В тот же день, 25 июля, я отправился искать штаб дивизии, чтобы поблагодарить генерала Бредова за внимание, но штаб уже переместился куда-то к западу, в направлении на Киев. Я заглянул к заведующему складом Красного Креста и попросил, чтобы мне дали белье и, если можно, чай и сахар. Все это мне было отпущено немедленно и отправлено к нам на квартиру.

Жизнь в Полтаве была очень дорогая. Особенно дорого стоили обувь и одежда. Сахар ценился чуть ли не на вес золота. Жители все продавали, чтобы купить съестные припасы. Мой тесть при мне продал новый дорогой рояль за 3 тыс. рублей, что составляло месячный бюджет семьи. Между прочим, когда выносили этот рояль, в нотных тетрадях я нашел все свои документы, в том числе послужной список, аттестаты и пр. Благодаря предусмотрительности моего те-

стя, все это не попало в качестве «контрреволюционных материалов» в руки Сметанича.

Рассказывая о том, как был ограблен большевиками наш дом, жена посвятила меня еще в одну историю. Сметанич утверждал, что обыск у нас был произведен на основании доноса моего бывшего денщика Трофима Горбачева. Горбачев прослужил у меня с 1913-го по 1918 год. Он был мне предан, всегда внимателен и услужлив. Я его любил, и вся семья относилась к нему хорошо. В конце 1918 г. он женился на горничной моей жены. Жена с ног до головы одела невесту и устроила им свадьбу в нашем доме. Они уехали в соседнюю деревню под Полтавой. Время от времени в период немецкой оккупации Горбачевы заглядывали к нам и привозили для продажи сельские продукты. Приезжали они и тогда, когда Полтава была занята большевиками.

Большевики издали приказ о немедленной под угрозой смертной казни сдаче оружия и объявили большую денежную награду за каждую винтовку, если кто-либо укажет, где и у кого она хранится.

На другой день после обыска в дом вошел очень расстроенный Трофим Горбачев. Жена ему сказала:

— Трофим, я знаю, нам сказали, что это вы на нас донесли, но Бог с вами, когда приедет генерал, я ему не скажу, кто навел на наш дом злодеев.

Горбачев зарыдал, не произнес ни одного слова и ушел.

После моего прибытия в Полтаву Горбачев пришел ко мне. На него было страшно смотреть. Теперь это был худой как скелет человек с провалившимися глазами. Я его встретил, как всегда, не подавая виду, что мне известно его предательство. Вытянувшись по-солдатски, он сказал дрожащим голосом:

— Здравия желаю, Ваше Превосходительство! Я привез Вам из деревни масла и яиц.

Затем он положил на стол какой-то сверток.

— Нет, Трофим, теперь не время для гостинцев, я без денег не возьму. Сколько?

Он смутился. Вошла жена и заплатила ему по ценам черного рынка. Мы расспрашивали его, как они живут. Трофим ответил, что жить теперь тяжело. Вскоре он ушел.

Я же не мог забыть, думая о моем денщике, как в 1914 году в Галиции он приносил мне под снарядами во время боев котлеты с пюре, как он, увидев меня спящим в лесу на земле, укрыл снопами, принесенными с поля, как он оберегал мою жизнь во время революции, когда я командовал 13-м Сибирским стрелковым полком. Как могло случиться, что он предал меня, остается загадкой и до сегодняшнего дня.

Жена была рада уехать с дочерью и со мной в Царицын. Моя теща и тесть отказались, так как тесть боялся потерять

пенсию, да и возраст его — 75 лет, останавливал. Они решили остаться в Полтаве и ждать нашего возвращения после того, как Белая армия овладеет Москвой.

4 августа мы выехали на Харьков, чтобы следовать дальше через Ростов в Царицын. В Харькове на вокзале мы отправились в буфет. Громадная зала была переполнена пассажирами. Стоял гул. Буфет бойко торговал, но блюдо было одно — кусок жареного мяса с картофелем и хлебом, а потом только чай. На станции Харьков порядок был образцовый. Поезда приходили и уходили по расписанию.

Утром 7 августа мы прибыли в Екатеринодар. Я зашел к генералу Тихменеву. Он мне сообщил, что на всем фронте Вооруженные Силы Юга России продолжают успешное наступление. В армии генерала Врангеля произошла заминка под Саратовом, которую Тихменев рассматривает как временную, так как к генералу Врангелю направлены войска из резерва Главнокомандующего.

В этот же день я выехал в Царицын, куда и прибыл 8 августа утром. Первые сведения о боевой обстановке на фронте Кавказской армии были тревожными. Мой помощник полковник Саттеруп доложил, что за время моего отсутствия большевики 1 августа нанесли на подступах к Саратову серьезное поражение армии генерала Врангеля и вынудили ее к отступлению. 8-го, т. е. в день моего приезда в Царицын, генерал Врангель вынужден был оставить Камышин и теперь занимал оборонительную позицию в двадцати пяти верстах к северу от Царицына, но противник продолжал наступление.

Не успел закончить свой доклад полковник Саттеруп, как ко мне в вагон с шумом явился генерал Владимир Николаевич Дрейер, как всегда с сигарой во рту, и громким голосом начал речь на своем своеобразном языке:

— Наконец Вы явились, мой друг, а то тут сплошное безобразие. Ваш любимец, этот полковник Саттеруп, меня отовсюду гонит, а мне надо срочно отправить жену в Екатеринодар.

— Будет сделано, Владимир Николаевич. Скажите, как это произошло с Врангелем, что он откатился за Камышин.

Дрейер начал свой рассказ:

— Когда Колчак стал отступать, большевики у Саратова собрали в кулак около сорока тысяч человек. Этим кулаком они решили ударить по Врангелю. Кавказская армия к концу июля продолжала вести бои на фронте, верст 75 севернее от Камышина. Левее от нее вел бой Донской корпус. Длина фронта, занимавшаяся донцами и Кавказской армией, была около ста верст. У Врангеля, думаю вместе с Донским корпусом, насчитывалось тысяч 10—12. Врангелю до Саратова оставалось еще верст 80. Но вот в двадцатых числах июля

конница Буденного и Думенко, поддержанная пехотой, атаковала Кавказскую армию. Генералы Покровский и Топорков отбили большевиков, но и сами понесли тяжелые потери.

1 августа большевики вновь ударили в направлении на Красный Яр, прорвали фронт и стали разворачиваться направо и налево, прижимая врангелевскую армию к Волге, а Донской корпус к Дону. Положение стало настолько грозным, что Врангелю пришлось без боя очистить Камышин и уйти верст на 20 к югу, где он и занял позицию от Волги до левого берега реки Иловки на западе. Врангель сейчас в Екатеринодаре, он требует от Кубанского правительства и Кубанской рады пополнения, так как его армия здорово ослаблена понесенными потерями.

Дрейер был очень осведомленный человек и рассказывал о некоторых деталях отступления Кавказской армии к Царицыну. Отступление было трудным, так как большевики значительно превосходили силами Кавказскую армию. Казаки-кубанцы доблестно сражались. Генерал Покровский и Топорков, проявляя инициативу, искусно маневрировали, а сам генерал Врангель отлично управлял операцией и был всегда там, где присутствие его было необходимо. Камышин же он покинул без боя, дабы сохранить свою армию, усталую и малочисленную.

10 августа генерал Врангель пригласил меня к себе после двух часов дня. Он жил в небольшом особняке недалеко от берега Волги. Ординарец командующего провел меня на второй этаж в кабинет Врангеля. В небольшой светлой комнате окна были открыты настежь: стояла страшная жара. Генерал Врангель встретил меня без черкески, в одном черном сатиновом бешмете. Поздоровавшись, он сказал:

— Извините меня, Петр Семенович, что я Вас так принимаю. Очень жарко.

Обстановка кабинета была скромная. Стоял большой простой стол, на котором лежали папки с бумагами, карты большого масштаба, несколько карандашей, да перо с чернильницей. У стола — кресло и три-четыре стула. На стене висела карта, 25 верст в дюйме. Флажками на ней было отмечено расположение наших войск и войск противника.

Генерал Врангель пригласил меня подойти к карте и объяснил следующую обстановку:

— Я не сомневаюсь, что Егоров* вот-вот перейдет в наступление. Я собираю теперь в Царицыне резерв. Будет переброшена с левого берега Волги 3-я Кубанская дивизия генерала Мамонтова, довольно многочисленная и крепкая

---

* Егоров был командующим 10-й Красной Армии до мая 1919 г. С 21 мая по декабрь 1919 г. армией командовал его иначальник штаба подполковник Генерального штаба в Царской армии Л. Л. Клоев (прим. — Н. Р.).

духом. Жду подхода подкрепления от Деникина и пополнений с Кубани. Если же придется отходить ранее сосредоточения моих резервов, я приму отступающих вот на эту укрепленную позицию.

И тут же Врангель показал мне на карте линию окопов верстах в 30—40 севернее Царицына.

— Но чтобы сохранить за собой полную инициативу,— продолжал Врангель,— я решил предоставить жителям города возможность уехать на юг и эвакуировать все правительственные и деловые учреждения, равно как и все ценные грузы. Скажите мне, в какой срок вы все это можете выполнить?

Я ответил, что дорога не пропускает больше четырех пар поездов в сутки, но, возвращаясь из Екатеринодара 7 августа, я беседовал с начальником службы движения, и он сообщил мне, что уже через дней 5—6 можно будет довести число поездов до шести пар в сутки. План эвакуации мы разработали заблаговременно и я рассчитываю выполнить его дней за десять, если не случится чего-либо непредвиденного.

— Ну отлично, начнем эвакуацию 14 августа,— сказал генерал Врангель.

Заложив руки за спину, он начал ходить взад и вперед, потом остановился и гневно заговорил:

— Вот до чего довел Кавказскую армию Деникин. Вместо того, чтобы сегодня ей быть в Саратове, завтра она может очутиться под стенами Царицына. Деникин, приехав в Царицын 11 июля, приказал отправить из моей армии в Добровольческую 7-ю дивизию Бредова, а потом и другие войска. А мне приказал овладеть Саратовом слабыми силами на плечах разбитых красных. Я был уже в четырех переходах от Саратова, но все усилия оказались напрасными. Сколько раз я писал и телеграфировал генералам Деникину и Романовскому, прося прислать мне подкрепления, сколько раз я сообщал им, что пополнение не приходит, а ряды поредели, сколько раз я упоминал, что снабжение армии в ужасном состоянии. Порой даже и хлеба не было! И все это было гласом вопиющего в пустыне. Наконец я написал Деникину письмо, в котором честно и откровенно все высказал и указывал на безучастное его отношение к Кавказской армии. Это имело некоторое воздействие, но было уже поздно. Эвакуация Царицына! У меня с болью сжимается сердце! — закончил Врангель и молча стал ходить взад и вперед по комнате. — Итак, Петр Семенович, надеюсь, что Вы эвакуацию проведете отлично,— сказал он, пожал мне руку, и мы расстались.

Я вышел на улицу. Солнце жгло немилосердно. Жара стояла ужасная. Я возвратился к себе в вагон. Пригласив своего помощника, начальника узла Александрова, и на-

чальника дороги Александра Александровича Соколова, я ввел их в курс дела. Мы решили до 14 августа убрать все что можно из подвижного состава, заполнявшего обе станции — Царицын и Царицын-Южный. С 14-го было решено начать эвакуацию больных и раненых из госпиталей города Камышина, а затем и остальных.

Жара, наступившая с конца июля, повлекла за собой эпидемию холеры. Среди заболевших оказалось много красноармейцев, попавших к нам в плен. Я с ужасом смотрел на этих голодных солдат, выгружавшихся из вагонов. Они подбирали огрызки арбузов и с жадностью их ели. Другие подходили к вагонам, где жили семьи офицеров и, протягивая руки к женщинам, просили: «Сестрица, сестрица, корочку бы хлеба — третий день мы ничего не ели». А у «сестриц» самих не было хлеба, так как интендантство поставляло муку с перебоями. Правда, вольные торговцы в изобилии подвозили пряники, сушки и сухари. Женщины протягивали их несчастным голодным, а также раздавали им сахар. Красноармейцы горячо благодарили, и мне приходилось видеть, как эти добрые русские женщины украдкой вытирали слезы.

В Царицыне был открыт холерный госпиталь, старшей сестрой в котором была графиня Екатерина Михайловна Гейден. Я ее знал еще по Киеву. Графиня была в высшей степени энергичная, умная и чрезвычайно добрая женщина. До революции она управляла одним из своих имений в Волынской губернии. Ее муж, граф Дмитрий Федорович Гейден, мало занимался своими делами. Он всецело отдавался служению России. Я подружился с Дмитрием Федоровичем еще во время войны 1914 года в 8-й армии генерала Брусилова. Он начал свою службу в одном из гвардейских полков. Потом окончил Академию Генерального штаба и будучи подполковником вышел в запас, так как был избран членом Государственной Думы. Когда была объявлена война, он был призван и получил назначение на должность дежурного генерала в штабе 8-й армии генерала Брусилова. Чрезвычайно скромный, он незаметно нес сложную службу в штабе и был всегда справедлив в оценке людей. Он постоянно защищал начальников, попадавших в опалу к вспыльчивому Брусилову. Гейден близко принимал к сердцу людское горе, заботился о вдовах офицеров, погибших на войне, помогал им деньгами из собственных средств и устраивал на службу. Все это он делал скромно, незаметно для других. Раз произошел такой случай: полковник 51-го Литовского полка Василий Ильич Морозов, человек безукоризненной честности, подписал какую-то хозяйственную бумагу, не вникнув серьезно в дело. В результате проверки контролем он был предан суду. Делу был дан ход, хотя казна и не понесла убытков. Морозов сходил с ума от горя. Куда только он

не обращался: и в штаб дивизии, и в штаб корпуса. Всюду был один ответ: суд разберет. Но быть под судом для Морозова было невыносимо. Он приехал в штаб армии и обратился к Гейдену. Дмитрий Федорович принял в нем участие, хотя никогда не знал Морозова, и добился того, что Брусилов приказал прекратить дело. И сколько было таких случаев!

Однажды я узнал, что Дмитрий Федорович, исполнявший должность начальника гарнизона в Царицыне, заболел холерой и лежит в госпитале. Я немедленно отправился проведать его. Меня встретила его жена Екатерина Михайловна, одетая в костюм сестры милосердия, ее платье было сшито из серого грубого мешочного полотна. На мой вопрос, можно ли видеть Дмитрия Федоровича, она ответила: «Слава Богу, он на пути к выздоровлению». Графиня ввела меня в небольшую комнату. На койке лежал желтый как мертвец граф Гейден. Увидев меня, он болезненно улыбнулся и протянул мне руку. Я ему рассказал, что на днях начнется эвакуация, и предложил перевезти его отдельно.

— Нет, благодарю вас, Петр Семенович, я поеду со всеми вместе, с госпиталем,— ответил он.

14 августа началась эвакуация. В этот день на станцию Царицын пришли Врангель с Шатиловым. На пути стоял поезд с казаками, отъезжавшими с фронта в отпуск. Вагоны были переполнены, многие разместились на крышах вагонов. Начальник железнодорожной станции ротмистр Мордвинов и комендант станции безуспешно приказывали казакам сойти с крыш и очистить ступеньки вагонов. Заметив это, Врангель вышел из себя и стал «разносить» коменданта станции. Я впервые увидел генерала Врангеля потерявшим самообладание. Я думаю, что это было следствием тяжелых переживаний после поражения под Камышином.

20 августа генерал Врангель, сосредоточив резервы в Царицыне, готов был принять отходившие войска на укрепленную позицию, для чего он расположил свои части по линии деревня Пичуга — станция Котлубань (30—40 верст к северу от Царицына).

В этот день ко мне явилась депутация от астраханских казаков и казачек с просьбой их эвакуировать. В моем распоряжении был весь подвижной состав, и мне удалось предоставить им целый поезд. В этот же день они стали грузиться со всем своим скарбом. Оставалось еще несколько свободных вагонов. Казачки стали упрашивать меня: «Эх, Ваше Превосходительство, позволили бы Вы нам немного скотинки, да фуража нагрузить!» На основании приказа Врангеля частные жители могли уезжать только с ручным багажом, но поскольку место было, я под свою ответственность разрешил. Видели бы вы, с какой радостью встретили они

это известие, и погрузка «закрутилась» в еще более быстром темпе. На другой день эшелон благополучно ушел.

* * *

22 августа Кавказская армия уже вела бои перед самой укрепленной позицией*, располагающейся по дуге радиусом верст 20 перед Царицыном. В ее составе была группа генерала Улагая, находившаяся у станции Котлубань в верстах 50-ти к северо-западу от Царицына. В течение дня 22 августа все атаки большевиков были отбиты, но вечером генерал Писарев вынужден был отвести свой корпус и занять заранее подготовленную позицию, правый фланг которой был укреплен, правда, к сожалению, не везде, проволочными заграждениями. У самой Волги он вообще был лишен каких бы то ни было укреплений.

К утру 23 августа эвакуация Царицына была закончена. Станция Царицын была совершенно очищена. На путях стояли только поезд командующего армией, поезд начальника военных сообщений, поезд с семьями военнослужащих и несколько вагонов с рабочими командами капитана Соколова. День был ясный, тихий, на платформе играли детишки, сквозь окна вагонов можно было видеть женщин, занимающихся своими обычными домашними делами.

Вдруг около трех часов дня из окна моего вагона я увидел группу офицеров и солдат, бежавших из города по направлению к поезду командующего армией. Несли пишущие машинки, папки с бумагами, в воздухе развевались ленты телеграфных аппаратов. За ними вприпрыжку спешил генерал-квартирмейстер Зигель. Я догадался, в чем дело, и вышел к нему навстречу.

— Поезд готов? — спросил меня Зигель.

— Готов, — ответил я. — А что случилось?

— Большевики прорвали нашу позицию, — ответил Зигель, — отправьте поезд штаба в Сарепту.

Зигель со штабом армии отправился занимать свои вагоны, а я ушел к себе и приказал подать паровозы ко всем поездом. Пока разводили пары, Зигель несколько раз звонил мне по телефону, спрашивая, скоро ли поезд штаба будет отправлен в Сарепту.

---

* Позиция была расположена к северу от Царицына радиусом верст 20—25, от берега Волги до Грязной Балки. Она была занята 1-м Кубанским корпусом под командованием генерала Писарева, а конная группа генерала Улагая стояла несколько левее, уступом, к северу от станции Котлубань, в 40-ка верстах северо-западнее Царицына. Их атаковывала 28-я стрелковая дивизия, усиленная матросским полком и конной бригадой Городовикова.

Зашевелилась железнодорожная администрация. Многие стали подходить ко мне, спрашивать, в чем дело. Со стороны Волги доносились звуки оружейных выстрелов.

Вдруг со стороны фронта мы увидели несущийся на всех парах поезд. С неумолкающим свистом он влетел на станцию, не обращая никакого внимания на сигнализацию и не замедляя хода. Очевидно, машинист хотел, не останавливаясь, проскочить на следующую станцию — Царицын-Южный. К счастью, находчивый начальник узла капитан Соколов успел перевести стрелку и направил поезд на запасной, ведущий в тупик путь.

Это был бронепоезд. Возле машиниста стоял артиллерист с револьвером в руке. С поезда соскочил его командир — полковник лет под пятьдесят с обезумевшим лицом и тоже с револьвером в руке. Он стал кричать на капитана Соколова, требуя немедленно отправить поезд дальше. Пришлось вызывать караул. В это время с шипением и со скрежетом над вокзалом пронеслись два снаряда и ударили в дровяной склад возле депо. Начался пожар. Клубы черного дыма поднимались в воздух. К депо бежала рабочая дружина, чтобы потушить огонь. Я с моим помощником полковником Саттерупом подошел к командиру бронепоезда. Он казался невменяемым. Говорить с ним не было смысла. Один из офицеров бронепоезда, тоже взволнованный, объяснил, что им едва удалось уйти, так как большевики чуть не прервали железнодорожное сообщение.

— В любом случае вам место не здесь, а на фронте. Возвращайтесь на позицию! Я дальше поезд не пропущу! — сказал я.

Услышав мое распоряжение, командир бронепоезда как бы очнулся и пришел в себя. Он вошел в бронепоезд и дал сигнал — поезд двинулся на север в направлении к фронту. Фамилию этого штаб-офицера я забыл. Он был среднего роста, довольно полный, с русой бородкой и симпатичным лицом. Видимо, он был просто очень расстроен. Когда я рассказывал потом этот случай начальнику артиллерии генералу Макееву, он очень хорошо отозвался об этом полковнике.

Около пяти часов вечера мне доложили, что генерал Врангель находится со своим начальником штаба у вокзала и просит меня немедленно прийти к нему. Подходя к указанному месту, я увидел под тенью деревьев генералов Врангеля и Шатилова, внимательно рассматривающих карту. Немного поодаль стояла группа спешившихся казаков. Генерал Врангель, как всегда приветливо, протянул мне руку.

— Большевики атакуют наш правый фланг, матросский полк у Французского завода у самого Царицына. Я прика-

зал перейти в контратаку и сам сейчас отправляюсь с моим конвоем на фронт. Отправьте мой поезд в Сарепту. Я останусь в Царицыне. У вас эвакуация закончена?

— Да, остались только служебные поезда, которые к вечеру уйдут из Царицына Главного.

— Отлично! — ответил Врангель и, пожав мне руку, командовал: — По коням!

Вестовые подвели лошадей. Командующий армией с юношеской легкостью вскочил в седло, за ним последовали офицеры и конвой. Генерал Врангель, приложив руку к папахе, ответил мне на приветствие, и отряд тронулся в направлении Соборной площади, а я возвратился на станцию. Паровоз поезда командующего армией уже дымил. Через четверть часа он был отправлен на Сарепту.

К семи часам вечера все остальные поезда покинули станцию Царицын. На линии оставался только мой поезд да команда деповских рабочих и подвижные мастерские. В управление станцией Царицын и головной станцией вступил железнодорожного батальона капитан Соколов со своим неизменным спутником ремонтной команды прапорщиком Гребенюком, человеком исключительной отваги, энергии и работоспособности.

Царицын-Южный не мог принять мой поезд, так как эта станция и станция Сарепта были забиты эшелонами. Прежде всего нужно было расчистить Сарепту. Начальник узла Александров и начальник дороги не отходили от телефона, давая распоряжения по продвижению поездов на линии.

Начало темнеть. Со стороны Волги доносились звуки артиллерийских выстрелов. К моему вагону подошла группа рабочих депо с бригадиром Молоствовым во главе. С ними был мой помощник полковник Саттеруп. Я спросил, в чем дело. Константин Владимирович Саттеруп доложил мне, что пришла депутация рабочих, которая просит меня ее принять. Я вышел. Все сняли шапки. Я ответил на приветствие. Бригадир, держа в руке что-то вроде ящика, завернутого в бумагу, обратился ко мне со словами:

— Ваше Превосходительство! Деповские рабочие просят Вас принять от них как благословение икону Пресвятой Богородицы,— и тут же развязав пакет, преподнес мне большую икону в золоченой раме под стеклом. — Да хранит она Вас от всяких бед! Эту святыню мы вынесли из Царицынского собора во время бесчинства коммунистов и долго хранили ее на дровяном складе. Икона эта очень почиталась царицынскими верующими.

Я перекрестился, принял икону и, с трудом сдерживая волнение, поблагодарил рабочих. Потом бригадир сказал, что 150 рабочих просят меня в случае, если Царицын не

удержится, отправить их вместе со мной на следующую станцию Котельниково. Все это меня чрезвычайно тронуло. Тут же я приказал полковнику Саттерупу распорядиться, чтобы для рабочих депо был сформирован поезд.

Икону я внес в салон-вагон и попросил повесить в одном из углов. Эту святыню, дорогую мне тем, что она пребывала в Царицынском соборе и была преподнесена мне православными русскими рабочими в трудную минуту жизни, я всегда хранил при себе. После этого события у меня появилось какое-то необъяснимое чувство уверенности, что мне нечего бояться, раз у меня есть моя Заступница. Это придавало мне энергию и новые силы.

В поезде вместе со служащим моего Управления продолжали оставаться некоторые семьи, не успевшие уехать со специальным поездом. Я же свою жену с дочерью отправил раньше. Вместе с моей женой уехала мать генерала Шатилова, Марья Петровна, очень симпатичная женщина. Отправлена была заблаговременно и жена генерала Дрейера, чему он был очень рад.

Только после девяти часов вечера мой поезд был принят на станцию Царицын-Южный, и то с большим трудом — один из поездов, стоявших на этой станции, пришлось вывести за семафор, что, с точки зрения нормальной службы движения, было недопустимым.

Начальник дороги и начальник Царицынского узла постоянно сидели у телеграфных аппаратов, стараясь принять необходимые меры, чтобы расчистить станции Котельниково, Жутово и Царицын. Дежурный офицер информировал о событиях на фронте, которые становились ему известны. Он сообщил, что на участке фронта у Французского завода идет бой, слышна орудийная стрельба, что на станции Царицын-Главный у пакгаузов в депо попал снаряд, начался пожар, но его быстро потушили рабочие.

Томительно прошла ночь с 23-го на 24 августа. Начало светать. Все служащие оставались на платформе, ежась от холода. Денщики раздували самовары. Стало совсем светло. Небритые лица окружающих казались серыми. Вокзал заполнили эвакуированные, стремящиеся добыть кипятка. Вестей с фронта не было. На крышах зачирикали воробьи. Показалось солнце. Вдруг донесся звон церковного колокола из Царицына. Все, находящиеся на платформе, сняли шапки и стали креститься. Что бы это значило? Победа или призыв в храм, чтобы помолиться о даровании победы? Вскоре дежурный офицер принес телеграфную ленту. Весть была радостной: «Положение всюду восстановлено. Матросы, занимавшие Французский завод, изрублены казаками». Все ожились и поздравляли друг друга.

Около 10 часов утра я был уже вполне осведомлен об обстановке на фронте: за день 23 августа к вечеру большевики не только были всюду отброшены, но и была очищена захваченная ими ранее наша укрепленная позиция и Французский завод. Они были также разбиты генералом Улагаем у станции Котлубань, причем нами было взято много пленных, пушки и пулеметы.

С рассветом 24 августа красные вновь перешли в атаку на всем фронте перед Царицыном — от Волги до Дона. Они действовали двумя группами: одна атаковала корпус генерала Писарева*, занимавшего укрепленную позицию перед Царицыным, другая, как и 23 августа, наступала против конницы генерала Улагая у станции Котлубань. И генерал Писарев, и генерал Улагай днем перешли в контратаку и опять разбили противника, захватив много пленных и пулеметов.

Я решил перевести поезд моего Управления и служебные поезда железнодорожной администрации обратно на станцию Царицын-Главный. Надо было освобождать Царицын-Южный, чтобы без задержки пропустить эшелоны с войсками и поезд с танками, двигавшиеся на помощь генералу Врангелю.

25 августа на станцию Царицын прибыло много красноармейцев. Все они были без сапог, многие в изодранных опорках. Шинелей на них не было. Казаки имели обыкновенные первым делом снимать с пленных сапоги, так как они сами были очень плохо обуты.

В этот день на станцию Царицын прибыл поезд с шестью танками, которые немедленно проследовали на фронт. В течение дня 26 августа генерал Врангель произвел перегруппировку своих войск. Самое существенное заключалось в том, что против правого фланга противника он сосредоточил конную группу генерала Бабиева с танками**.

27 утром генерал Писарев начал атаку с фронта, а генерал Бабиев нанес красным удар в правый фланг 28-й дивизии. Появление танков на поле сражения решило участь операции. У большевиков началась паника. Бросив оружие

---

* Генерал Писарев временно командовал корпусом вместо заболевшего и эвакуированного генерала Покровского. Генерал Писарев был одним из выдающихся строевых начальников. Он отлично и быстро схватывал обстановку, был инициативен, решителен и отважен.

** 28-я дивизия красных занимала позицию у деревни Орловка, верст 20 к северу от Царицына. Против нее действовал 1-й корпус генерала Писарева. Бабиев с танками стоял уступами левее корпуса генерала Писарева у хутора Безродненского против плохо обеспеченного правого фланга 28-й стрелковой дивизии красных. План генерала Врангеля заключался в том, чтобы атаковать противника с фронта корпусом генерала Писарева с одновременным ударом конницы с танками генерала Бабиева в правый фланг противника.

и обозы, они в беспорядке бежали до Дубовки, верст 45 к северу от Царицына. 28-я дивизия красных была разбита наголову.

Таким образом, положение генерала Врангеля на севере Царицына, бывшее 22 августа практически, если не безнадежным, то критическим, за почти 6 дней боев к вечеру 27 августа реально изменилось к лучшему. За время этих боев было взято в плен около 18 тысяч красноармейцев, 30 орудий, 160 пулеметов, многочисленные обозы и др. трофеи.

Но в этот же день, когда генерал Врангель мог вздохнуть свободней, стало известно, что отряд красных, действовавший в районе к югу от Царицына, у Черного Яра, выбил наши войска, потеснил их к Сарепте и занял Райгород, расположенный в 50-ти верстах к югу от Царицына. Положение на юге Царицына стало вновь тревожным. Противник в случае занятия Сарепты мог прервать сообщение с Царицыном и выйти с юга в тыл армии генерала Врангеля.

Генерал Врангель решил сделать прыжок с севера на юг, разбить противника у Райгорода и овладеть укрепленной позицией красных у Черного Яра.

Я получил указание спешно перевезти 3-ю Кубанскую дивизию генерала Бабиева, стоявшую на позиции к северу от Царицына, в Сарепту, на юг, к чему и приступил 28 августа.

...

В один из последних дней августа мне доложили, что меня хочет видеть по личному делу какой-то военный врач. Я приказал просить. Ко мне вошел небольшого роста щедущий блондин с симпатичным лицом, с маленькими светлыми усиками и спокойными глазами. Он представился мне, назвав себя военным врачом, несколько дней тому назад попавшим в плен в нашу армию и поступившим на службу в армию генерала Врангеля. Я пригласил его сесть, ожидая, что он мне расскажет о своем личном деле. Он начал вполголоса:

— Я привез Вам привет от Вашего брата Николая Семеновича. Он просил передать Вам, что он душой всегда с Вами, что он очень страдает, не имея возможности перейти на сторону белых.

Я прервал доктора, спросив его:

— Так где же мой брат?

— Он командует бригадой в 28-й стрелковой дивизии, которая действует на севере под Царицыном против армии генерала Врангеля. В одном из последних боев я предупредил Николая Семеновича, что решил перейти на сторону белых. Вот он и дал мне поручение передать Вам и Вашему

брату Василию Семеновичу свой привет и сказать, что он сам перейти не может, так как его жена Наталья Даниловна и дочь Тамара объявлены заложницами. Мы с Николаем Семеновичем большие друзья. Несчастный он человек! Им пользуются как военным «спецом» и к нему приставлен комиссар, который следит за каждым его шагом.

Меня эта весть очень взволновала. Я вспомнил, как 26 июля мне сказал старик, сидевший на берегу Волги у маленькой церковки: «Брат на брата пошел... Светопреставление!» В данное время нас с Николаем разделяло пространство в 50 верст. Мы всем сердцем любили друг друга, но судьбой вынуждены идти один против другого, как враги.

Я поблагодарил доктора, спросил, не могу ли быть чем-нибудь ему полезным. Он, в свою очередь, поблагодарил меня и сказал, что ни в чем уже не нуждается. Я крепко пожал ему руку, и мы расстались. Я остался один в вагоне. В голове моей, как бурные потоки, неслись мысли. Я вспоминал наше детство, когда мы с братом беззаботно жили вместе с родителями в казенном имении Старый Борисов. Как мы веселились, играя в рощах, где пел многоголосый хор птиц, как мы ловили рыбу в Березине. Мне вспоминались сцены из нашей школьной жизни в соседнем городе Борисове, куда мы ходили в уездное училище, а потом учеба в Минском реальном училище, военном училище, совместная служба в 119-м пехотном Коломенском полку, одновременное прохождение курса в Академии Генерального штаба и разлука. Мой брат, женившись, уехал в 1913 году в Хабаровск, а я — в Севастополь. А дальше война 1914 года и наша последняя встреча во время августовских боев на Венденской позиции под Ригой. Только теперь, в августовских боях под Царицыном, после двухлетней разлуки, я получил через доктора весточку от Николая. И не думал я, что этот привет будет последним*.

Генерал Врангель, взяв в пятидневных боях с 22-го по 28 августа около 18 тысяч пленных, 30 пушек и многочисленные обозы, немедленно приступил к восполнению как рядов своей армии, так и артиллерии, транспортов.

Мне удалось распределить эвакуированные эшелоны вдоль железной дороги от Царицына до Тихорецкой, так что подвоз с тыла возобновился, и через Царицынский узел можно было легко перебрасывать войска в нужном направлении.

---

* Генерал П. С. Махров, как это видно из его переписки с полковником П. В. Колтышевым, считал, что его брат Николай Семенович был расстрелян в 1937 году. Согласно сведениям, полученным позже от членов семьи Николая Семеновича Махрова, он скончался в 1936 г. и похоронен на старом Ново-Девичьем кладбище в Москве (прим. — Н. Р.).

Восстановилось и регулярное почтовое сообщение. Генерал Врангель был очень доволен этим и отдал приказ по армии, в котором выражалась благодарность мне, чинам моего Управления, начальнику дороги и начальнику узла, причем двух последних, нескольких машинистов и деповского бригадира наградили серебряной медалью с надписью «За храбрость» на Георгиевской ленте. Когда я вручал эти медали награжденным, у многих на глазах были слезы. Между прочим, начальник узла А. А. Александров заметил, что на одной стороне этой медали была надпись «За храбрость», а на другой — изображение Императора Николая II, и сказал: «А вот вместо Императора здесь, по политическим соображениям, лучше было бы поместить Св. Георгия Победоносца». И он был прав. Это была, по моему мнению, непродуманность или просто небрежность.

Город стал понемногу оживать. Появились торговцы, начали возвращаться семьи эвакуированных. Но тут случилась новая напасть: на смену еще недавно свирепствовавшей холере пришла эпидемия тифа.

Севернее Царицына продолжалось спешное восстановление и улучшение укрепленной позиции, на которой была в предыдущих боях разбита и отброшена к Дубовке 28-я стрелковая дивизия. В районе Котлубани располагалась конница генерала Улагая с танками. Войска пополнялись, приводились в порядок, пользуясь временным затишьем.

На южном фронте Царицына генерал Бабиев выбил красных из Райгорода и загнал в укрепленный ими лагерь Черный Яр. В первых числах сентября ему удалось не только разбить большевиков у Райгорода, но и взять около 3 тыс. пленных, десяток пушек и много пулеметов.

Генералу Врангелю предстояло в дальнейшем вести бои на двух фронтах. Я должен был принять необходимые меры, чтобы Царицынский узел всегда был готов к переброске войск с одного фронта на другой, т. е. чтобы под рукой всегда были наготове подвижной состав и паровозы. С паровозами было особенно плохо, так как почти все они были изношены. В депо кипела работа по их починке.

С 8 сентября начались бои на северном фронте Царицына. На этот раз большевики повели атаку не вдоль берега Волги на укрепленную позицию, занятую генералом Писаревым, как в предыдущих боях, а нанесли главный удар на Котлубань против группы генерала Улагая. В составе войск красных, действовавших в этом направлении, оказалась конница Жлобы и Думенко. Все атаки противника в течение пяти дней, вплоть до 13 сентября, были отражены, к тому же большевики в боях понесли большие потери пленными.

Между тем на южном фронте генералу Бабиеву на 13 сентября не удалось овладеть Черным Яром, он понес

в боях большой урон убитыми и ранеными. На обоих фронтах наступило зловещее затишье. Сосредоточение конницы Жлобы и Думенко на правом фланге красных ясно указывало, что противник готовится действовать вдоль Дона, чтобы обойти Царицын с запада и выйти в глубокий тыл.

Генерал Врангель приказал мне иметь постоянно под парами три эшелона подвижного состава и составить ему небольшой поезд специально для оперативного отдела. Этот поезд вместе со штабом был перемещен на станцию Воропоново, более спокойную, чем Царицын, находившийся под огнем неприятельской артиллерии.

27 сентября конница противника прорвала фронт у станции Котлубань и двинулась в направлении станции Карповка*, чтобы захватить железнодорожную линию Царицын—Ликия. Однако быстро переведенный из Царицынского узла резерв отбил противника, и тот повернул на север. Но уже 28 сентября красная конница захватила Карповку, и к ней спешно был подвезен по железной дороге эшелон резерва. Что произошло в это время в штабе Врангеля, мне неизвестно. Говорили, что обстановка была столь опасная, что командующий армией едва избежал плена. Ночью с одним из офицеров штаба ему удалось на автомобиле прорваться на юг к станции Котельниково.

На другой день мне доложили, что генерал Врангель рано утром на паровозе возвратился на станцию Воропоново. Заход в тыл Думенко и Жлобе конницы генерала Улагая заставил красных очистить Карповку и спешно уходить на север.

1 октября генерал Врангель перешел в решительное наступление на северном фронте и опять разбил красных, отбросив их на линию Дубовка—Шишкин, т. е. на 60 верст к северу от Царицына. В этих боях было взято в плен несколько тысяч пленных, пушки, пулеметы. Частичная вторая эвакуация Царицына в период этой операции прошла вполне благополучно, и с 6 октября я вновь стал возвращать эвакуированные поезда в Царицын.

Царицын мог вздохнуть свободно.

Вот как сказано об этих событиях, участником и свидетелем которых я был, в приказе генерала Врангеля от 6 октября:

«Славные войска Кавказской армии! Два месяца тому назад противник, собрав многочисленные полчища, бросил их на Царицын. Истомленные четырехсотверстовым походом

---

* Карповка расположена в 40 верстах к западу от Царицына. От исходного положения конницы красных (хутор Качалнинский, 70 верст северо-западнее Царицына) до Карповки вдоль берега Дона около 70 верст.

через безводную Калмыцкую стену, с рядами, поредевшими в кровавых боях под Великокняжеской, Царицыном и Камышином, вы были сильны одной лишь доблестью. Бесстрашно вы приняли удар во много раз сильнеешего врага.

Отходя шаг за шагом, с безмерным мужеством отбивая жестокие удары противника, вы дали мне время укрепить Царицын, собрать на помощь вам войска.

В решительном сражении 23—26 августа вы разгромили 11-ю и 10-ю неприятельские армии и десяти тысячную конницу врага, наступавшие на Царицын с севера. 18 тысяч пленных, 31 орудие и 160 пулеметов стали вашей добычей.

Обратясь на юг, вы в боях с 1-го по 10 сентября нанесли полное поражение обходившим вас с тыла частям 4-й и 11-й неприятельских армий, вновь захватили три тысячи пленных, 3 орудия и 15 пулеметов.

Выдвинув подкрепления, враг с мужеством отчаяния через 15 дней пытался повторить удар. В боях с 28 сентября по 3 октября все бешеные его атаки отбиты и 4 октября армия перешла в наступление.

Ныне противник отброшен на 50 верст, и Царицыну в настоящее время опасность не угрожает.

Блестящая разработка операции штабом армии во главе с генералом Шатиловым, прекрасное руководство боем старших начальников — генералов Улагая, Писарева, Топоркова, Бабиева, Савельева и Мамонова, доблесть начальников всех степеней и беззаветная храбрость войск обеспечили победу.

Ура вам, славные орлы Кавказской армии!

Генерал Врангель».

Наступление красных против Кавказской армии, начатое 1 августа и закончившееся 6 октября разгромом их генералом Врангелем, не было изолированным. Оно было тесно связано с другим наступлением против Добровольческой армии генерала Май-Маевского и Донской армии генерала Сидорина.

На 1 августа фронт армии генерала Деникина находился в сорока верстах севернее Камышина и до Балашова, Донская армия генерала Сидорина вела бои на фронте от Балашова до Лиски (верст 35 южнее Воронежа), а Добровольческая армия, овладев Харьковом, подходила к Курску и, заняв Полтаву, находилась на полпути к Киеву. Южнее же, владея Николаевым и Екатеринославом, она полностью защищала свой левый фланг и тыл от петлюровцев и всевозможных атаманов.

На этом фронте с 1 августа, одновременно с операцией против Врангеля, разыгрывалась другая операция.

Красное командование, сосредоточив сильную армейскую группу, состоящую из 8-й, 13-й и 14-й армий под начальством генерала Селивачева, готовилось к наступлению с северо-запада на Готню (западнее Белгорода) и с северо-востока на Купянск (восточнее Харькова). Однако генерал Май-Маевский не дал возможности Селивачеву развить наступление. Оно было предупреждено атакой корпуса генерала Кутепова, который разбил западную группу Селивачева и отбросил ее на Курск и Ворожбу. Оставив заслон у Белгорода, Кутепов продолжил наступление на Курск. Между тем Воронежская ударная группа генерала Селивачева нанесла сильный удар в стыке левого фланга Донской и правого фланга Добровольческой армий, прорвала фронт и двинулась, не встречая сопротивления, на Волчанск и Купянск. К 14 августа генерал Селивачев был у самого Харькова.

В это время генерал Врангель уже оставил Камышин и с боями отходил к Царицынской укрепленной позиции, а Донской корпус генерала Коновалова отошел к берегам Хопра и Дона. Конный же корпус генерала Мамонтова, заняв 5 августа Тамбов, громил тылы Красной Армии, двигаясь через Лебедин на Касторную.

Положение на фронте Добровольческой армии сложилось тревожное и необычное. 1-й корпус генерала Кутепова, преследуя красных, дошел до стен Курска. Ударная группа генерала Селивачева выходила в тыл Харькову. Конный Донской корпус генерала Мамонтова двигался в тыл группировке красных под командованием генерала Селивачева на Воронеж.

Генерал Май-Маевский решил покончить с зарвавшейся неприятельской группой генерала Селивачева. Против него были брошены войска добровольцев от Белгорода и корпус генерала Шкуро с юго-запада, а корпус генерала Мамонтова должен был взять Воронеж, чтобы замкнуть в кольцо 8-й армии группировку Селивачева. Селивачев стал поспешно, оставляя многочисленные трофеи, отступать.

Я лично знал Селивачева еще в 1915—1916 годах, когда он в армии генерала Брусилова командовал одной из стрелковых дивизий 22-го Финляндского корпуса генерала фон Бринкена. Я тогда исполнял должность генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. Селивачев несколько раз заходил ко мне по делам службы. Ему было тогда лет сорок пять. Он был небольшого роста, коренастый, но не полный. Самым характерным в его внешности была его голова, напоминавшая редьку, обросшую внизу большой, длинной, густой, темной бородой, и небольшой копной волос на макушке. Это был очень энергичный, живой, веселый человек и прекрасный боевой начальник дивизии, который терпеть не мог пассивность и всегда стремился вперед. Он очень хорошо окон-

чил Академию Генерального штаба, но по каким-то причинам не был переведен в Генеральный штаб, на что, безусловно, имел право и все данные. Злые языки говорили, что его не допустили в Генеральный штаб из-за формы его головы, хотя она и была у него умной.

Этой несправедливости Селивачев никак не мог простить и не любил офицеров Генерального штаба. Он замечал все их мелкие ошибки и промахи и, будучи очень остр на язык, язвительно высмеивал при всех. С начальством он держался независимо, с подчиненными — доброжелательно. Начальство не любило Селивачева, но его ценили, так как он был незаменим в боях, особенно в трудные минуты боевых операций. Лично мне он был очень симпатичен, и я относился к нему с большим уважением.

Итак, 8-я армия противника была сильно потрепана добровольцами и корпусом Шкуро, но Селивачеву все же удалось ее вывести из окружения, совершив марш около ста верст в северном направлении.

Для генерала Май-Маевского это тем не менее было на руку. Его армия теперь без тревог могла продолжать наступление на севере. 7 сентября генерал Кутепов занял Курск, 17-го генерал Шкуро овладел Воронежем. В этот же день генерал Бредов перешел Днепр и вступил в Киев*. 30 сентября генерал Кутепов овладел Орлом и продолжил наступление в направлении Тулы. 5-й кавалерийский корпус захватил Конотоп и Бахмач и подходил к Новгород-Северскому. На юге 3-й отдельный корпус генерала Шиллинга, овладев Херсоном и Николаевым, двигался на Вознесенск и Раздельную, преследуя отступающую 12-ю армию красных. 10 сентября десантом капитана 1-го ранга Остелецкого была взята Одесса**.

Таким образом, к началу октября наступление ударной группы генерала Селивачева не только было ликвидировано, но Добровольческая армия продолжала повсюду гнать противника на север. Донская же армия вполне восстановила свое положение на фронте Балашов—Лиски. Генерал Мамонтов, совершив свой рейд от Тамбова до Воронежа, 23 сентября двинулся в тыл Лисок, что было очень важно для армии генерала Сидорина, так как Лиски являлись железнодорожным узлом, которым стремился овладеть командующий Донской армией. К сожалению, корпус генерала Мамонтова, обремененный громадными обозами награбленного имущества, начал терять свою боеспособность. Вместе с обозами, отправлявшимися на Дон, стали исчезать и строевые ка-

---

* Одновременно с юга вступили в Киев союзники Петлюры — «галичане».

** В этой операции оказали содействие английские военные корабли и восставшие офицеры одесских подпольных организаций.

заки. К началу октября из шести-семи тысяч сабель в корпусе Мамонтова оказалось только две-три тысячи.

В первых числах октября, когда уже было восстановлено положение в Царицыне и красные были отброшены к Камышину, ко мне в Управление прибыл на должность моего помощника Генерального штаба полковник Степан Яковлевич Соболевский. Я его знал еще юнкером Михайловского артиллерийского училища в 1898 году. Потом мы служили с ним в Минском гарнизоне: он в 30-й артбригаде, а я в 119-м пехотном Коломенском полку. Когда я был начальником военных сообщений в Крымско-Азовской армии, он просил меня взять его к себе на должность моего помощника, что я и сделал. Соболевский был татарин. Небольшого роста, худощавый, с типичным монгольским лицом, он скорее был похож на японца. Ему было около сорока лет. Он был образованным офицером Генерального штаба и, если бы не пил, то из него вышел бы прекрасный во всех отношениях офицер.

Узнав, что я назначен начальником военных сообщений Кавказской армии, он снова попросил меня, чтобы я взял его своим помощником. Я не люблю пьяниц и некоторое время колебался. Однако узы дружбы молодых лет заставили меня согласиться на это. Генерал Тихменев отдал приказ о назначении Соболевского еще в июле месяце, но Соболевский же все не прибывал. Его с успехом заменил любимый мною полковник Константин Владимирович Саттеруп. О Соболевском я забыл. И вот неожиданно он явился и доложил мне, что он был начальником штаба одной из Донских казачьих дивизий, которой командовал генерал Секретов. Эта дивизия входила в состав 4-го Донского казачьего корпуса генерала Мамонтова. И полковник Соболевский с этим корпусом участвовал в его знаменитом рейде. О набеге генерала Мамонтова я очень мало знал. Генерал Врангель относился к Мамонтову как к кавалерийскому командиру отрицательно и как-то, когда рейд был уже закончен, сказал мне: «Подобный рейд — есть преступление, заслуживающее предания военно-полевого суду».

В лице Соболевского я встретил непосредственного участника и беспристрастного свидетеля этого рейда. Генерала Мамонтова он описал так: «Он выше среднего роста, с тонкими чертами красивого лица, украшенного чрезвычайно длинными, на концах пушистыми усами, уверенный в себе, спокойный и энергичный. Казаки любят и боятся его, хотя он никогда не прибегает к суровым мерам. Ему около пятидесяти лет, но он по-прежнему неутомимый наездник. Не имея серьезного военного образования, Мамонтов обладает большим боевым опытом».

О своем непосредственном начальнике, генерале Секретове, Соболевский говорил с восторгом. По его словам, Секретов был типичный «степняк-казак». Мускулистый, сильный, с лицом, полным отваги и решительности, он был похож на хищника, обладавшего каким-то природным чутьем ориентироваться в обстановке. Он жил жизнью простого казака и был в первых рядах во всех боях. Его активность во время рейда была из ряда вон выходящей. Он тяготился, когда стихали бои.

Его причудой было ездить только на белых конях. За ним всегда водили запасного коня на случай, если его коня убьют. Наездником Секретов был прирожденным, лихим и неутомимым. В порыве, идя в атаку, он увлекал за собой казаков. Секретов не боялся быть окруженным противником. Он всегда находил выход из положения.

Соболевский очень хорошо отзывался о генерале Коновалове, действовавшем в районе Поворино—Балашов. Коновалова он характеризовал не только как храброго кавалерийского начальника, но и как талантливого и образованного командира корпуса. Прибыв в конце июля на станцию Урыпинская, Соболевский застал корпус генерала Мамонтова уже вполне готовым к боевым действиям. Казаки были очень хорошо одеты, лошади находились в наилучшем состоянии.

28 июля генерал Мамонтов получил приказ разбить противника, сосредоточившегося в районе Лиски юго-западнее Воронежа, и занять этот город. Он прорвал фронт красных, но по своей инициативе пошел не на Воронеж, а на Тамбов, которым и овладел 5 августа, не встретив никакого сопротивления. Появление казаков у Тамбова вызвало страшную панику у большевиков. Генерал Мамонтов занял затем железнодорожный узел Козлов и двинулся дальше на Елец—Грязи. 29-го он очутился около Воронежа. 5 сентября, через месяц после начала рейда, он вышел из окружения и соединился с корпусом генерала Шкуро. На всем протяжении рейда он разрушал железные дороги, взрывал склады артиллерийских снарядов, распускал мобилизованных и формировал отряды из добровольцев, желавших поступить в Белую армию. Корпус Мамонтова захватил по пути богатую добычу, в том числе и церковную утварь для Всеволодского Войска Донского, обозы со всяким имуществом достигли громадных размеров.

Когда Мамонтов двигался на юг от Воронежа, казаки заторопились с подарками в свои станицы. Ряды корпуса уменьшились. Несмотря на то, что корпус Мамонтова жил за счет населения, жители все прощали ему и радовались освобождению от коммунистической власти. По словам Соболевского, население Тамбовской и Воронежской губерний относилось в высшей степени доброжелательно к казакам

и добровольцам, надеясь, что наступает конец царствованию коммунистов.

23 сентября генерал Шкуро овладел Воронежем, а генерал Мамонтов повернул свой корпус на восток, вышел в тыл к важному железнодорожному узлу Лиски, чем помог Донской армии, овладевшей этим железнодорожным узлом. Старшие военные начальники относились к набегу Мамонтова различно. Одни, как генерал Врангель, считали набег неудачно организованным, а Мамонтова — невеждой, карьеристом, преступным грабителем. Другие мирились с его грабежами и видели в генерале Мамонтове инициативного начальника. Как бы там ни было, порыв не терпит перерыва, а перерыв возник из-за стремления казаков развезти награбленное имущество по станицам. И корпус Мамонтова стал таять, а дух его угасать.

В середине октября я получил распоряжение генерала Врангеля спешно перевезти с северного Царицынского фронта бригаду кубанских казаков с батареей артиллерии в Екатеринодар. Это задание меня удивило, так как в данный момент силы Кавказской армии были очень незначительны и каждая воинская часть была на счету. К тому же после последних боев многие полки численностью не достигали и 30—100 сабель!

Я немедленно приказал полковнику Соболевскому отправиться на ближайшую головную станцию в распоряжение этой бригады с тем, чтобы руководить погрузкой и отправкой эшелонов в Екатеринодар.

На другой день рано утром комендант головной станции доложил мне, что полковник Соболевский арестован командиром 2-го Кубанского корпуса генералом Топорковым и содержится в запертом купе вагона. О причине ареста комендант ничего не сообщил. Этот факт меня взволновал. Соболевский по своей должности пользовался правами командира бригады и на основании дисциплинарного устава мог быть арестован только главнокомандующим. Генерал Врангель в это время отсутствовал. К Шатилову мне не хотелось обращаться. Я отправился на головную станцию, где находился штаб 2-го Кубанского корпуса, и пошел к вагону генерала Топоркова.

Командир 2-го Кубанского корпуса жил в вагоне 3-го класса, переоборудованном в вагон-салон. Я застал генерала Топоркова сидящим на табуретке перед небольшим столом, покрытым газетной бумагой. Командир корпуса завтракал. Он ел столовой ложкой свежую икру и закусывал хлебом. Когда я вошел и представился, генерал Топорков первым делом предложил мне сесть и закусить «чем Бог послал». Я поблагодарил его и отказался. Топорков продолжал медленно завтракать.

До сих пор я знал о нем только как о выдающемся кавалерийском начальнике, энергичном, храбром, решительном и спокойном, но никогда его еще не видел. И вот передо мной сидел знаменитый генерал, имя которого было известно и добровольцам, и донским казакам, и кубанцам. Приземистый, лет пятидесяти, довольно полный, с круглым загоревшим лицом, с небольшими поседевшими усами, опущенными вниз, он был одет в серую потрепанную черкеску. В этот момент к нему подошел какой-то войсковой старшина и что-то вполголоса доложил. Топорков, не прекращая завтрака, ответил:

— Скажи Матвею, чтобы он навел порядок.

В таком же духе, обращаясь на ты, он отдавал краткие приказания и другим офицерам.

Дождавшись, когда Топорков закончит свою трапезу, я поднял вопрос о Соболевском.

— А,— сказал он,— этот косоглазый китаец, что вчера пьяный буянил и задержал отправку эшелона.

Я попросил у Топоркова разрешения повидаться с Соболевским. Он тут же вызвал кого-то по имени. Из соседнего купе вышел есаул, которому Топорков сказал:

— Скажи караульному, чтобы полковника, которого я вчера арестовал за буйство, передали бы вот этому генералу.

Я поблагодарил Топоркова и вышел на станцию.

Через несколько минут Соболевский был освобожден. Я пригласил его к себе и попросил доложить мне, как же это случилось, что он был арестован. Соболевский был очень сконфужен и рассказал мне, что казаки при погрузке нарушали порядок и не слушались его и коменданта станции. Когда Соболевский пригрозил, что по аппарату доложит обо всем мне, от Топоркова пришел какой-то есаул, пригласил его в вагон, заявил, что он арестован, запер в купе и приставил часового. Я заметил, что, по словам генерала Топоркова, Соболевский был арестован за буйство в пьяном виде. Он отрицал буйство, но что был немного пьян — признал.

Я зашел к генералу Топоркову, поблагодарил его за то, что инцидент исчерпан, и обещал ему немедленно прислать вместо Соболевского заведующего передвижением войск полковника Саттерупа. После этого неприятного случая я перестал посылать Соболевского в какие-либо командировки, а оставлял его в моем Управлении на штабной работе. В частности, его обязанностью было в любое время предоставлять мне сведения о расположении поездов на станциях и на линии железной дороги, что он выполнял точно и аккуратно.

Обер-офицером для поручений при Соболевском состоял молодой поручик лет тридцати, Владимир Константинович

Карякин. Он был офицером военного времени, участвовавшим в боях в войну 1914—1916 гг. Маленького роста худой шатен с вьющимися волосами, он был в высшей степени подвижен и всегда весел и общителен. Достаточно образованный, он окончил юридический факультет университета. В то же время он был балагур, компанейский человек, проныра и знал многое, что другим не было известно. Так, однажды Карякин узнал от своего приятеля из близкого окружения Покровского, полковника Пятницкого, о том, что в Екатеринодаре готовится переворот и что разгон Красной рады был поручен генералу Покровскому. Карякин по секрету передал мне полученные сведения. Стало ясно, почему в распоряжение Покровского отправлялась Кубанская казачья бригада с артиллерией.

Однако, прежде чем произошел переворот на Кубани, произошел переворот в судьбе самого Карякина. Как-то ко мне явился очень скромный подполковник, начальник одного из этапов, и сконфуженно начал свой доклад так:

— Ваше Превосходительство, прошу извинить меня, что я не мог исполнить Ваш приказ и прислал Вам только пуд сахара, больше у меня в запасе не было.

Я с недоумением смотрел на подполковника, не понимая, о чем он говорит, и спросил:

— Какого сахара?

— Это то, что Вы приказали поручику Карякину выдать 2 пуда для доставки в распоряжение Вашего Управления.

Я приказал позвать Карякина и потребовал объяснения. Он переменялся в лице, глаза его забегали, и он начал лгать:

— Это я потребовал для моих нужд, взаимобразно, я внесу немедленно соответствующую сумму.

Что было с ним делать? Предать военно-полевому суду? Оставить факт безнаказанным я не мог. Я приказал расплатиться с начальником этапа и уволил Карякина из моего Управления, отправив в распоряжение дежурного генерала Петрова для определения в одну из строевых частей. Но Карякин был не из таких. Он подал рапорт о болезни и попал в один из тыловых госпиталей, так как в войну 1914 года был ранен в брюшную полость. Затем он очутился в Новороссийске, откуда уехал в Константинополь.

На Царицынском фронте было затишье. Кавказская армия торопливо укомплектовывала свои поредевшие ряды. Со дня за день генерал Шатилов, заменивший Врангеля, с тревогой ждал наступления противника. Донская армия занимала оборонительное положение по Хопру и Дону. Добровольческая, находясь под давлением двух ударных групп противника, одной — с северо-запада от Орла, другой — со стороны Воронежа, упорно сопротивляясь, отходила к югу.

В этой обстановке стал известен приказ генерала Деникина, отданный 25 октября 1919 года, где он писал, в частности: «В июле текущего года между правительством Кубани и Меджлисом горских народов заключен договор, в основу которого положена измена России и передача Кубанских казачьих войск Северного Кавказа в распоряжение Меджлиса, чем обрекается на гибель Терское войско...»*. Подписавших этот договор Калабухова и других членов Рады генерал Деникин потребовал в своем приказе «немедленно предать военно-полевому суду за измену»**.

Кубанская рада уже давно осложняла своими действиями не только снабжение Кавказской армии генерала Врангеля, но и противодействовала посылке в нее пополнений. Генерал Врангель пытался личными переговорами с Кубанским правительством добиться помощи для Кавказской армии, но убедившись, что главным тормозом является сама Рада, обратился непосредственно к генералу Деникину. Договор Рады с Меджлисом переполнил чашу терпения Деникина, и он решил разрубить этот «гордиев узел», отдав свой приказ от 25 октября.

Выполняя приказ генерала Деникина, командующий Кавказской армией генерал Врангель отдал приказ генералу Покровскому арестовать и придать полевому суду Калабухова и десять других членов Рады, находившихся в это время за пределами Кубани.

7 ноября 1919 года по приговору суда Калабухов был повешен, а другим было запрещено пребывание на Кубани. Накануне 6 ноября 1919 года генерал Врангель объявил в своем приказе по Кавказской армии: «Прикрываясь именем кубанцев, горсть предателей, засев в тылу, отреклась от Матери-России... Некоторые из них дошли до того, что заключили преступный договор с враждебными нам горскими народами, договор предания в руки младшего брата Кубани — Терека. Пытаясь развалить фронт, сея рознь в тылу и затрудняя работу атамана и правительства в деле снабжений и пополнения армии, преступники оказывали содействие врагам России, той красной нечисти, которая год тому назад залила Кубань кровью».

Разгон Красной рады и уход со своего поста атамана генерала Филимонова, усилил власть атамана, которым стал генерал Успенский. Я знал Успенского, он проходил одновременно со мной курс в Академии. Успенский был более покладистым, чем Филимонов, хотя последний и оставался

---

* Ген. А. И. Деникин. Очерки Русской Смуты. Берлин: Медный Всадник. 1926. Т. V. С. 210—211.

** Ген. П. Н. Врангель. Воспоминания. Франкфурт/М.: Посев, 1969. С. 233.

до конца вполне лояльным по отношению к генералу Деникину.

Утром 14 ноября генерал Врангель вернулся в Царицын и начал восстанавливать положение на фронте. Вскоре после его возвращения распространился слух, что он будет назначен командующим Добровольческой армией вместо генерала Май-Маевского.

15 ноября красные на рассвете открыли сильный артиллерийский огонь по царицынской укрепленной позиции, а затем перешли в решительную атаку. Бой продолжался три дня. 18-го большевики были остановлены и начали отступать. 20-го они были отброшены к Дубовке: непосредственная опасность Царицыну миновала.

22 ноября генерал Врангель был вызван в Ставку — его поезд стоял в Сарепте, а поезд моего Управления находился в Царицыне, и я не мог с ним проститься. Вечером в этот день Врангель вместе с генералом Шатиловым и офицерами своего штаба уехал в Таганрог. Заместителем командующего Кавказской армией он назначил генерала Покровского.

Замена генерала Врангеля Покровским была для меня неожиданной и неприятной. Прослужив с Врангелем четыре с половиной месяца, я узнал его и привык к нему. Служить с ним было очень легко. Это был умный человек и образованный генерал. Обстановку он схватывал быстро, сразу же принимал решения и отдавал краткие и ясные распоряжения, которые не могли вызвать каких-либо кривотолков. В частности, в области моей деятельности в роли начальника военных сообщений он был одним из немногих строевых начальников, который понимал, что железная дорога очень деликатный организм и что всякие задания по перевозкам должны отвечать паровозоспособности и пропускной возможности. Редким качеством генерала Врангеля было, в частности, то, что он всегда был готов внимательно выслушивать возражения по поводу его распоряжений и, если находил их убедительными, то соглашался. В обращении с сослуживцами он был настоящим джентльменом и держал себя очень просто.

С Покровским мне мало приходилось соприкасаться и лично я его не знал. О нем ходила слава как о хорошем партизане, решительном начальнике, но чрезвычайно жестоком человеке, по приказу которого вешали и расстреливали. Имя Покровского мне было известно еще в 1917 году, когда я в 12-й армии командовал 13-м Сибирским полком. Тогда Покровский был штабс-капитаном, военным летчиком в одной из эскадрилий 12-й армии. Он совершил какой-то подвиг безумной храбрости и был награжден Георгиевским крестом.

23 ноября ко мне явился один из офицеров из его свиты и доложил, что командующий армией приказал, чтобы я немедленно прислал ему в Сарепту два салон-вагона и один вагон первого класса. У меня был только один большой вагон-салон, недавно отремонтированный, и два вагона 2-го класса. Я немедленно отдал соответствующие распоряжения.

Для удобства сношений с новым главнокомандующим я переместил мой поезд в Сарепту. Здесь я и познакомился с Покровским. У входа в вагон, снаружи, стояли парные часовые-кубанцы. Меня встретил один из офицеров. Все происходило по этикету. Когда я вошел, Покровский сидел за письменным столом, он слегка приподнялся, протянул мне руку и предложил сесть. У нас начался разговор. Покровский жаловался, что Кавказская армия обессилена до крайности, так как значительная ее часть, три четверти конницы, была переброшена в Добровольческую армию. Он тут же показал мне на карте, с какими незначительными силами ему приходится защищать Царицын. Покровский оценивал свое положение как более трудное, чем то, которое было у Врангеля, потому что большевики были усилены и стали хозяевами на левом берегу Волги.

— А какие Ваши планы? — неожиданно спросил меня Покровский.

— Мой план эвакуации по заданию генерала Тихменева выполнен. В Царицыне и Сарепте на головной станции остались только эшелоны, необходимые для обеспечения армии, — ответил я.

Узнав, что я служил в 1917 году в 12-й армии, он сказал:

— Мы, значит, вместе были в армии генерала Радко-Дмитриева на фронте.

Покровскому было около сорока лет. Это был темный шатен маленького роста, широкогрудый и кривоногий. Ходил он быстро, размахивая руками. Из-под темных бровей глядели маленькие острые глаза хищника. Одет он был в черкеску и носил папаху-кубанку. Человек он был в высшей степени энергичный, храбрый и неутомимый.

Начальником штаба армии Покровского был назначен генерал Зигель, бывший генерал-квартирмейстером у генерала Шатилова. Зигель был хорошим офицером Генерального штаба, человеком почтенным, безупречной честности, исполнительным и скромным, но он не играл в штабе Покровского никакой роли.

Главным лицом в штабе Покровского являлся начальник оперативного отдела Генерального штаба подполковник Павел Евстигнеевич Дорман. Дорман был еще молодой человек тридцати двух лет, шатен с темными усиками и боль-

шими красивыми умными глазами. Роста он был ниже среднего, худой, стройный, подтянутый. Георгиевский кавалер, получивший Георгиевское оружие и всевозможные награды от французов и англичан, он приобрел блестящую репутацию после войны 1914—1917 гг. Всем было известно, что Дорман, будучи штаб-офицером для поручений в штабе 22-го корпуса генерала фон Бринкена, фактически командовал корпусом. К тому же он был человеком очень тонкого ума. Покровский чувствовал, что в лице Дормана он встретил настоящего офицера Генерального штаба, офицера не партизанского склада, а по-настоящему образованного. Дорман же, зная щепетильность своего командующего, был достаточно деликатным и тактичным и своей дипломатичностью завоевал симпатию Покровского, который считался с ним. Сам Покровский был недостаточно образован для роли командующего армией.

У Покровского был, кроме того, неофициальный штаб, состоящий из так называемых «прикомандированных». Мне приходилось соприкасаться с Генерального штаба генералом Малевановым, полковником артиллерии Сербиным и полковником Пятницким, а также есаулом Боровским, прославившимся своим разгулом еще в Крыму.

Малеванов был одного со мной выпуска из Академии Генерального штаба. В Академии он был всегда веселым, добродушным драгуном. Потом мне с ним не приходилось встречаться. В Сарепте он обратился ко мне с просьбой о том, чтобы я приказал оборудовать для него вагон-теплушку, в котором он жил со своей женой. Я его не узнал. Передо мной был не элегантный драгунский офицер, всегда чисто выбритый, а бородатый неряшливый генерал, от которого пахло спиртным. У Покровского Малеванов был генералом для поручений. Держал он себя очень скромно и не был похож на развязных приближенных Покровского, хотя и стал горьким пьяницей.

Полковник Сербин был среднего роста, худой, с изможденным лицом, озлобленный, но очень энергичный. Он окончил Академию Генерального штаба по второму разряду и, как все неудачники, считал, что его никто не может заменить, кроме самого Покровского. Покровский ценил его и использовал в различных делах, в частности, в деле налаживания военных сообщений и устройства тыла, поэтому Сербин вмешивался в работу моего Управления и мешал ей...

В конце ноября генерал Покровский, несмотря на небольшие силы своей армии, продолжал успешно удерживать большевиков в районе Дубовки.

27 ноября генерал Деникин отдал приказ. Он гласил:

«Семь месяцев тому назад тяжелая обстановка, создавшаяся в районе Задонья, заставила меня большую часть конницы перебросить на царицынское направление и сформировать там Кавказскую армию. Высоко ценя кавалерийское сердце, знание конницы и опыт в руководстве ею, я назначил генерал-лейтенанта барона Врангеля командующим новой армией. Ныне в силу той же неумолимой обстановки конница главной массой собирается на фронте Добровольческой армии. Для того чтобы эта конница находилась в умелых и опытных руках, я вынужден отозвать генерала Врангеля от командования созданной им Кавказской армии и назначить его командующим Добровольческой армией и главнокомандующим Екатеринославской, Харьковской и Курской губерниями. Приношу глубокую благодарность Вам, глубокоуважаемый Петр Николаевич, за ту трудную и блестящую работу, которую выполнила Кавказская армия под Вашим командованием за первые семь месяцев своего существования и желаю Вам тех же успехов на новой должности.

Генерал Деникин.

Приказ № 2688, 27 ноября 1919 г., город Таганрог*.

В этом приказе сказалась благородная душа Антона Ивановича. Деникин искренне отдавал должное Врангелю, хотя ему, конечно, была известна критика генералом Врангелем его стратегии.

Когда Добровольческая армия победоносно подходила к Орлу, Врангель тоже считал, что московское направление стало главным, и ставил условие — снять с Царицынского фронта часть конницы и перебросить ее на это направление.

Врангель и начальник его штаба Шатилов считали, что Ставка неохотно и неоперативно идет навстречу их требованиям, и позволяли себе в обвинениях в адрес Ставки некорректность. Однако, зная близко Врангеля, я думаю, что он искренне хотел лучше послужить делу освобождения России. Вступив в командование Добровольческой армией, Врангель, со свойственной ему энергией, развернул кипучую деятельность.

Учитывая угрозу со стороны группы Буденного, корпус генерала Кутепова вынужден был отойти к Харькову, который генерал Врангель приказал удерживать во что бы то ни стало. Одновременно генерал Врангель собрал всю свою конницу под командование одного из лучших кавалерийских начальников, генерала Улагая, и, подчинив ему донского генерала Мамонтова, приказал разбить конную группу Буденного, которая состояла из донских и кубанских казаков,

* Ген. П. Н. Врангель. Воспоминания. С. 249.

воодушевленных стремлением завоевать свои родные станции.

Особое стратегическое значение с самого начала наступательной операции генерал Деникин придавал Воронежу. На это обстоятельство он специально обращал внимание командующего Донской армией генерала Сидорина, требуя сосредоточить силы здесь, на воронежском направлении. Сидорин отнесся к этому с недостаточным вниманием. Прорыв Буденного в стыке между Донской и Добровольческой армиями произошел только по вине командующего Донской армией. Генералу Врангелю теперь приходилось исправлять эту ошибку, противопоставляя Буденному малочисленную конницу.

Положение осложнилось еще и тем, что генерал Мамонтов, обиженный подчинением его Улагаю, сказался больным и покинул свой корпус, чем ослабил его морально. Врангель неоднократно просил генерала Деникина отрешить от командования корпусом генерала Шкуро, хотя он, несомненно, и имел в прошлом заслуги. Ставка исполнила просьбу Врангеля, деликатно убрав Шкуро на Кубань для формирования Кубанской армии. Однако это также обернулось неблагоприятными последствиями: кубанцы стали уходить с фронта к Шкуро. Таким образом, сосредотачивая конную группу против Буденного, Врангель своими мероприятиями сам же ее ослаблял.

Необходимо отметить, что со стороны красного командования операция была прекрасно задумана и в стратегическом, и в психологическом отношении. Ударная группа Буденного, согласно этому плану, врезывалась клином в направлении от Воронежа на Ростов, рассекая фронт Деникина и отделяя Добровольческую армию от Донских и Кубанских казачьих частей. Это было особенно опасно в связи с тем, что после калабуховской трагедии на Кубани не все было благополучно. Методично нанося удар за ударом, конный корпус Буденного проникал все глубже и глубже на юг. Добровольческая и Донская армии вынуждены были отступать. Конный корпус генерала Улагая не устоял перед противником и, обессиленный физически и морально, откатился на Кубань вместо того, чтобы сосредоточиться где-либо на юге. В этом был частично виноват сам генерал Врангель, приказавший отправить на Кубань кадры для формирования казачьих корпусов. Для всех появился большой соблазн — под видом командированных кадров уйти с поля битвы.

После 2 декабря, когда пал Киев, Добровольческая армия, ведя непрерывные бои, в чрезвычайно тяжелых условиях откатывалась к югу. За ней в неизвестность, спасаясь от большевиков, уезжали беженцы, тянулись санитарные поезда с тифозными больными и ранеными, двигались еще-

лоны, сформированные чуть ли не каждой воинской частью. Они перевозили грузы, обеспечивавшие существование частей. Были среди них также поезда спекулянтов и чинов гражданской администрации оставляемых районов. Все это забивало станции, нарушало нормальную эвакуацию, дезорганизовывало и без того охваченный паникой тыл.

Генерал Врангель принимал самые крутые меры для наведения порядка: ввел особые военно-полевые суды, заменял одних лиц гражданского управления другими, но это не дало результатов.

29 ноября генерал Кутепов вынужден был оставить Харьков. Его доблестный корпус составлял главную силу Добровольческой армии. Армия генерала Врангеля отступала по всему фронту, ведя непрерывные бои. На конницу генерала Улагая рассчитывать было уже нельзя: она оказалась небоеспособной.

В этой обстановке Врангель предложил генералу Деникину план отступления Добровольческой армии в Крым, чтобы сохранить кадры, вывезти раненых, больных и военное имущество. Имея в виду одновременный отход войск Киевской группы и группы генерала Шиллинга, генерал Врангель считал полезным объединить эти войска вместе с Добровольческой армией под командованием одного лица. Он не называл имени, но подразумевалось, что им должен был быть сам Врангель.

Конечно, с точки зрения военного принципа — «Драться вместе, отступать врозь» — генерал Врангель был прав. Однако генерал Деникин не согласился с этим, противопоставив более высокую идею — «Сам погибай, а товарища выручай». Здесь генерал Деникин вновь проявил себя тем неизменным рыцарем чести, которым был всю свою жизнь.

9 декабря к Главнокомандующему прибыл генерал Сидорин, обеспокоенный тем, что Врангель готовится отводить Добровольческую армию на Крым. Генерал Деникин успокоил Сидорина, сказав, что он не допустит, чтобы в этот грозный час казачество, с которым он провел всю боевую страду, было оставлено Добровольческой армией.

11 декабря командующий Донской армией Сидорин выехал к генералу Врангелю на станцию Ясиноватая для согласования военных действий. На этой встрече генерал Врангель ознакомил Сидорина со своими рапортами в Ставку, где он констатировал развал тыла, и заявил: «Армии у меня, в сущности, нет, есть горсть людей».

Сидорин, в свою очередь, жаловался на Ставку, сваливая всю вину на генерала Романовского. Врангель согласился вернуть Сидорину в Донскую армию корпус генерала Мамонтова, рассчитывая, что Донскому командованию удастся привести его части в порядок.

Как рассказывал впоследствии генералу Деникину генерал Сидорин, генерал Врангель после своей жесткой критики стратегии и политики Ставки поднял вопрос о самом Главнокомандующем. Для решения этого и других вопросов он предложил собрать совещание трех командующих армиями (Врангель, Сидорин, Покровский) в Ростове, что и подтвердил телеграммой через несколько дней.

Когда в Ставке была получена копия этой телеграммы, генерал Деникин считал, что созыв командующих армиями без разрешения Главнокомандующего является «нарушением военных традиций и дисциплины», и запретил этот съезд.

Между тем под давлением противника войска генерала Деникина продолжали отступать на всех фронтах, кроме Царицынского.

15 декабря генерал Деникин отдал директиву, в которой указывалось генералу Покровскому начать планомерную эвакуацию Царицына и отойти за реку Сал для прикрытия ставропольского и тихорецкого направлений; Донской и Добровольческой армиям, встав между реками Миус и Северский Донец, прикрывать направление Ростов—Новочеркасск; генералу Шиллингу главное внимание обратить на прикрытие Крыма и Северной Таврии; в районе Ростов—Новочеркасск сосредоточить резерв под командованием генерала Топоркова.

Из всех задач, поставленных директивой генерала Деникина, самой трудной была возлагавшаяся на Врангеля: ему предстояло совершить фланговый марш под непосредственными ударами противника. Добровольческая армия, ведшая бои на фронте протяженностью чуть ли не в 100 верст, должна была оторваться от противника и пройти около 100 верст на восток к Ростову. От Ростова и Новочеркаска большевики были уже в 75—100 верстах. На громадном фронте от Среднего Днестра по линии Черкассы—Екатеринослав должен был отступать генерал Шиллинг под натиском 12-й Красной Армии. В его тылу действовали своеобразно организованные, чрезвычайно подвижные отряды под командованием Махно. Они грозили захватом самой Ставки Главнокомандующего.

Более легкая операция предстояла Покровскому, против которого действовала 10-я Армия красных, несколько превышавшая по своим силам Кавказскую армию.

16 декабря коменданты станций Царицын и Сарепта доложили мне, что подполковник Сербин от имени Покровского приказал немедленно эвакуировать Царицынский узел и Сарепту. На этих станциях находилось около десяти эшелонов, подлежащих эвакуации. Линия дороги от Сарепты до Тихорецкой не была свободна, так как на станциях Жутово, Котельниково продолжали стоять эшелоны, которые не успе-

ла принять станция Тихорецкая. Мое Управление было в достаточной степени подготовлено к проведению полной эвакуации, которая требовала от железнодорожной администрации особого искусства и осторожности, так как в случае какого-либо происшествия на линии вся эвакуация могла быть задержана на продолжительное время.

Я зашел к Покровскому, объяснил ему обстановку на железнодорожной линии и попросил его избавить меня от вмешательства некомпетентных лиц из его штаба в дела эвакуации.

— В противном случае,— сказал я,— я снимаю с себя всякую ответственность и буду вынужден донести об этом Главному начальнику военных сообщений.

Покровский, прищурился глазами, глядя в упор на меня, произнес:

— Я приказываю, чтобы эвакуацию Царицына и Сарепты начали немедленно и провели в кратчайшие сроки. Когда Царицын будет эвакуирован, я дам Вам своевременно распоряжение поджечь лесные склады.

Я заметил, что это не входит в круг моих обязанностей. Лицо Покровского исказилось, он язвительно произнес:

— Известно ли Вам, что против нас сражается Ваш родной братец, генерал Николай Семенович Махров?

— Итак, я немедленно приступаю к эвакуации,— не отвечая на вопрос, сказал я, встал, поклонился и ушел.

20 декабря, на следующий день после эвакуации, штаб Покровского и мое Управление переместились на станцию Котельниково. Она была забита эшелонами. Ее нужно было, как выражаются железнодорожники, «расшивать». В таком же состоянии была и станция Жутово, к северу от Котельниково.

22 декабря отступавшие войска вели бои уже в самом Царицыне. Покровский издал приказ, предупреждавший всех, что за нарушение порядка на железной дороге виновные будут немедленно преданы военно-полевому суду. В этот же день один из офицеров его «свиты», терроризировавший в пьяном виде станцию и ссылавшийся при этом на Покровского, был расстрелян без суда. Это произвело страшное и тягостное впечатление на железнодорожников, всегда добросовестно работавших. Малодушные стали самовольно покидать рабочие места и уходить в станицы. Перед отъездом моего Управления из Сарепты в Котельниково ко мне явился бригадир царицынского депо Молоствов и заявил, что из ста пятидесяти рабочих восемьдесят решили ехать в Котельниково для работы, остальные, семейные, просят разрешения остаться в Царицыне, но если последует мой приказ, то они все готовы следовать дальше вместе с поездом Управления. Я ответил, что никого не принуждаю. Восемьдесят человек

эвакуировались в Котельниково и сразу же приступили к работе в депо. В это время очень плохо обстояло дело с паровозами: все они были изношены, трубы текли, поэтому работы было много.

24 декабря 1919 года в моей записной книжке я записал: «Встречаем Рождество Христово. Положение очень плохое. Орел, Курск, Киев — все оставлено. Идет эвакуация Ростова и Новочеркаска. Армии буквально тают. Свиристует тиф. Выбрасывают мертвецов из санитарных поездов прямо на ходу».

Подвоз с юга всего необходимого почти совершенно прекратился. Мое Управление с конвоем в 25 казаков жило только благодаря предусмотрительности начальника этапного отдела полковника Попова. На станции Сарепта среди брошенного имущества он заметил небольшую цистерну с керосином и приказал прицепить ее к поезду моего Управления. Теперь керосин был дороже золота, и в обмен на него на станциях добывали все: баранину, свинину, домашнюю птицу, хлеб и другие продукты.

25 декабря ко мне пришел английский капитан, начальник авиационной базы, с переводчиком, штабс-капитаном Приклонским. Они мне доложили, что их отряду буквально нечего есть и что все попытки купить что-нибудь на станциях оказались неудачными. Они просили как-то помочь им. Я отдал распоряжение полковнику Попову. Он не только снабдил их всем необходимым, но и преподнес для офицеров отряда большого гуся и другие продукты. Офицеры были в восторге и пригласили меня с ними пообедать. Обед был вкусный, обильный, с вином и другими напитками. После обеда мой хозяева запели какую-то браваурную английскую песню, а на прощание поднесли мне ящик папирос и несколько коробок сигар. Мне пришлось их выручать еще в течение нескольких дней, пока к ним не были подвезены консервы и другие продукты с их главной базы в Екатеринодаре. Все это я смог сделать только благодаря тому, что полковник Попов предусмотрительно запасся цистерной с керосином.

В последних числах декабря совершенно неожиданно мне доложили, что меня хочет видеть генерал Стогов. Я был крайне удивлен, так как в середине января 1918 года он уехал из Бердичева в Москву, покинув по болезни свой пост главнокомандующего Юго-Западным фронтом. Я был тогда начальником штаба этого фронта. Я знал, что Стогов, прибыв в Москву, был призван на службу в Красную Армию на должность начальника Главного штаба. И вдруг он оказался в нашем стане! Как это могло случиться? Мы со Стоговым были большими друзьями. Я приказал немедленно просить его ко мне в вагон и сам вышел к нему навстречу.

Мы радостно обнялись и зашли в вагон. Жена распорядилась, чтобы нам подали чай и что-нибудь закусить. Кстати, у нас в Управлении был очень хороший повар из пленных красноармейцев, бывший филипповский пирожник из Москвы.

За трапезой Николай Николаевич Стогов поведал мне свою одиссею. Прибыв в Москву в январе 1919 года, он вынужден был поступить на военную службу к большевикам. У него была большая семья: жена и пятеро детей, из которых старшему мальчику было двенадцать лет. Надо было их кормить и одевать. Жизнь в Москве для Стогова была чрезвычайно тяжелой, особенно в моральном отношении. Когда белые взяли Орел, смятение было невероятное. Население Москвы ожидало с затаенной радостью, что столица вот-вот будет освобождена. Троцкий неистовствовал, стремясь восстановить порядок в стране и армии.

Когда добровольцы заняли Киев, Стогов решил уехать в Белую армию. При содействии верных людей ему удалось устроиться, конечно, с подложными документами, в санитарном поезде, следовавшем на Киев. При проверке документов ему порой приходилось переживать жуткие минуты. Наконец, 14 ноября Стогов оказался в Ростове и вздохнул свободно. Его лично знал Деникин, с которым они вместе слушали курс в Академии, а затем служили офицерами Генерального штаба в Варшавском военном округе. Во время войны 1914 года и Деникин, и Стогов служили в 8-й армии Брусилова. Деникин встретил Стогова очень приветливо и назначил его начальником по созданию укрепленных позиций в районе Ростова.

События под Ростовом Стогов мне представил так: «К 19 декабря Врангелю удалось совершить трудный фланговый марш. Головные колонны уже приближались к Ростову. 20 декабря Антон Иванович назначил в Ростове совещание, на которое были приглашены генералы Врангель, Сидорин, Тихменев (начальник военных сообщений), Топорков, начальник штаба Романовский и я. Обстановка была не из веселых. Конница Думенко напирала на Новочеркасск с востока, западнее на Ростов надвигался Буденный, за ними по всему фронту наступали отряды пехоты, прижимая наших к Дону. Деникин решил на восьмидесятиверстном плацдарме перед Ростовом и Новочеркасском сосредоточить свои силы на укрепленной позиции. Но какие там укрепления! Я лишь успел объехать этот район: там не только не было укреплений, но даже соответствующих материалов для их постройки. Инженеры метались как угорелые...

Деникин решил свести Добровольческую армию в один Особый корпус под командованием генерала Кутепова, Донскую — в два корпуса под начальством генерала Сидорина.

Ему же подчинить в оперативном отношении и корпус Кутепова. Сидорину ставилась задача прикрыть ростовское и новочеркасское направления. Генералу Топоркову предписывалось собрать остатки конницы в резерв Деникина. Врангеля Антон Иванович наметил направить на Кубань, чтобы он, объявив мобилизацию, приступил бы к формированию трех Кубанских конных корпусов. Никаких возражений не последовало, и собрание было закрыто. Я немедленно выехал в район Новочеркаска для руководства укреплением позиций.

Но вот накануне Рождества Христова началось такое, что и рассказать тебе невозможно. Большевики обрушились и на Новочеркасск, и на Ростов. Конницы Мамонтова и Топоркова оказывали упорное сопротивление, переходили в контратаку, одно время здорово потрепали Буденного. Мамонтов даже захватил пленных и пушки. Добровольцы как всегда были на высоте: дрались как львы. Однако в первый день Рождества Христова Думенко занял Новочеркасск. Кутепову пришлось пробиваться через Ростов. Трудно пересказать, что там творилось. Кругом пожары, толпы обезумевших беженцев, и посреди всего этого в грязи и холоде из последних сил сражались добровольцы. Люди не жалели себя, тащили пушки, помогая изнуренным лошадям. 25 декабря Сидорин начал отвод войск на левый берег Дона. Дон был покрыт ненадежным льдом.

25 декабря я был назначен начальником гренадерской пехотной дивизии, которая входила в состав Кавказской армии, и на другой день отправился к месту назначения. Вот сегодня утром, как видишь, я и прибыл. Был в штабе Покровского, видел Зигеля* и нашего милейшего Павла Евстигнеевича Дормана**, который у нас с тобой служил в Бердичеве в штабе. Оба они мне сказали, что никакой гренадерской дивизии не существует, а есть только человек полтора года, называемые дивизией. Я им ответил: «Ну что же, командовал же я когда-то ротой в лейб-гвардии Литовском полку, покомандую и этой гренадерской ротой». Зигель рекомендовал мне представиться Покровскому. Я зашел к нему. Он тоже считает, что мне нечего здесь делать, так как этой горстью людей командует какой-то полковник и отлично справляется. Мне же посоветовал отправляться назад к Деникину или оставаться при штабе в распоряжении Зигеля. Вот тебе, Петр Семенович, и весь мой сказ. А к тебе я зашел, чтобы ты меня устроил в какой-нибудь вагон и с первым же поездом отправил в Тихорецкую».

---

* Зигель — начальник штаба Покровского.

** Дорман — начальник оперативного отделения в штабе Зигеля.

Я с вниманием слушал монолог Николая Николаевича и смотрел на его типичное русское лицо с «православной» русской бородкой, в его небольшие глаза, светившиеся умом и добротой. За одиннадцать месяцев нашей разлуки он осунулся и похудел, но, как всегда, держался с военной выправкой — «бодро и молодцевато». Только вот волосы и борода его посеребрились. Он был прежде всего человеком долга и горячим патриотом России. В его фразе «Ну что ж, командовал я когда-то ротой в лейб-гвардии Литовском полку, готов покомандовать и гренадерской» — был весь Стогов. Он горячо любил свою «православную» Россию, считал ее выше всех «басурманских» стран, был глубоко верующим и церковным человеком. Он не представлял себе России без «благочестивейшего и самодержавнейшего» и без «Патриарха Московского и всея Руси». Всякая иная Россия воспринималась им как лишенная души. Все его существо покоилось на заветах родной старины. Однако было бы ошибочно считать его ретроградом. Это был человек образованный, знающий западные идеи, но, воздавая им должное, он всегда говорил: «Что немцу здорово, то русскому — смерть». Оставив жену и детей, он, рискуя жизнью, прибыл в Белую армию для бескорыстной службы во имя долга перед Россией. Его вдохновлял долг перед Отечеством, который он был готов исполнять на любом посту. В конце концов Николай Николаевич решил временно остаться в ожидании какого-либо назначения при штабе генерала Зигеля.

Вскоре после его ухода мне доложили, что меня желает видеть интендант Кавказской армии капитан Петрункевич. Ко мне вошел полный, высокого роста, пышущий здоровьем мужчина лет сорока. Он поставил на стол какой-то пакет и сказал: «Ваше Превосходительство, по приказанию Покровского я привез ему из Крыма из Ливадийского дворца несколько ящиков вина. Вино очень хорошее, и я счел долгом предложить Вам, попробуйте». Меня это очень удивило, так как офицер мне был совершенно не знаком. Я поблагодарил его, но подумал: «Бойтесь данайцев, дары приносящих». Я предположил, что ему нужен вагон для поездки. Жена распорядилась, чтобы подали самовар. Открыли бутылку вина. Начался разговор о событиях на фронте. Петрункевич говорил:

— Да, Ваше Превосходительство, творится что-то непонятное: совсем недавно были в Орле, а теперь вот покинули уже и Новочеркасск, и Ростов, и Царицын. Армия неудержимо катится на юг. В Крыму еще все спокойно. В Новороссийске, куда прибыло много беженцев, тоже признаков паники нет. Но на Кубани мне приходилось встречать толпы пеших и конных казаков, отходивших в тыл. Они были угрюмы, с выражением как бы виновности на лицах. Когда я их

спрашивал, почему они не сражаются, почему оставляют фронт, ответ был один: «Вот передохнем, соберемся с силами и опять будем бить большевиков, как раньше».

Вдруг Петрункевич прервал свой рассказ и обратился ко мне с вопросом:

— Я к Вам, Ваше Превосходительство, по поручению Покровского. Он приказал мне узнать, нет ли в кассе Вашего Управления царских денег, а если есть, то просил обменять их на «колокольчики» из кассы моего интендантства.

Я ответил, что не знаю и позвоню моему помощнику полковнику Саттерупу. Я был уверен, что тот будет отрицать наличие царских денег в кассе, дабы сохранить их для уплаты жалованья чинам нашего Управления. Вскоре пришел Саттеруп и, конечно, ответил, что денег нет ни гроша. Петрункевич тем не менее продолжил:

— Вот я по поручению Покровского всюду рыскаю, собираю для него валюту, царские деньги, драгоценности.

Я не верил своим ушам, слушая все это. Предполагая возможную провокацию, я воздержался говорить что-либо по этому поводу. Дипломатично молчала и моя жена, осведомленная о том, что в окружении Покровского не было ни одного порядочного человека.

Петрункевич продолжал:

— Сейчас по приказанию Покровского я должен ехать в Екатеринодар, чтобы получить визы и дальше следовать в Грецию для выполнения одной финансовой операции в его пользу.

— И у Вас, вероятно, нет вагона? К сожалению, я не располагаю классными вагонами,— поторопился я его предупредить.

— О нет, Ваше Превосходительство, Покровский давно, еще весной, снабдил меня хорошим вагоном, захваченным им в Кисловодске, без которого я не смог бы делать разные торговые операции для него.

Я молча его слушал, стараясь скрыть удивление. Мы допили вино. Петрункевич встал, поблагодарил мою жену за гостеприимство и, прощаясь, сказал, что уезжает в Грецию и, вероятно, оттуда больше не возвратится. После этого разговора мне не приходилось его встречать ни в Крыму, ни в эмиграции.

Однажды, в конце декабря, Покровский пригласил меня к себе и потребовал, чтобы я предоставил в его распоряжение вагон-салон для поездки, хотя такой вагон у него был. Я ответил, что у меня свободного вагона нет. Тогда Покровский раздраженно потребовал выделить вагон из моего поезда.

— Этого я сделать не могу, как не могли бы и Вы выделить вагон из Вашего поезда,— возразил я.

В тот же вечер я получил записку от подполковника Дормана. Он назначал мне встречу в укромном месте среди эшелонов и просил немедленно к нему прийти. Было около 9 часов вечера, светила ясная луна, трещал мороз. Через несколько минут мы с Дорманом встретились в условленном месте. Он сразу же с волнением начал говорить:

— Петр Семенович, я пришел тебя предупредить. Немедленно отсюда уезжай на какую-нибудь станцию. Покровский собирает тебя арестовать. Ты сам знаешь: с этим зверем шутить нельзя. Принимай скорее меры!

Я горячо пожал руку моему другу, и мы расстались.

Возвратившись в Управление, я вызвал полковника Саттерупа и рассказал ему о разговоре с Дорманом. Саттеруп заверил меня, что мы можем полагаться на наш конвой и на его начальника. Начальником конвоя был молодой, лет тридцати, хорунжий, очень решительный и энергичный, вполне мне преданный. Конвой, 25 кубанских казаков, уважал его, так как хорунжий заботился о них. Казаки всегда были сыты, хорошо размещены, тепло одеты. Я вызвал начальника конвоя, приказал ему выставить часовых к моему вагону и никого из посторонних не впускать. Затем я пригласил инженеров Соколова и Александрова, чтобы выяснить, на какую станцию можно было бы переместить наш поезд без ущерба для Управления дорогой. Они посоветовали уехать на станцию Ея. Поскольку там не было депо, решено было взять с собой ремонтную команду подпоручика Гребенюка. Минут через десять ко мне явился подпоручик Гребенюк. Я его спросил, в каком состоянии мой дежурный паровоз, стоявший под парами. «Не паровоз, а лев»,— ответил он. Ровно через полчаса наш поезд тронулся. Все вздохнули свободней, даже начали шутить. Такая тяжелая атмосфера была создана Покровским в последнее время в Котельниково.

Ночь мы отлично спали. Утром прибыли на станцию Ея. Станция была маленькая, спокойная, на путях стояло только два застрявших эшелона, которые еще не смогли «протолкнуть» на Тихорецкую. Я сразу послал телеграмму Покровскому: «Для удобства управления перевозками мое Управление перемещено на станцию Ея».

После занятия Сарепты красные продолжали преследовать Кавказскую армию. В конце декабря она отходила с боями к станции Жутово. На этой станции скопилось несколько эшелонов с грузами, стоял и штабной поезд 6-й пехотной дивизии. Для того чтобы вывезти эти эшелоны, требовалось не менее суток. Однако Покровский требовал эвакуировать все немедленно и поручил проследить за этим своему клеврету подполковнику Сербину. Последний, вопреки моим распоряжениям, приказал пустить эти эшелоны

«лентой», т. е. один поезд сразу за другим. Технически такая операция была очень рискованной: достаточно было остановиться одному паровозу, чтобы застряла вся «лента». Так и случилось. Эшелоны остановились. На другой день, кажется это было 1 января 1920 года, налетела красная конница, изрубила весь штаб 6-й дивизии и захватила все эшелоны с имуществом.

Со станции Ея я послал нарочным письмо генералу Тихменеву, доложив ему, в каких невыносимых условиях мне приходится работать. Жестокость Покровского вынуждала очень хороших работников из числа железнодорожных служащих покидать свои посты и бежать, куда глаза глядят. Многие коменданты станций, отличные офицеры, подавали рапорты о болезни и уезжали в тыл.

Между тем наступала очередь для эвакуации со станции Котельниково. Она очищалась медленно, станция Тихорецкая с трудом принимала поезда.

4 января 1920 года Кавказская армия отошла на рубеж реки Сал, где и заняла позицию. Операцию по отступлению от Царицына до реки Сал Покровский провел, в общем, хорошо. Эвакуация от Царицына до станции Ея была закончена. На короткой железнодорожной линии, входившей в мое ведение, оставалось несколько эшелонов с грузом и поезд штаба Покровского. Сам же Покровский по каким-то соображениям уехал в Тихорецкую. После этого я его больше не встречал и не имел с ним служебных отношений.

Кавказская армия вскоре перестала существовать как таковая. Все кубанские части вошли в состав Кубанской армии, во главе которой 29 декабря был поставлен генерал Шкуро. В первых же числах января 1920 года мое Управление поступило в ведение командующего Кубанской армией.

...

В середине января на станцию Ея прибыл поезд генерала Шкуро. Шкуро сошел на платформу в сопровождении Генерального штаба полковника Гонторова и еще двух молодых кубанских офицеров его свиты. Я вышел ему представиться. Шкуро был блондином маленького роста, лет тридцати восьми, с круглым добродушным симпатичным лицом. Он был подвижен, как юноша, держал себя очень просто в противоположность всем генералам производства периода гражданской войны. Полковник Гонторов был моим старым знакомым еще по службе в мирное время. В 1913 году он под моим начальством проходил стаж причисленного к Генеральному штабу. Потом мы вместе служили в 1917 году в 12-й армии генерала Парского, где Гонторов за составление плана отступления на правый берег Северной Двины

был награжден Георгиевским крестом. Он был умным и образованным офицером, человеком серьезным, с развитым чувством ответственности.

Шкуро направился в соседнюю со станцией Ея станицу, чтобы побеседовать с казаками, собравшимися на поляне. Было холодно и сыро. Лица у всех были хмурые. На приветствие Шкуро казаки ответили недружно. Он говорил им о тяжелой обстановке на фронте, призывал их подняться на защиту родных станиц, об опасности вторжения большевиков. Однако было видно, что его пламенная речь заиграла далеко не всех. Мы возвратились в вагон к генералу Шкуро. На мой вопрос, что происходит на Кубани, он ответил: «Туго, не поднимаются, но ничего, все уладится, будем еще бить большевиков».

Гонторов удивлялся, как это Деникин, назначив командующим Кубанской армией генерала Шкуро, одновременно командировал Врангеля для формирования конных казачьих корпусов. Двоевластие никогда не вело к успеху. Когда я спросил Гонторова, какую роль может играть в Кубанской армии Покровский, он мне ответил: «Никакой. Покровский на Кубани теперь не пользуется не только авторитетом, но и уважением».

Вагон Шкуро был очень большой, наподобие ресторана, и оригинально украшен: все стены были декорированы волчьими головами. Их можно было видеть и на наружных стенах вагона. У Шкуро была так называемая «волчья сотня», нечто вроде гвардии, состоявшая из преданных ему людей, отъявленных головорезов. В отличие от других казаков, они носили папахи из волчьего меха.

Мне приходилось иметь дело со штабом Врангеля, потом Покровского, а теперь предстояло познакомиться и со штабом Шкуро. Каждый из этих генералов имел свои особенности. Это отражалось даже на поездах, в которых они жили. Штаб Врангеля, несмотря на трудности революционного времени, все же походил на учреждение, напоминавшее штаб бывшей Императорской армии. В нем если и не соблюдалась полностью законность, то, по крайней мере, было стремление к порядку и закону. На следующий же день после взятия Царицына, где было захвачено много железнодорожного имущества, Врангель приказал составить для его штаба поезд из лучших вагонов и выкрасить их в темно-синий цвет наподобие царского поезда, что и было сделано.

Штаб Покровского скорее напоминал стан разбойничьего атамана: никакого закона, произвол и вакханалия его пьяной и невежественной «свиты» были повседневным явлением. Номинальный начальник штаба генерал Зигель не играл никакой роли. Дежурный генерал, генерал Петров, служил только исполнителем воли Покровского, в том числе расст-

релов без суда. Подражая Врангелю, Покровский хотел, чтобы и его поезд был комфортабельным и нарядным. Однако по условиям того времени это было невозможно. На этой почве между ними возникали постоянные недоразумения.

Присутствие в штабе Шкуро полковника Гонторова и возможность прибытия на должность начальника штаба генерала Стогова меня радовали. Поезд Шкуро, достаточно дорого обставленный и своеобразно декорированный, подчеркивал психологию генерала-партизана.

27 декабря под натиском противника Донская армия и Добровольческий корпус с остатками кубанцев и терцев переправились на левый берег Дона. Ставка переехала на станцию Тихорецкая.

К началу января Добровольческий корпус сосредоточился на ростовском направлении. Донская армия — на левом берегу Дона до реки Сал, вдоль самого Сала — Кавказская армия. Занимаемый фронт значительно превышал сто верст. Его правый фланг тянулся далеко в задонскую степь и прикрывался войсками генерала Эрдели. Положение последнего было особенно тяжелым, так как в довершение всего ему приходилось еще бороться и с горскими повстанцами.

Не менее тяжелым было положение группы генерала Шиллинга, отступавшей на Украине под натиском 11-й и 12-й Красных Армий. Его главной задачей было прикрытие направлений на Крым и Новороссию. Шиллингу приходилось одновременно бороться и с армиями красных, и с петлюровцами, и с Махно, и с местными повстанцами.

Когда в начале января 1920 года войска генерала Деникина на востоке расположились для боя на левом берегу Дона и Сала, западная группа войск под командованием Шиллинга докатилась до Никополя и Херсона. Перекопское направление прикрывал корпус генерала Слащова. Одесса находилась под угрозой. Генерал Деникин приказал сосредоточить на рейде Одессы все суда нашего Черноморского флота. Сюда же обещали подвести свой флот с транспортом и англичане. Обстановка для Главнокомандующего была сложная и тяжелая.

Однако генерал Деникин был испытанный воин. Он не принадлежал к числу людей малодушных. Уравновешенный и спокойный, он отлично знал суворовское изречение: «Нам тяжело — противнику не легче». Поэтому он тщательно следил за показаниями пленных красноармейцев и за другими сведениями о состоянии противника. Все данные действительно говорили, что военная обстановка и внутреннее положение в стане большевиков очень тяжелые.

Особенный интерес представляли показания Генерально-

го штаба подполковника Строева*, попавшего к нам в плен из штаба Буденного. Он говорил, что русский народ ненавидит большевиков и стремится к возрождению России. В стране постоянно вспыхивают восстания, транспорт совершенно разрушен. Свируется тиф. Госпитали переполнены, санитарная часть не справляется, медикаментов нет — смертность ужасающая. В тылу армии красных царит хаос и очень много дезертиров.

Другой пленный, начальник дивизии (кажется 28-й) латыш Азии, подтверждал многое из того, о чем говорил Строев, и был убежден в том, что народ готов поддержать как борьбу против узурпаторской власти, так и борьбу с реставрацией. Идеалом остается Учредительное собрание.

В армии генерала Деникина насчитывалось все еще около 80 тысяч бойцов и 500 орудий. У красных было больше бойцов, но их пехота была не такой стойкой.

С 27 декабря Добровольческий корпус и Донская армия, оказавшись на левом берегу Дона, начали приводить себя в порядок в ожидании боя. Ставка в Тихорецкой лихорадочно работала, готовясь к новым операциям. Особое внимание было уделено устройству фронтового тыла, находившемуся в настоящем хаосе.

Положение в тылу, особенно на Кубани, усугублялось еще и политиканством Кубанской рады. Казачество под угрозой вторжения большевиков искало выхода из создавшейся военной обстановки. После неудач на фронте авторитет Деникина на Кубани в значительной степени упал. Кубанская рада не могла простить Деникину расправу с народным избранником Калабуховым.

31 декабря в Екатеринодаре собралась Кубанская рада, на которую прибыли представители Кругов Дона и Терека. Председателем Рады был избран кооператор меньшевик Тимошенко. Должность умершего атамана генерала Успенского по избранию перешла к генералу Букретову. Настроение в Раде было чрезвычайно взвинченное, резко оппозиционное к генералу Деникину. Преобладающее большинство требовало окончательного разрыва с Главнокомандующим и создания Союзной казачьей власти в форме Верховного Казачьего Круга из войск Донского, Кубанского, Терского.

С 16 декабря, после падения Ростова, Особое Собрание было упразднено специальным приказом генерала Деникина, однако правительственный аппарат, доказавший полную

---

* Настоящая фамилия Строева была Рихтер. Он переименовал свою фамилию после начала войны с немцами в 1914 г. Я его лично не встречал, но слышал о нем как об образованном и энергичном офицере Генерального штаба. До занятия большевиками Екатеринодара в феврале 1920 г. он содержался у нас в тюрьме. Дальнейшая судьба его мне неизвестна.

неспособность к организации и управлению тылом, продолжал существовать. Правда, он был изменен по форме. Во главе его был сохранен тот же ловкий и «лукавый царедворец» — Лукомский. Этот факт вызвал в армии, в политических и общественных кругах недоумение и недовольство.

5 января 1920 года красное командование, сосредоточив армейскую группу из 8-й и 1-й конных армий под общим командованием Буденного, бросило ее в атаку на наш левый фланг в направлении на Батайск. Эта группа прорвала наш фронт, но, однако, на следующий день «бессмертная гвардия», Добровольческий корпус, совместно с доблестными юнкерами военных школ отбросили противника за Дон и захватили Ростов. Одновременно конница донцов (3-й и 4-й Донские корпуса) и конница генерала Топоркова разбили конницу Буденного под Батайском и вынудили ее уйти на правый берег Дона. Во время этих боев красные понесли большие потери и оставили в наших руках богатые трофеи, в том числе и пушки.

В этот день, когда на фронте лилась кровь, когда генералу Деникину вновь улыбнулось счастье победы, в Екатеринодаре 5 января собрался Верховный Казачий Круг, где полились язвительные и непристойные речи в адрес Главнокомандующего. Верховный Круг состоял из ста пятидесяти депутатов, по пятидесяти от каждого войска. В массе своей депутаты были не подготовлены к разрешению государственных вопросов. Это были в подавляющем большинстве полуинтеллигенты с цензом низших школ. Как сороки повторяли они трескучие трафаретные «демократические» лозунги. Генерал Богаевский был прав, когда назвал это учреждение «Совдепом». Самыми шумливыми были кубанские лидеры, более спокойными — терцы. Неизмеримо выше и тех и других стояли донцы, но, однако, тон задавали кубанцы.

Верховный Круг бредил идеей создания федерации или Союза Дона, Кубани и Терека как государственного образования на демократических принципах. Он отрицал диктатуру и требовал полного разрыва с Деникиным. Однако эти требования не встречали сочувствия со стороны казачьих фронтовиков, сражавшихся с большевиками.

Наши армии, ослабленные в предыдущих боях, из последних сил удерживали фронт, а пополнений с Кубани не поступало. Тщетно посылал генерал Деникин телеграммы атаману Букретову. Такое отношение кубанцев к фронту генерал Сидорин назвал в одной из своих телеграмм «предательством». Ответа не последовало.

Из окружения Верховного Круга ползли слухи о вероятности соглашения с большевиками, что действовало разлагающе на войска и усиливало дезертирство. Впрочем, такой дурной пример подавали даже генералы. 25 декабря была

разослана телеграмма генерала Романовского, адресованная всем старшим начальникам, следующего содержания: «Начальник штаба Добровольческой армии генерал Шатилов самовольно оставил фронт и выехал в тыл с генералом Врангелем. Главнокомандующий приказал произвести расследование о действиях генерала Шатилова». Впоследствии генерал Врангель пытался реабилитировать Шатилова. Но все равно осталось впечатление, что Шатилов воспользовался покровительством своего личного друга Врангеля и попросту бежал на Кубань подальше от опасного во всех отношениях района под Ростовом. Врангель в это время находился на Кубани с поручением формировать конные корпуса.

Обстановка осложнялась еще и тем, что руководящую роль среди кубанцев играл депутат Тимошенко, страстный демагог, крайне левый, лидер черноморских самостийников. К сожалению, представитель умеренных линейцев Скобцов перед ним пасовал. В группе донских казаков одним из наиболее видных членов был Харламов, которого я лично знал. Это был государственно мыслящий человек, умный и образованный. Даже внешность его вызывала доверие и уважение: он был высоким, видным, с окладистой бородой, выдержанным и спокойным интеллигентом, в котором практически не было казачьего шовинизма. Харламов шел навстречу пожеланиям Главнокомандующего, учитывал военную обстановку, хотя и не разделял политики Особого Сопровождающего. Однако на Кругу его мало слушали. Большим влиянием пользовался гибкий политик социалист Авдеев, человек честолюбивый, мечтавший стать Донским атаманом. Несмотря на свои социалистические воззрения, он был настроен довольно благожелательно к генералу Деникину. Но, как ни странно, большую и отрицательную роль играли полковник Гнилорыбов и генерал Янов. Первый был невежественным демагогом, второй — беспринципным дельцом, преследовавшим свои личные цели.

Терцы вели себя скромнее всех. Они целиком поддерживали своих представителей: разумного и умеренного Губарева и генерала Баскакова, человека серьезного и образованного. Баскакова я знал лично. Он был моим профессором в Академии Генерального штаба в 1904—1905 гг. Среднего роста, со скуластым монгольским лицом, обрамленным густой черной бородкой, он имел вид серьезный и сосредоточенный. В Академии он читал курс военной истории эпохи наполеоновских войн. Этот курс написал он сам и читал его очень хорошо. Память у него была изумительная. В начале 1905 г. он уехал на фронт в Маньчжурию на должность начальника штаба одной из дивизий, где за боевые подвиги был награжден Георгиевским оружием. После войны по не-

известным мне причинам он вышел в отставку. Баскаков был человек богатый, независимый и оригинальный. Между прочим, он был старообрядцем.

На Кубани я с ним как-то встретился в Военном управлении у Лукомского. Баскаков был одет не в черкеску, а в длинный штатский старомодный сюртук. Он узнал меня. Мы обмолвились несколькими словами, вспоминали Академию, но он был неразговорчив, угрюм и мрачен. Почему он не оказался на службе в добровольческих частях, не известно. Присутствие Баскакова в Верховном Круге, конечно, было благоприятно для Деникина, так как Баскаков хорошо понимал военно-политическую обстановку, был русским патриотом и человеком без всяких честолюбивых побуждений. Но эти несколько лиц, отдававших себе отчет в том, что разрыв казачества с Добровольческой армией будет губительным и для тех и для других, тонули в общей оппозиции к Деникину. В Верховном Круге имела несравненно больший успех демагогия хорошего оратора Тимошенко, которому аплодировала серая невежественная толпа, состоящая из ста пятидесяти членов Круга.

С 5 января генералу Деникину пришлось бороться на двух фронтах: на военном — против Красной Армии, на политическом — против Верховного Круга, заносившего нож для удара в спину Добровольческой армии. К счастью, генерал Деникин нашел союзников в лице казаков-фронтвиков, которые, хотя и относились оппозиционно к политике Главнокомандующего, но видели в нем носителя идеи единства России, которую исповедовали сами.

С 5 января шумел в Екатеринодаре Верховный Круг, накалялись страсти, в непристойных речах поносилось имя Деникина, провинциальные политические выскочки кричали об отделении казачества от России. В то время как в Верховном Круге произносились демагогические зажигательные речи, развал на Кубани дошел до того, что казаки в станицах под самим Екатеринодаром стали формировать отряды против войск Главнокомандующего. Наиболее активными оказались повстанцы сотника Пилюка и так называемая «Зеленая армия черноморцев на Тамани». Командующий Донской армией генерал Сидорин пригрозил Верховному Кругу, что он применит вооруженную силу для восстановления порядка в тылу и охраны железной дороги Екатеринодар—Новороссийск. После этого он приказал двинуть гвардейскую казачью дивизию генерала Дьякова для выполнения поставленной задачи. Это произвело впечатление на Верховный Круг.

Для выхода из создавшегося положения было решено собрать на станции Тихорецкая совещание из представителей Главного командования, старших военных начальников

Дона и депутатов Верховного Круга. Оно состоялось 12 января. На совещании присутствовали: генерал Деникин со своим начальником штаба генералом Романовским, атаман Дона генерал Богаевский, Кубани — генерал Букретов, Терек — генерал Вдовенко; представители правительств: Донского — Мельников, Кубанского — Иванис; командующий Донской армией — генерал Сидорин со своим начальником штаба генералом Келчевским, командир Добровольческого корпуса генерал Кутепов, генерал Шкуро, генерал Покровский, члены президиума Верховного Круга во главе с председателем Тимошенко, председатель Донского Круга Харламов и другие.

Много горьких слов пришлось выслушать на этом совещании членам Верховного Круга. Наиболее сильную речь, подействовавшую, как холодный душ, произнес генерал Сидорин. Он обвинил не желавших сражаться и давать пополнения в предательстве по отношению к Дону и закончил словами: «Этому нужно положить конец. Если и дальше подобное будет продолжаться, я заверяю, что найдутся силы и средства, чтобы заставить кубанцев исполнить волю всего казачества и Вооруженных Сил Юга России».

На этом совещании генерал Деникин отстаивал свою принципиальную позицию — единства России и единства армии. В конце концов он вышел победителем. Были согласованы более или менее приемлемые условия для заключения соглашения между Главным командованием и Верховным Кругом. Окончательные переговоры назначались на 16 января 1920 года.

Между тем, когда на станции Тихорецкая проводилось это совещание, красное командование сосредоточило две группы войск: южную — для удара в ростовском направлении и северную — для наступления против 1-го и 2-го Донских корпусов и остатков Кавказской армии в районе нижнего Маныча. Северная группа имела в своем составе конницу Буденного и Думенко, поддерживаемую несколькими дивизиями пехоты.

13 января обе группы обрушились на Добровольческий корпус и донцов. Бой длился два дня. 14-го большевикам удалось смять донцов. Противник угрожал выйти в тыл Донскому фронту. В этих тяжелых условиях генерал Сидорин сумел организовать мощный контрудар, в результате которого ударная группа 1-й конной армии Буденного была разбита наголову. Противник понес в этих боях очень большие потери, было взято много пленных и трофеев. Корпус генерала Павлова захватил 40 орудий. Та же участь постигла и южную группу большевиков на ростовском направлении. Она была разбита Добровольческим корпусом генерала Кутепова. Противник в панике бежал за Дон и Маныч.

На Среднем Маныче Кавказская армия тоже смогла отразить все атаки 10-й армии красных, хотя ее правый фланг и стал отходить под напором противника. Эти победы были достигнуты в тот день, когда в Екатеринодаре генерал Деникин держал речь перед Верховным Казачьим Кругом, призывая казачество к единению с Добровольческой армией.

В этот день я был в Екатеринодаре по вызову Главного начальника военных сообщений генерала Тихменева, который дал мне инструкции относительно дальнейшей эвакуации на моей линии. Он же мне сообщил, что мое Управление поступает в ведение Кубанской армии генерала Шкуро. Кавказская армия вошла в ее состав, а генерал Покровский был освобожден от командования.

Екатеринодар поразил меня своим многолюдием. Это был настоящий Вавилон. Вокзал был переполнен пассажирами, стремившимися в Новороссийск. В городе не было порядка: на фронте не хватало бойцов, а здесь бросались в глаза множество генералов, офицеров и просто казаков с винтовками, составлявшими гарнизон Верховного Круга. В ресторанах постоянно шел пьяный разгул.

Я заглянул на квартиру к Анпетковым, которые гостеприимно приютили меня весной, когда я приехал в Екатеринодар из Крыма. Их дом, как всегда, был полон гостей, военных и штатских. Царило веселье: пили, ели, пели, играли в карты. Как будто ничего не произошло, как будто наша армия приближалась к Москве, а не вела бои на левом берегу Дона. Это настроение было вызвано победами Кутепова и Сидорина на Маныче и у Ростова, о чем уже было известно в Екатеринодаре. С восторгом, на разные лады рассказывали, как читал свою речь генерал Деникин, одетый в мундир Корниловского полка, как он «разделал» Верховный Круг. Только хозяйки, две сестры Анпеткова, были озабочены: их сыновья сражались в этот день на фронте. Этим юношам было одному пятнадцать, другому — шестнадцать лет.

На другой день я повидался с моим приятелем генералом Маркодеевым. Он был окончательно деморализован, ни во что не верил, считал все потерянным и собирался уезжать в Новороссийск. В результате беседы с ним и многими моими сослуживцами по Генеральному штабу события на Верховном Круге мне представились в таком виде: генерал Деникин был встречен Кругом сухо и официально. Главкомандующий свою речь читал, а не произносил без записи, как он это всегда делал. Просто в этот раз речь носила характер декларации, содержание которой было согласовано со всеми старшими военными начальниками. Сначала Деникин обрисовал общую обстановку на фронтах, указав на достигнутые успехи и подчеркнув то обстоятельство, что они

стали возможны благодаря исключительной силе духа войск. Он убеждал депутатов в том, что разрыв казачества с Добровольческой армией — это, прежде всего, гибель для казаков, ибо большевики зальют кровью казачьи области и никакие восстания потом уже не помогут. Деникин призывал к соглашению во имя единой России и выдвинул новый лозунг «Вся власть Учредительному собранию. Земля трудящимся». После этого, конечно, двери к соглашению были открыты.

Главнокомандующему в примирительном тоне отвечал Тимошенко, председатель Верховного Круга. Он начал речь с патетического заявления о том, что величие и блеск последних трехсот лет российской истории оплачены муками и страданиями трудящихся, которые путем революции сбросили с себя иго рабства. Тимошенко с особым удовлетворением отметил заявление Деникина о верховенстве Учредительного собрания и о земле для трудящихся и выразил сожаление, что это не было сделано в начале борьбы. В заключение он сказал, что Верховный Круг будет сотрудничать с Главным командованием во имя единой свободной России. В ближайшие дни предполагалось завершить и оформить это соглашение.

...

17 января, когда утром я пил кофе у Анпетковых, неожиданно приехал мой родной брат Василий Семенович, полковник Генерального штаба. Вся семья Анпетковых бросилась его встречать, усаживать и угощать. Я был рад повидаться с ним после шестимесячной разлуки.

— Ну, рассказывай, Вася, откуда ты свалился, что поделываешь? — спросил я его.

— Да вот из Новороссийска к вам прикатил передохнуть немного, — весело ответил мне он.

— Что же ты там делаешь?

— Что делаю? Укрепляем с Врангелем Новороссийск. Ты не можешь представить, что там творится. Туда сбежали и ОСВАГ, и Особое Совещание, и генералы, и спекулянты всех рангов, и «салон графини И.». Все эти беглецы захватили гостиницы, частные квартиры, собираются в ресторанах, болтают, галдят, устраивают свои делишки, под разговоры о спасении России готовятся уезжать кто за границу, кто в Батум.

В этот же день мы с братом расстались. Он проводил меня на вокзал и я уехал к себе в Управление на станцию Ея.

В Кубанской армии генерала Шкуро

После моего вынужденного отъезда со станции Котельниково, где мне грозил арест из-за произвола Покровского, мое Управление поместилось на станции Ея. Я доложил о случившемся генералу Тихменеву. Не знаю, было ли это следствием моего рапорта или случайным совпадением, но вскоре после этого Покровский уехал в Екатеринодар и больше в армию не возвращался.

В начале января стало известно, что Кавказская армия включена в состав Кубанской армии генерала Шкуро. Армия была малочисленна и таяла с каждым днем, так как кубанские казаки самовольно покидали фронт и уходили на Кубань, не желая сражаться вдали от своих станиц. Это было главной причиной того, что правый фланг армии под напором конницы красных довольно поспешно отходил вдоль железной дороги. Сведения о военном положении на этом участке от штаба армии в мое Управление не поступали и только благодаря офицерам железнодорожного батальона, остававшимся на головных станциях, можно было приблизительно представить, где в это время находились разьезды противника.

После ухода Покровского на дороге восстановилась нормальная жизнь. Вести о победах 4-го и 16 января под Ростовом и на Маныче всех подбодрили. Благоприятный исход переговоров Главнокомандующего с Верховным Казачьим Кругом внес успокоение и надежду, что Кубанская армия начнет наступать.

20 января я получил приказ атамана Астраханского Казачьего войска следующего содержания:

ПРИКАЗ

Астраханскому Казачьему войску

г. Екатеринодар, 18 января 1920 года.

На основании приговора сбора казаков станицы Царицынской вверенного мне войска от 13 декабря 1919 года за № 1257 предоставляю звание почетного казака-старика станицы Царицынской начальнику военных сообщений Кавказской армии генерал-майору Петру Семеновичу Махрову, о чем объявляю Астраханскому войску для сведения.

Подлинный подписали: И. О. Войскового Атамана Ляхов

Начальник Войскового штаба генерал-майор Донсков.

С подлинным верно:

За начальника инспекторского отделения Войскового штаба Австраханского казачьего войска — хорунжий Разгонов.

Мне было очень приятно получить этот приказ, но он меня не удивил. Еще месяц тому назад ко мне на станции Котельниково пришел урядник Астраханского войска, атаман Царицынской станицы, пожилой человек, лет за пятьдесят, коренастый, с открытым обветренным лицом, скромный и симпатичный. Он произвел на меня очень хорошее впечатление.

Я прочел постановление сбора. Казаки не забыли, как я эвакуировал осенью 1919 года не только жителей станицы, но и их «скотинку». Это внимание тронуло меня до глубины души, я обнял атамана и просил от моего имени низко кланяться дорогим станичникам.

• • •

24 января 1920 года я приехал на станцию Тихорецкая, чтобы представиться командующему Кубанской армией генералу Шкуро, в ведение которого было официально включено мое Управление.

В штабе армии, в поезде, я встретил моего приятеля генерала Стогова Николая Николаевича, занимавшего должность начальника штаба, и почти всех офицеров, переведенных в штаб Шкуро из штаба Покровского. Не было здесь только подполковника Дормана, который заболел тифом и был эвакуирован в Армавир, о чем очень сожалел Стогов.

Шкуро пригласил меня на завтрак со Стоговым и старшими офицерами его штаба. Завтракали в вагоне-столовой, украшенной волчьими головами. Завтрак был очень скромный, пили мало. Я был удивлен, так как неоднократно слышал, что Шкуро много пьет. Шкуро, Стогов и другие офицеры были в очень хорошем настроении, и будущее на фронте представлялось им в розовом свете.

Шкуро казался беспечно веселым и довольным тем, что Деникину с Верховным Кругом удалось добиться соглашения. После этого Шкуро рассчитывал, что формирование Кубанской армии пойдет быстро и энергично. Было заметно также, что он доволен своим начальником штаба Стоговым. За завтраком Шкуро откровенно сказал:

— Я в вашей стратегии, господа, ни черта не понимаю. Вот хороший набег сделать — это я умею. Теперь стратегией пусть занимается Николай Николаевич, а я займусь формированием армии, а потом, Бог даст, станем громить большевиков, как я их бил под Екатеринославом и Воронежем.

В этих словах проявилась бесхитрость этого генерала, резко отличавшая его от других военачальников и создававшая атмосферу непринужденности. В лице Шкуро я встретил человека сердечной простоты и доброты, без дерзновенных притязаний. Слухи о его пристрастии к пьянству

совершенно не соответствовали действительности. Его обвиняли в еврейских погромах, но на самом деле он этого не допускал. Правда, он налагал контрибуции на евреев в занятых им городах. Этими деньгами Шкуро помогал вдовам и сиротам своих казаков. Я в этом лично убедился: на станции Қалач умер комендант, оставив вдову с детьми. Ей полагалось от казны пособие, которого при тогдашней дороговизне могло хватить на неделю скромной жизни. Я обратился к Шкуро. Без всяких разговоров он тут же на клочке бумаги карандашом написал: «Дежурному генералу. Выдать немедленно вдове полковника (такой-то) 200 тысяч рублей пособия. Генерал Шкуро».

У меня был друг детских лет, подполковник 27-й артиллерийской бригады Николай Романович Мгалобелов. Мы с ним расстались в г. Вильно в 1911 году. С тех пор я с ним не встречался. Утром 27 января ко мне вошел полковник Саттеруп и вручил конверт с письмом Мгалобелова, где он писал, что измучен морально и физически и просит меня предоставить ему какую-либо должность, чтобы не уезжать в тыл в госпиталь. В это время у меня в Управлении была свободная должность правителя канцелярии, так как чиновник, коллежский асессор Дмитриенко, дезертировал, предпочитая заниматься спекуляцией в Новороссийске. Я послал телеграмму начальству Мгалобелова, прося командировать его в мое распоряжение.

2 февраля Мгалобелов прибыл ко мне на станцию Ея. Передо мной стоял красивый худой артиллерийский подполковник лет сорока трех, усталый, в очень потрепанном обмундировании. Он пытался называть меня «Ваше Превосходительство», но я его остановил и сказал:

— Ну, дорогой Николай Романович, прежде всего отправляйтесь в помещение вагона, умойтесь, приведите себя в порядок. Я приказал, чтобы Вам выдали новое английское обмундирование, переоденьтесь, а потом приходите ко мне на завтрак.

Через час это был другой человек: чисто выбритый, аккуратно причесанный, оживленный, с блестящими веселыми глазами, в новеньком кителе. Моя жена его встретила радушно, так как знала его еще кадетом.

На завтрак у нас был жареный гусь, которого повар выменял на керосин в соседней станице. Мы были рады дать этому уставшему человеку возможность, хотя бы недолго, почувствовать себя в домашней обстановке.

Мгалобелов рассказал нам грустную историю последних лет своей жизни: после развала фронта он оказался в Киеве, где умерла от тифа его девятнадцатилетняя красавица

дочь. Жена от горя сошла с ума. Когда начались расстрелы офицеров, Мгалобелов бежал в Добровольческую армию на Дон, участвовал в ее составе во всех походах на Кубани и на Северном Кавказе. По происхождению он был грузином, грузины предлагали ему вступить в их армию, но он отказался. В 1919 году, когда Киев был взят Бредовым, он приехал туда, чтобы повидать свою больную жену, но не застал ее в живых. Там же он узнал, что его сестра, Елена Зацепина, умерла от чахотки, а ее муж, полковник, убит большевиками.

Николай Романович остался один как перст и всецело отдался борьбе с большевиками. Потом опять бои, занятие Харькова и Курска, а затем ужасное двухмесячное отступление. Снова бои у Ростова и Батайска. Много раз он был в окружении, но пробиваясь вместе с пехотой, тащившей по колени в грязи на лямках в стужу и в дождь свои пушки.

— Наконец,— говорил он,— я свалился окончательно. Меня перевезли в бронепоезде на станцию Крымская. Я валялся в вагоне, сил у меня не было, спать я не мог, мои мозги горели, я думал, что умру. Передо мною проносились образы моего детства. И вдруг я вспомнил Вас, Петр Семенович, наши игры, нашу юность, нашу дружбу. Я видел, что Вы, только Вы один, остались из моих близких и друзей. Всю ночь, не смыкая глаз, я думал о Вас, о том, где и как Вас найти... Я знал, что Вы несомненно откликнитесь. Рано утром, качаясь от слабости, я вышел на станции Крымская, где мне посоветовали написать Вам письмо без адреса на Ваше Управление. Целой вечностью показались мне несколько последних дней ожидания ответа от Вас. Когда командир дивизиона сообщил мне, что я назначаюсь в Ваше распоряжение, у меня потемнело в глазах, я едва удержался на ногах. Взяв себя в руки, я вышел на станцию. Было темно и холодно. Мне сказали, что скоро идет поезд на станцию Ея, где стоит Ваше Управление. Я зашел на минуту в бронепоезд, чтобы обогреться и проститься с сослуживцами. Затем вернулся на вокзал и в чем был уехал к Вам.

Мгалобелов занял у меня в Управлении должность правителя канцелярии и оказался незаменимым работником. Вскоре он совершенно оправился, и я был рад, что мы были вместе в эти тяжелые дни.

По его рассказам, обстановка в районе, откуда он прибыл, уже начинала походить на обстановку в период развала фронта во времена керенщины. Приказы атамана идти на фронт кубанцы не выполняли и отвечали на них митингами, на которых выдвигали заведомо невыполнимые требования, лишь бы не покидать станиц. Даже пожилые казаки находили предлог, чтобы уклониться от фронта. Например, в станице Новоминской они говорили: «Мы готовы идти на

позиции, но только с офицерами царского производства».

Донских беженцев встречали на Кубани далеко не гостеприимно. Это возмущало донцов. У генерала Сидорина даже был план бросить Кубань на произвол судьбы и пробиваться на Дон. Конечно, это был жест отчаяния. Деникин назвал его авантюрой, так как считал, что нельзя бросить базу, раненых и больных. Главнокомандующего поддержал и генерал Кутепов.

Между тем конница Буденного, оправившись после разгрома 16—20 января, начала сосредоточиваться у Великокняжеской с явным намерением выступить в направлении на Тихорецкую, в наш глубокий тыл. На нашем правом фланге, по Верхнему Манычу, Буденному преграждала путь слабая Кубанская армия генерала Шкуро, насчитывавшая около четырех тысяч бойцов. Тем не менее и сам генерал Шкуро, и его начальник штаба генерал Стогов были настроены оптимистично. Правда, Шкуро за время гражданской войны узнал переменчивость военного счастья, но почему Стогов был так спокоен, я, признаться, не понимал. Все расчеты сил и стратегическое положение на нашем правом фланге говорили не в нашу пользу. Быть может, он полагался на общее настроение после разгрома Буденного 16—20 января или же оценивал обстановку в целом, принимая во внимание директиву генерала Деникина от 26 января, в которой Главнокомандующий отдавал приказ о переходе в наступление нашей армии с целью занять район Ростов—Новочеркасск. Одновременно с этим нужно было и парировать удар, наносившийся группой Буденного и 10-й Армией красных. Для этого генерал Деникин приказал генералу Сидорину сосредоточить сильную конную группу южнее Нижнего Маныча и бросить ее вверх по Манычу во фланг и тыл Буденному. Таким образом, намечалась оригинальная наступательная операция в двух направлениях: на запад — на Новочеркасск и на восток — на Великокняжескую.

26 января в район Белой Глины (южнее Торговой) в резерв Главнокомандующего прибыл вновь сформированный 2-й Кубанский корпус генерала Науменко. В этот день генерал Деникин приехал со станции Тихорецкая к Белой Глине, чтобы произвести смотр этому корпусу. По моей должности я должен был встречать Главнокомандующего. Я прибыл заблаговременно, примерно к двум часам дня. Был сильный мороз, дул холодный резкий ветер. На станции толпились казаки, спасаясь от холода.

Прибыл поезд. Из вагона вышел Главнокомандующий со своим начальником штаба генералом Романовским и еще какими-то офицерами свиты. Я встретил генерала Деникина с рапортом. Он выслушал мой доклад, пожал руку и быстрыми шагами проследовал к станции, где казаки держали

под уздцы лошадей для него и его свиты. Генерал Деникин был сосредоточен и мрачен. Таким мне никогда не приходилось его видеть. Он легко сел на коня и сразу пошел рысью, а я с комендантом станции отправился на вокзал.

Прошло минут пять, кто-то из казаков сказал: «Главкомандующий вернулся с повязкой на голове, поранились». Стоявший рядом со мной казак спросил:

— Что случилось?

— Сказывают, упали, конь споткнулся.

— Конь споткнулся? Нехорошо это — не к добру, — сказал кто-то из казаков в толпе.

Не знаю почему, но эти слова «не к добру» меня точно ножом резанули по сердцу. У казаков есть много своих примет на войне.

Генерал Деникин, поручив произвести смотр генералу Романовскому, отправился к себе в вагон, где врач переменял ему повязку. Ранение было не опасное. Через час возвратился генерал Романовский со свитой, и поезд Главкомандующего проследовал на станцию Тихорецкая, а за ним отправился и я на станцию Ея. В ушах у меня навязчиво звучало: «Не к добру! Не к добру!» В душе нарастала гнетущая тоска.

4 февраля стало известно, что конница под начальством генерала Павлова*, брошенная генералом Сидориным против ударной группы Буденного, разбила конницу Думенко. Эта новость была встречена у нас в Управлении и в штабе Шкуро с ликованием.

Однако Павлов не пошел в тыл противнику вдоль по Верхнему Манычу, как ему было приказано, а двинулся на Торговую, уже захваченную большевиками. Поход этот по безлюдной степи в страшную вьюгу, при морозе, доходившем до двадцати градусов, закончился гибелью половины людей и лошадей. Другая половина, в том числе и Павлов, была обморожена.

5 февраля Павлов попытался овладеть Торговой, но был отброшен Буденным к юго-западу от нее. Группа Буденного расположилась к югу от Торговой. 6 февраля противники стояли напротив друг друга, готовясь к атаке. 8-го я записал в моей памятной книжке: «7 февраля добровольцы заняли Ростов. Сегодня, 8-го, томительное и мучительное ожидание того, что сделает Павлов со своей конницей. Штаб

---

* Генерал Павлов сменил на посту командира корпуса генерала Мамонтова. Павлов служил в прошлом в лейб-уланском полку. Мне приходилось встречаться с ним в 8-й армии генерала Брусилова во время войны 1914—1915 гг. Генерал Брусиллов несколько раз хотел отстранить его от командования, так как Павлов не всегда выполнял поставленные перед ним задачи.

его перешел в Тихорецкую. Тихорецкая забита до крайности».

7 февраля добровольцы разбили 8-ю Армию красных и захватили Ростов и Нахичевань, а донцы овладели железной дорогой Новочеркасск—Ростов и теснили конницу Жлобы и Думенко, захватывая пушки, пулеметы и штабы. В частности, корпус Кутепова, кроме пушек, машин, взял 6 бронепоездов. Павлов же, увы, ничего не сделал! Конница Буденного продолжала свое наступление на Тихорецкую, выходя в глубокий тыл донцам и корпусу Кутепова, которые наносили удар за ударом большевикам на берегах Нижнего Дона.

8 февраля станция Ея, где продолжал находиться поезд моего Управления, оказался под угрозой. Я отдал распоряжение о перемещении поезда на станцию Тихорецкая, но начальник службы движения доложил, что мост южнее станции Ея осел, и только к вечеру его исправят. Чины моего Управления волновались, так как из соседней станицы шли слухи о приближении большевистских разъездов. Моя вооруженная охрана состояла из двадцати пяти казаков-кубанцев, и то пеших. Решено было, на всякий случай, раздать всем чинам Управления и железнодорожникам винтовки. Но что было делать с семьями? В вагонах жили шесть дам и две маленькие девочки, в том числе и моя дочь.

Чтобы ускорить работу по починке моста, я послал ремонтную команду железнодорожного батальона под начальством моего любимого подпоручика Гребенюка. День прошел спокойно, но мостовики по телефону сообщили, что подмытый оттепелью мост восстанавливается медленно. Около 10 часов вечера Гребенюк мне доложил, что его команда принялась за работу и будет восстанавливать мост всю ночь.

В нашем поезде жизнь осложнилась тем, что испортилась динамо-машина в вагоне электростанции. Зажгли керосиновые лампы. Сидели в полумраке, не зная ложиться спать или нет. Более нервные даже хотели отправиться пешком на Тихорецкую или попросить в соседней станице повозки для женщин и детей. Начальник конвоя выставил у станции караулы. Почти все спали плохо и 9-го поднялись с рассветом утомленные.

До 11 часов утра сведений о ходе работ не поступало. Полковник Саттеруп, побывавший в станице, чтобы купить продукты, сообщил, что станица опустела. Остались только сочувствующие большевикам. За керосин они дали хлеб и все необходимое, но были очень удивлены тем, что наш поезд еще не ушел.

Позавтракав, все приободрились. Инженер, ведавший электростанцией поезда, с грустью мне сообщил, что динамо он исправить не может, так как нет какой-то детали для

замены. Около пяти часов вечера прибыл инженер, руководивший работами у моста, и сообщил, что мост почти готов, и мы скоро сможем отправиться. Однако он не ручался за прочность моста.

«Скажи мне, на что мы можем надеяться?» — с тоской спросила меня жена. В ответ на это я указал рукой на образ Казанской Божьей Матери, подаренный мне деповскими рабочими еще в Царицыне во время августовской эвакуации. Начинало темнеть. У меня в вагоне зажгли керосиновую лампу и задраили окна в салоне. Я сел у письменного стола. Сзади меня у другого стола сидела жена с восьмилетней дочерью, которая рассматривала картинки в какой-то книжке. Все попытки моего помощника полковника Саттерура и подполковника Мгалобелова связаться с подпоручиком Гребенюком, сутки работавшим над починкой моста, были безуспешными: связь была прервана. Становилось страшно при мысли, что это могло быть делом рук какого-нибудь большевистского разъезда.

Я делал над собой усилия, чтобы казаться спокойным. На все вопросы, скоро ли мы уедем, я отвечал: «Уедем, не беспокойтесь». Меня поразило самообладание женщин, которые волновались менее мужчин. Инженер, начальник нашей электрической станции, очень был расстроен тем, что за целый день не смог починить машину.

Начальник конвоя тщательно организовал службу разведки и охраны. Словом, каждый испытывал чувство не только служебной ответственности, но, пожалуй, в большей степени ответственности моральной. Между тем положение было опасным, это подтверждали сведения, полученные от казаков соседней станицы.

Я возвратился в свой вагон. Жена и дочь все еще сидели за большим столом; я сел у письменного стола, взял телефонную трубку и позвонил в соседний вагон, где находились начальник службы движения Александров и другой путеец, Соколов, начальник нашей дороги.

— У телефона Александров, что прикажете, Петр Семенович?

— Ну, как дела, Александр Александрович, не пора ли нам ехать?

В это время вдруг Александров положил трубку, наступило молчание.

— Ну что, есть надежда? — обратилась ко мне жена.

Я продолжал держать трубку телефона. Мой взгляд остановился на образе Божьей Матери, висевшем как раз в углу передо мной. Вдруг лик иконы ярко осветился, словно вспышкой вольтовой дуги. Я услышал голос жены: «Видал?» Это продолжалось две-три секунды, затем световое пятно как

молния зигзагообразно ушло вверх. Из коридора вбежал мой денщик и сказал:

— А я думал, что электричество нам дали.

В этот момент Александров мне сообщил:

— Прикажите, чтобы все садились по вагонам. Гребенюк телефонировал, что мост исправлен, можно отправляться.

Я немедленно отдал приказ о сборке всех наших служащих.

Скажу откровенно, что произошедшее с иконой Божьей Матери произвело на меня сильное впечатление, особенно потому, что оно совпало с вестью о починке моста. Точно Господь Бог услышал наши молитвы. Я много слышал во время революции и гражданской войны о случаях обновления икон, позолоты крестов и куполов и других явлениях знамения Божия, но самому их видеть не приходилось. И вот 9 февраля в 8 часов вечера мне суждено было лицезреть лик Богородицы, освещенный чрезвычайно сильным и ярким светом.

Наш поезд медленно тронулся. Мы облегченно вздохнули. На душе у меня было необыкновенно хорошо и спокойно. Случай с образом иконы Казанской Божьей Матери произвел на меня огромное впечатление. Во мне, можно сказать, произошел душевный переворот, появилась какая-то уверенность, что Господь Бог будет милостив к нам. Я решил, что всю жизнь буду хранить этот образ у себя. Когда я пишу эти строки, он висит у меня в комнате. Этот образ путешествовал с моей женой от Новороссийска до Салоник на пароходо «Св. Николай», который шел с большим креном. Побывал он в Сербии и в Болгарии. Был он со мной и когда я следовал в Польшу в качестве военного представителя генерала Врангеля.

22 июля 1920 года я прибыл в Варну, чтобы взять с собой семью. Настоятель местной греческой церкви попросил моего согласия отслужить молебен перед этим образом. Храм был переполнен молящимися. Протоиерей сказал замечательную проповедь о Святой Покровительнице Божьей Матери. Эта икона особенно дорога мне еще и потому, что я привез ее из России, где она была предподнесена мне русскими православными людьми как благословение в тревожные дни Царицына в августе 1919 года. Этот образ принадлежал Царицынскому собору и очень чтился верующими. Во время большевистских богохульств рабочим удалось спасти икону, и они долго прятали ее среди дров склада депо.

. . .

10 февраля, утром, поезд моего Управления прибыл на станцию Тихорецкая. Эта большая узловая станция была

забита эшелонами. Здесь я уже был освобожден от всяких обязанностей, так как Тихорецкая находилась в ведении начальника военных сообщений этого района генерала Колубакина. На станции царила нервозность. И железнодорожная администрация, и Управление военных сообщений делали невероятные усилия, чтобы разгрузить этот важный железнодорожный узел. Поезда двигались на юг медленно, так как следующие за Тихорецкой станции тоже были забиты. Положение осложнялось еще и тем, что 10 февраля, на другой день после моего отъезда, станция Ея уже была занята передовыми частями большевиков.

Многие надеялись, что генерал Сидорин отбросит противника, но никто в этом не мог быть уверенным, так как после гибели конницы генерала Павлова у Торговой настроение у донцов резко упало. С фронта, с северного участка Дона, стали поступать донесения об отходе на юго-восток. Только доблестный Добровольческий корпус генерала Кутепова продолжал удерживать Ростов, отбивая непрерывные атаки. Фронт красных напоминал в это время как бы невод, правый конец которого был прикреплен к Ростову, где вел отчаянные бои Добровольческий корпус, главный мешок — южнее устья Маныча, а левый конец тянулся к Тихорецкой.

10 февраля Ставка Главнокомандующего получила приказ генерала Деникина переместиться в Екатеринодар. Я послал генералу Тихменеву донесение о том, что эвакуацию моего участка дороги я благополучно закончил и просил дальнейших указаний. Генерал Тихменев приказал, чтобы я с моим Управлением переехал в Екатеринодар и поступил в ведение Главного начальника военных сообщений. Однако сделать это было не так просто, так как пришлось ждать очереди, чтобы отправить мой поезд, хотя я и имел свой вполне исправный паровоз. В это время главным бедствием на железных дорогах был недостаток локомотивов. Почти все они были изношены. На них постоянно устраивалась охота в буквальном смысле этого слова, так как даже для эшелонов санитарных поездов и военных учреждений паровозов не хватало. Мой поезд стоял под парами и охранялся подпоручиком железнодорожного батальона Гребенюком, который даже не рискнул отправить паровоз в депо для осмотра. Мои деповские рабочие, около восьмидесяти человек, приехавшие со мной еще из Царицына с бригадиром Молоствовым, были в Тихорецкой большой подмогой, — так как местные рабочие разбежались.

Я ждал со дня на день отправки поезда моего Управления и томился без дела. Газет не было, сводки из Ставки не поступали. Мы жили только слухами о происходящем на фронте. Тихорецкая все больше пустела. Вокзал был переполнен беженцами, ожидавшими поездов для отправки на

юг. Однако железнодорожная администрация едва справлялась с отправкой воинских эшелонов. В Тихорецкую с севера тянулись колонны всевозможных обозов с беженцами, желавшими спасти свой скраб. Среди них можно было видеть раненых и больных офицеров, предпочитавших жалкую повозку санитарному поезду, где скорее можно было заразиться тифом, нежели излечить рану.

10 февраля большевистские войска перешли в решительное наступление по всему фронту. Добровольческий корпус и Донская армия ответили немедленной контратакой. Донцам удалось отразить красных на главном богаевском направлении (восточнее Новочеркасска) и даже ворваться в Новочеркасск. Добровольцы дали бой у станицы Ольгинской, а конный корпус генерала Павлова 12 февраля атаковал ударную группу Буденного у Горькой Балки к северу от Тихорецкой.

Наши войска сражались доблестно, но, в конце концов, были смяты и отброшены к югу. Один только Добровольческий корпус Кутепова, истекая кровью, продолжал удерживать позиции у станицы Ольгинской. Корпус Павлова и 3-й генерала Гусельщикова в боях у станицы Ольгинской понесли тяжелейшие потери* и начали отступление. Эти бои были последними яркими вспышками угасавшего духа Белой армии...

14 февраля поезд моего Управления покинул станцию Тихорецкая и направился в Екатеринодар, куда и прибыл днем 15 февраля. Станция была забита поездами и, несмотря на присутствие поезда Главнокомандующего, на ней царил беспорядок. Даже железнодорожные пути не были убраны. Однако, сверх всякого ожидания, на станции не ощущалось особой нервозности, скорее какая-то апатия.

Поезд генерала Деникина стоял на третьем пути. Почетных часовых у его вагона почему-то не было. Вокзал был грязен и заполнен людьми с багажом. Это были пассажиры, торопившиеся попасть в отходивший на Новороссийск поезд. Проходя мимо вагона Главнокомандующего, я увидел генерала Деникина, стоявшего у окна. Он был в мундире одного из добровольческих полков и казался спокойным, таким, каким мне приходилось его видеть в тяжелые майские дни во время операции у Великокняжеской. «Что этот святой мученик переживает сейчас в душе?» — подумал я.

В это время уже было известно о смерти Колчака. Власть его заместителя — генерала Деникина как правителя России становилась иллюзорной. О расстреле адмирала Колчака ге-

---

* Павлов вынужден был бросить всю свою артиллерию.

нерал Деникин узнал 25 января 1920 года во время пребывания Ставки на станции Тихорецкая. Это известие пришло из Парижа. Адмирал был предан социал-революционерам чехословаками, которые в это время были на Сибирской железной дороге единственной реальной вооруженной силой. Французский генерал Жанен, имевший возможности спасти адмирала, не принял для этого никаких мер. Верховная власть в Сибири рушилась, несмотря на то, что адмирал Колчак заблаговременно все предусмотрел и назначил своим преемником генерала Семенова. Армия разваливалась и в тяжелейших условиях уходила на восток.

Власть Деникина как Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России, установленная соглашением с Верховным Казачьим Кругом 16 января, также начинала ослабевать, так как постоянно подрывалась казачеством, недовольным диктатурой генерала. Начинаясь развал и среди высшего командного состава в Донской армии: так, например, после разгрома Буденным 12 февраля корпуса Павлова старший войсковой начальник самовольно отстранил Павлова от командования и назначил на его место генерала Секретева, казака по происхождению в отличие от Павлова. Командующему армией генералу Сидорину пришлось лишь санкционировать решение своих подчиненных, что, естественно, умаляло его авторитет.

Кубанской армии уже почти не существовало. На всем фронте, прикрывавшем Тихорецкое направление, оставался небольшой отряд в 600 бойцов. Примерно такие же силы были в районе Кавказской и у Ставрополя.

Генерал Шкуро, находившийся со своим штабом в станице Усть-Лабе, видя враждебное отношение к нему кубанских казаков за поддержку генерала Деникина, вынужден был покинуть свой пост командующего армией.

На место Шкуро был назначен генерал Улагай, но его положение было невыносимым: на Кубани фактически уже не существовало власти. Никто не исполнял ни распоряжений атамана, ни распоряжений Рады. Рада стремилась создать в противовес добровольцам собственную вооруженную силу из повстанцев под командованием члена Рады сотника Пилюка. Их численность в это время в районе к югу от Екатеринограда уже составляла около 10 тыс. человек.

Взаимоотношения между казачеством донским и кубанским с каждым днем осложнялись. Кубанцы встречали донских беженцев враждебно и даже грабили донские войсковые склады. Как раз в день моего прибытия в Екатеринодар кубанцы громили донские интендантские склады на станции Малороссийская и в станице Архангельской. Дело дошло до того, что донцами был вызван бронепоезд, который открыл огонь по грабителям.

15 февраля положение на фронте стало очень серьезным. Красная Армия продолжала преследовать отступающую Донскую армию. Левое крыло противника все больше и больше проникало в глубь нашего правого фланга, стремясь прижать армию к Азовскому морю. Началось разложение и в обескровленном Добровольческом корпусе, но благодаря остаткам основного дисциплинированного ядра, такого как Дроздовская дивизия, корпус продолжал держаться до получения приказа генерала Деникина об отходе из района: станции Ольгинской. Добровольцы уходили последними.

Вечером на станции Екатеринодар начались пожары. Горел мазут, просочившийся из изношенных паровозов. Пожарные боролись с огнем, засыпая его песком. К счастью, не было ветра. Но все же от искры вдруг загорелся мазут под вагоном атамана генерала Богаевского. На другом пути, напротив, стоял вагон, в котором жила моя семья. Пока прибежали рабочие, краска на стенах вагона начала уже коробиться и гореть. Верные деповские рабочие, приехавшие со мной из Царицына, узнав о возможности пожара у меня, прибежали с бригадиром Молоствовым и вручную откатили вагон в безопасное место. Какие это были хорошие люди! Простые, надежные и глубоко порядочные.

В Ставке Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России

нем 21 февраля на станции Екатеринодар у поезда Главнокомандующего ко мне подошел Генерального штаба полковник Шкеленко. Он был моим учеником в Виленском военном училище. Юноша недюжинных способностей и чрезвычайно трудолюбивый, он окончил училище первым фельдфебелем, а через три года поступил в Военную академию и окончил ее блестяще. Во время войны 1914 года он проявил себя как выдающийся офицер Генерального штаба. Шкеленко был небольшого роста довольно полный мешковатый блондин с круглым светлым лицом. Он всегда носил очки с большими стеклами.

Дисциплинированный и очень тактичный, он держал себя скромно. Ему было лет тридцать пять.

Представившись, он доложил, что начальник штаба Главнокомандующего генерал Романовский просит меня зайти к нему в вагон, а от себя добавил, что Романовский хочет предложить мне должность генерал-квартирмейстера в штабе Главнокомандующего вместо заболевшего генерала Плющик-Плющевского. Меня в первый момент это смутило, должность генерал-квартирмейстера вообще очень трудная, что я знал по собственному опыту, полученному во время войны 1914—1916 гг. В период неудач на фронтах она требует чрезвычайного напряжения всех сил. Однако я решил согласиться, потому что это предложение, несомненно, делалось по выбору генерала Деникина.

Было около трех часов дня, когда я вошел в вагон Романовского. Он сидел за столом, заваленным кучей бумаг, угрюмый и сосредоточенный. После обычного официального представления Романовский мне сказал, что генерал Деникин и он хотят, чтобы я немедленно приступил к исполнению должности генерал-квартирмейстера. Я согласился. Генерал пояснил мне, что положение на фронте трудное, но конница Донской армии численно превосходит кавалерию Красной Армии. «К сожалению,— говорил он,— Сидорин не может заставить ее пойти в бой. Мы терпим поражение по причинам моральным. Физически же мы не слабее большевиков. Состояние нашей армии есть не что иное, как массовая депрессия, вызванная общей усталостью и пропагандой политиканов. Нам нужно поднять дух войск, необходимо дать армии передохнуть. Главное теперь—это оторваться от преследующего нас противника, воспользовавшись естественными преградами, задержать его арьергардами и перевести всю армию за Кубань. Кубань, я думаю, будет той позицией, на которой произойдет психологический перелом. Войска опять воспрянут духом, и мы перейдем в решающее наступление. Вот вам общая идея, теперь приступайте к разработке операции».

Я отправился к себе в вагон и пригласил Генерального штаба полковника Николая Леонтьевича Щербицкого, моего старого сослуживца еще на фронте во время службы в 8-й армии в 1914—1916 гг. Он занимал в штабе Романовского должность начальника общего отделения и, в частности, заведовал личным составом офицеров Генерального штаба. Щербицкий был человеком большого ума, образованным и наблюдательным. В высшей степени деликатный и тактичный, правдивый и исключительно честный, он беспристрастно оценивал офицеров.

Охарактеризовав офицеров оперативного отделения как серьезных и добросовестных, Щербицкий выделил из их среды помощника начальника оперативного отделения полковника Шкеленко, которого я уже знал раньше как выдающегося и талантливого офицера Генерального штаба. Щербицкий определил его как «душу оперативного отдела». Затем он назвал причисленного к Генеральному штабу полковника Колтышева, который состоял при Главнокомандующем докладчиком по оперативной части. С Колтышевым мне до сих пор не приходилось встречаться, но имя его было мне знакомо еще во время войны 1915—1916 гг. С самого начала войны он обратил на себя внимание начальников доблестью, знаниями и недюжинными способностями. Щербицкий мне говорил о Колтышеве как о прекрасном во всех отношениях офицере, особенно в моральном отношении. Он

занимал в штабе должность докладчика Главнокомандующему по оперативной части.

Надо заметить, что генерал Деникин был очень требователен при изучении боевой обстановки на фронте. Оперативное отделение в любой момент должно было быть готовым и к представлению карты с расположением войск противника и наших войск, и со схемой организации тыла и его охраны. В Ставке был установлен такой порядок: обычно доклад Главнокомандующему делал генерал-квартирмейстер. В особых случаях это происходило в присутствии начальника штаба генерала Романовского. В течение же дня, а иногда и ночью, генерал Деникин вызывал дежурного офицера Генерального штаба для справок по оперативной части. Из всех офицеров Генерального штаба его требованиям полностью соответствовал только полковник Колтышев, которого он и назначал постоянным докладчиком. Эта процедура, конечно, была отступлением от уставного правила, по которому все доклады Главнокомандующему должен был делать непосредственно начальник его штаба. Но это вызывалось, с одной стороны, деликатностью генерала Деникина, не считавшего нужным по мелочам беспокоить начальника штаба, загруженного работой, а с другой стороны, самим характером гражданской войны, где обстановка очень быстро меняется.

Вступив в должность генерал-квартирмейстера, я попытался было делать доклад непосредственно только генералу Романовскому, но он просил меня сохранить порядок, установившийся в Ставке. Вот здесь мне и пришлось встретиться с полковником Колтышевым и узнать этого замечательного офицера Генерального штаба, сыгравшего большую роль в судьбе генерала Деникина, которому он был беспредельно предан и симпатией которого он пользовался.

Колтышев, несмотря на свою молодость, ему было двадцать пять — двадцать шесть лет, сделался одним из самых близких к генералу Деникину офицеров. Он это заслужил своим талантом, тактом и моральным обликом. Для Колтышева на первом месте стояли долг перед Отечеством, честь и честность. Он был дисциплинирован, благовоспитан и чрезвычайно скромен. С начальством держал себя корректно, сохранял достоинство и умел деликатно отстаивать свое мнение. Его доклады по оперативной части отличались точностью проверенных фактов, полнотой материала и выразительностью. Словом, это был один из самых талантливых офицеров Генерального штаба в Белой армии. С ним мог конкурировать только полковник Герман Иванович Коновалов, который, как и Колтышев, зарекомендовал себя еще во время первой мировой войны и как доблестный строевой офицер, и как образованный офицер Генерального штаба.

Генерал Деникин узнал Петра Владимировича Колтышева на фронте в 8-й армии Брусилова. Тогда Колтышев был старшим адъютантом в штабе 40-го корпуса, а генерал Деникин командовал «Железной» стрелковой дивизией, входившей в состав этого корпуса. Здесь генералу Деникину и случилось познакомиться с молодым капитаном Колтышевым. Это произошло во время знаменитой операции 8-й армии под Чарторыйском и Луцком в мае 1916 г. В этих успешных операциях своими лаврами Брусилов был обязан блестящим победам, одержанным генералом Деникиным.

Искусство, с которым Деникин командовал войсками, его инициативность и доблесть пленили молодого офицера Колтышева. С тех пор он стал поклонником Антона Ивановича Деникина, которого считал идеалом полководца и военачальника, умевшего просто и сердечно подходить к подчиненным ему офицерам и солдатам.

За период командования стрелковой дивизией у генерала Деникина сменились три корпусных командира. Первым был генерал Дельвиг, очень образованный артиллерист и совершенно невежественный военачальник, недостатки которого покрывал его начальник штаба, серьезный, образованный и волевой Генерального штаба генерал Скобельцын. При нем в роли старшего адъютанта состоял Колтышев. Дельвига сменил совершенно неподготовленный к командованию корпусом генерал Кишмалинский, которого очень скоро генерал Брусилов отрешил от должности. Наконец, в эту должность вступил герой боев на Кавказе, отличный военачальник генерал Берхман. Независимо от того, кто командовал, корпус всегда одерживал победы благодаря, главным образом, «Железной дивизии» генерала Деникина.

Все приказы для согласования действий «Железной дивизии» и 2-й стрелковой, которой командовал отличный генерал Белозор, именем командира 40-го корпуса отдавались Колтышевым. Это, конечно, было известно генералу Деникину, который в нем сразу почувствовал талантливое и тактичного офицера.

Колтышев был маленького роста, тонкий стройный шатен с большими черными глазами, в которых светились ум, отвага, достоинство и правдивость. Он носил мундир Дроздовского полка и всегда был безукоризненно одет. Выглядел он настолько молодо, что производил впечатление юноши, и тем не менее у себя в полку он пользовался большим авторитетом не только среди своих товарищей, но и у начальников. Вполне естественно, что офицера с такими качествами и при этом беспредельно преданного генерал Деникин сделал своим приближенным, но Колтышев не был фаворитом вроде Шатилова при Врангеле. Он не был способен на прислуживание и интриги, да и генерал Деникин не до-

пускал фаворитизма, а ценил людей по их пользе для дела и службы.

В числе других офицеров Генерального штаба были начальник оперативного отделения полковник Карпинский и его помощник полковник Шкеленко. Карпинский был высокого роста худой блондин, о котором можно было сказать, что он «неладно скроен, да крепко сшит». Его длинное лицо с небольшими усами было невыразительным. Одевался он небрежно. Держал себя скромно, даже неуверенно. Движения его были угловаты. При дальнейшем с ним знакомстве я убедился, что это был самый заурядный офицер Генерального штаба, и удивлялся, как он мог быть назначен на столь ответственное место в Ставку. К счастью, у него были такие талантливые помощники, как Шкеленко и Колтышев, которые вели всю работу в отделении. Сам же Карпинский не всегда даже был в курсе того, что делалось на фронте.

Затем я познакомился с начальником разведывательного отделения Генерального штаба полковником Бучинским, с которым мне до сих пор никогда не приходилось встречаться. Это был молодой человек лет тридцати двух, ниже среднего роста, хорошо сложенный. Его интеллигентное лицо с редкой бородкой казалось усталым, глаза беспокойно бегали. Когда я спросил, какими сведениями он располагает о противнике, он безнадежно махнул рукой:

— Ведь нет никаких связей ни с добровольцами, ни с Донской армией, ни с кубанцами. Отрывочные и нерегулярные донесения поступают от Шиллинга, туманные — от Эрдели.

Я ознакомил Карпинского, Шкеленко и Бучинского с задачей, поставленной передо мной Романовским, и приказал им подготовить материал об обстановке на фронте и дать сведения о характере местных преград, на которых можно было бы удерживать противника на случай отхода на Кубань, а также о Кубани, особенно о имеющихся через нее переправах.

Во время нашей беседы мне доложили, что меня хочет видеть начальник английской военной миссии генерал Хольман. Я приказал его просить. Ко мне вошел генерал лет за пятьдесят, осанку и лицо которого нельзя забыть. Это был высокого роста, широкоплечий, прекрасно сложенный человек. Лицо его с правильными и красивыми чертами было гладко выбрито, усы аккуратно подстрижены. Его небольшие умные глаза смотрели мягко, но в них отражались энергия и воля. Он был элегантно одет в мундир с отложным воротником, из-под которого была видна тонкая защитного цвета рубаша и такой же галстук. На плечах — защитного цвета и из такой же материи, как мундир, узкие погоны, посередине которых блестела большая генеральская звезда.

По бортам воротника сверкали четыре звездочки. На груди были прикреплены ленточки многочисленных орденов. Его фуражка фасоном напоминала нашу, но только козырек был украшен красивым галуном. Мне в жизни приходилось видеть мундиры всех армий, из них английский мне больше всех нравился своей простотой, красотой и удобством. Военный мундир отражал в себе национальные черты, характер народа.

Я пригласил Хольмана сесть. Вид у него был озабоченный, лицо — нахмуренное. Говорил по-русски он очень хорошо, держал себя, как истинный джентльмен. Выразив удовольствие со мной познакомиться, он сказал:

— Я беспокою Вас, генерал, по чрезвычайно важному вопросу. Я давно настаиваю, чтобы Ставка приступила к эвакуации беженцев из Новороссийска. На рейде стоят пароходы и непроизводительно жгут уголь. Так продолжаться не может. Я говорил об этом и генералу Плющевскому, и генералу Романовскому. Теперь я обращаюсь к Вам и прошу незамедлительно распорядиться, чтобы в Новороссийске начали погрузку подлежащих эвакуации беженцев, больных и раненых.

Я обещал Хольману исполнить его просьбу. Обменявшись несколькими словами об общей обстановке, которую он знал не хуже меня, мы расстались.

Было около шести часов вечера. Я зашел к генералу Романовскому и доложил ему о моем разговоре с Хольманом. Со своей стороны я добавил, что считаю необходимым отдать распоряжение о частичной эвакуации из Новороссийска беженцев, больных и раненых. Сделать это надо было теперь же, чтобы наш тыл был более спокойным. Генерал Романовский, глядя мне прямо в глаза, сказал:

— Не ожидал я, что Вы первый Ваш доклад начнете с эвакуации тыла, а не соображениями о наступлении на фронте. Подобное распоряжение может произвести неблагоприятное впечатление в психологическом отношении. С этим нужно повременить, о чем я уже говорил Хольману.

Я на это возразил генералу Романовскому:

— Ваше Превосходительство, я оцениваю обстановку в целом по указанным Вами мне данным для разработки операции. Я имею в виду и то, что Кубань, как Вы предполагаете, станет той «психологической линией», за которой после отдыха войска воспрянут духом, и мы перейдем в решительное наступление. Но Вы считаете главной причиной упадка духа войск усталость и политиканство. Мне же представляются причины депрессии более сложными. Больно сказать, но это потеря веры в командный состав и казаками, и офицерами, и войсковыми начальниками. Возьмем хотя бы последний случай с генералом Павловым, когда старшие

войсковые начальники без ведома командующего Донской армией отрешили Павлова от должности и назначили на его место генерала Секретева. Генерал Сидорин оказался бессильным прекратить это самоуправство, и его авторитет был поколеблен. Сидорин отлично, как и мы с Вами, понимает, что мы должны перейти в наступление и что сил у нас достаточно, чтобы это сделать. Нужен только толчок, один успех, и большевики покатаются к северу. Это сознают даже простые казаки, но когда нужно перейти к делу, они точно заколдованы в своем стремлении уйти в тыл. Сидорина ни в чем нельзя упрекнуть. Он, не щадя своих сил, подвергает себя постоянной опасности. Все время объезжает или, вернее сказать, облетает на аэроплане свой корпус, лично беседует с казаками, убеждает их идти в бой, но зажечь их сердца не может.

Отношения между добровольческими корпусами и Донской армией натянутые. Между кубанцами и донцами — враждебность. Ваше предположение, что за Кубанью произойдет психологический перелом, отрезвление — чисто теоретическое. Может произойти, а может и нет.

Мы должны иметь в виду и худшее, то есть необходимость отступить на Новороссийск, который следует заблаговременно очистить от беженцев, поэтому я и настаиваю на немедленном приказе об эвакуации.

Генерал Романовский спокойно выслушал мой доклад и ответил:

— Хорошо, я поговорю с Главкомандующим.

Однако распоряжение об эвакуации было отдано только через четыре дня — 25 февраля.

Около 8 часов вечера я возвратился к себе в вагон. Жена мне сообщила, что мы приглашены в поезд моего Управления на прощальный ужин.

Мои сослуживцы по Управлению военных сообщений встретили меня очень радушно. Стол был скромный и прост. Говорили, как полагается, теплые речи, шутили, как будто ничего тревожного на фронте не произошло. Настроение было бодрое, и все верили, что генерал Деникин выйдет с честью из трудного положения.

Между прочим, за столом обсуждалось воззвание генерала Деникина к офицерам, выпущенное им в этот день — 21 февраля. Главкомандующий говорил в своем обращении о смуте, царящей в офицерской среде, о недовольстве некоторыми начальниками, о случаях неповиновения, обещая принять все необходимые меры, и призывал офицеров объединиться вокруг него как «старшего офицера».

Воззвание генерала Деникина было криком больной, измученной души. Генерал Деникин отлично знал психологию армии в дни поражений. Неудачи на фронте всегда вызывают недовольство, люди ищут виновника бедствий. В данном случае многие считали им генерала Романовского, которого даже люди, никогда не видевшие его в глаза, называли «злым геннем».

П. С. Махров. Начало 1920 г.

Неудачи на фронте вызвали недовольство командным составом. В Крыму это недовольство сказалось во время восстания капитана Орлова, на Черноморье — ротмистра Вороновича и сотника Пилюка — на Кубани. Я называю основные имена, но таких повстанческих отрядов было много. Они называли себя «зелеными». Их политическая окраска была различной, но все они не признавали власти ни большевиков, ни генерала Деникина.

Банкет, устроенный моими сослуживцами по Управлению военными сообщениями Кавказской армии, окончился около десяти часов вечера, и я возвратился к себе в вагон, чтобы раньше встать на другой день и подготовить утренний доклад генералу Романовскому.

22 февраля рано утром я отправился в поезд Главкомандующего и вошел в вагон генерал-квартирмейстера, где

меня встретил дежурный офицер. В поезде все еще спали после бессонной ночи. Вскоре ко мне в кабинет явился начальник оперативного отделения полковник Карпинский со своим помощником полковником Шкеленко и начальником разведывательного отделения полковником Бучинским. Они принесли с собой необходимый материал для доклада.

К 22 февраля на фронте Вооруженных Сил Юга России борьба с противником продолжалась на двух театрах военных действий. Первый занимал пространство между восточным берегом Азовского моря и западным — Каспийского. Его фронт протянулся по параллели верст на 180 севернее Екатеринодара, южнее Ставрополя и дальше на восток до Терека. Длина фронта была около 650 верст.

Вторым был Крым с узкими проходами у Сиваша и Перекопа, удобными для обороны. Точно определить силы генерала Деникина в этот период трудно, но приблизительно они были таковы: на главном театре — Добровольческий корпус — около 10 тыс., Донская армия — тысяч 40—42, Кубанская — тысячи 3—4, но в последние дни она стала увеличиваться, так как корпус популярного генерала Бабиева начал пополняться казаками баталпашинского отдела. Наконец, отряд генерала Эрдели едва ли превышал 5—6 тыс. бойцов, состоявших из терских и кубанских казаков, уральцев, пробившихся из армии Колчака осенью 1919 года, добровольцев-горцев, оставшихся верными Эрдели. В Крыму стояли 1-й Особый корпус, Черноморский флот, непосредственно подчиненный главнокомандующему Новороссийской областью генералу Шиллингу, который возложил оборону перешейков на генерала Слащова. Силы 1-го Особого корпуса не превышали 6 тыс. бойцов, из коих около 4 тыс. было под командой генерала Слащова. Во главе флота стоял адмирал Ненюков, а начальником штаба флота был адмирал Бубнов. Таким образом, можно предположить, что в армии Деникина было 60—65 тыс. бойцов.

Противник на этом театре несколько превосходил нас силами, особенно артиллерией, но наша конница была сильнее. Самое же главное преимущество большевиков было в том, что, окрыленные успехами, они были сильны духом, а у нас он упал до предела.

Однако положение на Крымском фронте было довольно устойчивым. Силы противника, атаковавшие позиции у Перекопа, не превышали по численности корпус генерала Слащова, оборонявшего Крым, но в моральном отношении наши войска значительно уступали войскам большевиков, действовавших против наших войск на главном театре. Но их тыл не был обеспечен, так как на Украине шли восстания крестьян против большевиков, и Махно был настроен против них.

В тылу Красной Армии, наступавшей в направлении Екатеринодара, по сведениям нашей разведки, тоже не все было благополучно. Крестьянские восстания вызывали необходимость прибегать к карательным экспедициям, железнодорожный транспорт был разрушен. Свирепствовала эпидемия тифа. Люди умирали как мухи. Только в ближайшем тылу большевики встречали сочувствие в некоторых станицах. Кубанские казаки из этих станиц переходили на их сторону даже с оружием в руках.

Главные боевые действия на Кавказском театре к 22 февраля разыгрывались на фронте протяженностью в 200 верст к северу от Кубани, от Азовского моря до станции Кавказской. Штаб Добровольческой армии 22 февраля находился на станции Бурховецкая, в 12-ти верстах от станции Тимашевская, где расположился штаб Донской армии. Штаб Кубанской армии находился в Усть-Лабе. Сведений от генерала Эрдели не было. Знали только, что он с боями пробивался на юг.

Оставалась последняя преграда — река Кубань, которая представляла серьезное препятствие для противника. Но чтобы на этом рубеже можно было активно обороняться, следовало на всех переправах или хотя бы на главнейших, как, например, перед Екатеринодаром, создать укрепления. Станицы на левом берегу Кубани были бедны хлебом, фуражом и мясом.

На этой линии генерал Романовский предполагал дать передохнуть войскам, рассчитывая, что их психологическое состояние изменится, и они перейдут в наступление. А между тем от донских казаков приходилось слышать: «Уйдем в Грузию, в Турцию, в Персию, в Индию... Но с большевиками не останемся». Чтобы уберечься от большевиков, считали они, есть только один способ: уходить, куда глаза глядят.

У кубанцев же наступило некоторое просветление после того, как они увидели, как хозяйничают в станицах пришедшие туда большевики. Кубанцы стали уходить в корпус генерала Бабиева, ряды которого значительно пополнились. Этот доблестный генерал повел свой корпус в бой в районе Ставрополя и в направлении на станцию Кавказская против конницы противника, глубоко зашедшей в наш тыл. Но в целом, и Донская армия и Кубанская теряли силу духа и были в конце февраля в последней стадии разложения. Добровольческий корпус генерала Кутепова еще представлял собой некоторую боевую силу, на которую можно было рассчитывать.

Однако это уже не были добровольцы первых походов, их ряды пополнились мобилизованными, которые не усвоили

традиций идейных добровольцев. Несмотря на все, суровая дисциплина Кутепова, опиравшаяся на ядро старых добровольцев, особенно дроздовцев, удерживала корпус от разложения.

Что касается 3-го Особого корпуса генерала Слащова, то после того, как он разбил Орлова, ему удалось погасить смуту в своем корпусе, подтянуть дисциплину и успешно отражать все атаки большевиков у перешейков.

В Крыму, в Севастополе, стоял наш Черноморский флот. Его аппарат управления и количество старших офицеров командного состава значительно превосходили потребности боевых судов и транспорта.

В то время, когда армия генерала Деникина, потрясенная неудачами на фронте, спасаясь, уходила в тыл, положение на флоте было лучше. Он был неуязвим для большевиков. Командный состав флота мог главным образом заботиться об обеспечении судов углем.

. . .

Бубнов, контр-адмирал, начальник штаба флота, с которым я познакомился в Царицыне в июле 1919 года, когда был начальником военных сообщений Кавказской армии, организовал в Севастополе научный военный кружок, в котором он читал лекции по тактике и организации флота. Однако вскоре этот кружок сделался политическим центром, искавшим выход из создавшегося в Крыму положения после поражения войск генерала Шиллинга.

Этот кружок не был тайным. Бубнов посвящал в планы этого общества Командующего флотом вице-адмирала Ненюкова. Видимо, последний разделял взгляды Бубнова о необходимости замены Деникина на посту Главнокомандующего Врангелем. К числу сторонников Бубнова нужно отнести контр-адмирала Кононова. Он был донским казаком. На флоте и в мирное время, и во время войны 1914—1916 гг. он был известен как умный и энергичный моряк, но недостаточно морально устойчивый. В период гражданской войны он стал морским министром правительства Войска донского, где и был произведен в контр-адмиралы.

Таким образом, к 1 февраля 1920 года в Крыму была группа, состоявшая из вице-адмирала Ненюкова, контр-адмиралов Бубнова и Кононова. Они явно были настроены против генерала Деникина и считали, что спасти положение может только генерал Врангель. Герцог Лейхтенбергский связывал эту группу с генералом Слащовым, а прибывший в это время генерал Лукомский со свойственным ему лукав-

ством явно способствовал передаче власти в Крыму генералу Врангелю*.

Генерального штаба полковник Коновалов, бывший начальник оперативного отделения в штабе Главнокомандующего в Новороссийске генерала Шиллинга, подробно обрисовал обстановку в Крыму в первой половине февраля 1920 года. 31 января генерал Шиллинг прибыл в Крым. В день прибытия в Севастополь он зашел к Командующему флотом адмиралу Ненюкову, где застал адмирала Бубнова. Ненюков и Бубнов сразу заявили генералу Шиллингу, что ввиду сложившейся обстановки ему следует отказаться от своего поста и передать власть главнокомандующего в Крыму генералу Врангелю, прибытие которого ожидалось на другой день. Шиллинг им ответил, что он охотно это сделает, если последует приказ Главнокомандующего.

1-го приехал Врангель. Он немедленно отправился к Ненюкову. Весть о его прибытии быстро распространилась в городе. Общественность и моряки восторженно приветствовали появление Врангеля, считая, что он восстановит порядок в Крыму. В Севастополе и Симферополе настроение было нервное, еще не сгладилось впечатление, произведенное выступлением отряда капитана Орлова 22 января, когда он арестовал в Симферополе губернатора Татищева, а в Севастополе — коменданта крепости генерала Субботина и членов его штаба. Отряд Орлова состоял из четырехсот человек. Сам Орлов был неглупым человеком и отличным офицером. Оставшись лояльным в отношении генерала Слащова, он объявил себя начальником Симферопольского гарнизона и издал приказ, в котором говорил, что действует во имя восстановления порядка в тылу. Он призывал всех русских людей и особенно рабочих помочь ему в деле борьбы с анархией, дабы этим дать возможность генералу Слащову спокойно вести борьбу на фронте против большевиков.

Таким образом, мне кажется ошибочным причислять капитана Орлова к зеленым, которые были нелояльны к Главному командованию и не признавали власти большевиков, как например, ротмистр Воронович, действовавший в Черноморье, и Махно — в Гуляй-Поле на Украине. Воронович же потом, после крушения Крыма при Врангеле, очутился в Польше у Савинкова, пытался играть роль его союзника и был одним из организаторов юго-восточных повстанцев в 1921 году.

Орлов выступал против разрушения тыла, за власть Главнокомандующего. Однако его выступление имело характер порочный, так как он был офицером, нарушившим воинскую

---

* Когда в апреле 1920 года Врангель стал Главнокомандующим, он не забыл услугу, оказанную ему Лукомским, и назначил его своим представителем в Константинополе.

дисциплину. Оно было опасным и потому, что Орлов провоцировал офицерство на уход в тыл.

1 февраля полковник Коновалов был достаточно хорошо осведомлен о настроениях офицеров в Крыму. Корпус Слащова в общем был на стороне генерала Деникина. Только осведомлен о настроениях офицеров в Крыму. Корпус Слащовым отряд Орлова под влиянием герцога Лейхтенбергского оказались сторонниками Врангеля. Моряки не были единодушны. Одни с Бубновым, Кононовым и Ненюковым стояли за Врангеля и готовили «депутацию» к генералу Шиллингу с требованием передать власть в Крыму генералу Врангелю. Их противники, лояльные генералу Деникину, собирали другую группу моряков с требованием разогнать командный состав флота, допустивший на флоте анархию в управлении.

Сухопутные гарнизоны Крыма участия в борьбе за власть не принимали и занимали выжидательную позицию.

Полковник Коновалов успел предупредить генерала Шиллинга об общей обстановке и о возможности прибытия к генералу Шиллингу депутации от моряков, а сам на всякий случай ввел в гостиницу Киста полусотню горской иррегулярной сотни под командой есаула Слободицкого. Коновалов осведомил Шиллинга, что агитация в пользу Врангеля не достигла успеха, что это в основном было шумихой наверху, не имевшей под собой серьезного фундамента ни в войске, ни на флоте, ни у жителей Крыма.

1 февраля, действительно, к Шиллингу пришла группа офицеров из шести человек с Кононовым во главе, которые в самой корректной и спокойной форме предложили Шиллингу сдать власть главнокомандующего в Крыму генералу Врангелю, что якобы является общим желанием и сухопутных войск, и флота, а также политических и общественных кругов.

Генерал Шиллинг в такой же спокойной форме и со свойственной ему корректностью ответил, что он пожелания моряков донесет до генерала Деникина и поступит так, как прикажет Главнокомандующий. Этим разговор и кончился.

Я лично знал генерала Шиллинга. В прошлом он был гвардейским офицером и во время войны 1914—1916 гг. дослужился до чина генерал-майора. Высокого роста, довольно полный, со светлым открытым лицом, он производил очень хорошее впечатление. Одет он всегда был по форме в мундир одного из гвардейских полков. В обращении с офицерами был прост и приветлив. Это был человек долга и в высшей степени порядочный*.

* В 1927 году мне пришлось встретиться с ним в Париже. Несмотря на свой возраст — свыше 60 лет — он зарабатывал свой хлеб, будучи рабочим на одной из французских фабрик. Жил он бедно.

В первых числах февраля Шиллингу пришлось еще несколько раз встречаться с Врангелем, Бубновым и Ненюковым. Врангель открыто требовал передать ему власть, не стесняясь указывать на ту якобы популярность, которой он пользуется в Крыму. А Ненюков и Бубнов горячо убеждали Шиллинга передать власть «молодому вождю» для пользы дела. Шиллинг неизменно отвечал, что он за властью не гонится, что готов сдать свой пост Врангелю, но ждет ответа от Главнокомандующего.

Наконец, Шиллинг стал получать довольно наглые записки от генерала Лукомского, открыто заявлявшего, что Шиллинг не способен управлять в Крыму, и советовал ему уступить свою должность хотя бы «временно, но немедленно, не ожидая ответа от Деникина». На это, конечно, Шиллинг не пошел.

Между тем события в Крыму развивались. Бубнов, Кононов и Лейхтенбергский уговаривали Слащова оказать воздействие на Шиллинга. По существу дела, конечно, реальная сила была в руках Слащова.

В Ялте находился генерал Покровский, оказавшийся не у дел после того, как он сдал командование Кавказской армией генералу Шкуро в начале января 1920 года. Городское правление и начальник гарнизона бросились к нему, прося взять на себя защиту города. Покровский немедленно объявил всеобщую мобилизацию, и на улицах стали хватать людей для формирования отрядов. Однако организовать ничего не успели, так как «материал был сырой», почти никто не умел обращаться с оружием. В это время с гор спустился Орлов с четырьмястами хорошо обученными солдатами и взял в плен Покровского, генерала Боровского, еще несколько старших чинов офицеров и весь мобилизованный отряд в несколько десятков человек. Все произошло без кровопролития.

Этот эпизод был последним важным событием в бурной карьере незаурядного партизана генерала Покровского*.

Вскоре Орлов, ограбив Ялтинское казначейство, освободил Покровского и других пленников, а сам ушел в горы.

---

* Больше мы не встретим Покровского в рядах Белой армии. Генерал Деникин оставил его без всякого назначения. Более того, когда в 1921 году в бытность мою военным представителем в Польше, Покровский просил меня предоставить ему какую-либо должность в Третьей Русской армии, организовавшейся на польской территории, на мой вопрос по этому поводу Врангель ответил категорическим отказом. Позже Покровский очутился в Болгарии. Его деятельность там мне не известна, но, вероятно, он работал против большевиков, так как в период власти Стамбулийского Покровский был убит в Софии русским чекистом выстрелом из револьвера, когда, спасаясь, выскакивал через окно своей квартиры.

Между тем генерал Шиллинг к 3 февраля получил приказ от генерала Деникина оставаться на своем посту и закончить с орловщиной и смутой, вызванной действиями Бубнова. Генерал Шиллинг немедленно отправил надежные войска против отряда Орлова и, между прочим, приказал адмиралу выслать яхту «Колхида» для перевозки в Ялту десанта против мятежников. Участники десанта, высадившись в Ялте, вступили в переговоры с орловцами. «Колхида» возвратилась в порт. Адмирал Ненюков не сообщил об этом своевременно, за что Шиллинг отстранил от занимаемых должностей адмиралов Ненюкова и Бубнова. На место Ненюкова он назначил вице-адмирала Саблина, а на место Бубнова — капитана первого ранга Рябинина. Одновременно Шиллинг просил генерала Лукомского посоветовать Врангелю покинуть Крым. Это пожелание привело в ярость претендента на власть в Крыму, и он ответил Шиллингу резкой телеграммой*.

В этот же день в Севастополе был получен приказ генерала Деникина об увольнении в отставку Врангеля, Лукомского, Шатилова и Бубнова. Этот приказ произвел должное впечатление. На другой день, 9 февраля, Бубнов на «Потемкине» поспешил уехать в Константинополь без разрешения генерала Шиллинга. Очевидно, что главный интриган в этом заговоре испугался возможных дальнейших репрессий.

Между тем общая обстановка на обоих театрах военных действий требовала установления порядка и спокойствия в Крыму и в Черноморье. Необходимо было восстановить дисциплину и во флоте, так как его участие в боевых действиях было вероятно. Назначенный Шиллингом Командующим флотом вместо Ненюкова адмирал Саблин вполне соответствовал своей новой должности.

Английский генерал Хольман предложил генералу Деникину встретиться с генералом Врангелем и попытаться в дружеской беседе ликвидировать возникшее между ними недопонимание для общего блага. Долготерпимый генерал Деникин и на это согласился. Но Врангель, отказываясь от встречи с Главнокомандующим, послал в Новороссийск к Хольману Шатилова для объяснения причин отказа.

Чаша терпения Деникина была переполнена. Шатилову английский адмирал Сеймур не разрешил высадиться в Новороссийске и вручил ему письмо на имя генерала Врангеля, в котором Хольман сообщил требование Главнокомандую-

---

* Содержание телеграммы было таково: «Генерал Лукомский письменно уведомил меня, что Вы находите пребывание мое в Крыму нежелательным. Полагаю, что вся моя предыдущая служба не дает никому права делать мне подобные замечания. 8 февраля, 6 часов, № 622. Врангель».

щего, чтобы генерал Врангель покинул Крым и выехал за границу.

Врангеля это известие поразило. Он жил на корабле «Александр Михайлович», где держал свой флаг Командующий флотом вице-адмирал Саблин. Врангелю ничего не оставалось, как уехать. Англичане предложили ему свое военное судно, но Врангель не воспользовался их любезностью, предпочитая совершить путешествие на русском корабле «Александр Михайлович». На этом корабле, после распоряжения о высылке 19 февраля, Врангель продолжал жить еще около двух недель из-за задержки с погрузкой угля. Затем, обратившись к английскому адмиралу Сеймуру, все-таки воспользовался английским военным судном и вместе с Шатиловым уехал в Константинополь.

Ко дню моего вступления в должность генерал-квартирмейстера 22 февраля сложившуюся обстановку на театре военных действий Вооруженных Сил Юга можно резюмировать так: силы большевиков ненамного превышали наши, но духом были значительно сильнее. В Крыму генерал Слащов не только отражал атаки противника, но и переходил в контратаки. На Кавказском театре Донская армия находилась в стадии крайнего разложения и с каждым днем делалась все более и более небоеспособной. Добровольческий корпус, зараженный общей болезнью, стремился в тыл, но все же еще представлял собой силу, проявлял боевую активность и доблесть.

Во внутренней жизни обоих театров царил смута, выразившаяся в интриганстве, политиканстве, стремлении честолюбцев вырвать власть из рук генерала Деникина. Экономически оба театра, в большей степени Кавказский, были в состоянии разрухи. Добровольческих денег население не принимало. В тылу Кавказского театра бесчинствовали разные отряды зеленых и отвлекали с фронта войска, посланные для обеспечения безопасности дорог и поддержания порядка. Правительство Юга находилось в прострации, а Кубанское готово было вступить в соглашение с большевиками. Единственным аппаратом, который был еще способен служить, оставалась Ставка Главнокомандующего, но и ее деятельность вследствие разрухи правительственных учреждений в тылу и прорыва связи на фронте часто была тем, что в механике называется «свободный ход колеса».

Весь день 22 февраля я провел за работой по изучению обстановки, чтобы подготовить план операции на случай отхода за Кубань. Работа моя, несмотря на приказание никого не принимать, прерывалась посетителями по их личным делам. Главным образом это были просьбы оказать содействие

для отъезда в Новороссийск. Был такой случай: в вагон ввалился почтенный генерал, которого я знал еще в мирное время, когда он служил в 34-й пехотной дивизии, Генерального штаба генерал-лейтенант Кортацци. Он обратился ко мне с просьбой дать распоряжение о том, чтобы дежурный генерал Ставки обменял ему несколько сот тысяч добровольческих рублей на донские. Он торопился уехать за границу и обменивал русские денежные знаки на иностранную валюту по курсу 1 фунт за 10 тыс. донских рублей. Я его направил к Бернацкому, министру финансов. Другой случай был более неприятный. Ко мне вошел Генерального штаба генерал Языков, мой товарищ по Академии, в квартире которого в Петербурге я жил. Я знал его и его семью с самой лучшей стороны. Он попал в Добровольческую армию летом 1919 года, бежав от большевиков во время изгнания их из Киева Бредовым. Передо мной стоял генерал в солдатской распахнутой шинели, из кармана которой торчала бутылка водки. От него пахло спиртным. И этот, прежде не пивший, в прошлом корректный и элегантный офицер заплетающимся языком просил меня разрешить ему в кресле моего кабинета сидя поспать. С болью в сердце я отказал, так как не мог исполнить его просьбу. Недовольный, не сказав ни слова, он ушел. Так это подлое время ломало жизнь людей, и они топили свое горе в вине.

Уже поздно вечером ко мне вошел, опираясь на палочку, очень маленького роста, изящно сложенный полковник с красивым безусым женственным лицом, ему можно было дать лет двадцать. Он отрапортовал:

— Генерального штаба полковник Тихобразов, начальник отдела иностранных миссий.

Я предложил Тихобразову сесть и спросил, почему он ходит с палочкой. Он мне ответил, что очень слаб, так как был болен тифом, что у него высокая температура, и он пришел ко мне просить разрешения уехать в госпиталь в Константинополь. Я, конечно, дал распоряжение. Он оставил заместителем своего помощника очень хорошего офицера Генерального штаба полковника Владимира Владимировича Гофмана. Не желая долго задерживать больного, я все же воспользовался случаем и спросил об отношении к нам в этот момент англичан и французов. Он ответил, что и английская военная миссия с генералом Хольманом во главе, и французская, возглавляемая генералом Манженом, очень сочувственно и доброжелательно относятся к генералу Деникину и готовы оказать ему всякое содействие.

— Однако, Ваше Превосходительство, — добавил Тихобразов, — не нужно забывать, что в Англии существует правительство Его Величества, а во Франции — правительство парламентское. Генерал Хольман знает, что все обещания

Будут исполнены, а генерал Манжен не может быть в этом уверен.

Было около восьми часов вечера. В мой кабинет вошел адъютант генерала Романовского с громадным ворохом папок и бумаг. Положил эту грудку на стол, пояснив: «От начальника штаба». Я ужаснулся и начал просматривать. В этом множестве документов я нашел только две-три телеграммы, касающиеся моего отдела. Все остальное относилось к другим отделам штаба и тыловым учреждениям. Я пригласил к себе начальника Общего отдела полковника Щербицкого, который был в курсе дел Ставки, и спросил его, что это значит. Он мне объяснил, что генерал Романовский по ознакомлению с делами, которые он имеет обыкновение тщательно изучать, накладывает свои резолюции и потом передает бумаги генерал-квартирмейстеру для исполнения. До сих пор этим занимался генерал Плющик-Плющевский. Я попросил в будущем этим заниматься Щербицкого, так как это не относилось к кругу моих обязанностей*.

Вскоре начальник оперативного отделения подал мне очередную сводку военных действий на обоих театрах. Из Феодосии Шиллинг сообщал, что красные ведут подготовку для атаки на деревню Юшунь на перекопском участке, и генерал Слещов принимает меры для отражения противника.

Генерал Сидорин, которому был подчинен в оперативном отношении и Добровольческий корпус, только сообщал об отходе под натиском противника на линию реки Челбасы. Отход совершался в чрезвычайно тяжелых условиях из-за непролазной грязи. Приходилось бросать не только обозы, но и артиллерию. Тысячи обозных и беженцев, обрубив построики, пересели на коней и, смешавшись с войсками, медленно катились к югу. Непролазная грязь сдерживала скорость продвижения и противника.

День 22 февраля я закончил очень поздно и подготовил план операции отхода за Кубань, чтобы после отдыха войска могли перейти в наступление.

* * *

Утром 23 февраля я зашел к генералу Романовскому с картой, схемой и набросанным мною докладом. Утренняя сводка сообщала, что в Крыму на рассвете большевики открыли сильный артиллерийский огонь и начали наступление на перекопском участке на деревню Юшунь. Штаб Дон-

---

* Просмотрев некоторые бумаги, я был поражен внимательным отношением к делу генерала Романовского. Все документы были снабжены сносками, ссылками; резолюции, наложенные начальником штаба, отличались ясностью, точностью и краткостью. Ответы на письма были корректны, деликатны и доброжелательны.

ской армии доносил, что большевики насаждают на Добровольческий корпус, который удерживает противника, переходя в контратаки, а правый фланг Донской армии из-за угрозы обхода его конницей противника на Кавказскую вынужден был продолжать отступление. Кубанцы, покинув Ставрополь, отходили за Кубань.

Генерал Романовский предложил мне вместе с ним отправиться в вагон Главнокомандующего и сказал: «Кстати, Вы и представитесь генералу Деникину». Мы вошли в нарядный вагон-салон Главнокомандующего. Генерал Деникин, склонившись у стола, принимал очередной оперативный доклад полковника Колтышева, который указывал на карте отмеченные пункты, занятые нашими войсками и войсками противника.

Увидев нас, Главнокомандующий пожал руку Романовскому и принял мое официальное представление по правилам воинского устава. Пригласив нас сесть, он обратился сначала к Колтышеву, который закончил доклад, а затем сказал: «Ну, что нам скажет квартирмейстер?» Я представил мой доклад об общей обстановке с подготовленной картой и схемой намеченной операции за Кубанью. Суть моего доклада сводилась к тому, что, не имея предместных укреплений, нам нужно заблаговременно спокойно увести войска за Кубань, конечно, если дальнейших ход событий к этому нас вынудит. Теперь же начать постройку второго моста через Кубань и к переправам подтянуть все плавучие средства, какими бы незначительными они не казались. Переправиться надо пытаться ночью и подготовить мосты к взрыву. На схеме были отмечены наиболее вероятные пункты переправы, за которыми должно было быть установлено наблюдение и подготовлена возможность сосредоточить огонь артиллерии.

Я предполагал, что Главнокомандующий выделит свой резерв, часть корпуса Кутепова, возьмет в свои руки управление операцией, как это он сделал в тяжелые дни конца апреля и начала мая под Великокняжеской. Но генерал Деникин решил, что в нужную минуту он даст директиву Сидорину, предоставив ему выполнить операцию.

Участком обороны намечалась Кубань от устья до Усть-Лабы. Левобланговый участок обороны возлагался на Добровольческий корпус, а остальной — на Донскую армию. В докладе я поставил вопрос о Кубанской армии. Это войско было дезорганизовано сверху донизу. Политиканство председателя Верховного Круга и Краевой Кубанской рады разложило казаков. Одни вообще не желали сражаться, лишь немногие шли в корпус генерала Бабиева и, увлекаемые доблестью этого замечательного начальника, готовы были броситься в бой, другие признавали командующего Кубан-

ской армией генерала Улагая и командира корпуса генерала Топоркова, которые тяготели к Главнокомандующему, а председатель Краевой рады Тимошенко настаивал на отделении Кубанской армии от Главнокомандующего и требовал от Улагая действовать согласно приказам Кубанского правительства. «Оставим пока этот вопрос открытым», — сказал генерал Деникин.

На случай перехода в наступление предполагалось нанести удар в левый фланг противника нашим правым крылом. Наконец, если бы Кубань не оказалась той «психологической линией», где ожидался перелом в настроении войск, я намечал отвод Донской армии на Тамань, обеспечив эту операцию Добровольческим корпусом, а дальше — переброску всех войск в Крым. Имевшиеся в моем распоряжении материалы указывали на полную возможность осуществления этого, так как дороги на Тамань всюду были проходимы не только для конницы, но и для артиллерии и обозов. Наш транспортный флот способен был совершить эвакуацию в Крым, прикрыв ее судовой артиллерией, лишь бы была добрая воля командного состава в исполнении своего воинского долга*.

В заключение я еще раз доложил, что пора отдать приказ об эвакуации из Новороссийска гражданского населения, госпиталей, ненужных тыловых учреждений, на чем настаивал генерал Хольман.

Никаких возражений со стороны Главнокомандующего и его начальника штаба не последовало.

— Вся суть в том, чтобы наши приказы были исполнены, — сказал генерал Деникин.

Не успел я возвратиться к себе в вагон, как в мой кабинет вошел молодой генерал лет тридцати, маленького роста, с лицом, обросшим русой бородкой, и живыми глазами, очень подвижный и развязный. Он мне представился: «Начальник штаба Добровольческого корпуса генерал Достовалов». Затем он доложил, что прибыл в Ставку для доклада

---

* В это время брожение во флоте уже несколько улеглось. Назначенный генералом Деникиным Командующий флотом адмирал Герасимов вместо временно назначенного Шиллингом адмирала Саблина принимал все меры для восстановления порядка. К сожалению, Герасимов, которого я лично знал как моего начальника в конце 1916 года в морской крепости Петра I в Ревеле, был человеком мягким и не способным к принятию крутых мер. Между тем мятежный кружок с Кононовым во главе получал инструкции от Бубнова из Константинополя для действий против Главнокомандующего. Это было известно Герасимову, но он не придавал значения этим интригам. Наконец, вся прошлая боевая служба Герасимова во время гражданской войны является самой темной страницей в его боевой биографии. В самые трагичные минуты, когда требовалось содействие флота операциям на суше, как и в эвакуации, почти всегда приказы не исполнялись под предлогом — «нет угля». Достаточно вспомнить, как невнимательно командный состав флота отнесся к приказам в тяжелые дни эвакуации Одессы.

об обстановке на фронте. Я предложил ему перейти к делу. Он начал речь о том, что на фронте только одни добровольцы ведут бой в условиях весьма трудных, а Донская армия отступает так стремительно, что это можно считать бегством. Далее он довольно авторитетно дал мне совет, как Ставка должна действовать при создавшейся обстановке, и кончил тем, что добровольцы в первую голову должны быть обеспечены судами на случай эвакуации.

Апломб, с которым он говорил со мной, самоуверенность и манера держать себя обнаруживали в нем генерала производства гражданской войны, забывшего этику взаимоотношений между старшими и младшими офицерами Генерального штаба. Карьеру свою он сделал в армии Дутова, который его и произвел в генералы. О его подвигах у Дутова я ничего не знал, но у Кутепова Достовалов был неплохим и распорядительным начальником штаба.

В докладе, сделанном им об обстановке на фронте, были значительно преувеличены заслуги добровольцев, а Донскую армию Достовалов очернил. Действительно, боевые действия Донской армии были менее активны, чем действия добровольцев, но лично генерал Сидорин делал все возможное, чтобы приостановить стихийный отход донских казаков. В то время, как Достовалов загадывал уже очень далеко о возможном обеспечении добровольцев судами на случай эвакуации, генерал Сидорин и его начальник штаба генерал Келчевский об этом еще не поднимали вопроса.

Я выслушал Достовалова внимательно. Он, видимо, ждал моего ответа по поводу обеспечения добровольцев судами.

— Все поднятые Вами вопросы предусмотрены и предприняты начальником штаба и Главнокомандующим, — сказал я ему и поторопился отпустить, так как меня ждали другие докладчики и посетители*.

Около трех часов дня генерал Деникин и генерал Романовский были приглашены на собрание иностранных миссий для обсуждения вопросов момента дня. Я провожал их от поезда до подъезда станции, где их ждал автомобиль. Обратившись ко мне, Главнокомандующий сказал: «Эх, не люблю я ходить к варягам. А надо...» Варягами он называл представителей иностранных миссий. Держал себя он с ними при всяких обстоятельствах, плохих или хороших, просто, но сохранял всегда свое достоинство как представителя Верховной русской власти на Юге России. Деникин очень осто-

---

* После новороссийской эвакуации Достовалов перешел вместе с генералом Добровольским к большевикам, и оба были назначены в дипломатическую советскую миссию, участвовавшую в 1923 году в разборе дела по поводу убийства советского посланника Воровского в Швейцарии. Стрелявший, как известно, был благороднейшей души офицер Коиради, которого защищал адвокат Обер.

рожно относился к участию англичан и французов в гражданской войне, охраняя честь, достоинство и достояние России. Особенно скептически он относился к французам. В их обещания по опыту первой одесской эпопеи и следовавших за нею севастопольских событий весной 1919 года он не верил. Застольные речи на обедах с иностранцами генерал Деникин произносил на русском, говорил просто, образно и кратко, подчеркивая суть дела.

К генералу Хольману, начальнику английской военной миссии, Главнокомандующий относился с исключительной симпатией, которую тот вполне заслуживал. Мне лично много раз приходилось соприкасаться в деловых отношениях с этим благороднейшим джентльменом и сердечным человеком, который любил русских и Россию искренне и сердечно. Он страдал, видя Россию в пламени гражданской войны, и хотел восстановления России национальной. Все, что было в его возможностях, он делал, чтобы помочь нам.

Я знал и представителя французской военной миссии генерала Манжеиа. Я сохранил самые лучшие воспоминания о нем, его простоте и доброжелательности. К сожалению, он не всегда мог сделать то, что желал бы. При нем состоял молодой майор Этьеван, который очень хорошо относился к русским офицерам и шел всегда им навстречу в их просьбах. Этьеван был большой оптимист. Он видел все перипетии гражданской войны и считал, что все же армия в конце концов победит большевиков.

. . .

Сведения с театра войны в течение 24 и 25 февраля были полны тревоги. В Крыму генерал Слащов пытался выбить большевиков из деревни Юшунь, но атаки его были отбиты. Укрепившись в этой деревне, красные могли развить свое наступление и ворваться в Крым. На Кавказском театре продолжалось стихийное отступление Донской армии и Добровольческого корпуса. Донцы уже отходили за линию реки Бейсуга, последнюю естественную преграду севернее Кубани. Добиться каких-либо сведений о группировке наших войск и войск противника от штаба Донской армии было невозможно. Связь между корпусами была прервана. Казалось, что в Донской армии был только один человек — генерал Сидорин, который проявлял исключительный героизм. Будучи сам летчиком, он производил воздушную разведку, дабы разобраться в обстановке, и тут же, среди бушующего моря отступающих войск, обозов и беженцев, слившихся в один поток, опускался у штабов, ориентировал старших начальников и отдавал соответствующие приказы. Там, где он видел свои части, не желавшие сражаться, он пытался их убедить,

чтобы они опомнились и перешли в атаку на противника. Другого средства, кроме уговоров, у него не было. Он не располагал частями, готовыми исполнить приказ командующего армией, если не считать его малочисленный конвой да калмыцкий Донской казачий полк, без отдыха участвовавший в боях на самых опасных участках.

Генерал-квартирмейстер штаба Донской армии генерал Кислов потерял душевное равновесие и считал дальнейшую борьбу бесцельной. В окружении генерала Сидорина неизменно сохранял твердость и силу духа генерал Келчевский, назначенный Главнокомандующим военным министром в Правительстве Юга России. Он продолжал оставаться на фронте и в новую должность не вступал. Бесстрашным и энергичным человеком был постоянный спутник Сидорина по полетам летчик Стрельников. Если к этому добавить имена инспектора артиллерии, известного оптимиста и замечательного артиллериста генерала Майделя, храбрейшего из храбрых генерала Секретева, спокойного и уравновешенного молодого энергичного инспектора пехоты генерала Карпова, храброго и осторожного — типичного казака генерала Старикова, горячо любившего свой Дон и знавшего хорошо казаков*, то этим и будет исчерпан перечень командиров, еще не заразившихся общей депрессией. Среди них на первом месте стоял Сидорин. Самое его присутствие удерживало казаков от ухода с боевых линий, но всюду, конечно, он быть не мог.

В боях под станцией Кореновской он остался на ночлег в нескольких верстах перед фронтом противника, имея перед собой слабое прикрытие. Утром он спокойно наблюдал за ходом боя и отдавал приказы, но, увы, они не исполнялись. Как лавина, катились три Донских корпуса к югу. Наконец, удалось задержать их у станицы Пластуновской, где разгорелся опять бой. Генерал Секретев метался со своим начальником штаба Калининским, понуждал казаков идти в атаку, но только один полк полковника Лешенова, развернувшись, пошел вперед. На холме стоял Сидорин, окруженный конвоем. Вдруг он увидел, как мимо него понеслись к югу отдельные всадники отступающей лавы, а за ними с шашками наголо — большевики. Момент был опасный. Даже такие храбрецы, как генерал Секретев и Калиновский, вскочили на коней. Сидорин продолжал стоять, наблюдая за картиной боя. Наконец, начальник конвоя Сидорина подъесаул Золотарев не выдержал, подбежал к генералу и доложил:

---

* Стариков говорил: «Нет иного выхода, надо отвести казаков за Кубань, дать им передохнуть, они опомнятся и опять пойдут за мной в бой».

— Ваше Превосходительство, пора ехать, а то нас зарубят.

— Разве? Ну, поедем, — ответил Сидорин. Ему подвели коня, он сел и под прикрытием конвоя с развевающимся Георгиевским значком поскакал прочь от гнавшихся за ним большевиков.

Дни 24-го и 25 февраля были мучительны и тревожны. В Ставке шли непрерывные переговоры со штабом Донской армии и Кутеповым. Было невозможно понять, что действительно происходило на фронте, узнать хоть приблизительно расположение войск и линию обороны. У добровольцев положение было отчаянное. Большевистская конница теснила корпус Кутепова, стремясь окружить его. Там, подобно Сидорину у донцов, выделялся энергией и героизмом командир Дроздовского полка полковник Туркул. Доблестные дроздовцы постоянно переходили в контратаки и по сути дела они одни удерживали весь корпус от поспешного отступления. 25 февраля для меня стало ясно, что отход за Кубань неизбежен.

В этот день генерал Деникин приказал отдать распоряжение об эвакуации Новороссийска.

26 февраля из Крыма было получено донесение, что после трехдневного боя за деревню Юшунь на перекопском участке Слащов разбил противника и отбросил его за пределы Крыма, причем были взяты пленные и трофеи. На Кавказском фронте продолжались бои в районе станицы Кореновской, но эти бои были чисто оборонительного характера. Порыва идти вперед, атаковать противника, как это было у Слащова в Крыму, здесь не чувствовалось.

27 февраля в Крыму все было спокойно, и войска генерала Слащова, отбросившие красных за Перекоп, укреплялись на вновь занятых позициях. Положение на Кавказском фронте было значительно хуже, чем накануне. Штаб Добровольческого корпуса вынужден был покинуть станцию Брюховецкая и готовился переместиться в Тимашевскую, которую, в свою очередь, собирался оставить Сидорин, чтобы перевести штаб Донской армии в Екатеринодар. Когда я докладывал генералу Деникину о тяжелой обстановке на фронте и о мероприятиях по обеспечению переправы отходящих войск за Кубань, Главнокомандующий слушал меня с удивительным спокойствием. Так же вел себя и генерал Романовский.

28 февраля около одиннадцати часов дня ко мне в кабинет вагона зашел генерал Сидорин. С ним я встретился в первый раз. Это был высокого роста светлый блондин, тонкий, стройный, сухой, мускулистый — настоящий казак, лихой наездник. Лицо его было красивым и свежим. Он носил маленькие светлые усики. Глаза — умные, живые. Весь

его облик вызывал симпатию. Ему было около сорока лет. Сидорин блестяще окончил Военную академию и в войну 1914—1916 гг. был награжден Георгиевским крестом. К тому же он был отважным летчиком, и трудно сказать, что он больше любил — боевого коня или аэроплан. В нем не было «генеральской важности». Он был скромен, тактичен и прост, но вместе с тем чувствовалось, что это человек энергичный и волевой.

Мы сразу перешли к делу. Разложили карту. Сидорин показал линию фронта, где велись бои, причем сказал, что это «приблизительно», что фронт меняется с каждым часом, откатываясь к югу. Его очень беспокоил обход конницей противника нашего правого фланга. По последним данным станция Березанская в верстах пятнадцати восточнее Тимошевской, где ранее стоял штаб Кутепова, уже была занята большевиками. Таким образом, фронт проходил в тридцати верстах от Екатеринодара, где размещались поезда Ставки и штаба Донской армии. И все же, несмотря на отчаянное положение на фронте, несмотря на то, что при отходе многие части бросили свою артиллерию, пулеметы и обозы, Сидорин считал, что численность его войск достаточна, чтобы остановить противника. На другой день он собирался вылететь на фронт, чтобы попытаться поднять дух казаков и перейти в наступление.

Затем мы пошли к Главнокомандующему, где Сидорин сделал доклад, получил детальные указания относительно перехода на левый берег Кубани в том случае, если бы это стало необходимым.

В это же время командир Добровольческого корпуса прислал генералу Деникину телеграмму, редактором которой был начальник штаба Кутепова генерал Достовалов:

«События последних дней на фронте с достаточной ясностью указывают, что на длительность сопротивления казачьих частей рассчитывать нельзя. Но если в настоящее время борьбу временно придется прекратить, то необходимо сохранить кадры Добровольческого корпуса до того времени, когда Родине снова понадобятся надежные люди.

Изложенная обстановка повелительно требует принятия немедленных и решительных мер для сохранения и спасения офицерских кадров Добровольческого корпуса и добровольцев. Для того, чтобы в случае неудачи спасти корпус и всех борцов за идею Добровольческой армии, пожелавших пойти с нами, от окончательного истребления и распыления, необходимо немедленное принятие следующих мер с полной гарантией того, что меры эти будут неуклонно проведены в жизнь в кратчайшее время. Меры эти следующие:

1. Немедленно приступить к самому интенсивному вывозу раненых и действительно больных офицеров и добровольцев за границу.

2. Немедленный вывоз желающих семейств офицеров и добровольцев, служивших в Добровольческой армии, в определенный срок за границу с тем, чтобы с подходом Добровольческого корпуса к Новороссийску возможно полнее разгрузить его от беженцев.

3. Сейчас же и, во всяком случае, не позже того времени, когда Добровольческий корпус отойдет в район станции Крымской, подготовить три или четыре транспорта, сосредоточенных в Новороссийске, конвоируемых наличными четырьмя миноносцами и подводными лодками, которые должны прикрыть посадку всего Добровольческого корпуса и офицеров других армий, пожелавших присоединиться к нему. Вместимость транспортов — не менее 10 тыс. человек с возможно большим запасом продовольствия и огнеприпасов.

4. Немедленная постановка в строй всех офицеров, хотя бы и категористов, которые должны быть влиты в полки Добровольческого корпуса и принять участие в обороне подступов к Новороссийску. Все офицеры, зачисленные в эти полки и не вставшие в строй, хотя бы и категористы, не подлежат эвакуации, за исключением совершенно больных и раненых, причем право на эвакуацию должно быть определено комиссией из представителей от частей Добровольческого корпуса.

5. Все учреждения Ставки и правительственные учреждения должны быть посажены на транспорты одновременно с последней грузящейся на транспорт частью Добровольческого корпуса и отнюдь не ранее.

6. Теперь же должна быть передана в исключительное ведение Добровольческого корпуса железная дорога Тимошевская — Новороссийск с узловой станцией Крымская включительно. Никто другой на этой линии распоряжаться не должен.

7. С подходом корпуса в район ст. Крымская вся власть в тылу и на фронте, порядок посадки, все плавучие средства и весь флот должны быть объединены в руках командира корпуса, от которого исключительно должен зависеть порядок посадки на транспорты и которому должны быть предоставлены диктаторские полномочия в отношении всех лиц и всякого рода военного, казенного и частного имущества и всех средств, находящихся в районе Крымская — Новороссийск.

8. Дальнейшее направление посаженного на транспорты Добровольческого корпуса должно будет определиться политической обстановкой, создавшейся к тому времени, и в случае падения Крыма или отказа от борьбы на его тер-

ритории Добровольческий корпус в том или ином виде высаживается в одном из портов или мест, предоставленных союзниками, о чем теперь же необходимо войти с ними в соглашение, выработав соответствующие и наивыгоднейшие условия интернирования или же поступления корпуса на службу целою частью.

9. Докладывая о вышеизложенном Вашему Превосходительству, я в полном сознании своей ответственности за жизнь и судьбу чинов вверенного мне корпуса и в полном согласии со строевыми начальниками, опирающимися на голос всего офицерства, прошу срочного ответа для внесения в войска успокоения и для принятия тех мер, которые обеспечат сохранение от распада оставшихся борцов за Родину.

10. Все вышеизложенное отнюдь не указывает на упадок духа в корпусе и, если удалось бы задержаться на одной из оборонительных линий, то определенность принятого Вами на случай неудачи решения внесет в войска необходимос успокоение и придаст им еще большую стойкость.

Кутепов*.

Генерал Деникин, сохраняя спокойствие и достоинство Главнокомандующего, сдержанно ответил на телеграмму Кутепова: «Вполне понимаю Вашу тревогу и беспокойство за участь офицеров и добровольцев. Прошу помнить, что мне судьба их не менее дорога, чем Вам, и, что охотно принимая советы своих соратников, я требую при этом соблюдения правильных взаимоотношений подчиненного к начальнику. В основании текущей операции я принимаю возможную активность правого крыла Донской армии. Если придется отойти за Кубань, то в случае сохранения боеспособности казачьими частями, будем удерживать фронт на Кубани, что легко возможно и весьма важно. Если же казачий фронт распылится, то Добровольческий корпус пойдет на Новороссийск. Во всех случаях нужен выигрыш времени. Отвечаю по пунктам.

1. Вывоз раненых и больных идет в зависимости от средств наших и даваемых союзниками. Ускорю, сколько возможно.

2. Семейства вывозятся. Задержка только от их нежелания и колебания.

3. Транспорты готовятся.

4. Как Вам известно, таково назначение Марковской дивизии.

5. Правительственные учреждения и Ставка поедут, когда я сочту это нужным. Ставку никто не имеет оснований упре-

---

* Генерал А. И. Деникин. Очерки Русской Смуты. Берлин: Медный всадник, 1926. Т. 5. С. 340—342.

кать в этом отношении. Добровольцы должны бы верить, что Главнокомандующий уйдет последним, если не погибнет ранее.

6. Железная дорога Тимошевская — Новороссийск вам передана быть не может, так как она обслуживает и Донскую армию. Это возможно лишь при тех исключительных условиях, о которых я говорил во вступлении.

7. Вся власть принадлежит Главнокомандующему, который дает такие права командиру Добровольческого корпуса, которые сочтет нужными».

Деникин».

Эту телеграмму Главнокомандующий собственноручно написал карандашом на клочке бумаги и передал мне через генерала Романовского для исполнения.

Я прочел ее и заметил, что генерал Деникин в своем ответе о планах действий на Кубани ни одним словом не обмолвился о возможности перехода в наступление после отхода за Кубань. Очевидно, 28 февраля Главнокомандующий уже не верил в «психологический перелом» в его армии.

Теперь оставалось обдумать, как безболезненно перевести войска с Кавказского фронта на другой театр военных действий — в Крым. Это в своей телеграмме Кутепову Главнокомандующий и предусматривал в словах: «Во всех случаях нужен выигрыш времени...»

29 февраля командующий Донской армией генерал Сидорин рано утром вылетел на фронт и спустился на южной окраине станицы Кореновской, севернее которой шли оборонительные бои. В этот день было обнаружено исчезновение с фронта конницы Буденного, которая, по предположениям опытного командира Донского корпуса генерала Гусельщикова, была направлена куда-то в обход правого фланга Донской армии. День 29 февраля был пасмурный, холодный, дул сильный ветер. Генерал Сидорин объехал фронт своих корпусов, развернутых южнее станицы Кореновской. Сильный удар на Кореновскую мог разрезать фронт большевиков надвое. Командующий Донской армией произнес горячую речь перед казаками, а потом, обратившись отдельно к офицерам и урядникам, не менее горячо и убедительно говорил с ними о полной возможности и крайней необходимости перейти в решительную атаку. Казаки, выслушав речь, как будто готовы были исполнить приказ. От офицеров генерал Сидорин не услышал бодрого ответа.

Тем не менее утром 1 марта бой завязался на всем фронте, но скоро все покатилося назад. Поздно вечером генерал Сидорин, измученный и усталый, возвратился в Екатеринодар.

Отход за Кубань стал неизбежным. Предстояла интенсивная эвакуация Екатеринодара. Генерал Деникин отдал приказ о перемещении Ставки в Новороссийск. Поезд должен был отойти со станции Екатеринодар в 10 часов утра 1 марта. Когда поезд должен был тронуться, возникло какое-то замешательство. Паровоз оказался бессильным сдвинуть вагоны с места. Обеспокоенный комендант и железнодорожная администрация суетились. Было предположение — не саботаж ли это. Но оказалось, что обледеневшие колеса примерзли к рельсам. Через минут двадцать поезд медленно тронулся и покатил к Новороссийску.

Накануне моего отъезда я улучил минутку, чтобы зайти к Анпетковым, к той армянской семье, которая так радушно и гостеприимно меня приютила весной 1919 года в первый день моего прибытия в Екатеринодар. Следуя от вокзала на Крепостную улицу, я видел город в состоянии смятения. Улицы были загромождены обозами, воинскими и беженцев, среди которых выделялись громадные калмыцкие телеги, запряженные верблюдами. В них сидели старики-калмыки и женщины с ребятишками, в корзинах был уложен всякий скарб. Глядя на них, я думал: «Какой ужас — гражданская война! Эти дети степей поголовно уходили в горы, стремились к морю, не зная, куда они идут, где остановиться, как они будут жить. Уходили потому, что, как они выражались, у них «морды кадетские» и их, несомненно, целиком вырежут большевики. Кто о них позаботится?» Их молодежь составляла один из лучших Донских полков, в котором были и офицеры-калмыки, отважные природные воины. В то время как их деды и отцы, матери и жены проходили через Екатеринодар, Калмыцкий полк был единственным на фронте генерала Сидорина, на который можно было рассчитывать.

Улицы были заполнены и военными, и штатскими, куда-то шедшими с чемоданами, то в одиночку, то группами с женами и детьми; телеги с донскими казаками, стариками и их семьями, отдельные всадники, небольшие вооруженные отряды кубанцев — все это куда-то двигалось, стремясь скорее перебраться через Кубань и уйти подальше от фронта. Но в городе был еще относительный порядок. Большинство магазинов было открыто и бойко торговало. Пьяных не было видно.

Когда я вошел в большую квартиру Анпетковых, она, как всегда, была полна народу. На столе стоял вечно кипящий самовар и всевозможные закуски. Вокруг ели, пили и шумно беседовали. В соседней большой комнате была молодежь, главным образом, офицеры и военные врачи, пришедшие, как и я, проститься с этой милой семьей.

Главной темой разговора было, удержится ли фронт за Кубанью. Все проклинали председателей Краевой рады и

Верховного Казачьего Круга и обвиняли их в измене генералу Деникину. Доставалось и двуличному кубанскому атаману Букретову. Многие из присутствующих лично знали Тимошенко и говорили о нем как о честолюбивом демагоге, зараженном большевизмом, но тем не менее отзывались о нем неплохо, считали его в частной жизни человеком хорошим. Много хорошего говорилось и о Сидорине, который с негодованием отказался от предложения Верховного Круга совершить «переворот» и занять пост Главнокомандующего.

В другой комнате царило веселье, и я зашел туда к молодежи. Все поздравляли 18-летнюю черкешенку, объявленную невестой офицера-добровольца. Так на общем фоне ужасов гражданской войны, горя и слез сверкал луч счастья. Двое юношей, сыновья сестер Анпетковых, один — восемнадцатилет Степан, другой — пятнадцатилетний мальчик Галуст, сражались где-то на добровольческом фронте. Их матери, конечно, страдали, но старались скрыть это. В эти дни не было дома, которого не коснулось бы горе, будь то тиф или приехавший с фронта калека. Я пробыл у моих друзей минут двадцать. Мы сердечно простились, я поспешил на вокзал, чтобы готовиться к отъезду Ставки в Новороссийск. Семья же моя, жена с дочерью, 25 февраля уже находились в Новороссийском порту, ожидая погрузки на пароход «Св. Николай», который должен был следовать за границу через Константинополь.

День 1 марта был свежий, морозный, изредка сквозь тучи проглядывало солнышко. Дороги подмерзли, сковав глубокую грязь. Медленно двигался поезд Главнокомандующего по пути на Новороссийск. После бессонных ночей и непрерывной штабной работы мне казалось странным чувствовать себя свободным. Я стоял у окна вагона и глядел на мелькавшие передо мной красивые пейзажи предгорий Кавказа. Вдоль железной дороги справа и слева от поезда Ставки медленно двигались обозы беженцев с их скарбом, с женщинами и детишками, гнали стада скота, шли пешие, ехали безоружные всадники.

Вдруг я увидел колонну казаков Донской дивизии на прекрасных, сытых, хорошо вычищенных гнедых конях. Казаки были одеты в отличное обмундирование, оружие блестяло. Колонна шла в образцовом порядке. Что это такое? Не сон ли это? Поезд стал обгонять колонну, и в голове ее я увидел знакомого мне храброго статного генерала Дьякова, начальника Донской гвардейской дивизии. Почему эта прекрасная воинская часть, столь нужная в это время на развалившемся длинном фронте, оказалась так далеко в тылу? И я вспомнил, что Сидорин давно ее выделил для поддержания порядка в тылу, где действовали всевозможные отряды зеленых.

Около 5 часов дня поезд Главного командующего подошел к станции Новороссийск. На перроне был выстроен почетный караул от одного из полков Марковской дивизии. В стороне стояла группа военных и штатских представителей местных властей, прибывших встречать Главного командующего.

Генерал Деникин вышел из вагона в сопровождении генерала Романовского и чинов его штаба и направился к караулу, выровненному «в ниточку» и состоявшего, главным образом, из офицеров. Одеты они были в очень поношенные мундиры, но выглядели тем не менее аккуратными и подтянутыми и производили хорошее впечатление.

Раздалась обычная команда:

— Слушай на караул!

Отчетливо и бесшумно она была исполнена.

— Здравствуйте, славные марковцы! — громко произнес Главный командующий.

Дружный ответ:

— Здравия желаем, Ваше Превосходительство!

Генерал Деникин обошел фронт и затем произнес:

— Благодарю вас, марковцы, за вашу доблестную боевую службу.

Затем он отпустил караул. К Главному командующему подошли с рапортом градоначальник генерал Макеев, очень дельный и хороший организатор и администратор, начальник гарнизона и другие официальные лица, которых генерал Деникин пригласил зайти к нему в вагон.

Около шести часов я позвонил генералу Вязьмитинову, ведавшему эвакуацией, и спросил, ушел ли пароход «Св. Николай», на котором должна была уехать моя жена с дочерью. Он ответил, что пароход готов к отплытию и вот-вот будет отчаливать. Оставив своим заместителем полковника Карпинского, я поспешил к пристани. Пароход еще стоял. Когда я вошел на палубу, мне сказали: «Торопитесь, скоро снимать трапы». Пробравшись через толпу, я вошел в каюту, где находилась моя семья. В ней разместились еще семья Ковалевских, состоявшая из матери Евграфа Евграфовича Ковалевского Ольги Ивановны, его сестры Ольги Евграфовны и их кухарки с двумя мальчиками. Моей жене с дочерью была выделена одна койка. Кюта была загромождена большим количеством всевозможного багажа Ковалевских. Моя жена везла с собой только самое необходимое. Валюты у нее не было. Я ей на всякий случай передал несколько тысяч рублей, состоявших из «керенок» и «колокольчиков».

Раздалась команда:

— Снимают трапы. Провожаящие, сходите.

Жена меня проводила до трапа.

— А нашу икону Казанской Божьей Матери взяла с собой? — спросил я.

— Да, да, только пришлось образ вынуть из большого киота, — ответила она.

Пароход был переполнен. Среди уезжающих можно было видеть почтенных генералов, к удивлению моему, некоторых — в форме мирного времени с орденами, дам высшего света, убогих старух, молодых офицеров, сановников, священников и простых людей с замученными лицами в бедной одежде. Вместе с моей женой уезжали в Салоники Челищев и Астров, два ближайших сотрудника генерала Деникина, два уважаемых либерала, которые не нашли применения своим силам после ликвидации Особого Совещания. Провожаящие толпились у схода парохода. Дошла очередь и до меня. Жена меня благословила. Взревел последний гудок. Стали поднимать трапы. Еще несколько минут, и «Св. Николай» отчалил от берега России.

Я посмотрел на часы — было 9 часов вечера. Я расстался с семьей, не зная точно, где и как она будет жить. Расстался, чтобы вновь встретиться в Болгарии, в Варне, 21 июля 1920 года, где я временно задержался, следуя в Польшу в роли военного представителя генерала Врангеля.

При встрече в Варне жена мне рассказала о своем путешествии. Пароход был переполнен беженцами. Заботу о них взял на себя Белый Крест, в администрации которого работал Евграф Евграфович Ковалевский, человек в высшей степени благожелательный, благовоспитанный и внимательный.

Вскоре на корабле обнаружили тифозные больные. Многие из них подолгу лежали в коридорах и на палубе вповалку вместе со здоровыми. Общество пассажиров было самое разнообразное по своему воспитанию, образованию и мировоззрению. Люди бывшего привилегированного класса никак не могли забыть свои старые привычки и проявляли неудовольствие. У уборных и крана с кипятком с утра и до ночи стояли очереди. Здесь происходили всевозможные недоразумения комического и трагичного характера. «Однажды, — говорила жена, — я стояла у уборной с Лялей (нашей 9-летней дочерью). Вдруг предо мной встала высокого роста грузная пожилая дама. Я заметила, что раньше заняла место. Она отошла назад и своей соседке вызывающе громко сказала: «Это безобразие, мне делают замечания, мне — жене генерала Хабалова!»

Генерал Хабалов, которого я лично знал, был последним командующим войсками Петроградского военного округа до революции. Тоже высокий, грузный, почтенных лет, он был очень симпатичным человеком, примирившимся с судьбой. Генерал Хабалов был в полном подчинении у своей жены, выполняя обязанности ее горничной.

Когда на другой день моя жена пошла к буфетчику, чтобы купить суп для дочери, заболевшей желудком, тот

ответил, что у него можно покупать еду только за франки. На русском пароходе русские деньги уже не принимались!

Несмотря на то, что пароход был забит людьми, на нем соблюдался порядок благодаря распорядительности и тактичности коменданта. О продовольствии путников заботился Белый Крест, снабжавший их консервами. Красный Крест обслуживал больных. Персонал Красного Креста работал самоотверженно и буквально падал с ног от переутомления. Команда парохода работала хорошо, но не успевала убирать палубы и, особенно, уборные. Погода была прохладная, но море не бурное. Пароход шел под очень большим креном. Моя жена спросила одного храброго матроса, не опасно ли это. Он ответил: «Конечно, сударыня, это непорядок. Будет буря — все может случиться. Но если и пойдем на дно, некого жалеть. Посмотрите, кого везем — ведь это ненужный сор для России».

Жена моя была очень довольна тем, что ей пришлось ехать в каюте Ковалевских, несмотря на тесноту. Там было две семьи — Ковалевские и Юрьевы. Юрьев, как и Евграф Евграфович Ковалевский, служил в Белом Кресте. Мать Ковалевского Ольга Ивановна, почтенных лет женщина, до революции была придворной дамой. Ее дочь была замужем за Юрьевым, занимавшим когда-то хорошее положение. Мать Юрьева, пожилая и болезненная дама, в прошлом принадлежала к зажиточной помещицкой семье. С ними ехал молодой человек, разбитый параличом князь Андроников. В качестве его сестры милосердия служила мадам Юрьева.

3 марта «Св. Николай» прибыл в Константинопольскую бухту, где и бросил якорь. Погода была солнечная. На берег никого не пускали, кроме административных лиц, в числе которых был Евграф Евграфович Ковалевский, любезно предложивший моей жене разменять русские деньги. За десяток тысяч русских рублей ему удалось получить, кажется, 10 турецких лир.

Пароход у бортов был как мухами облеплен турецкими шлюпками с торговцами хлебом, апельсинами, халвой и другими восточными сладостями, которые с жадностью за дорогую плату расхватывали беженцы.

Вскоре пароход отплыл в Салоники, где около двух недель простоял в грязной вонючей бухте, выдерживая карантин. Перед пересадкой пассажиров с корабля на поезд, следовавший в Сербию, греческая администрация приказала всем сойти на берег и отправиться в баню. Там женщины и дети разделись, чтобы помыться, но через полчаса им заявили, что горячей воды нет, чтобы они одевались и отправлялись в поданный поезд, состоявший из товарных вагонов, в которых не было даже соломы на полу.

В тряских вагонах все сидели на своих вещах или просто стояли до приезда в Крагуевац. Во время этого путешествия старуха Юрьева сошла с ума и ее как буйную пришлось высадить на одной из станций. Этот день совпал со днем Христова Воскресения. Жена моя рассказывала с умилением, как на станциях сербы радушно встретили «бедную избеглицу», снабжали хлебом, яйцами, куличами, маслом, угощали «свинской мазью» и другими продуктами. Они сердечно обнимали детей, ласкали их и плакали.

В дороге моя дочь засорила глаз, он воспалился. Не было даже чистой воды, чтобы промыть его.

Наконец они приехали в маленький городок Крагуевац, полуразрушенный во время войны, где мою семью поместили в домике с разбитыми стеклами, в котором часть крыши была сорвана. В этом жилище, примитивно обставленном, уже успели свить гнезда ласточки, с писком летавшие от зари до зари. Этот домик принадлежал двум девушкам-сестрам, очень услужливым и внимательным.

Местность в районе Крагуевца — болотистая, моя дочь заболела лихорадкой, а зараженный глаз не только воспалился, но и стал гноиться. Жена поторопилась уехать в Белград. Никаких ограничений для передвижений беженцев в этой «дикой» стране не было.

В Белграде жена обратилась к доктору-сербу Жарко-Трипоковичу, известному окулисту, получившему образование во Франции. Он с большим вниманием осмотрел глаз моей дочери и неодобрительно покачал головой. Потом, обратившись к моей жене, сказал по-французски: «Можете ли Вы мне обещать, что указания, которые я Вам дам для лечения, будут исполняться с точностью?» Жена обещала. Через неделю, как он просил, жена привела к нему дочь. Он осмотрел и сразу по-русски сказал: «Слава Богу, глаз уже красивый». Лечение продолжалось недели три, и повязка была снята, глаз поправился. Когда жена предложила доктору гонорар, он замахал руками и сказал, что он счастлив был услужить России чем мог за все то, что русские сделали для Сербии во время войны.

Следуя в Польшу из Варны через Белград, я зашел к этому благородному сербу. Зная, что он не возьмет денег за лечение дочери, мы решили в благодарность преподнести его жене веер из слоновой кости и салфеточки с японскими пейзажами, вещи исключительно тонкой художественной работы. Они были преподнесены моей жене во время войны 1914—1916 гг. японским военным агентом майором Хасимото. Жена Жарко-Трипоковича была очаровательная и образованная женщина, любившая искусство, сама художница. Подарок моей жены ей пришелся по вкусу, что нам доставило большое удовольствие.

В Сербии русские беженцы встретили такой радушный прием, как ни в одной стране Европы. Этим они были обязаны и благородству души народа и их королю Александру, другу России. Маленькая Сербия, разрушенная войной, сама бедная, оказалась единственной страной в мире, оказавшей серьезную материальную помощь русским беженцам. Она в прямом смысле этого слова делилась с ними куском хлеба. В Сербии русские имели право работать и даже занимать должности на государственной службе.

. . .

В первые дни после прибытия Ставки в Новороссийск этот город представлял необычное зрелище. Он был заполнен беженцами и их обозами. Люди не находили себе жилища. Многие ночевали на повозках, в подворотнях, везде, где попало. В город бесконечно вливались новые и новые потоки людей, искавших спасения.

25 февраля было отдано распоряжение об эвакуации, и все имевшиеся в наличии пароходы ушли, новые же не прибывали. Некоторые пароходы отбыли, загруженные не полностью, так как многие все еще колебались и не решались оставить Россию, надеясь, что генерал Деникин остановит большевиков на реке Кубань.

Генералы Деникин и Романовский, озабоченные отсутствием транспортов, неутомимо вели переговоры с английским генералом Хольманом, прося о помощи. Хольман, надо отдать ему справедливость, во всем шел навстречу и делал все возможное, чтобы помочь нам.

Между тем в Севастополе было много транспортных средств и судов. Тщетно генерал Деникин посылал грозные телеграммы Командующему флотом о подаче всех судов в Новороссийск. Ответ всегда был один: «Суда есть, но нет угля» или «Суда требуют ремонта, выйти в море не могут».

Флотское командование продолжало вести себя в том же духе, как и в печальные дни трех эвакуаций Одессы. Потом стало известно, что уголь был, но морское ведомство его берегло для себя, так как моряки не надеялись, что Слащов удержит Крым. Эвакуация в Новороссийске была возложена на очень хорошего, энергичного и распорядительного генерала Вязьмитинова, а распределение судов было поручено не менее энергичному, опытному и толковому генералу флота Ермакову.

Несмотря на то, что город был полон народу, для погрузки снарядов и артиллерийского имущества грузчиков не оказалось. Тогда генерал Кирей, начальник Артиллерийского

отдела Ставки, по собственной инициативе оловестил о призыве грузчиков, обещая каждому, кто погрузит 100 пудов снарядов в определенный срок, обеспечить место на пароходе. Воззвание это имело такой успех, что артиллерийское имущество было полностью и раньше срока погружено на транспорты. В ряды грузчиков пошли офицеры, числившиеся большими и подлежащие эвакуации как непригодные для службы в строю.

Когда Главнокомандующий со Ставкой покинул Екатеринодар, во дворце кубанского атамана происходило совещание, на котором присутствовали, кроме председателя Верховного Круга Тимошенко, члены Кубанского правительства и некоторые члены Донской фракции Верховного Круга. Там говорилось о том, что обстановка требует объединения Донской и Кубанской армий. Решено было предложить генералу Келчевскому, назначенному военным министром Южно-Русского правительства, вступить в командование объединенными Кубанской и Донской армиями. Узнав об этом, генерал Келчевский воскликнул: «Никогда этого не будет! Это бунт! Как честный солдат я никогда на это не пойду!»

От Слэцова из Крыма поступали туманные сведения, но позиции у перешейков он продолжал удерживать, отбивая атаки красных. На Кавказском фронте Донская армия неудержимо катилась к Кубани. Добровольческий корпус отступал. Дроздовская дивизия генерала Туркула проявляла чудеса храбрости. Однако в других частях только железная рука Кутепова поддерживала порядок, не допуская повального бегства в тыл. Надо заметить, что почти в каждой войсковой части корпуса Кутепова были принадлежавшие ей поезда, загруженные продовольствием, оружием и всякими другими товарами. Не рассчитывая на интендантство, командиры частей при отступлении заботились о своих людях, предусмотрительно подбирая все на брошенных складах и в разгромленных магазинах. Теперь корпус был озабочен тем, как бы быстрее продвинуть эти поезда дальше в тыл за Кубань, а потом на Новороссийск.

. . .

3 марта в Екатеринодаре Верховный Круг Дона, Кубани и Терека для улучшения военно-политического положения, которое становилось чрезвычайно грозным, не нашел ничего лучшего, как вынести такое постановление:

1. Считать соглашение с генералом Деникиным в деле организации Южно-Русской власти не состоявшимся.
2. Освободить атаманов и правительство от всех обязательств, связанных с указанным соглашением.

3. Изъять немедленно войска Дона, Кубани и Терека из подчинения генералу Деникину в оперативном отношении.

4. Немедленно приступить совместно с атаманами и правительстами к организации обороны наших краев Дона, Кубани и Терека и прилегающих к ним областей.

5. Немедленно приступить к организации союзной власти на основах постановлений Верховного Круга от 12 января 1920 года (т. е. на принципах парламентаризма) *.

В этот день генерал Сидорин объявил город Екатеринодар на осадном положении и назначил генерала Гандурина начальником гарнизона.

Отношения между Донской армией и Добровольческим корпусом к этому времени настолько обострились, что Главнокомандующий счел необходимым отдать приказ о выведении корпуса Кутепова из оперативного подчинения командующему Донской армией генералу Сидорину.

К 3 марта Донская армия была окончательно дезорганизована. Казаки совершенно вышли из подчинения. О каком-либо сопротивлении противнику нечего было уже и думать. Кубанцы находились еще в худшем положении, хотя ряды их пополнялись казаками, прибывшими из станиц, захваченных большевиками. У кубанцев царил разлад между военными начальниками. Одни хотели продолжать борьбу вместе с Главнокомандующим, как например, генералы Улагай и Топорков. Другие склонны были действовать самостоятельно со своим атаманом Букретовым и председателем Кубанской рады Тимошенко, который готов был идти на соглашение с большевиками. Его очень поддерживал в этом отношении известный демагог член Рады сотник Крикун.

Сведения, поступающие из Добровольческого корпуса, были тревожными. Чувствовалось, что добровольцы изнемогают в неравной борьбе. Никакого содействия со стороны донцов ожидать было нельзя. Противник энергично продолжал наступление. Отходящие части Донской армии уже были не войсковыми соединениями, а просто толпами. Отход за Кубань стал неизбежным.

В этот день, 3 марта, генерал Сидорин переехал со своим штабом и членами Донской фракции Верховного Казачьего Круга в станицу Георгие-Афинскую. Кубанский атаман Букретов со своим штабом во главе с его начальником Болховитиновым и помощником генералом Николаем Апполоновичем Морозовым готовились к переходу в Майкоп. Болховитинов и Морозов не были казаками. Обоих я лично знал. Н. А. Мо-

---

* Терская фракция в этом постановлении участия не принимала. Главную роль играла Кубанская фракция.

розов был моим коллегой по Академии Генерального штаба. Они оба были выдающимися офицерами Генерального штаба, людьми умными, энергичными и патриотами.

В начале гражданской войны Болховитинов очутился в Красной Армии, наступавшей с Кавказа на Кубань. Точно не помню, но он, кажется, был начальником штаба в армии Сорокина. Когда армия Сорокина была разбита Деникиным под Екатеринодаром, Болховитинов попал в плен и легко вздохнул, что освобожден от службы у большевиков. Однако он был предан военно-полевому суду и приговорен к смертной казни. Но Деникин заменил это наказание разжалованием в рядовые. Болховитинов был отправлен на службу в один из пехотных полков Добровольческой армии, в которой и прослужил доблестно сперва рядовым, а потом унтер-офицером около года. За отличие в боях был награжден солдатским Георгиевским крестом, а затем генерал Деникин восстановил его в чине генерала. В 1920 году кубанский атаман генерал Букретов предложил ему занять должность военного министра, на что Болховитинов согласился. Он знал Морозова с хорошей стороны и назначил его своим помощником. Морозов войну 1914—1917 гг. провел на Кавказском фронте и в чине полковника прибыл в 1918-ом или 1919 году в Добровольческую армию. Мне точно не известно, в какой роли он там служил. Встретился я с ним в конце февраля 1920 года перед отходом наших войск за Кубань. Он был мрачно настроен и считал продолжение войны с большевиками невозможным.

С ними должны были следовать председатель Верховного Казачьего Круга Тимошенко с Кубанской фракцией Верховного Круга, Радой и Кубанским правительством.

Штаб Добровольческого корпуса и командир корпуса генерал Кутепов 3 марта продолжали оставаться на правом берегу Кубани, заканчивая подготовку к переправе добровольцев на левый берег реки.

. . .

В ночь с 3 на 4 марта началась переправа через Кубань. На участке выше Екатеринодара и на участке Добровольческого корпуса ближе к устью Кубани она прошла хорошо. Переправа же у самого Екатеринодара вызвала большие затруднения. Через реку был только один большой железно-дорожный мост, годный и для прохождения артиллерии, обозов, конницы и пешеходов. Постройка второго моста еще не была закончена. Сюда хлынула главная масса войск Донской армии, но натолкнулись на так называемую «пробку». По мосту уже двигались нескончаемые обозы, скопившиеся раньше в городе: телеги с беженцами, отдельные

всадники и беженцы, идущие пешком, среди которых было много мужчин и женщин с детьми. Они нарушали порядок и замедляли движение. В самом Екатеринодаре все улицы были заполнены также воинскими обозами и толпами обезумевших, охваченных паникой людей.

Вот почему, когда утром 4 марта войска, переправлявшиеся через Кубань выше и ниже Екатеринодара, уже стали занимать указанные им районы на левом берегу, донцы, оказавшиеся перед Екатеринодаром, днем вынуждены были пробиваться через город, чтобы дальше следовать по единственному мосту.

Поддержание порядка в городе было возложено на генерала Майделя, а на мосту — на инспектора Донской пехоты генерала Карпова. Оба эти генерала были известны своей энергией, распорядительностью и спокойствием. Утром 4 марта большевики были уже в 10—15 верстах от города, и чтобы не позволить им на плечах переправляющихся захватить город и мост, на генерала Майделя была возложена оборона подступов к Екатеринодару. В его распоряжении был бронепоезд. Общий порядок в городе поддерживал генерал Гандурин, назначенный начальником гарнизона.

Первыми покинули Екатеринодар атаман Букретов и Кубанское правительство. За ним бежали городские власти, передав управление городом самочинно организовавшемуся Временному комитету, который и явился к генералу Гандурину, чтобы поступить в его распоряжение. Этот комитет оказался распорядительным и дельным. Из кого он состоял — генерал Гандурин не знал. Тщетно он добивался получить список членов этого комитета. Возможно, что комитет состоял из местных большевиков, но работал он добросовестно и был вполне лоялен по отношению к начальнику гарнизона. Генерал Гандурин требовал, чтобы магазины были открыты, и принял меры, чтобы спирт не попал в руки казаков и черни, уже выползавшей с окраин города. Но вскоре, когда Гандурин увел гарнизон на мост, в городе начался грабеж и загудели пьяные толпы. На мосту при переправе обезумевшие беженцы, перемешанные с обозами и войсковыми частями, давили друг друга, затрудняя движение.

4 марта происходило два совещания. Одно — в штабе командующего Донской армией в станице Георгие-Афинской, другое — в Новороссийске в штабе Главнокомандующего.

В Афинскую вместе со штабом Сидорина прибыли Донская фракция Верховного Круга вместе с некоторыми членами Войскового Донского Круга. Здесь распространился слух, что будто генерал Келчевский согласился по предложению Кубанской фракции Верховного Круга заменить генерала Деникина. Генерал Келчевский с возмущением объяснял членам Донского Верховного Круга, что это вздор, а генерал

Сидорин сказал им: «Предо мной дилемма — я мог бы воспользоваться этим постановлением, уйти, умыть руки. Но у меня есть чувство долга, и я буду держаться до последнего». Закончилось собрание тем, что члены Донского Верховного Круга пожалели о своей опрометчивости и вынесли постановление об аннулировании резолюций о разрыве с Главнокомандующим генералом Деникиным.

В это время в Ставке генералы Деникин и Романовский обсуждали вопросы, возникшие после перехода войск на левый берег Кубани. На этом совещании я был докладчиком.

На фронте ни о каком психологическом переломе не приходилось и думать. Донская армия была в последней стадии разложения. Боевые приказы начальников уже не исполнялись. Кубанцы игнорировали директивы Ставки и были небоеспособны. Только один Добровольческий корпус еще сохранил дисциплину и представлял некоторую боевую силу.

В тылу, в Новороссийске, судов для эвакуации почти не было, а прибывшие заполнялись в первую очередь ранеными и больными. Новороссийск нужно было очистить от беженцев и обозов, чтобы принять отходящие от Кубани войска. Нужно было смиригь бездельничающих и политиканствующих дезертиров-офицеров, заставить их встать в строй. На путях в Черноморье, где в различных пунктах Главным командованием были собраны запасы продовольствия и фуража, действовали зеленые. Нужно было принимать меры охраны.

Наконец, рассчитывать перевезти всю массу Донской армии с лошадьми и обозами не было никакой возможности, так как не было ни достаточного тоннажа, ни времени на погрузку. Необходимо было лучшие войска перебросить в первую очередь в Крым и для ускорения перевозки воспользоваться, кроме Новороссийского порта, для переброски в Керчь Таманью.

Разведка на Таманском полуострове, произведенная моим родным братом Генерального штаба полковником Василием Махровым, дала благоприятные сведения. Две дороги, северная и южная, были проходимы для всех родов войск, но все же для большей надежности рекомендовалось артиллерию и все тяжести направить по южной, где грунт был тверже, а мосты прочнее.

Только одна маленькая флотилия Керченского порта обеспечивала переброску в сутки около 10 тыс. человек и 10 тыс. лошадей, а если бы Черноморский флот подал хотя бы несколько маленьких транспортов в Керчь, то переброска войск через Керченский пролив была бы ускорена.

Наш боевой флот и флот союзников могли поддержать южную колонну войск огнем судовой артиллерии. На некоторую поддержку флота могли рассчитывать войска, следующие

щие и по северной дороге, но в меньшей степени, так как здесь, у северного берега, море было мелководно, а соответствующих судов не было. Наконец, само положение Тамани, фланговое в отношении путей, ведущих к Новороссийску, могло замедлить наступление большевиков и дать возможность нам выиграть время для подхода в Новороссийск транспортов.

Я предлагал в моем докладе Главнокомандующему и его начальнику штаба направить в Тамань Донскую армию, мотивируя это тем, что донцы были небоеспособны и в массе недисциплинированы. Без прикрытия с тыла они, отходя от Новороссийска, могли бы создать в порту беспорядок и затруднить эвакуацию. Будучи же обеспеченными с тыла надежными добровольческими частями, они спокойно могли бы следовать по двум дорогам к Тамани для переправы в Керчь. К тому же здесь было больше шансов для перевозки лошадей.

Добровольческий корпус намечалось отправить в Новороссийск как единственное войсковое соединение, еще способное отходить с боями и прикрывать все то, что не уйдет на Тамань.

О кубанцах, порвавших с Главнокомандующим и решивших со своим атаманом самостоятельно идти в горы и пробиваться в Грузию, нечего было и говорить. Однако часть кубанцев, Сводную Кубанскую дивизию (или бригаду) во главе с командующим Кубанской армией генералом Улагаем, находившимся при штабе генерала Сидорина, предполагалось направить в Тамань.

Все, кто остался в Новороссийске, так как не смогли погрузиться на суда, должны были следовать к югу по береговой дороге, чтобы в пути, если удастся, можно было подобрать их на транспорты.

В общем Главнокомандующий одобрил все эти соображения. Первым было дано распоряжение о приведении Тамани и Керченского порта в готовность для погрузки войск и лошадей и перевозке их в Керчь. Работа закипела, транспорты подтягивались.

Тамань была богата продовольствием и фуражом. Главнокомандующий решил на случай переправки Донской армии через Тамань перенести Ставку в Анапу, и даже было дано распоряжение о подаче в Анапу верховых лошадей для штаба Главнокомандующего, так как генерал Деникин предполагал присутствовать и руководить переброской войск через Керченский пролив лично.

Для установления порядка в Новороссийске, где главную роль в безобразиях, пьянстве и даже грабежах играли дезертиры-офицеры, Главнокомандующий вызвал из Добровольческого корпуса надежные части и отдал приказ, чтобы все

офицеры, находившиеся в Новороссийске, немедленно зарегистрировались, чтобы впоследствии поставить их в строй. В своем приказе генерал Деникин заявлял, что только зарегистрировавшиеся офицеры могут рассчитывать на посадку на корабли. Прочие будут предоставлены судьбе. Этим же приказом были установлены военно-полевые суды для привлечения и ответственности всех нарушителей порядка и дисциплины.

После этого приказа был такой случай: числа 9-го или 7-го ко мне в вагон явился высокий, здоровый Кубанского войска подхорунжий Калюжный и доложил: «Ваше Превосходительство, я Вам принес мешок с деньгами. Мы арестовали бандитов, грабивших грузинское консульство, что прикажете с ними делать?» Бандитами оказались два офицера и один студент. Их обезоружил и задержал подхорунжий Калюжный с двумя донскими казаками, случайно проходивший мимо грузинского консульства и услышавший крики о помощи. В мешке с деньгами оказались главным образом денежные знаки царского времени и советские. Я приказал Калюжному отвести арестованных к коменданту главной квартиры. Они в тот же день были переданы комендантом Ставки военно-полевому суду. Арестованные офицеры оказались незарегистрированными дезертирами.

Итак, 4 марта все войска Кавказского театра оказались на левом берегу Кубани, которая являлась серьезной преградой для противника. Здесь можно было привести части в порядок, дать им возможность отдохнуть и принять решение, перейти ли в наступление, нанося удар в левый фланг противника, или отходить к югу через Тамань и Новороссийск в Крым.

Оборона Кубани при наличии конницы не вызвала особых затруднений, и можно было надеяться надолго удержать противника от попыток форсировать реку.

Главнокомандующий издал директиву, на основании которой правый участок реки от верховий до Ворыковской переправы ниже Екатеринодара должен был обороняться Донской армией, а дальше до устья Кубани — Добровольческим корпусом, который был изъят из оперативного подчинения генералу Сидорину и поступил в непосредственное подчинение Главнокомандующему, о чем я уже упоминал выше.

Эта мера была вызвана взаимной враждебностью донских казаков и добровольцев и натянутыми отношениями между Сидориным и Кутеповым. К сожалению, генерал Деникин, который должен был координировать действия этих двух групп войск, не имел в своем распоряжении резерва. Выделить какие-либо силы из Добровольческого корпуса не было

возможности, так как он и без того был ослаблен отправкой добровольческих частей на усиление Новороссийского гарнизона. Взять что-либо из Донской армии было бессмысленным, так как не было надежды, что донцы будут исполнять приказы. Наконец, это повлекло бы за собой нарекания со стороны Сидорина.

5 марта утром в Новороссийск прилетел генерал Сидорин и отправился в вагон к Главнокомандующему. Через несколько минут полковник Колтышев доложил мне, что генерал Деникин просит меня прийти к нему в вагон. Там я застал генералов Романовского и Сидорина. Когда мы сели за стол, генерал Деникин, обратившись ко мне, сказал:

— Ну, послушаем, что нам скажет квартирмейстер о наших планах, если бы на Кубани нам не удалось удержаться.

Я повторил свои соображения об отводе Донской армии на Тамань, как это было накануне доложено мной начальнику штаба и Главнокомандующему и ими одобрено.

— Что Вы скажете нам на это? — обратился Деникин к Сидорину. Сидорин, в принципе, был согласен, но не знал, как отнесутся к такому решению казаки, захотят ли они идти в Крым. Далее он сказал:

— За казаками хлынут на Тамань и наши беженцы, которые могут затруднить и движение на Тамань, и погрузку на суда.

В случае, если бы не удалось осуществить из-за этого план, Сидорин предлагал другое решение, а именно: Добровольческому корпусу следовать вдоль побережья на Новороссийск, а Донской армией — на Геленджик и Туапсе. Теперь же спешно надо было принять меры для снабжения войск продовольствием, боевыми припасами и фуражом, используя для этого плавучие базы. Генерал Деникин ответил Сидорину, что все эти меры уже предприняты, зерновой фураж подвезен, но сено еще не удалось подвезти, и вряд ли это будет возможно. В этот же день Сидорин улетел к себе в Георгие-Афинскую.

В эти весенние мартовские дни погода стояла солнечная и теплая. Вода в Кубани поднялась. Все мосты через реку были взорваны. Казалось, что противнику придется потратить время на подготовку форсирования этой серьезной водной преграды.

Казаки, вздохнув легче на левом берегу Кубани, приводили себя в порядок: освобождались от паразитов, стирали белье, чинили одежду, чистили коней. Вдоль реки на берегу была выставлена охрана и велось наблюдение за противником. В Ставке шла работа по эвакуации беженцев и переговоры с генералом Хольманом о скорейшей подаче судов.

Посылались беспокойные телеграммы в Севастополь Командующему Черноморским флотом с требованиями о подаче транспорта.

Вдруг 6 марта неожиданно из штаба Сидорина было получено донесение, что на рассвете незначительные силы противника, около двух рот, высадились у Варениковской на левом берегу Кубани. Такие же силы форсировали реку и в районе Усть-Лабы. Все это произошло внезапно. Заставы не оказали противнику сопротивления.

Для ликвидации отряда красных у Варениковской был двинут бронепоезд под начальством энергичного и храброго генерала Майделя. Его донесение спокойно заканчивалось: «Необходимые меры приняты».

Однако этот случай обеспокоил и начальника штаба Главнокомандующего и самого генерала Деникина. На третий день после перехода Донской армии на левый берег реки противник уже начал ее форсировать! Это указывало, прежде всего, на небрежность донского командования в деле организации обороны реки и на расхлябанность казаков, несших сторожевую службу. А я подумал: «Вот тебе и „психологический перелом“, на который так рассчитывал генерал Романовский».

7 марта было получено в Ставке другое донесение о событиях в Донской армии. Меры, принятые Сидориным с целью сбросить в реку переправившиеся две роты (1) большевиков у Варениковской, не имели успеха, и противник задержался на левом берегу Кубани, а 4-й же Донской корпус, оборонявший участок реки ниже Усть-Лабы, вдруг покинул свой фронт и пошел прямо на юг в горы на соединение с кубанцами, действовавшими независимо от Главнокомандующего. Их целью было пробиваться через горы в Грузию. В 4-м Донском корпусе генерала Старикова было около 18 тыс. всадников! Их артиллерия была брошена.

На фронте Добровольческого корпуса пока попыток большевиков форсировать реку не было, но занятие красными левого берега Кубани у Варениковской при полной небоеспособности Донской армии являлось угрозой правому флангу корпуса Кутепова.

После ряда совещаний генерала Сидорина со старшими начальниками Донской фракции Верховного Круга и членами Донского Круга было принято решение исполнить желание генерала Деникина о том, чтобы Донская армия отходила на Тамань. Донской Верховный Круг признал соглашения с Главнокомандующим о подчинении генералу Деникину Донской армии. Это была «лебединая песня» суверенной власти Верховного Круга. 7 марта стало также известно, что путь на Армавир отрезан, так как его заняли большевики, а в Майкопе хозяйничали зеленые.

Все эти сведения повторил Главнокомандующему прилетевший в Новороссийск начальник штаба Донской армии генерал Келчевский. При его докладе Главнокомандующему и генералу Романовскому присутствовал и я. Генерал Деникин был очень рад, что вопрос переброски Донской армии через Тамань разрешен благопринято, но его несколько смущало то, что Сидорин требовал, чтобы из Новороссийска первой была эвакуирована Донская дивизия. Это было бы доказательством для донцов, что они не будут брошены на побережье. Далее Келчевский доложил, что от штаба Донской армии в Новороссийск будет прислано особое представительство для наблюдения за эвакуацией и охраны интересов донцов с правом доклада непосредственно Главнокомандующему.

Генерал Деникин нахмурился и сказал:

— Что это, контроль?

— Нет, не контроль. Мы хотим, чтобы Вы были хорошо осведомлены, так как нам известно, что Вам доклады представляются в искаженном виде, — ответил Келчевский. Этот разговор произвел на меня неприятное впечатление.

Простившись с Главнокомандующим, Келчевский вышел из вагона, чтобы возвратиться на фронт, о чем его просил генерал Деникин. Провожая его, я сказал:

— За что Вы так облаяли наш штаб? Ведь и я делаю доклады Главнокомандующему и никогда их не искажаю.

Келчевский возразил:

— Деникин отлично понял, что это относится к его «княжатам»* Кутепову и Достовалову. Сидорин очень озабочен тем, что все корабли будут предоставлены для эвакуации «цветным войскам»**, а казаки будут брошены на произвол судьбы.

— Вы плохо знаете Антона Ивановича, — ответил я. — Он как Главнокомандующий вне подобных подозрений. Он в высшей степени справедливо воздает каждому по заслугам и честно исполняет свой долг, имея в виду только общее дело. На днях я был свидетелем того, как он оборвал Достовалова, когда тот в своем развязном докладе выражал желание чуть ли не в форме требования, чтобы добровольцам транспортные суда были предоставлены в первую очередь.

— Допустим, что это так, но все же наше представительство, которое Деникин назвал «контроль», не помешает, а принесет пользу. Я уважаю Деникина. Видимо, и он отно-

---

* В Донской армии не любили добровольцев, их называли «княжатами», якобы они пользовались особым благоволением генерала Деникина.

** Добровольцев в насмешку называли «цветные войска» за их парадные мундиры и фуражки с цветными околышками.

сится ко мне с доверием, так как он назначил меня в своем правительстве военным министром, но для пользы дела я не вступил в эту должность, так как в штабе Сидорина я нужнее.

Пожав мне руку, Келчевский поторопился отправиться на фронт.

Я знал Келчевского хорошо по его доблестной службе во время войны 1914—1917 гг. Как начальник штаба Сидорина, он был незаменим. Он отлично знал цену Донской армии, которая значительно уступала добровольцам, и делал все от него зависящее, чтобы поднять дух казачества в эти печальные дни развала.

Келчевский был одним из образованнейших офицеров Генерального штаба, человеком умным, справедливым, тактичным и добродушным, но иногда мог неожиданно горячо вспылить. Недостатком его было то, что он любил выпить, хотя ума никогда не пропивал*.

Между тем на фронте Донской армии царил растерянность. Большевики спешно восстановили временные мосты у Екатеринодара, кубанцы же откатились за реку Белую.

7 марта Главнокомандующий отдал приказ Кубанской армии удержаться на реке Курга; Донской армии и Добровольческому корпусу — оборонять линию реки Кубани от устья реки Курги до Ахтаназовского лимана; Добровольческому корпусу — частью сил занять Таманский полуостров и прикрыть от красных северную дорогу от Темрюка. Эта директива оказалась гласом вопиющего в пустыне. Ни на реке Курге, ни на Кубани 8 марта уже не было наших войск. Все отходили на запад, причем только добровольцы сохраняли некоторую дисциплину и воинский порядок. Однако в командном составе добровольцев, как и у донцов, дух был поколеблен. Все жили мыслью, как бы скорее уйти от противника, как бы опередить друг друга и скорее прибыть в Новороссийск, чтобы первыми захватить там транспортные корабли.

Сведения о фронте были туманные, и ясно представить себе общую обстановку было трудно. Но было известно, что Добровольческий корпус занимает авангардными частями указанный ему участок на левом берегу Кубани, что штаб Донской армии переместился в Ильскую. На Ильскую же двигалась толпой Донская армия, перемешанная с обозами и беженцами. Кубанская армия с 4-м Донским корпусом очу-

---

* Алкоголь разрушил его здоровье. Он страдал болезнью сердца. В 20-х годах в Берлине у него на квартире ужинали несколько офицеров Генерального штаба. Среди них был полковник Махин, человек левых убеждений. Общество было навеселе. Келчевский, будучи правым, вступил в спор с Махиным и умер за столом от паралича сердца.

тилась в горных ущельях Кавказа и, встреченная пилюковцами*, решила пробиваться на Туапсе.

9 марта три Донских корпуса заняли станции Ильская и Абинская и теснились к Крымской, через которую двигались части Добровольческого корпуса на Тоннельную. Этот район являлся главным осиним гнездом зеленых, поднявшихся против белых. А сзади, верстах в десяти, неотступно в полном воинском боевом порядке продолжали свое наступление большевики. Что здесь происходило — описать невозможно. Впереди к югу железная дорога от Крымской до Новороссийска была парализована. Все станции оказались забитыми поездами Добровольческого корпуса с грузами всевозможного добра. О пассажирских поездах и говорить не приходилось. Поезда штабов пропускались с трудом. Их заменили дрезинами на керосине и бронированными площадками, но они двигались очень медленно. Генералу Келчевскому, выехавшему таким способом из Новороссийска на фронт, понадобилось три дня, чтобы добраться до Крымской. Генерал Стогов, начальник штаба Кубанской армии, ехавший с генералом Улагаем в своем вагоне в Новороссийск, засыпал меня телеграммами, прося оказать содействие, чтобы пропустили скорее его поезд, но я ничего не мог сделать, так как начальник военных сообщений был бессилен выполнить мою просьбу. Для того чтобы пропустить поезд Кутепова, следовавший в этот день, 9 марта, в Новороссийск, были приняты чрезвычайные меры.

Вдоль железной дороги тянулась грунтовая, покрытая вязкой липкой грязью, которая засасывала все: и людей, и лошадей, и повозки...

В тылу, двигаясь за лентой голодных беженцев, 9 марта части Донской армии вошли в соприкосновение с Добровольческим корпусом у станции Крымская. По донесениям штабов на фронте от Ильской до Крымской арьергарды отражали атаки противника, а донцы к тому же вели тяжелые бои с зелеными, которые нападали на казаков. Зеленые были в более благоприятных условиях — они, что называется, находились у себя дома, отлично знали местность и встречали полное содействие и сочувствие местного населения. Действия Донской армии против них были неорганизованными. Одни вели бой, другие переходили к зеленым. Были случаи, когда целые бригады и полки, например Черкасский донской, переходили на сторону зеленых, но потом, опомнившись, уходили от них. Зеленые действовали решительно, энергично. Видно было, что они хорошо организованы. Сидорин же, несмотря на свою отвагу, был не в силах спра-

---

* Пилюковцы — наиболее организованные «зеленые», решившие искать соглашения с большевиками.

виться и с зелеными, и с красным авангардом, преследовавшим донцов. У Кутепова под прикрытием арьергардов Алексеевской и Корниловской дивизий отступление велось гораздо лучше.

Когда в четырех переходах к северу от Новороссийска происходили эти события, в Ставку явилось представительство Донской армии, состоявшее из шести офицеров под начальством генерала Майделя, человека энергичного и распорядительного. Эта комиссия немедленно отправилась на берег моря ознакомиться с количеством транспортов, стоявших у пристани.

Прибыл и Кутепов, чтобы получить указание от Главнокомандующего относительно судов для погрузки. Генерал Деникин был очень озабочен сложившейся обстановкой: судов было мало, и к вечеру стало известно, что большая колонна красной пехоты движется на Анапу.

10 марта большевики значительными силами уже перешли Кубань у Варниковской. Передовые части подходили к Крымской, а к вечеру красная пехота появилась в Гостогаевской. В районе Крымской, Гостогаевской и Анапы поднялись зеленые, обрушившись, главным образом, на Донскую армию. Проходя через зону зеленых, Донская армия оказалась окруженной со всех сторон. Где были большевики, где зеленые — трудно было разобрать.

Военные части, потерявшие надежду уйти от большевиков, то переходили к зеленым, то оказывали им пассивное сопротивление, то снова двигались на Новороссийск. Одно время казалось, что главная масса Донской армии превратилась в зеленых. В Крымской, например, командир 2-го корпуса генерал Сутулов официально доложил, что две бригады его корпуса перешли к зеленым. Потом выяснилось, что так оно и было, но побыв у зеленых, переговорив с ними, ознакомившись с обстановкой, бригады снова ушли вслед за войсками. Осталась только незначительная часть, о чем было доложено в Ставку.

Конница под командой генералов Барбовича, Чеснакова и Дьякова достаточно энергично отбивалась от зеленых, но и здесь чувствовалась усталость и стремление уйти скорее в Новороссийск.

Утром 11 марта в Ставке стало известно, что большевики форсировали все южное течение Кубани, начиная от Екатеринодара. Анапа была занята красными. Добровольческий корпус стягивался на линию Тоннельная — Абрау-Дюрсо. Донская армия в беспорядке отступала вдоль железной дороги.

Итак, Анапа была занята большевиками, путь на Тамань — отрезан. Генерал Кутепов не исполнил директиву Главнокомандующего от 7 марта, в которой было указано

теперь же частью сил занять Таманский полуостров и прикрыть северную дорогу, начиная от Темрюка. Это не было похоже на генерала Кутепова, человека долга, исполнительного и дисциплинированного. В первый раз в своей военной карьере он изменил себе.

Начальник английской военной миссии генерал Хольман был очень озабочен создавшимся положением на фронте и в Новороссийске. Кроме хлопот о скорейшей подаче транспорта для эвакуации, он зорко следил за тем, что происходило в Новороссийске. Еще 8 марта он зашел ко мне и взволнованно сказал: «Генерал, Вы долго думаете оставаться с вашим штабом здесь, у пристани? Вы дождетесь того, что если не сегодня, то завтра всех сбросят в море. Я лично не могу этого сделать, но прошу Вас предупредить генерала Романовского, что его решили убить добровольцы. Я удивляюсь Вашей неосведомленности — ведь готовится переворот».

Офицеры штаба, действительно, мне говорили об этих слухах, и некоторые доверительно называли имя Кутепова, в пользу которого что-то затевалось. Однако в это время в городе столько говорилось о «переворотах», что я не придавал этому серьезного значения.

На этот раз я немедленно отправился в вагон к генералу Романовскому. Он сидел у письменного стола за работой. Вид у него от бессонных ночей был утомленный — я искал слова, как передать начальнику штаба то, о чем меня просил генерал Хольман.

— Ваше Превосходительство, мне больно Вам говорить, но я сделаю это, — сказал я и изложил генералу Романовскому разговор с генералом Хольманом. Начальник штаба посмотрел на меня своими добрыми, спокойными глазами и ответил:

— Это я знаю, меня хотят убить корниловцы, мундир которых я ношу, но скрываться, прятаться не собираюсь. Пусть убивают.

В этом рыцарском ответе было столько духовной красоты, что я еще больше полюбил Ивана Павловича.

Затем весь этот разговор я доложил генералу Деникину и сообщил ему пожелание генерала Хольмана переместить поезд штаба Главнокомандующего на цементную пристань с проволочным ограждением под охрану шотландских стрелков. Генерал Деникин сурово ответил:

— Я не вижу в этом надобности.

Это был другой рыцарский ответ — Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга считал недостойным искать убежища в лагере иностранцев, тем более на русской земле. В этом ответе чувствовалось блатородство и гордость русского человека и генерала.

На другой день генерал Хольман опять пришел ко мне и в самой настойчивой форме повторил свой совет. Я снова доложил пожелание генерала Хольмана генералу Романовскому. Он мне ответил, что в отношении себя он не предпримет никаких мер и только в Феодосии оставит свою должность. Насчет перемещения поезда он предложил мне переговорить с Главнокомандующим. Этого я не сделал, заранее зная, что ответ будет отрицательным.

11 марта, как я упомянул выше, Добровольческий корпус, находясь в районе Тоннельная — Абрау-Дюрсо*, отбивал атаки красных и вел одновременно борьбу с зелеными. Штаб Донской армии находился в Крымской. Добиться сведений об обстановке у донцов не было возможности. Ввиду того, что 11 марта Анапа была занята, Сидорину из штаба Главнокомандующего была послана телеграмма с предупреждением о том, что отход Донской армии на Тамань едва возможен. Армии теперь предстоял путь на Новороссийск, куда Главнокомандующий вызвал Сидорина, выслав для этого в его распоряжение бронепоезд.

Уже шесть дней, начиная с 5 марта, квартирмейстерский отдел Ставки не отдыхал. Офицеры не ложились спать, лишь иногда кто-то дремал в кресле. Ночи напролет работали Главнокомандующий и генерал Романовский. 11 марта стало ясно, что катастрофы не избежать, и нужно было принять меры, чтобы она произошла возможно безболезненнее. На первом месте стоял вопрос об эвакуации боеспособных войск с их тылами и продолжение эвакуации раненых и больных. Для этого нужно было выиграть время, чтобы успели подойти корабли.

Нужна была боевая сила, которая хоть на несколько дней могла бы задержать наступление противника. Единственные, на кого мог рассчитывать еще генерал Деникин, были добровольцы, но и они были измучены, ведь с 10 февраля на них лежала вся тяжесть боев при отступлении на Кубань, казаки же не хотели сражаться. Теперь к Новороссийску катилась не Донская армия, а толпы вооруженных донских казаков только с одним стремлением — уйти, скорее уйти, куда угодно уйти, лишь бы подальше от большевиков. Положение генерала Сидорина было ужасное. Он и его начальник штаба генерал Келчевский делали невероятные усилия, чтобы восстановить порядок, но были бессильны. Генерал Кутепов, наоборот, вполне еще сохранял свой авторитет, и добровольцы продолжали исполнять его приказы.

При обсуждении вопроса о задержке противника арьергардными боями на подступах к Новороссийску начальник штаба генерал Романовский предложил возложить эту за-

* Около 30—35 верст севернее Новороссийска.

дачу на командира Добровольческого корпуса, одновременно назначив его начальником обороны города. Из Донской армии решено было выделить в распоряжение генерала Кутепова наиболее надежные, по усмотрению Сидорина, части. Арьергардам добровольцев и донцов давалась гарантия быть посаженными на суда при эвакуации Новороссийска. Генерал Деникин это утвердил.

Днем ко мне зашел генерал Хольман, чтобы ознакомиться с обстановкой на фронте. Я его спросил, не поможет ли он нам огнем судовой артиллерии в последний момент, когда наши арьергарды вынуждены будут отойти на подступы к Новороссийску. Он ответил:

— Конечно, конечно, только своевременно укажите мне цели и обязательно подпишите Вашу записку.

Я его спросил, как скоро могут подойти суда.

— Продержитесь еще дня 3—4, и все будет в порядке. Что же Вы медлите с перемещением поезда? Я прошу это сделать сегодня.

Я ответил Хольману, что сейчас же доложу об этом генералу Деникину, а в душе решил:

— Суди меня Бог и военная коллегия. Сделаю это сам, без доклада.

Если Хольман так настаивал, то значит у него были основания беспокоиться за безопасность Главнокомандующего. Тотчас же я вызвал к себе начальника железнодорожного узла и приказал ему перевести поезд Главнокомандующего на цементную пристань в ночь с 11 на 12 марта, причем сделать это в полной тайне. Этот маневр оказался полной неожиданностью для всех, в том числе и для самого Главнокомандующего.

Когда утром 12 марта я вошел к Деникину с докладом, Главнокомандующий не обмолвился ни одним словом по поводу моего самоуправства. Рядом, параллельно с нашим поездом, уже стоял поезд атамана Богаевского с вагонами его охраны из юнкеров военного училища и конвоя. У нас никакой охраны не было, я не видел даже обычных парных часовых у вагона Главнокомандующего.

Генерал Хольман был очень доволен и условился со мной, что смены караулов будут производиться только частями и по запискам, подписанным мною и генералом Хольманом, о чем был оповещен комендант пристани, так как уже были попытки донцов и корниловцев сменить караулы англичан неведомо по чьему распоряжению.

Утром 12 марта прибыл на бронепоезде генерал Сидорин. Около 9 часов утра он явился к Главнокомандующему, куда были приглашены генерал Романовский и я. Генерал Деникин, обратившись к Сидорину, сказал приблизительно следующее:

— Обстановка, как Вы знаете, серьезная. Противник уже подходит к Абра-Дюрсо. Наши арьергарды оказывают слабое сопротивление. Судов на рейде мало. Правда, англичане обещали, что вот-вот должны прибыть четыре корабля. Но мы должны рассчитывать на худшее и иметь в виду, что можем вывести только всех боеспособных и тех, кому грозит неминуемая расправа большевиков. Скажите мне, сколько у вас офицеров, которых нужно вывезти.

Сидорин ответил:

— Около пяти тысяч.

— Ну, с этим мы справимся, а вот все части Донской армии, конечно, погрузить будет трудно, особенно, если своевременно не подойдут транспорты.

Сидорин вспыхнул и с горячностью возразил:

— Но почему же пароходы занимаются добровольцами? Следуя к Вам, я лично видел добровольческие караулы у пароходов.

— Будьте спокойны, — ответил Деникин, — пароходы будут распределены по справедливости — равномерно.

Сидорин вышел.

Вскоре в Новороссийск прибыл штаб Донской армии. Сидорин и Келчевский, ознакомленные комиссией Донской армии с генералом Майделем во главе о том, что все суда, стоявшие у пристани, заняты караулами добровольцев, явились к генералу Романовскому и с раздражением стали упрекать его за то, что транспорты в первую голову уже распределены между частями Добровольческого корпуса. Особенно взволнован и неприлично резок был генерал Сидорин. Генерал Майдель, глава Донской контрольной комиссии, и ее члены, два брата Калиновские и полковник Добрынин, были корректны и сдержанны. Генерал Романовский, как всегда уравновешенный и деликатный, пытался успокоить Сидорина, объяснить ему, что к вечеру должен подойти пароход «Россия», а затем ожидаются «Аю-Даг», «Доб», «Барбичек». В этот день генерал Богаевский, донской атаман, пригласил к себе на завтрак генералов Деникина, Романовского и Сидорина. Я там не присутствовал, но позже узнал, что Сидорин, обсуждая вопрос о распределении судов, позволил себе настолько грубо говорить с Главнокомандующим, что Деникин, не закончив завтрака, встал из-за стола и ушел к себе в поезд.

В это время я находился в городе. Мне хотелось повидать брата, полковника Василия Махрова. Несмотря на то, что уже много беженцев было вывезено, поток новых заполнял Новороссийск. С трудом можно было пройти. Повозки, телеги, лошади, верблюды и люди, люди. Старики и молодые, штатские и военные, мужчины, женщины, дети. Пристань была занята народом, толпившимся у кораблей. Все суда

охранялись добровольческими караулами в полной боевой готовности. Толпа гудела, слышались возгласы, крики, раздавались слова команд. Грузившиеся добровольцы то поднимались по трапам, то спускались вниз, тащили пулеметы, патроны в ящиках и прочее. С тоской на них глядела толпа, проклиная всех и вся. У пристани выделялся красавец — гигантский английский броненосец «Ганновер», а рядом с ним наш «Владимир», у трапов которого стояли больные, раненые, суетились сестры милосердия, на носилках несли ослабевших. Какая-то контрольная комиссия, прежде чем допустить на пароход, проверяла документы, задерживая посадку. Шла погрузка и на «Ганновер»:

Я нашел брата. Он оказался в комнатухе какого-то захудалого домика, где его приютила очень симпатичная русская семья. Моему брату очень везло в этом отношении. Куда бы он ни попадал, всегда оказывался в среде хороших, добрых людей.

— Здравствуй, Вася! Ну вот, мы завтра уходим. Самое позднее — 14-го. Я пришел узнать, есть ли у тебя место, а то идем ко мне, я тебя устрою.

— Спасибо, я уже устроен, и в 9 часов вечера отчаливаю, — ответил брат.

— С кем? — спросил я его.

— С Киреем.

И тут же он мне объяснил, что попал в распоряжение начальника артиллерийского отдела генерала Кирея, который, не имея грузчиков для эвакуации снарядов и артиллерийского имущества, дал объявление, что все, кто погрузит определенное количество пудов артиллерийского имущества, получит место на корабле.

— Вот я отгрузил мои пуды, и теперь собираю мое барахлишко и — на корабль, к Василию Фадеевичу, — сказал брат.

Замечательный человек был Василий Фадеевич Кирей. Высокого роста, широкоплечий, стройный, с мужественным энергичным открытым лицом; несмотря на то, что ему было в это время лет тридцать восемь, он был совершенно лысый, что, однако, его нисколько не портило. Он был известным ученым-артиллеристом и, уже окончив Артиллерийскую академию, поступил в Академию Генерального штаба, в которой проходил курс вместе с моим братом Василием, который тоже служил в артиллерии. Они там и подружились. Кирей блестяще окончил Военную академию, но от службы в Генеральном штабе отказался и ушел в свою артиллерийскую бригаду. Во время войны 1914—1915 гг. он выпустил брошюру о способе разрушать проволочные заграждения огнем полевой артиллерии. Ни один из наших лучших артиллеристов не мог соперничать с ним в управлении огнем боль-

ших артиллерийских группировок. В Добровольческой армии он построил из ничего оружейный завод и был единственным начальником тыловых учреждений, организовавшим так снабжение артиллерийским имуществом, что никогда не вызывал нареканий. И теперь при эвакуации он своевременно успел погрузить все снаряды и артиллерийское имущество.

Простившись с братом, я возвращался к себе в поезд и проходил опять мимо парохода «Владимир», перед которым продолжали толпиться больные и раненые, ожидая погрузки. Спокойно шла погрузка имущества и на английском корабле «Ганновер» под охраной шотландских стрелков. В стороне шумно суетились беженцы, жадно хватая разные вещи, которые раздавали им англичане, бросавшие свои склады. На холме, венчавшем отвесную скалу на цементной пристани, виднелись палатки, окруженные проволочным заграждением, а впереди них подальше — силуэты шотландских часовых и застав. Это был лагерь английского батальона, высаженного на берег в Новороссийске. Здесь было все чинно, спокойно, как будто в мирное время. Какой это был контраст с тем, что в это время происходило на пристанях Новороссийска, где обезумевшие, озверевшие люди думали только об одном — добиться места на корабле. Не будь в Новороссийске гарнизона дисциплинированного Дроздовского полка с энергичным и волевым командиром полковником Туркулом, здесь был бы полный хаос.

Вечером около шести часов у генерала Деникина состоялось совещание, на котором присутствовали Сидорин, Романовский, кто-то из ведавших эвакуацией, кажется, генерал флота Ермаков, и я. Сидорин на этот раз был корректен, явно сдерживая свое волнение. Главнокомандующий взял лист с перечнем судов, прибытие которых ожидалось с часу на час, и указал Сидорину, какие из них предоставляются в распоряжение Донской армии. В числе них был назван пароход «Россия», который только что подошел к пристани. Он мог принять около четырех тысяч человек. В общем добровольцами было занято четыре парохода, такое же количество намечалось для донцов и один — для кубанцев. Кроме того, английский адмирал Сеймур обещал взять на военные суда английской эскадры около пяти тысяч человек. Незначительное количество могло быть принято на «Вальдек Руссо». Наконец, генерал Деникин послал грозную телеграмму Командующему Черноморским флотом в Севастополь с требованием подать все транспорты в Новороссийск. Такие телеграммы уже неоднократно посылались, но ответы продолжали поступать одни и те же: угля нет, суда требуют ремонта.

В заключение Главнокомандующий заявил, что, конечно, имеющихся транспортных средств недостаточно, чтобы по-

грузить все войсковые части, желающие следовать в Крым. Он опасается, что не удастся вывезти раненых и больных. «Все зависит от того, — говорил генерал Денкин, — будут ли сражаться на фронте наши арьергарды, дабы выиграть время, хоть один-два дня. Если нет, то не успевшим погрузиться придется следовать в Геленджик, и я сделаю все, от меня зависящее, чтобы при содействии английской эскадры их подобрать на корабли, которые будут разгружены в Феодосии». На этом и закончился разговор.

Ночь с 12-го на 13 марта была тревожной. В Ставке никто из офицеров не спал. Провели бессонную ночь и генералы Деникин с Романовским.

На рассвете 13-го стало известно, что в город хлынула волна донских беженцев с калмыцкими таборами, затопившими цементную пристань. За ними следовали другие, заполняя город. С фронта доносили, что арьергард добровольцев — Алексеевская дивизия и часть корниловцев — изнемогают под натиском противника, а партизанская Донская дивизия уже потеряла всякую способность к сопротивлению. Генерал Деникин приказал Сидорину выдвинуть на фронт бригаду учебной команды донцов, состоявшую из юнкеров, стрелков и пулеметчиков. Эта часть была чем-то вроде «гвардии» Донской армии, на нее можно было надеяться. Однако по неизвестным причинам Сидорин этого не исполнил и возложил задачу на партизанскую дивизию, уже неудержимо катившуюся к Новороссийску.

Утром явился к Главнокомандующему начальник обороны Новороссийска генерал Кутепов и доложил, что моральное состояние его войск таково, что ночью придется покинуть город. Стали распространяться слухи, что конница противника обошла горными дорогами Новороссийск с востока и заняла Геленджик. С фронта сведения были все тревожнее и тревожнее... Наступал критический момент.

Между тем в Новороссийске находилось около ста тысяч бойцов. Естественные преграды, окружавшие Новороссийск, превращали его как бы в готовую крепость, нужна была только сила духа в войсках и дисциплина. Но, увы! Ни того, ни другого уже не существовало. Все толпились у пристани, в смятении поджидая пароходы. Стоило только на горизонте появиться силуэту корабля, как толпы казаков и добровольцев приходили в волнение и готовились один другого опередить, чтобы захватить транспорт. Генерал Кутепов принял на пристани чрезвычайные меры для поддержания порядка, а генерал Хольман выслал танки и шотландские патрули с пулеметами.

Я послал генералу Хольману записку, как мы условились накануне, что пора открыть огонь судовой артиллерии. Около одиннадцати часов утра началась канонада. Со страшным

ревом и скрежетом разрывали воздух грозные английские снаряды, падали где-то в Абрау-Дюрсо, Тоннельной и в районе разъезда Гендука.

Главнокомандующий с генералом Романовским почти все время находились на пристани, давая необходимые распоряжения Кутепову или беседуя с генералом Хольманом, принимавшим горячее участие в погрузке. В штабе я оставался один. Беспрестанно ко мне приходили разные люди, главным образом, по вопросам эвакуации. Был и визит характерный и настолько трогательный, что я не могу обойти его молчанием. Около четырех часов мне доложили, что меня хочет видеть какой-то железнодорожный служащий. Я полюбил мир железнодорожников во время моей службы начальником военных сообщений. В голове у меня мелькнуло — вероятно, кто-либо пришел просить помочь ему сесть на корабль, и заранее решил это сделать. Я приказал просить. Передо мной стоял бригадир Царицынского депо, рабочие которого во время эвакуации Царицына в 1919 году предподнесли мне икону Казанской Божией Матери, Молоствов. Это он со своей командой в 60 человек последовал за мной при эвакуации, и 22 февраля в Екатеринодаре, когда загорелся вагон атамана Окуневского, рядом с которым стоял мой вагон, они же прибежали на помощь и вручную откатали его от горящего атамановского.

Теперь Молоствов мне, уже давно оставившему должность начальника военных сообщений, говорил:

— Ваше Превосходительство, мои ребята спрашивают, прикажете ли Вы нам ехать в Крым?

Я ответил:

— Мы никого не принуждаем. Как хотите.

— Мы все царицынские, там наши семьи, позвольте нам возвратиться домой.

— Спасибо вам за вашу службу и за вашу ласку, — ответил я. На столе у меня лежала пачка советских денег, сданных мне подхорунжим Калюжным. Я их не считал, но сумма, вероятно, была большая.

— А это вот Вам и Вашей команде. В дороге пригодится, — сказал я и обнял от чистого сердца бригадира. На глазах у него были слезы.

Не успел я расстаться с Молоствовым, как вошел новый посетитель, маленький, худой как скелет, с землистого цвета лицом, обросшим большой с проседью бородой, с глубоко провалившимися серыми глазами. Он опирался на палку.

— Ваше Превосходительство...

Он представился.

— Садись, Павел Евстигнеевич. Рад тебя видеть, — сказал я, узнав моего друга полковника Дормана, с которым

я расстался на станции Котельниково в конце января 1920 года, уехав по его совету на станцию Эя.

Дорман рассказал, что он приехал с женой и двумя девочками, одной — восемь лет, а другой — три недели. Она появилась на свет Божий в Армавире, где Дорман лежал при смерти больной тифом. Узнав о приближении красных, он нашел в себе силу воли, чтобы уехать в Новороссийск. О путешествии по железной дороге в это время не было и речи. Он за большие деньги нанял подводу и в течение трех недель тащился вместе с калмыцкими таборами до Новороссийска. Я сообщил ему, что вечером штаб Главнокомандующего будет грузиться на пароход «Цесаревич Георгий», и предложил разместиться с семьей в нашем поезде, чтобы быть готовым к посадке на пароход.

Раздался телефонный звонок. Говорил командир сводной партизанской Донской дивизии, которая должна была быть на фронте в арьергарде. Я ждал, что он меня ориентирует в боевой обстановке. Оказалось, что дивизия уже в Новороссийске, ее командир полковник Ясевич, обеспокоенный отсутствием судов на пристани, просил меня оказать помощь в погрузке его дивизии. Я ему ответил, что в данный момент судов нет и нужно ждать прибытия транспортов. Из этого разговора я заключил, что фронт уже покинут всеми донцами, стремившимися скорее попасть на корабли. На фронте продолжали сражаться только корниловцы и алексеевцы, причем последние понесли большие потери.

Несмотря на то, что Сидорину Главнокомандующий дал накануне вечером все исчерпывающие указания относительно распределения судов и эвакуации, днем 19-го к генералу Деникину явилась контрольная донская миссия во главе с генералом Майделем. Майдель жаловался генералу Деникину на то, что все транспортные суда захвачены добровольцами, а донцы брошены на произвол судьбы. Генерал Деникин ответил: «Господа, разве было бы справедливо, если бы корабли в первую очередь были предоставлены тем, кто не желал сражаться, а добровольцы прикрывали бы их посадку на суда. Тем не менее я делаю все возможное, чтобы вывезти и донцов». Комиссия к этим словам Главнокомандующего отнеслась спокойно, так как Майдель был человеком умным и понимал, что слова Деникина действительно справедливы.

Но не таким был Сидорин. Когда к пристани подошел корабль, предназначенный Кутеповым для погрузки отходивших с боями арьергардов Корниловской и Алексеевской дивизий, он был сразу занят караулами добровольцев. Сидорин пришел в ярость. Около шести часов вечера генерал Деникин шел по пристани вместе с английским генералом Хольманом. К ним подошел Сидорин в сопровождении гене-

рала Дьякова, дивизия которого ждала посадки, но корабль еще не прибыл. Сидорин был просто невменяем. Обращаясь к Главнокомандующему, забыв воинский этикет, он кричал:

— Я требую от Вас прямого и честного ответа, будет ли дивизия Дьякова перевезена?

Главнокомандующий спокойно ответил:

— Я Вам ничего гарантировать не могу. Ваши части не желают сражаться, чтобы выиграть время. При таких условиях обещать ничего нельзя.

— Однако для Добровольческого корпуса у Вас нашлись суда. Добровольцы готовы к отплытию, а моя армия брошена: это предательство и подлость!.. Вы всегда меня обманывали и предавали донцов, — продолжал кричать Сидорин.

Видя эту безобразную сцену, генерал Хольман подошел к Сидорину и сказал:

— Успокойтесь, генерал. Разве можно так разговаривать с Главнокомандующим? Успокойтесь, я переговорю с адмиралом Сеймуром, и я уверен, что он все сделает, чтобы вывезти вашу дивизию.

Сидорин, обратившись к генералу Дьякову, раздраженно воскликнул:

— Вы слышали, я ничего не могу добиться от этого генерала! Садитесь на коней и пробивайтесь в Геленджик.

Уже с середины февраля, особенно после падения Тихорецкой, между Добровольческим корпусом и Донской армией были натянутые отношения. При отходе к Кубани всю тяжесть боев несли на себе добровольцы. На донских казаков нельзя было надеяться, как я уже говорил, они были дезорганизованы, сражаться не желали и только думали, как скорее уйти в тыл. Правый фланг Добровольческого корпуса они постоянно обнажали, ставя корпус в тяжелое положение. Здесь впервые раздалось из уст добровольцев в адрес казаков слова: «Предатели! Предательство!» При переходе через Кубань донские казаки прозевали переправу красных у Варенковской, обнажив правый фланг корпуса Кутепова и поставив его этим в тяжелое положение. Отношения Сидорина и Кутепова стали до такой степени враждебными, что Главнокомандующий вынужден был вывести Добровольческий корпус из подчинения Сидорину.

Отход с левого берега Кубани до Новороссийска в соответствии с планом совершили планомерно только добровольцы. Донская же армия, несмотря на все усилия Кутепова, отходила толпами, то переходя к зеленым, то возвращаясь от них, чтобы вместе с калмыцкими таборами и беженцами скорее уйти в Новороссийск. Наконец, 13 марта Сидорин не исполнил приказ Главнокомандующего о выдвигании на фронт единственной еще боеспособной воинской части —

учебной бригады, которой командовал один из лучших генералов Дона, генерал Карпов. Конечно, добровольцы имели основания называть донцов «предателями».

В то время, когда на пристани Сидорин грубо разговаривал с Деникиным, на фронтах уже не было ни одной войсковой Донской части, а корниловцы и алексеевцы в арьергарде продолжали бои на подступах к Новороссийску, прикрывая погрузку донцов.

* * *

Смеркалось. Судовая артиллерия английской эскадры продолжала стрелять по подступам к Новороссийску. Взрывы падающих снарядов казались близкими. Пулеметного огня и стрельбы из винтовок не было слышно.

В штабе заканчивалась упаковка вещей. Кто-то из офицеров принес мне пакет и доложил, что это от англичан для всех чинов штаба. Там я нашел туалетные принадлежности, складной нож и белье. Каждому было выдано по карабину новейшей системы и сумка с патронами.

Я стоял у окна вагона, выходявшего на отвесную скалу, у которой возле открытых пакгаузов толпились казаки, солдаты и беженцы. Англичане разрешали им все брать. Мне представилась такая картина: люди раздевались, сбрасывали с себя свое белье, надевали на себя по две-три пары нового белья, с трудом напяливали на себя свое платье и, прихватив с собой еще какие-то пакеты, поспешно уходили к пристани...

— Ваше Превосходительство, штаб приглашает на «Цесаревич Георгий», — доложил мне начальник отдела, ведавшего иностранными военными миссиями, полковник Владимир Владимирович Гофман.

Я накинул шинель и вышел из вагона. Возле поезда находились все чины штаба Главнокомандующего, кроме генералов Деникина и Романовского. Предстояло пройти с полверсты. На пути я увидел шпалеры шотландских стрелков, выставленных генералом Хольманом для охраны погрузки. Я заметил, что почти все шли молча... И вот мы на палубе «Цесаревича Георгия». Меня любезно встретил какой-то офицер и указал мою каюту.

После десяти бессонных ночей я был очень утомлен. Подобную усталость на войне я испытывал только в сентябрьские дни 1917 года, во время двухдневного боя под Ригой и трехдневного отступления по Псковскому шоссе.

Я поручил моему адъютанту позаботиться о семье Дормана. Вскоре он доложил, что все в порядке, но самого полковника Дормана нет. Я отправил капитана Дрона его разы-

скать. Через полчаса Дрон привел под руку еле передвигающего ноги Дормана, которого и проводил в его каюту.

«Цесаревич Георгий» все больше заполнялся. Прибыли чины штаба Донского атамана и Донской армии. Многие со своими семьями. Вскоре меня пригласил к телефону генерал флота Ермаков и сообщил, что погруженные пароходы постепенно уходят в море, а к пристани прибывают новые для погрузки. Около девяти часов вечера ко мне явился начальник 1-й Донской дивизии генерал Дьяков* и спросил, есть ли надежда, что его дивизия будет погружена. Я отдал распоряжение генералу Ермакову на погрузку этой воинской части. Радостный Дьяков поспешил уйти на пристань, чтобы дать соответствующие указания своим казакам. Генерал Ермаков вскоре мне протелеграфировал, что донцы Дьякова начали погрузку. Это мое распоряжение было последним.

В полночь пришел к нам на «Цесаревич Георгий» генерал Вязьмитинов, начальник эвакуационной комиссии. Ему забыли отвести каюту. Он поместился в моей на разостланном на полу матрасе.

Генерал Деникин с Романовским и несколькими офицерами после того, как штаб Главнокомандующего погрузился на «Цесаревича Георгия», сели на миноносец «Остен-Сакен» и вышли в бухту. Там Главнокомандующий отдавал свои последние распоряжения, объезжая побережье.

На рассвете «Цесаревич Георгий» застопорил машины. Мне доложили, что к борту нашего парохода подходит миноносец «Остен-Сакен». Я вышел на палубу. Море было тихое. К правому борту «Цесаревича Георгия» подошел вплотную миноносец. Спустили трап и поручни. По трапу поднялся Главнокомандующий, за ним следовали генерал Романовский и другие офицеры.

Командир «Цесаревича Георгия» встретил генерала Деникина с подобающими воинскими почестями. На палубе стояли генерал Богаевский и старшие офицеры штабов Главнокомандующего, атамана и Донской армии. Вид у генерала Деникина был угрюмый, усталый. Поклонившись всем, Главнокомандующий проследовал в отведенную ему каюту.

Утром около шести-семи часов наш пароход прибыл в Феодосию. Главнокомандующему и его штабу было отве-

---

* Генерал Дьяков был очень спокойным и толковым человеком. Атаман Богаевский всегда его выдвигал на ответственные должности. В бытность мою представителем Врангеля в Польше в 1921 году Богаевский командировал в мое распоряжение Дьякова для управления донскими казаками, оказавшимися в отряде генерала Баботки.

дено помещение в гостинице «Астория», куда все и последовали.

Меня встретил Генерального штаба полковник Герман Иванович Коновалов, бывший начальником оперативного отделения в штабе генерала Шиллинга. Мы с ним прошли в отведенную для меня комнату, расположенную рядом с кабинетом генерала Романовского, и я тут же предложил Коновалову доложить общую обстановку в Крыму.

Он начал с того, что положение на фронте можно было считать прочным, несмотря на то, что корпус генерала Слащова не превышал 5 тыс. бойцов и не имел достаточно артиллерии. Слащова он охарактеризовал как незаурядного военачальника, имеющего, что называется «нюх» на слабые места противника. Благодаря безумной храбрости Слащов пользовался большой популярностью в своем корпусе. Ему, как считал Герман Иванович, Крым обязан и поддержанием внутреннего порядка, который он достигал, однако, чрезвычайно крутыми мерами — виселицами и расстрелами, часто даже без суда. Севастопольские рабочие пели частушки с припевом: «От расстрелов идет дым, но Слащов спасает Крым».

— В Крыму, в общем, настроение, — говорил Коновалов, — спокойное. Что касается портовых рабочих в Севастополе, то они в массе против большевиков, но недовольны до-роговизной жизни.

Прибывших безлошадных казаков Коновалов рекомендовал разместить в районе Евпатории, богатой фуражом и пастбищами, где по мобилизации можно было бы добыть и лошадей. В Севастополе он советовал расквартировать наиболее дисциплинированные части добровольцев. Вообще же их разместить по крымским городам со штабом корпуса в Симферополе и приняться за немедленную «муштру» всех.

Вскоре меня вызвал генерал Деникин и приказал распорядиться, чтобы к девяти часам утра все старшие войсковые начальники прибыли в гостиницу «Астория» на совещание.

На этом совещании присутствовали Донской атаман генерал Богасевский, представители штаба Донской армии и некоторые старшие войсковые начальники Донской армии, командир Добровольческого корпуса генерал Кутепов с начальниками дивизий своего корпуса и другие старшие генералы, не входившие в состав войсковых частей армии.

Генерал Деникин сообщил присутствующим общую обстановку на фронте, отметив, что корпус Слащова пока прочно удерживает перекопские позиции и что в продовольственном отношении затруднений не встретится. На это заявление некоторые участники совещания позволили себе некоторые иронические реплики, выражавшие сомнения и недоверие. Среди приглашенных выделялся своей резкостью

и настойчивостью командир Добровольческой конной бригады генерал Барбович, крайне раздраженный и озлобленный. Генерал Деникин сделал вид, что не замечает грубости, и обратился к Кутепову с вопросом: «Сколько бойцов вывезено добровольцами?» Кутепов доложил, что высадились в Феодосии около 25 тыс. бойцов, вывезены все пулеметы, несколько пушек и некоторое количество снаряжения. На это в Донской группе последовали возгласы: «Здорово! Заблаговременно было погружено!» Главнокомандующий и к этому отнесся спокойно, словно он не слышал этой злой реплики, и, обратившись к донцам, спросил: «Каковы ваши силы?» Сидорин, на этот раз корректный, но подавленный, доложил, что вывезено около 10 тыс. безлошадных казаков, причем многие не имели даже седел. О состоянии войск он откровенно сказал, что они совершенно дезорганизованы, небоеспособны, и что потребуется много времени, чтобы из них создать боевую часть. Главнокомандующий, выслушав собравшихся, сказал: «Итак, казаки будут на транспортах отправлены в Евпаторию, а Добровольческий корпус расквартируем по городам и портам Крыма. Все это нужно сделать скорее». За этим последовали вопросы технического характера, не имевшие серьезного значения. Ответив, Главнокомандующий закрыл совещание.

Поведение многих из присутствующих генералов на этом собрании на меня произвело грустное впечатление. То, как с Деникиным говорили Барбович и другие, напоминало отношение прислуги в доме разорившегося барина. Между тем три года эти генералы были полностью подчинены воле Главнокомандующего и относились к нему с почетом и уважением. Победителя не судят! А побежденному забывают былые победы, и ослы лягают его своими копытами. Таков неизменный закон психологии «черни», хотя бы и одетой в генеральские мундиры!

После совещания я немедленно приступил к составлению доклада начальнику штаба генералу Романовскому*.

В этот же день 14 марта вечером я зашел к генералу Романовскому, чтобы представить мой доклад. Начальник штаба был мрачен и, как мне показалось, находился в подавленном состоянии. Когда я подал ему доклад, он, не читая его, сказал: «Мне нездоровится, доложите непосредственно Главнокомандующему».

Я отправился в соседнюю комнату к генералу Деникину. Главнокомандующий прочел доклад и ответил: «В принципе я согласен. Приступайте к реорганизации военной части. Об остальном мы переговорим завтра».

---

* Доклад публикуется в настоящем издании (см. Приложение I).

Рано утром 15-го я собрал начальников тыловых учреждений, Военного управления, штаба Главнокомандующего и показал им схему реорганизации армии. После некоторых возражений начальников тыловых учреждений генерала Вязмитинова и полковника Гонтарева, намечавшегося на должность начальника снабжений, мы пришли к полному соглашению. Я поручил полковнику Коновалову набросать приказ для проведения в жизнь принятого решения.

Все учреждения были сокращены, и личный состав был уменьшен до шестидесяти процентов. В моем Управлении генерал-квартирмейстера я наметил начальником оперативного отделения полковника Германа Ивановича Коновалова, а вместо громоздких учреждений пропаганды, контрразведки, политического отдела и ОСВАГа предполагалось создать Управление 2-го генерал-квартирмейстера с полковником Павлом Евстигнеевичем Дорманом во главе.

Около 7 часов утра 16 марта, когда я вошел в свой служебный кабинет, среди бумаг, принесенных мне от генерала Романовского для исполнения, на первом месте я нашел три приказа, написанных карандашом на клочках бумаги генералом Деникиным. Это были приказы об освобождении генерала Романовского от должности начальника штаба Главнокомандующего, о назначении на его место меня и о роспуске Южно-Русского правительства.

Приказ об освобождении от должности начальника штаба Главнокомандующего генерала Романовского для меня не был неожиданным. Иван Павлович еще в Новороссийске говорил мне, что в Феодосии он покинет свой пост. Против него плелись интриги чуть ли не с первых дней его службы в Добровольческой армии. Честное имя этого благороднейшего человека, неутомимого труженика, образованного и талантливое офицера Генерального штаба, чернилось давно силами, несомненно, принадлежавшими к правым политическим кругам. Романовского называли «злым гением» Деникина. Все неудачи на фронте приписывались Романовскому. Не без греха в этом отношении был и Врангель.

Не было неожиданностью для меня и расформирование Южно-Русского правительства, так как генерал Деникин одобрил мои предложения в докладе от 14 марта 1920 года за № 1927. Правительство Юга России во главе с общественным деятелем Мельниковым было мертворожденным. История его такова: 17 декабря Особое Совецание было упразднено. Вместо него Главнокомандующий образовал правительство из семи членов под председательством генерала Лукомского. Кроме министров, в это правительство были включены начальники снабжения, сообщений, санитарной части и продовольствия.

На роль Главного начальника снабжения при поддержке левых сил был назначен А. В. Кривошеин — правый. Это всех чрезвычайно удивило, особенно самого генерала Деникина, давшего согласие на назначение Кривошеина. Впрочем, кто внимательно следил за карьерой Кривошеина, несомненно умного царского министра, тот не мог не заметить, что в Добровольческой армии он всегда стремился к хозяйственно-коммерческим должностям и работал вместе с известным подрядчиком, инженером путей сообщений Чаевым. Как начальник снабжения Кривошеин оказался ничуть не лучше своих предшественников — генерала Санникова, Энгелке и Кортацци, и никакой пользы Добровольческой армии не принес. Имя Лукомского было настолько однозным, что 27 декабря 1919 года на станции Тихорецкая генерал Деникин заменил его генералом Богаевским. Сдачу своей должности Лукомский затянул, а атаман Донского войска явно тяготился возложенным на него бременем премьер-министра. В конце января 1920 года, когда состоялось соглашение между Верховным Казачьим Кругом и Главным командованием, генерал Богаевский сложил свои полномочия председателя правительства. Образование нового правительства генерал Деникин поручил донскому общественному деятелю Мельникову.

В состав этого правительства вошли: министр военный и морской — генерал Келчевский, министр иностранных дел — генерал Баратов, внутренних дел — В. Ф. Зеелер, юстиции — Краснов, земледелия — Агеев, финансов — Бернацкий, путей сообщения — Зверев, торговли и промышленности — Леонтович, народного просвещения — Сушков, здравоохранения Долгополов и пропаганды — Чайковский.

За исключением Мельникова, Зверева, Леонтовича и Сушкова, я знал всех этих министров. Все они были образованные люди, а Бернацкий к тому же был известен как хороший финансист. Самым умным из всех министров был генерал Келчевский. Он был единственным, понимавшим обстановку и знавшим цену правительству Мельникова. В должность свою он не вступил, а продолжал оставаться начальником штаба Донской армии.

Правительство Мельникова приняло дела 21 февраля 1920 года в Новороссийске и сразу начало готовиться к эвакуации Крыма. Оно прибыло в Севастополь 12 марта. Первая попытка Мельникова вмешаться в деятельность генерала Слащова в связи с расстрелом нескольких рабочих вызвала резкий протест со стороны последнего и генерала Шиллинга. На этом и закончилась деятельность правительства Мельникова.

Узнав 16-го об официальном упразднении министерств и об образовании при Главнокомандующем «делового учреж-

дения» во главе с Бернацким, Мельников спешно прибыл вечером в Феодосию в сопровождении Чайковского и еще нескольких лиц из своего правительства. Все они были взволнованы и просили свидания с генералом Деникиным. Между прочим Чайковский задал Главнокомандующему такой вопрос:

— Скажите, Антон Иванович, что Вас побудило совершить государственный переворот?

Видимо, Чайковский придавал серьезное значение существованию демократического правительства Мельникова и был огорчен, что роспуск его произошел без всяких обычных в таких случаях формальностей.

— О каком перевороте Вы говорите? — спросил Деникин. — Я вас назначил, и я вас распустил.

Через день или два правительство Мельникова почти в полном составе явилось к генералу Деникину, чтобы выразить Главнокомандующему пожелание успеха, а затем министры уехали в Константинополь с надеждой быть вновь призванными к власти, когда в них появится необходимость.

С первых дней прибытия Ставки в Феодосию генерал Слащов просил разрешения генерала Деникина приехать в штаб, чтобы представиться Главнокомандующему. Генерал Деникин просьбу отклонил. 17 марта около 10 часов вечера мне доложили, что Слащов просит меня подойти к телеграфному аппарату. Выползла телеграфная лента с просьбой Слащова: «Доложите Главнокомандующему, что мне необходимо с ним поговорить по важному и неотложному делу». Я спросил, в чем заключается это дело. Слащов продолжал настаивать, чтобы к аппарату подошел генерал Деникин. Когда я об этом доложил Главнокомандующему, он ответил: «Ни в какие разговоры я с ним вступать не намерен, а если он самовольно попытается приехать в Феодосию, то я прикажу его повесить. Так и скажите ему». На выполнение этого поручения мне пришлось потратить много времени. Слащов настаивал на важности личного свидания с Главнокомандующим, а мне нужно было найти форму, чтобы выразить категорический отказ Деникина, да еще с угрозой предания военно-полевому суду в случае появления Слащова в Феодосии.

Уже давно Слащов вел себя двусмысленно в отношении к Главному командованию и держал себя в Крыму как «царек». Он не прочь был захватить власть, но ему до сих пор мешал Врангель. Теперь же Слащов нашел сторонников среди крымской общественности, армянского и татарского населения Крыма и инородческого духовенства. Он решил собрать 23 марта совещание из их представителей,

чтобы предложить Деникину отказаться от власти. В этот заговор Слащов пытался вовлечь и Кутепова, но последний уклонился.

Характерно, что Слащов не указывал лицо, которое должно было бы заместить Деникина. Очевидно, что он считал таковым себя. Однако Слащов упускал из виду Добровольческий корпус и, особенно, Дроздовскую дивизию, глубоко преданную генералу Деникину. В это время на страже безопасности и интересов Главнокомандующего стоял 1-го Дроздовского полка полковник Колтышев, бывший штаб-офицер для поручений при генерале Деникине. Колтышев пользовался большой популярностью в Дроздовской дивизии и особенно в своем полку.

Нормальные взаимоотношения между генералом Деникиным и генералом Кутеповым были поколеблены телеграммой Кутепова от 28 февраля. В этой телеграмме, как цитировалось выше, Кутепов позволил себе предъявить ряд требований Главнокомандующему в отношении мероприятий при эвакуации добровольцев. Несмотря на то, что генерал Деникин отнесся к этому поступку Кутепова в высшей степени мягко и что Кутепов поспешил принести Главнокомандующему свои извинения, объяснив свой необдуманный шаг «нервной атмосферой» и «искренним желанием» помочь генералу Деникину «расчистить тыл», возврата к искренним взаимоотношениям, существовавшим между Главнокомандующим и Кутеповым до этого инцидента, быть не могло.

Во время новороссийской эвакуации продолжали распространяться слухи о том, что готовится переворот. Генерал Хольман, начальник английской военной миссии, несколько раз мне об этом говорил, советуя принять необходимые меры безопасности в отношении Ставки. Более того, он вполне определенно указывал на корниловцев и на их начальника полковника Скоблина, который хотел совершить переворот в пользу Кутепова. Попытка Слащова в первые дни прибытия Кутепова из Феодосии в Севастополь склонить его к участию 23 марта в совещании представителей крымских общественных деятелей, на котором предъявить Деникину требования покинуть свой пост, успеха не имела. Кутепов не только отказался от этого предложения, но 19 марта прибыл в Феодосию и предупредил Деникина о готовящемся совещании. В свою очередь, Кутепов предлагал Деникину вызвать старших войсковых начальников и выяснить отношение войск к Главнокомандующему. В Добровольческом корпусе, считал Кутепов, только одна дивизия вполне надежна — это Дроздовская.

Отвечало ли это действительности, трудно сказать, так как не было никаких фактов, подтверждающих нарушения дисциплины и порядка в других дивизиях, и не было случаев

выражения недоверия Главнокомандующему. Зато Дроздовская дивизия заняла определенную позицию. Она своим поведением продемонстрировала глубокую преданность генералу Деникину.

Во главе этой дивизии, которую в армии называли «Деникинская гвардия», стоял молодой, энергичный и храбрый генерал Витковский. Дивизия Витковского отличалась дисциплинированностью, сплоченностью и верностью идее добровольчества. По существу дела, она была хранителем традиций в Добровольческом корпусе. Душой ее была группа офицеров во главе с командиром 1-го Дроздовского полка полковником Туркулом. Это был человек железной воли, решительный, не знавший сомнений в достижении поставленной цели. Туркула всецело поддерживали: полковник Колтышев, стоявший непосредственно близко к Главнокомандующему в качестве его штаб-офицера для поручений, полковник Ползиков — командир Добровольческой артиллерийской бригады, полковники Манштейн, Харжевский, Тусов, капитан Трофимов и другие. Эта группа офицеров убеждала генерала Деникина не обращать никакого внимания ни на какие происки честолюбцев, желавших захватить власть, и оставаться на своем посту. Туркул и его сподвижники открыто говорили, что они самым жестоким образом расправятся со всеми теми, кто до сих пор пытался подрывать власть Главнокомандующего. Существование этой организации было известно генералу Витковскому, и он вполне разделял взгляды офицеров своей дивизии.

Несомненно, что «заговор» Туркула, конечно, касался и Кутепова, напоминая ему о недопустимости повторения подобного тому, что сделал Кутепов телеграммой от 28 февраля, предъявив Главнокомандующему в ультимативной форме ряд требований.

Витковский оставался по-прежнему дисциплинированным в отношениях с Кутеповым, своим командиром корпуса, но держал себя сдержанно-холодно.

Здесь уместно ответить на вопрос, какую позицию по отношению к генералу Деникину занимал Кутепов после эвакуации из Новороссийска в Феодосию. 19 марта поздно вечером к Деникину явился Кутепов. Их беседа была продолжительной и закончилась очень поздно. О чем говорили Главнокомандующий и командир Добровольческого корпуса, никто не знал.

В Феодосии, в гостинице «Астория», где размещался штаб Главнокомандующего, рано утром 20 марта мне доложили, что генерал Деникин просит меня к себе. Я немедленно пошел в кабинет Главнокомандующего и застал генерала Деникина стоящим посреди комнаты. Очевидно, он ждал моего прихода. Лицо его было бледным и утомленным, глаза лихо-

радожно блестели. Одет он был в серый непромокаемый плащ. Опустив руки в карманы, он ежился от холода.

Я давно знал генерала Деникина еще по нашей совместной службе в 8-й армии генерала Брусилова. Мне доводилось его видеть в самых тяжелых условиях, всегда умеющего владеть собой. Само его присутствие заражало других бодростью и рассеивало всякое уныние. Вот почему вид генерала Деникина меня поразило, и у меня мелькнула мысль, не произошло ли чего-либо серьезного. Поздоровавшись, Главнокомандующий протянул мне клочок бумаги, исписанный карандашом, и сказал:

— Прочтете, и прошу немедленно разослать по назначению.

Я начал читать. Это был приказ о созыве Военного совета на 20 марта ввечер под председательством генерала Абрама Михайловича Драгомирова для выбора нового Главнокомандующего. Для меня это было настолько неожиданно и казалось столь опасным в данный момент, что невольно вырвалось:

— Да это ведь невозможно, Ваше Превосходительство!

Генерал Деникин, обычно приветливый, на этот раз мрачно и категорически возразил:

— Никаких разговоров. Мое решение бесповоротно, я все обдумал и взвесил. Я разбит морально и болен физически. Армия потеряла веру в вождя, я потерял веру в армию. Прошу исполнить мое приказание.

Я доложил генералу Деникину, что лучше назначить прибытие на Военный совет в Севастополь на 21 марта, так как, учитывая обстановку, трудно будет всем членам, особенно из корпуса Слащова, приехать в Севастополь к вечеру 20-го. Я также заметил, что имена некоторых старших начальников были опущены. Генерал Деникин согласился с моими доводами. Мы вместе составили телеграмму в несколько иной редакции, и мне ничего не оставалось, как исполнить приказ Главнокомандующего.

Возвратившись в свою рабочую комнату, я пригласил генерал-квартирмейстера полковника Германа Ивановича Коновалова и протянул ему приказ. Он прочел его и, широко открыв глаза, сказал: «Ничего не понимаю. Впрочем, в минувшую ночь у Главнокомандующего долго сидел Кутепов и о чем-то с ним говорил». О чем они говорили, Коновалов не знал, не знал и я, но догадывался, что дело касалось построения добровольцев и их отношении к генералу Деникину.

Коновалов ушел к себе для шифровки и рассылки приказа. Я остался один. Работать было трудно. Неизбежность ухода от власти Деникина меня страшила. Заменить его никто, казалось, не мог. Неужели рассчитывал занять пост Главнокомандующего Кутепов? И я вспомнил, как в Ново-

российске начальник английской военной миссии генерал Хольман предупреждал меня 11 марта о готовящемся перевороте добровольцев в пользу генерала Кутепова и настаивал на немедленном перемещении поезда Главнокомандующего на цементную пристань под охрану английских войск. Я вспомнил, как 12 марта генерал Хольман сообщил мне о попытке добровольцев (корниловцев?) сменить английские караулы своими на цементной пристани.

Вечером 20-го я представился генералу Деникину и отправился на вокзал, чтобы следовать в Севастополь на Военный совет, членом которого я был назначен Главнокомандующим. Меня сопровождал Генерального штаба полковник Аметистов, назначенный мною делопроизводителем Военного совета. В моем вагоне уже был генерал Абрам Михайлович Драгомиров и другие члены Совета от гарнизона города Феодосии. Поезд отошел в 9 часов вечера. В 5 часов утра 21 марта мы были разбужены музыкой военного оркестра на станции Джанкой. Это к нашему поезду присоединился поезд генерала Слащова с членами Военного совета его корпуса.

В 2 часа дня 21 марта поезд прибыл в Севастополь. Вечером, кажется в 7 часов, было назначено собрание Военного совета во дворце Командующего флотом.

К назначенному времени я подходил к подъезду дворца. Наступали сумерки. У дворца я увидел довольно многочисленный военный отряд из Дроздовского полка. Я спросил первого встречного штаб-офицера, что значит присутствие такой вооруженной силы, так как будучи начальником штаба, я отлично знал, что в Севастополе было совершенно спокойно, и что никаких распоряжений о чрезвычайной охране Военного совета не делалось. Он мне ответил: «Для охраны такого высокого собрания».

Члены Военного совета собрались в первом этаже в большом зале дворца, окна которого смотрели на бухту. Во всю длину зала стоял большой стол, накрытый зеленым сукном. Генерал Драгомиров занял место председателя, спиной к окнам и лицом к входным дверям. Правее него сел я, рядом со мной расположился Кутепов с членами Совета Добровольческого корпуса. По левую руку от генерала Драгомирова, оставив несколько стульев свободными, поместился генерал Слащов с членами Военного совета своего корпуса. Напротив генерала Драгомирова, с другой стороны стола, сгруппировались члены Совета от флота с Командующим во главе.

Генерал Сидорин с другими казачьими генералами собрались в стороне от стола, хотя за столом было много места. Рядом с ним у стены разместились кубанцы с генералом Улагаем во главе.

Пока занимали места в зале, в коридоре раздавался шум голосов охраны и лязг оружия. Кто-то из членов Военного совета встал из-за стола, подошел к двери и сказал:

— Эй, вы, потише там!— и запер плотно дверь.

Наступила тишина. Генерал А. М. Драгомиров прервал молчание словами:

— Господа, объявляю собрание Военного совета открытым.

Затем, не прибегая к обычной проверке полномочий членов, громко, внятным голосом, отчеканивая каждое слово, сказал приблизительно следующее: Главнокомандующий генерал-лейтенант Деникин категорически решил покинуть свой пост. На основании его приказа мы должны избрать нового Главнокомандующего.

Генерал Драгомиров замолчал, как бы ожидая что-либо услышать в ответ на эти слова. Снова наступила полная тишина. Я обернулся направо и посмотрел на Кутепова. Он сделал движение, словно хотел встать, но потом занял прежнее положение и продолжал сидеть, опустив голову. Сидорин нагнулся и что-то тихо сказал рядом сидевшему с ним генералу Келчевскому. Тот, глядя на Кутепова, улыбнулся. Генерал Драгомиров оглядел всех, ожидая ответа, и произнес:

— Господа, прошу высказываться.

Минута всеобщего молчания... Вдруг встал генерал Слащов, одетый в черную черкеску с белым расшитым галунами башлыком и, повернувшись спиной к генералу Драгомирову, размахивая широкими рукавами черкески, стал развязно говорить:

— У нас нет выборного начала. Мы не большевики, это не Совет солдатских депутатов. Пусть генерал Деникин сам назначит, кого он хочет, но нам выбирать непригоже.

— Верно, верно!— стали поддерживать Слащова члены Совета его корпуса. Другие были безразличны. Только среди кубанцев кое-кто перешептывался. Генерал Драгомиров тоном начальника довольно резко заметил, что Военный совет не имеет в виду «выбирать», а должен назвать имя того, кто достоин занять пост Главнокомандующего.

Лицо Слащова исказилось нервной, неприятной гримасой, и он продолжал:

— Назвать имя— значит выбирать. Мы этого не можем сделать. Сегодня будем выбирать мы, а завтра станут смещать нас и выбирать на наше место.

Генерал Драгомиров вновь, как бы отдавая приказ, отчеканивая каждое слово, довольно грубо остановил Слащова и попросил прекратить рассуждения о «выборах» и исполнить приказ Главнокомандующего, то есть назвать имя заместителя.

Слащов повернулся в сторону Драгомирова. Лицо его обезобразилось презрительной улыбкой безусого рта. Он широким взмахом руки закинул далеко за плечо конец башлыка и, повернувшись спиной к председателю Совета, сел на стул. В зале все стихло, но в коридоре были слышны шепот и шум голосов «охраны».

Со стороны правее Кутепова встал молодой небольшого роста генерал, с румяным лицом, одетый строго по форме и с иголки. Это был начальник Дроздовской дивизии Витковский. Он звонким, приятным голосом заявил:

— Нам не нужно нового Главнокомандующего. Мы хотим, чтобы генерал Деникин продолжал оставаться. Мы хотим, чтобы генерал Деникин продолжал оставаться на своем посту.

— Просить генерала Деникина! Да здравствует генерал Деникин! Ура, генералу Деникину! Ура! — раздался всеобщий крик и шум.

— Ура, генералу Деникину! — повторяли многочисленные голоса. Лица большинства оживились. Генерал Улагай что-то горячо говорил своему соседу, кажется, Топоркову. Другая небольшая группа кубанцев как бы протестовала. Донцы и моряки были безразличны. Группа Слащова, казалось, сочувствовала добровольцам-дроздовцам. В коридоре раздавался шум голосов «охраны». Кутепов продолжал сидеть мрачно, не меняя позы, не проронив ни одного слова, не сделав ни одного движения. Генерал Драгомиров явно выходил из себя. Лицо его налилось кровью, и он тоном начальника резко стал призывать к порядку.

Когда наступило успокоение, он опять, отчеканивая каждое слово, точно слова команды, повторил: «Генерал Деникин мне сказал, что его решение категорическое и бесповоротное. Я прошу, господа, приступить к делу исполнения приказа Главнокомандующего и назвать имя заместителя генерала Деникина».

В это время в группе Добровольческого корпуса кто-то опять громко крикнул:

— Да здравствует генерал Деникин! Просить генерала Деникина по аппарату изменить свое решение!

— Просить! Просить! — раздавались голоса в разных концах зала. Только моряки казались безучастными, да среди кубанцев было какое-то замешательство.

Лицо генерала Драгомирова побагровело от непривычного для него неповиновения. Он еще раз повторил, что решение, принятое генералом Деникиным, непоколебимо. Однако настойчивые возгласы с требованием просить Главнокомандующего по аппарату изменить свое решение и продолжать оставаться на своем посту вынудили Драгомирова поручить делопроизводителю совета Генерального штаба

П. С. Мауров с супругой М. А. Мауровой. Каннны, июнь 1962 г.

полковнику Аметистову доложить Главнокомандующему по аппарату через полковника Колтышева пожелание Военного совета.

Полковник Аметистов ушел на телеграф. В зале Совета наступило успокоение. Члены его вполголоса переговаривались.

Через минут двадцать возвратился с телеграфа Аметистов с лентой.

Полковник Колтышев, штаб-офицер для поручений при Главнокомандующем, передавал, что генерал Деникин остается при своем решении. Прочтя ленту телеграфного разговора, Драгомиров торжествующим тоном сообщил Военному совету о неизменности решения Главнокомандующего.

В зале наступила тишина. Томительное молчание длилось несколько минут. Молчал и Драгомиров, вопросительно оглядывая членов Военного совета.

Вдруг встал сидевший как раз напротив меня начальник штаба флота капитан 1-го ранга Рябинин и спокойно произнес:

— Мы должны назвать имя того, кто мог бы заменить генерала Деникина. Я не сомневаюсь, что это имя теперь у вас на уме. Это генерал Врангель!

Моряки оживились. Раздалось несколько голосов:

— Да, генерал Врангель.

Рябинин сел. Наступило опять молчание. Генерал Драгомиров, казалось, преобразился, точно он только и ждал, чтобы услышать имя Врангеля, и поспешно громко произнес:

— Итак, господа, генерал Врангель?

Общее молчание. Вдруг капитан 1-го ранга Рябинин подержал Драгомирова, громко крикнув:

— Да здравствует генерал Врангель!

Только несколько нерешительных голосов в зале повторили имя Врангеля, и наступило гробовое молчание. Ощущилась какая-то неловкость. Ясно было, что кандидатура Врангеля не вызывает одобрения. Тем не менее Драгомиров поторопился закрыть заседание без баллотировки имени Врангеля и поручил полковнику Аметистову доложить по телеграфу через полковника Колтышева генералу Деникину о результате решения Военного совета.

Члены Военного совета начали расходиться. Генерал Драгомиров предложил мне остаться для ознакомления с протоколом заседания. Я ответил ему, что для этой цели есть полковник Аметистов, и, чувствуя себя нездоровым, ушел к себе в гостиницу, где сразу лег. Был ли составлен протокол заседания Военного совета 21 марта, мне не известно, но во всяком случае он мне на подпись предъявлен не был.

Дроздовцы еще раз пытались по аппарату через полковника Колтышева просить Главнокомандующего не покидать свой пост. Они умоляли генерала Деникина об этом, покрыв телеграфную ленту многочисленными подписями, но на подпись Кутепову ленту не предложили.

. . .

Рано утром 22 марта в Севастопольскую бухту прибыл на английском военном корабле «Император Индии» генерал Врангель в сопровождении Шатилова. Командующий нашим флотом немедленно выслал катер, дабы перевезти генерала Врангеля на русский крейсер «Генерал Корнилов».

Полковник Аметистов, побывавший на пристани, доложил мне, что Врангель прибыл очень обеспокоенным и настолько взволнованным, что у него началось сердцебиение, и он сразу лег отдохнуть. Первым, кого он пожелал видеть, был генерал Абрам Михайлович Драгомиров. О чем они беседовали, мне не было известно. Генерал Драгомиров оповестил членов Военного совета, чтобы они собрались в зале Большого дворца после полудня, кажется, к двум часам дня.

В назначенное время я вошел в зал, где накануне происходил Военный совет. Членов оказалось значительно меньше, так как группа Слашова и еще кто-то успели уехать. Члены Совета интересовались содержанием приказа генерала Деникина, которым он утром 22 марта назначил генерала Врангеля Главнокомандующим.

Вдруг вошел Врангель, сопровождаемый Шатиловым и Драгомировым. На лице Врангеля было написано смущение. Видно было, что он волновался. В движениях его чувствовалась какая-то неловкость. Но он быстро овладел собой, приветливо, несколько торопливо поздоровался с членами Военного совета и попросил членов, пользовавшихся правами не ниже командира корпуса, перейти в соседнюю небольшую угловую комнату. Все присутствующие в зале переглянулись, не понимая, что это значит.

Приглашенные вошли в небольшую комнату с одним окном, выходившим на бухту, и сгруппировались вокруг круглого стола. Врангель стоял, оглядывая присутствующих, которых было свыше двадцати человек*. Все стояли. Врангель попросил закрыть дверь комнаты. Кто-то исполнил просьбу. Наступило молчание.

---

* Генерал Драгомиров, адмирал Герасимов, генерал Богаевский, генерал Сидорин, генерал Келчевский, генерал Махров, Вязьмитинов, Покровский, Шатилов, Турбин, Топорков, Юзефович, Шиллинг, Кутепов, Улагай, Ефимов, адмирал Евдокимов, генерал Строгов и другие.

Врангель вынул из-за борта черкески бумагу и сказал:

— Господа, одновременно с моим назначением на пост Главнокомандующего, я получил документ, врученный английским правительством генералу Деникину и переданный мне. Англичане решили прекратить нам всякую военную помощь и предлагают свое посредничество для заключения мира с большевиками. Как поступить? Я принял решение. Но я хотел бы узнать и ваше мнение по этому вопросу*.

Генерал Врангель продолжал стоять, явно волнуясь и оглядывая присутствующих, как бы желая прочитать на их лицах, что они думают. Наши взоры встретились, и я сказал:

— Пока мы имеем хоть один шанс, войну продолжать нужно!**

— Это и мое решение, — ответил Врангель и тут же приказал набросать ответ английскому правительству. Сущность этого ответа, как я занес в свою записную книжку, заключалась в том, что Врангель предоставлял англичанам вести переговоры с большевиками о заключении перемирия, но при условии, чтобы английское правительство продолжало оказывать нам материальную помощь в течение не менее двух месяцев. Наброски ответа английскому правительству в русской редакции были прочитаны присутствующим.

Кто-то из генералов, кажется Покровский, крикнул:

— Правильно! Надо продолжать войну! Черт с ними, с англичанами, обойдемся и без них.

— Итак, господа, будем готовиться к войне против красной нечисти. А теперь прошу вас подписать протокол заседания нашего Военного совета***.

Протокол подписали все.

Генерал Врангель тщательно сложил подписанный протокол Малого военного совета и положил его за борт черкески.

Вскоре после этого я покинул комнату, где происходило собрание, и с Драгомировым отправился на крейсер «Генерал Корнилов». В этот же день, 22 марта, генерал Врангель отдал приказ**** о своем вступлении в должность Главноко-

---

* Текст приведен по книге генерала Врангеля.

** Этот важный момент в ходе второго совещания старших начальников генерал П. Н. Врангель описывает так: «Все молчали. Наконец генерал Махров стал говорить о том, что как бы безвыходно ни казалось положение, борьбу следует продолжать — «пока у нас есть хоть один шанс из ста, мы не можем сложить оружия».

Генерал П. Н. Врангель. Воспоминания. Ч. 2. С. 9. (примечание — Н. Р.).

*** Этот Совет 22 марта современники назвали «Малым военным советом» в отличие от Военного совета 21 марта, созданного по приказу генерала Деникина, который получил название «Большого военного совета».

**** Приказ № 2900, Севастополь.

мандующего. Я же его приказом был сохранен в занимаемой должности начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России.

Вечером 22 марта генерал Деникин, простившись со своим конвоем и охраной офицерской роты штаба Главнокомандующего на английском миноносце, проследовал в Константинополь. Таким образом, я не имел возможности проститься со своим любимым Главнокомандующим.

Генерал-лейтенант Махров
Канны, 1953 год — май 1954 года.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

Биографический справочник и указатель имен составлены Н. Н. Рутычем при ближайшем участии К. В. Махрова. Составители благодарят за справки и ценные указания: А. Б. Арсеньева (Нови Сад), В. Г. Бортневского (С.-Петербург), С. В. Волкова (Москва), княжну В. С. Оболенскую (Ницца), Н. М. Янова (Париж).

Имея в виду неполноту сведений в ряде биографий, составители будут благодарны за все дополнения и замечания.

Примечания

— С 26 декабря 1918 г. ген. Дешкин возглавил Вооруженные Силы Юга России — у нас ВСЮР.

— С 1909 г. Николаевская академия Генерального штаба получила название «Императорская Николаевская военная академия» — у нас: Николаевская военная академия.

АЗИН Владимир Мартинович (1895—1920). Участник первой мировой войны. Латышский стрелок. Командир латышского коммунистического отряда, подавившего в 1918 г. восстание рабочих в Ижевске. После этого был назначен начальником 28-й стрелковой дивизии. В феврале 1920 г., во время боев на реке Маныч, захвачен в плен белыми и расстрелян 18 февраля 1920 г.

АМЕТ Жан Франсуа (1861—1930), вице-адмирал. В ноябре 1918 г. — командующий Союзным флотом, вошедшим в Черное море после капитуляции Турции. В конце ноября 1918 г. высадил десантные войска в Севастополь, Одессу и другие порты Черного моря. В апреле 1919 г. эвакуировал Одессу (бросив на произвол судьбы Добровольческую бригаду генерала Тимоновского и многочисленных беженцев) и Севастополь. Находясь под впечатлением волнений матросов французской эскадры, требовавших возвращения в Тулон, не оказал серьезного сопротивления слабым частям Красной Армии. Отозван во Францию в мае 1919 г.

АМЕТИСТОВ Тихон Александрович (? — 1941), полковник Генерального штаба. Окончил два класса Николаевской академии Генерального штаба в 1914 г. Во время первой мировой войны — капитан Ген. штаба, и. д. начальника штаба 9-й кавалерийской дивизии. В Крымско-Азовской Добровольческой армии с конца 1918 г. — начальник разведывательного отдела штаба армии. В эмиграции во Франции с 1922 г. Скопался в Париже и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

АНДРЕЕВ Михаил Никонорович (1867 — ?), генерал-майор. Окончил Михайловское артиллерийское училище и Михайловскую артиллерийскую академию. Участник первой мировой войны — командир 50-й артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В 1919 г. — в распоряжении штаба Главнокомандующего ВСЮР.

д'АНСЕЛЬМ Филипп (1864—1936), дивизионный генерал. Окончил Военную академию в 1893 г. С января по апрель 1919 г. — командующий союзными войсками в районе Одессы. Его непосредственный начальник — главнокомандующий Дунайской армией генерал Бертелло в своей характеристике писал о нем 3 мая 1919 г.: «Командуя с января по апрель оккупационными войсками в Одессе в критических обстоятельствах, он делал что мог с теми ограниченными частями, которыми он располагал. Как мне кажется, он действовал весьма легкомысленно и предоставлял своему начальнику штаба принимать недостаточно продуманные решения».

АСТРОВ Николай Иванович (1863—1934). Член ЦК партии кадетов, Московский городской голова (1917) и председатель Главного комитета Союза городов. После Октябрьского переворота — один из учредителей Союза Возрождения России и Национального центра. Член Уфимской директории, но остался им номинально, так как, прибыв в Екатеринбург, вошел в состав Особого Сопещения при ген. Деникине. Один из ведущих лидеров Национального центра в 1919 г. В эмиграции жил в Праге, где и умер в 1934 г. Автор «Воспоминаний», Париж, 1940.

БАБИЕВ Гаврил Федорович (?—1920), генерал-лейтенант. Окончил Ставропольское юнкерское училище и Офицерскую кавалерийскую школу. Участник первой мировой войны. В 1916 г. — полковник. В Добровольческой армии со времени первого Кубанского похода. Во втором Кубанском походе — командир Корниловского конного полка в 1-й конной дивизии ген. Врангеля. Полковник. В 1919 г. — генерал-майор и начальник 3-й Кубанской дивизии во 2-м Кубанском корпусе ген. Улагая. Тяжело ранен в голову при переправе через Есауловский Аксай 24 мая 1919 г. В Русской армии ген. Врангеля — начальник Кубанской казачьей дивизии. Участник десанта ген. Улагая на Кубань. Убит снарядами 30 сентября 1920 г. во время заднепровской операции, будучи командиром конной группы.

БАРАТОВ Николай Николаевич (1865—1932), генерал от кавалерии. Окончил 2-е военное Константиновское училище, Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1891). Участник русско-японской войны. Командир 1-го Сунженско-Владикавказского полка. В 1905 г. — генерал-майор Генерального штаба за боевые отличия. В первой мировой войне — начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии и командующий группой войск на Кавказском фронте. С 1916 — командующий Отдельным экспедиционным корпусом в Персии. С 1918 — представитель Добровольческой армии и ВСЮР в Закавказье. Тяжело ранен (ампутирована нога) во время покушения на него 13 сентября 1919 г. В марте — апреле 1920 г. — Управляющий Министерством иностранных дел в Южно-Русском правительстве Мельникова. В эмиграции с 1920 г. занимался по поручению генерала Врангеля помощью военным инвалидам. С 1930 и до смерти — Председатель Зарубежного Союза русских военных инвалидов и главный редактор ежемесячной военно-научной и литературной газеты «Русский инвалид», выходившей с февраля 1930 г. Скончался в Париже 22 марта 1932 г. Похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

БАРБОВИЧ Иван Гаврилович (1874—1947). Окончил Елизаветградское кавалерийское юнкерское училище в 1896 г. Участник русско-японской и первой мировой войн. Георгиевский кавалер (награжден 31 июля 1916). В 1917 г. — полковник и командир 10-го гусарского Ингерманландского полка. В Добровольческой армии — командир 2-го конного генерала Дроздовского полка. Во ВСЮР последовательно: командир 1-й бригады 1-й кав. дивизии, командир этой дивизии и генерал-майор. 18 декабря 1919 г. вступил в командование 5-м кавалерийским корпусом. В Русской армии — командир конной дивизии, а затем сводного конного корпуса. Генерал-лейтенант. При переформировании Русской армии, после эвакуации из Крыма, назначен ген. Врангелем командиром 1-й сводной кавалерийской дивизии. В эмиграции в Белграде — председатель Объединения кавалерии и конной артиллерии. Перед второй мировой войной — начальник IV отдела Русского Общевоинского Союза (Белград). Скончался 21 марта 1947 г. в Мюнхене (Германия).

БАСКАКОВ Вениамин Иванович (1861—1941), генерал-лейтенант. Окончил Николаевскую академию Ген. штаба. В 1886—90 гг. — старший адъютант штаба 1-го армейского корпуса, а затем штаба Киевского военного округа. В 1892—95 гг. — в запасе. С 1898 г. по 1904 г. — профессор Николаевской академии Ген. штаба. Читал курс истории наполеоновских войн. Участник русско-японской войны. Генерал-майор Генерального штаба с 1905 г. «за боевые отличия». После русско-японской войны вышел в отставку. В 1920 г. — представитель Терского казачьего войска на Верховном Круге в Екатеринодаре. Генерал-лейтенант. В эмиграции после эвакуации Новороссийска в марте 1920 г. Скончался в Белграде (Югославия) 11 февраля 1941 г.

БАТЮШИН Николай Степанович (1874—1957), генерал-майор Ген. штаба. Окончил Астраханское реальное училище, Михайловское артил-

лерийское училище и Николаевскую военную академию Ген. штаба (1899). Участник русско-японской войны — помощник ст. адъютанта Управления генерал-квартирмейстера 2-й Маньчжурской армии. Перед первой мировой войной — старший адъютант штаба Варшавского военного округа, стоявший во главе русской разведывательной службы этого округа. Фактически на этой же должности оставался, будучи во время войны генералом для поручений при Главнокомандующем армиями Северного фронта. Генерал-майор с декабря 1915. В начале 1917 г. возглавил комиссию по борьбе со шпионажем при штабе Северного фронта. В Белом движении — с конца 1918 г. Состоял при начальнике штаба Крымско-Азовской армии генерале Пархомове, затем в распоряжении штаба ВСЮР. Эвакуировался с армией ген. Врангеля и проживал в Белграде. Автор книги «Тайная военная разведка и борьба с ней» (София, 1939), являющейся изданием лекций ген. Батюшина на Зарубежных Высших Военно-Научных курсах ген. Головина в 1933—38 гг. Во время второй мировой войны выехал в Бельгию, где и скончался в доме для престарелых в Брен Ле Комт.

БАФТАЛОВСКИЙ Адам Иванович (1850—?). Офицер с 1871 г., произведен в полковники в 1904 г. С 1907 г. — в отставке. Тесть Петра Семеновича Махрова.

БЕЛОЗЕР Юлиан Юлианович (1862—?), генерал-лейтенант. Окончил Виленское реальное училище, Виленское пехотное юнкерское училище и Офицерскую стрелковую школу. Участник русско-японской войны. В 1909—1912 гг. — командир 207-го пехотного полка, а затем — 10-го Сибирского стрелкового. В 1913 г. произведен в генерал-майоры и назначен генералом для поручений при командующем Приамурским военным округом. В первой мировой войне — начальник 2-й стрелковой дивизии, входившей в 40-й армейский корпус. Генерал-лейтенант с 1915 г.

БЕРНАЦКИЙ Михаил Владимирович (1876—1945), профессор-экономист, кадет, гласный Петроградской городской думы. В 1917 г. — управляющий отделом труда Министерства торговли и промышленности Временного правительства, министр финансов в последнем коалиционном Временном правительстве. В 1919 г. — управляющий финансами в Особом Совещании при Главнокомандующем ВСЮР. В феврале 1920 — министр финансов Южно-Русского правительства и до принятия ген. Врангелем поста Главнокомандующего ВСЮР — начальник Гражданского управления. В Правительстве Юга России ген. Врангеля — начальник Управления финансов. В эмиграции проживал в Париже, где был руководителем Российского центрального объединения.

БЕРТЕЛЛО Аирн (1861—1931), полный генерал. Окончил Военную академию в 1893 г. В 1915 г. — дивизионный генерал и командир 32-го армейского корпуса. С октября 1916 г. по апрель 1918 г. — глава французской военной миссии в Румынии, где действовал в тесном сотрудничестве с фактическим главнокомандующим Румынским фронтом генералом Щербачевым. По возвращении во Францию командовал 5-й армией. В октябре 1918 г. назначен Главнокомандующим французским экспедиционным корпусом на Балканах. После капитуляции Германии в ноябре 1918 г. вернулся в Румынию, номинально командуя Дунайской армией. До начала 1919 г. находился со своим штабом в Бухаресте. Отозван во Францию и назначен командующим в Лотарингии. С 1922 г. по 1926 г. — член Верховного Военного Совета. Скончался в Париже.

БЕРХМАН Георгий Эдуардович (1854—1929), генерал от инфантерии. Окончил 2-ю Московскую военную гимназию, первое военное Павловское училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1881). Участник русско-турецкой (кампания 1877—1878 гг.) и первой мировой войн. Всю службу прошел по Генеральному штабу в Кавказском военном округе, за исключением 1893—1899 гг., когда был командиром 257-го пехот-

ного Потийского и 81-го пехотного Апшеронского полков. С 1907 по 1913 гг. — начальник штаба Кавказского округа. В начале первой мировой войны — командир 1-го Кавказского корпуса на Турецком фронте. После Саракмышской операции, зимой 1914—15 гг., сдал корпус и находился в распоряжении главнокомандующего Кавказской армией. В ноябре 1916 г. — командир 40-го корпуса на Юго-Западном, а потом на Румынском фронтах. В Добровольческой армии и во ВСЮР — в распоряжении Главнокомандующего. Выехал с Русской армией в Константинополь, а затем в Болгарию. В 1922 г. проживал в Софии, откуда переехал во Францию. Возглавлял отделение РОВСа в Марселе, где и скончался 2 февраля 1929 г. 9 марта 1930 г. Его прах был перенесен на русское кладбище Кокад в Ницце.

БОГАЕВСКИЙ Африкан Петрович (1872—1934), генерал-лейтенант Ген. штаба, донской атаман. Окончил Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1900). Проходил службу в войсках Гвардии и Петербургского военного округа. Участник первой мировой войны. Выступил на фронт, будучи начальником штаба 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии, затем командовал 4-м гусарским Мариупольским полком и лейб-гвардии Сводно-казачьим полком. Генерал-майор с марта 1915 г. С октября 1915 до апреля 1917 — начальник штаба Походного атамана всех казачьих войск Великого Князя Бориса Владимировича. С апреля 1917 г. — начальник Забайкальской казачьей дивизии. Георгиевский кавалер. В конце 1917 г. — начальник 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. В декабре 1917 прибыл на Дон. В январе 1918 назначен ген. Калединым командующим войсками Ростовского района. В Добровольческой армии с самого начала. Участник 1-го Кубанского похода. Командир партизанского полка, а затем 2-й бригады. С мая 1918 — председатель Донского правительства. Генерал-лейтенант. 6 февраля 1918 г. избран войсковым атаманом Всевеликого Войска Донского вместо генерала П. Н. Краснова. Оставаясь Донским атаманом до самой смерти, ген. Богаевский был назначен ген. Деникиным в январе 1920 председателем Южно-Русского правительства. В марте 1920 г. он прибывает в Крым и остается при ген. Врангеле до эвакуации в ноябре. Во время пребывания в Константинополе по инициативе ген. Богаевского был создан Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека. В конце октября 1922 г. ген. Богаевский переехал в Белград, а в 1923 — в Париж, где активно сотрудничал с Главным командованием РОВСа. Скончался в Париже 21 октября 1934 г. и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа. Оставил воспоминания «Ледяной поход», изд. «Союза первоходников», Нью-Йорк, США, 1963.

БОГДАНОВ Николай Николаевич (?), министр внутренних дел Крымского краевого правительства. Кадет, земец, депутат 2-й Государственной Думы от Рязанской губернии. После Февральской революции назначен Временным правительством комиссаром в Таврической губернии. В Добровольческой армии с самого начала. Участник 1-го Кубанского похода при генерале Корнилове в качестве казначея Добровольческой армии. По возвращении в Симферополь ходатайствовал перед командованием Добровольческой армии осылке войск в Крым после поражения Германии в ноябре 1918 г. При формировании Крымского краевого правительства 15 ноября 1918 г. вошел в него в качестве министра внутренних дел. В связи с эвакуацией французским командованием Севастополя и отходом Крымско-Азовской армии на Ак-Манайские позиции Крымское крайнее правительство погрузилось 10 апреля 1919 г. на транспорт «Трапезунд» с тем, чтобы эвакуироваться в Константинополь. В отличие от своих коллег, Н. Н. Богданов и военный министр генерал Бутчик воспользовались небольшим судном, идущим в Туапсе, и прибыли в Ставку Главнокомандующего ВСЮР — к ген. Деникину в Екатеринодар. Летом 1919 г. Н. Н. Богданов был послан ген. Деникиным

к адмиралу Колчаку в Сибирь, куда он благополучно добрался. После падения правительства Колчака Н. Н. Богданов через Владивосток переехал во Францию.

БОЛХОВИТИНОВ Леонид Митрофанович (1871—?), генерал-лейтенант Ген. штаба. Окончил курс Московского пехотного юнкерского училища и Николаевскую академию Ген. штаба (1898). Участник русско-японской войны. Штаб-офицер для поручений при начальнике штаба Главнокомандующего на Дальнем Востоке. В 1905 г. — полковник «за боевые отличия». В 1911 г. — командир 90-го пехотного Онежского полка. В первой мировой войне — сначала генерал-квартирмейстер, а затем начальник штаба Кавказской армии. При отходе войск бывшей Кавказской армии на Кубань в 1918 г., значительная часть которых была включена в войска Кубанской Советской республики, ген. Болховитинов был мобилизован на службу в качестве начальника штаба при командующем этими войсками Сорокине. В 1918 г. был взят в плен белыми и предан военно-полевому суду Добровольческой армии, приговорившему его к смертной казни. Ген. Деникин заменил приговор суда разжалованием ген. Болховитинова в рядовые, в качестве которого он и прослужил больше года. За отличие в боях ген. Деникин восстановил Болховитинова в чине генерала. По предложению Кубанского атамана Букретова ген. Болховитинов принял в начале 1920 г. должность начальника его штаба. В Русской армии ген. Врангеля командовал одно время сводным отрядом из юнкерских училищ. После эвакуации Русской армии из Крыма занимал должность инспектора классов Алексеевского военного училища сначала в Галлиполи, а затем, в 1922—23 гг., в Тырново, Болгария.

БОРОВСКИЙ Александр Александрович (1877—1937), генерал-лейтенант. Окончил Павловское военное училище, неполный курс Николаевской академии Генерального штаба (1903). Участник первой мировой войны. Командир 8-го Сибирского полка. В Добровольческой армии с самого начала. Командир студенческого батальона, а затем начальник 2-й пехотной дивизии в 1918 г. С января 1919 г. — командующий Крымско-Азовской Добровольческой армией. После расформирования этой армии — главнокомандующий Закаспийской области. Выслан ген. Врангелем из Крыма за интриги против Главнокомандующего вместе с генералами Покровским, Постовским, Сидориним и др. Проживал в эмиграции в городе Скопле, Югославия, где и умер в 1939 г.

БРЕДОВ Николай Эмильевич (1883—?), генерал-лейтенант Ген. штаба. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, 2-е Константиновское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1901). Участник русско-японской и первой мировой войн. Штаб-офицер для поручений при штабе 10-го армейского корпуса в 1905 г. Подполковник «за боевые заслуги». В 1908 г. полковник. Начальник штаба 44-й пехотной дивизии. В 1915 г. — генерал-майор. Генерал-квартирмейстер штаба армий Северного фронта. В 1917 г. — генерал-лейтенант, командующий 21-м армейским корпусом. В Добровольческой армии с 1918 г. В 1919 г. — начальник 7-й пехотной дивизии. Участвовал во взятии Царицына. В конце 1919 г. — командующий 2-м корпусом и группой войск ВСЮР на правобережной Украине. В силу поспешной эвакуации Одессы вынужден был со своей группой отступить к Тирасполю, откуда из-за отказа Румынии пропустить через границу совершил т. н. «Бредовский поход» в Польшу, где соединился с польскими войсками. Войска ген. Бредова были интернированы в Польше и частично возвращены в Русскую армию ген. Врангеля уже накануне эвакуации Крыма. Ген. Бредов жил в эмиграции в Болгарии, где в 1930 г. «состоял в распоряжении» председателя РОВСа.

БРЕСЛЕР Владимир Петрович (1874—?), генерал-майор Ген. штаба. Окончил 2-е Военное Константиновское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1904). В 1916 г. — начальник штаба 32-й пе-

хотной дивизии. Генерал-майор. Выехал в Константинополь из Полтавы через Одессу в начале 1919 г., где и оставался до 1922 г.

БРИНКЕН Александр Фридрихович, барон, фон деи (1859—1917), генерал от инфантерии по Ген. штабу. Окончил Полоцкую военную гимназию, Павловское военное училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1886). Участник русско-японской и первой мировой войн. В 1904 г. — начальник штаба 1-го Сибирского армейского корпуса. С сентября 1908 г. — начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. Генерал-лейтенант. С августа 1912 г. и вплоть до революции 1917 г. — командир 22-го Финляндского армейского корпуса. Георгиевский кавалер. Генерал от инфантерии с декабря 1914 г. Скоропостижно скончался на фронте в 1917 г.

БРУСИЛОВ Алексей Алексеевич (1853—1926), генерал от кавалерии. Окончил Пажеский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Участник русско-турецкой (1877—1878) и первой мировой войн. В 1914 г. — командующий 8-й армией на Юго-Западном фронте. С февраля 1916 г. — главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. Подготовил и осуществил наступление армий своего фронта в мае 1916 г., известное как Брусиловский прорыв. В мае—июне 1917 г. — Верховный Главнокомандующий Русской армией. В мае 1920 г. согласился принять должность председателя Особого Совещания при Главнокомандующем вооруженными силами Республики ради спасения бывших офицеров от преследований и террора. Жестоко раскаивался в своих секретных мемуарах, оставленных в Пражском архиве его супругой, в том, что согласился на предложение занять должность председателя Особого Совещания, ибо считал себя обманутым заместителем Троцкого — Склянским, после того как узнал о массовых расстрелах Белой Куном в Крыму оставшихся там офицеров врангелевской армии, поверивших в амнистию. Скончался в Москве.

БУБНОВ Александр Дмитриевич (1883—1963), контр-адмирал. Окончил Морской корпус в 1902 г. Во время русско-японской войны участвовал в Цусимском сражении на эскадре адмирала Рожественского. Был тяжело ранен. После войны окончил Николаевскую морскую академию и служил в Морском Генеральном штабе, где в 1911 г. опубликовал свою книгу «Высшая тактика». Во время первой мировой войны находился в штабе Верховного Главнокомандующего и занимал должность начальника Морского управления в Ставке. Во время гражданской войны был включен в состав русской делегации на Версальскую мирную конференцию, возглавляемую С. Д. Сазоновым. Вернулся к генералу Деникину и был назначен на пост начальника штаба Черноморского флота. Был уволен ген. Деникиным 8 февраля 1920 г. за поддержку кандидатуры ген. Врангеля на место командовавшего в Крыму ген. Шиллинга. В эмиграции жил в Югославии, где в течение 20 лет был ординарным профессором Югославской Морской Академии и состоял членом Русского Научного Института в Белграде. В Югославии вышла его трехтомная монография «История военно-морского искусства» (1931—1933). В издательстве имени Чехова были опубликованы его воспоминания «В царской Ставке», Нью-Йорк, 1955. Проживал в Дубровнике, а после второй мировой войны в городе Крань, Словения, где и скончался.

БУДЕННЫЙ Семен Михайлович (1883—1973), старший унтер-офицер. Участник русско-японской и первой мировой войн. С июня 1918 г. в Красной Армии. Помощник командира 1-й сводной кавалерийской дивизии. С января 1919 г. — командир бригады в этой же дивизии. В марте 1919 г. — начальник 4-й кавалерийской дивизии, а с ноября 1919 (по 1923) — командующий 1-й конной армией. С 1935 г. — маршал СССР.

БУКРЕТОВ Николай Андрианович (1876—?), генерал-майор Ген. штаба. Приписной казак Кубанского казачьего войска из горских гру-

зиских евреев-кantonистов. Окончил реальное училище в Тифлисе, военно-училищный курс Московского пехотного юнкерского училища и Николаевскую академию Ген. штаба. В 1911 г. — полковник и преподаватель в Тифлисском военном училище. Участник первой мировой войны. Штаб-офицер для поручений при Кубанской пластунской бригаде. За бон под Саракмышем награжден Георгиевским крестом. С 1915 г. — генерал-майор и с 1919 г. — начальник 2-й Кубанской пластунской бригады. В конце 1917 г. — командующий Кубанскими войсками и член правительства Быча. Ушел в отставку в начале 1918 г., отказался участвовать в Лебяном походе и во время пребывания большевиков в Екатеринодаре занимался производством кислого молока на своей ферме. После занятия Добровольческой армией Кубани ген. Деникин отказался принять его, но Быч назначил Букретова председателем Продовольственного комитета. Арестован в 1919 г. генералом Покровским по обвинению во взяточничестве и превышении власти. В первые дни января 1920 г. избран Кубанской радой войсковым атаманом. После эвакуации Новороссийска в марте 1920 г. отошел с большей частью Кубанских войск по Черноморскому побережью в район Сочи. В апреле 1920 г. прибыл в Севастополь на переговоры с ген. Врангелем, во время которых выступил противником перевоза казачьих частей с Кавказского побережья в Крым. Приняв в конце концов командование Кубанскими войсками, по-прежнему отказываясь от переброски войск в Крым, в результате чего большая часть войск сдалась большевикам. Сдав командование генералу Морозову, генерал Букретов сложил с себя звание Кубанского атамана, передал булаву инженеру Иванису и бежал с другими членами Кубанской рады в Грузию. Эмигрировал в Константинополь, где проживал до 1922 г. и числился по Генеральному штабу Русской армии за границей.

БУТЧИК Михаил Михайлович (1868—?), генерал-лейтенант. Окончил Московское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1897). Участник первой мировой войны. В 1908 г. — полковник и начальник штаба 27-й пехотной дивизии. В октябре 1914 г. — генерал-майор. В 1917 г. — начальник штаба 40-го армейского корпуса. По рекомендации начальника Военного управления Добровольческой армии генерала Лукомского заменил на посту военного министра генерала Мильковского в Крымском правительстве ген. Сулькевича. Перешел в состав Крымского краевого правительства на ту же должность военного министра 15 ноября 1919 г. В середине апреля 1919 г. вместе с министром внутренних дел Н. Н. Богдановым прибыл из Крыма в Ставку Главнокомандующего ВСЮР генерала Деникина, в Екатеринодар. Вскоре был назначен ген. Деникиным помощником по гражданской части командующего Добровольческой армией генерала Май-Маевского. Назначенный на место ген. Май-Маевского командующим Добровольческой армией, генерал Врангель отправил генерала Бутчика, как и генерала Ефимова, начальника штаба при ген. Май-Маевском, в распоряжение Главнокомандующего и назначил вместо него бывшего Воронежского губернатора С. Д. Тверского. Эвакуировался Б. вместе с армией ген. Врангеля в ноябре 1920 г. В 1922 г. проживал в Константинополе и числился по Генеральному штабу Русской армии.

БУЧИНСКИЙ Борис Иванович (1881—1971), полковник Ген. штаба. Окончил Киевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Академию Генерального штаба (1911). Участник первой мировой войны. В 1916 г. — н. д. начальника штаба 107-й пехотной дивизии. В 1917 г. — старший адъютант отделения ген.-квартирмейстера штаба 5-й армии. Полковник. В Добровольческую армию прибыл в мае 1918 г. и находился в распоряжении ген. Эльснера в Новочеркасске. В июне 1918 г. назначен начальником службы связи в штабе Главнокомандующего. Во время 2-го Кубанского похода, в июле 1918 г., после взятия Тихорецкой, стал во главе Разведывательного отделения в Управлении

ген.-квартирмейстера штаба Добровольческой армии. В октябре 1918 г., в Екатеринодаре, когда из Разведывательного отделения было выделено самостоятельное Контрразведывательное отделение, полковник Бучинский был назначен начальником этого отделения (начальником Разведывательного отделения тогда же был назначен полковник Ряснянский, первоходник, вновь прибывший в Добровольческую армию после заключения в Киевской тюрьме). В феврале 1920 г. полковник Бучинский был вновь назначен начальником Разведывательного отделения, а его место в Контрразведывательном отделении занял полковник Раевский. При реформировании штаба Главнокомандующего ВСЮР в связи с прибытием нового Главнокомандующего ген. Врангеля в марте 1920 г. новый ген.-квартирмейстер полковник Коновалов освободил полковника Бучинского от должности начальника Разведывательного отделения. В эмиграции Б. сначала проживал в Пловдиве, в Болгарии, а потом в Лионе, во Франции. Скончался 14 апреля 1971 г. в доме для престарелых в Сент-Женевьев де Буа и похоронен на русском кладбище.

ВДОВЕНКО Герасим Андреевич (ок. 1865—1945), генерал-лейтенант. В 1918 г. избран Войсковым атаманом Терского казачьего войска. Занимал эту должность вплоть до эвакуации Крыма в ноябре 1920 г. 22 июля 1920 г. подписал совместно с атаманами других казачьих войск Соглашение с Правителем и Главнокомандующим Русской армией ген. Врангелем об отношениях между правительствами казачьих войск и Главнокомандующим. В эмиграции — сторонник казачьего сепаратизма. Активный сторонник Вольно-казачьего движения. Зверски убит большевиками в Белграде.

ВИНАВЕР Максим Монсеевич (1863—1926), известный адвокат в Петербурге, председатель гражданского отделения Юридического общества Петербургского университета, член ЦК партии кадетов. Министр внешних сношений в Крымском краевом правительстве, образованном в ноябре 1918 г. Эвакуировался с французской эскадрой из Севастополя в апреле 1919 г. Проживал во Франции. Умер в Париже. Автор книг: «Недавнее», Париж, 1926, «Наше правительство (Крым 1918—1919)», Париж, 1928.

ВИНОГРАДОВ Михаил Николаевич (1870—1960), генерал-майор. Окончил Воронежский кадетский корпус и Павловское военное училище (1889). Служил в 141-м Можайском пехотном полку. Участник русско-японской и первой мировой войн. Командовал 160-м пехотным Абхазским полком, а затем 117-м Ярославским. Георгиевский кавалер, генерал-майор и командир бригады в 115-й пехотной дивизии с конца 1915 г. В Добровольческой армии с самого начала. В 1918 г. командовал сформированным им отрядом, носившим название отряда ген. Виноградова, входившим в состав Добровольческой армии при ген. Май-Маевском. Эвакуировался с армией ген. Врангеля и проживал в Югославии, где состоял в РОВСе. В 1950 г. переехал в Бельгию, где и скончался в сентябре 1960 г.

ВИТКОВСКИЙ Владимир Константинович (1885—1978), генерал-лейтенант. Окончил 1-й кадетский корпус и Павловское военное училище (1905). Офицер лейб-гвардии Кексгольмского полка, с которым выступил на фронт первой мировой войны, где занимал все должности до командующего полком включительно. Георгиевский кавалер. В 1917 г. — полковник и командир 199-го пехотного Кронштадтского полка. В Белом движении с самого начала. Участник похода отряда полковника Дроздовского от Ясс до Новочеркасска, где отряд соединился с Добровольческой армией. Летом 1918 г. — командир 2-го Офицерского полка 3-й Дроздовской дивизии. В декабре 1918 г. — генерал-майор ВСЮР и с февраля 1919 г. — начальник 3-й Дроздовской дивизии, с которой прошел с боями до Орла и в период отступления — до Новороссийска. В Русской армии ген. Врангеля произведен в генерал-лейтенанты за

успешные бои Дроздовской дивизии в Северной Таврии. В августе 1920 г. назначен командиром 2-го армейского корпуса. После эвакуации армии ген. Врангеля из Крыма — заместитель ген. Кутепова в Галлиполи и начальник дивизии, в которую был свернут Добровольческий корпус. С переездом в Болгарню — командующий 1-м армейским корпусом и председатель Общества галлиполийцев. С переездом во Францию оставался бессменным председателем Общества галлиполийцев и одно время был начальником 1-го отдела РОВСа. После второй мировой войны переехал в США. Скончался 19 января 1978 г. в Паоло Альто (Сан-Франциско). Автор воспоминаний «В борьбе за Россию», США, 1963.

ВОРОВСКИЙ Вацлав Вацлавович (1881—1923), член РСДРП, большевик, ближайший сотрудник Ленина. В 1917 г. — во главе Заграничного бюро ЦК. Упомянут в немецких документах МИДа в связи с финансированием партий большевников. В 1922 г. — генеральный секретарь сов. делегации на Генуэзской и Лозаннской междунар. конференциях. 10 мая 1923 г. убит в Лозанне белым офицером Конрадн.

ВРАНГЕЛЬ Петр Николаевич, барон (1887—1928). Окончил Ростовское реальное училище, Горный институт и Николаевскую академию Ген. штаба (1910). Окончив курс в Николаевской академии Генерального штаба в 1910 г., Врангель остался «по собственному желанию» служить в своем Конногвардейском полку (Приказ по Генеральному штабу № 17, 1911 г. — см. список Генерального штаба 1912, стр. 757). Добровольно участвовал как корнет гвардии запаса в русско-японской войне, после чего остался навсегда на военной службе. В первой мировой войне — командир эскадрона Конногвардейского полка. Георгиевский кавалер. Генерал-майор «за боевые отличия» в 1916 г. и начальник дивизии, а затем командующий корпусом в 1917. В Добровольческой армии с августа 1918 г. Начальник 1-й конной дивизии, командир 1-го Кубанского корпуса. Во ВСЮР — командующий Кавказской армией, а с декабря 1919 — Добровольческой армией. Из-за разногласий с генералом Деникиным отстранен от командования армией и выслан в Константинополь. В марте 1920 г. назначен ген. Деникиным (после избрания на Военном совете старших начальников ВСЮР в Севастополе) Главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России, сведенными им в мае в 1920 г. в Русскую армию. Правительство Юга России и Главнокомандующий Русской армией в Крыму. После эвакуации армии в Константинополь в конце 1920 г. стремился воспрепятствовать распаду Русской армии. В 1923 г. основал и возглавил Русский Общевоинский Союз, надеясь сохранить кадры армии в эмиграции. Скончался в Брюсселе 25 апреля 1928 г. и похоронен в Белграде. Оставил «Воспоминания», тт. 1-й и 2-й опубликованы в 5-й и 6-й книгах сборника «Белое Дело», Берлин, изд. «Медный всадник», 2-е изд. в одной книге — Посев, 1969, Франкфурт/М.

ВЯЗЬМИТИНОВ Василий Ефимович (1874—1929), генерал-лейтенант Ген. штаба. Получил домашнее образование, выдержал выпускной офицерский экзамен в Одесском пехотном юнкерском училище. Окончил Николаевскую академию Ген. штаба (1904). Участник русско-японской и первой мировой войн. В 1915 г. — командир 15-го Сибирского стрелкового полка, начальник оперативного отделения в Управлении ген.-квартирмейстера 12-й армии. В 1917 г. — начальник 136-й пехотной дивизии. За бои под Рнгой в августе 1917 г. произведен в генерал-лейтенанты и назначен командиром 6-го Сибирского корпуса. Георгиевский кавалер. В 1918—1919 гг. — помощник начальника Военного управления в штабе Добровольческой армии, а затем в штабе Главнокомандующего ВСЮР. В марте 1920 г. заменил ген. Келчевского на посту военного и морского министра Южно-Русского правительства. В Русской армии ген. Врангеля — начальник Военного управления в Правительстве Юга России. В эмиграции — в Югославии, сотрудник редакции Военного сбор-

ника, выходявшего в Белграде с 1923 г. Правитель Дел учебного отдела Державной Комиссии по делам русских беженцев в Королевстве СХС (Югославия). Скончался в Белграде 29 января 1929 г.

ГЕЙДЕН Дмитрий Федорович, граф (?), полковник Ген. штаба. После ухода в отставку был избран депутатом IV Государственной Думы. Участник первой мировой войны. Полковник на должности дежурного генерала в штабе 8-й армии ген. Брусилова. В Кавказской армии ген. Врангеля — н. д. начальника гарнизона города Царница в 1919 г.

ГЕРАСИМОВ Александр Михайлович (1861—1930), вице-адмирал. Окончил Морской корпус в 1882 г. Участник русско-японской и первой мировой войн. Портартурец. Старший офицер на броненосце «Победа». После гибели броненосца н сдачи Порт-Артура — в японском плену. В 1907 г. — капитан 1-го ранга «за отличия». В 1911 г. — контр-адмирал н начальник учебно-артиллерийского отряда Балтийского флота. В 1913 г. — вице-адмирал н комендант морской крепости Петр Великий в Ревеле, вплоть до 1917 г. С 1919 г. помощник, а затем н начальник Морского управления при Главнокомандующем ВСЮР генерале Деникине. С 17 февраля по 19 апреля 1920 г. — Командующий Черноморским флотом. С переходом остатков Черноморского флота в Бизерту (в Тунисе) в конце 1920 г. — директор Морского корпуса в Бизерте. Скончался в Бизерте 2 марта 1930 г.

ГОНТОРОВ Борис Викторович (1879—1977), полковник Генерального штаба. Окончил Харьковскую гимназию, Одесское юнкерское училище н Николаевскую академию Ген. штаба (1911). Участник первой мировой войны. Служил в штабах 7-й кавалерийской дивизии н 12-й армии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии был одно время начальником штаба отряда ген. Шкуро. С декабря 1919 до марта 1920 — начальник штаба Кубанской армии. Эвакуировался с Русской армией в Галлиполи. В эмиграции служил преподавателем в сербской гимназии в Белграде. Во время второй мировой войны был вместе с ген. Скородумовым основателем Русского корпуса в Югославии. В начале был начальником штаба корпуса, а затем командовал 3-м полком. Скончался в Зальцбурге (Австрия) 27 октября 1977 г.

ГОРОДОВИКОВ Ока Иванович (1879—1960), командир Красной Армии. Участник первой мировой войны. Старший унтер-офицер. В 1918 г. — командир кавалерийского полка и бригады 1-й сводной кавалерийской дивизии. В 1919 г. — начальник 4-й кавалерийской дивизии, в 1920 г. командующий 2-й конной армией. В 1945 г. — генерал-полковник.

ГОФМАН Владимир Владимирович (1888—1950), полковник Генерального штаба. Окончил Суворовский кадетский корпус, Павловское военное училище н Николаевскую академию Ген. штаба (1913). В первой мировой войне — в составе штаба 15-го армейского корпуса, где был обер-офицером. Попал в плен к немцам вместе с той частью 2-й армии ген. Самсонова, которая оказалась в окружении в августе 1914-го. Трижды бежал из плена, после чего был заточен в Кюстринскую крепость. В Добровольческой армии с начала 1919 г. Помощник, а затем начальник отдела иностранных военных миссий в штабе ВСЮР. В Русской армии ген. Врангеля — правитель канцелярии представителя ген. Врангеля в Польше ген. П. С. Махрова. В эмиграции жил сначала во Львове в Польше, а затем переехал в Париж, где н скончался 17 февраля 1950 г. Похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

ГРИГОРЬЕВ Николай Александрович (1878—1919), штабс-капитан. Участник первой мировой войны. В конце 1918 г. — командир бригады в Украинской народной армии Петлюры. В феврале 1919 г. перешел на сторону Красной Армии. Командир 1-й Заднепровской бригады,

а затем 6-й Украинской стрелковой дивизии. Сыграл решающую роль в боях с греческими и французскими войсками при оставлении последними Николаева, Херсона и Одессы. 7 мая 1919 г. поднял восстание против Советской власти и в июле присоединился к Махно. Был убит по приказу Махно 27 июля 1919 г.

ГРИШИН-АЛМАЗОВ (настоящая фамилия Гришин) Алексей Николаевич (?—1919), полковник. Произведен в генерал-майоры командующим Сибирской армией. Участник первой мировой войны в мае 1918 г. Захватил власть в городе Новониколаеве, встав во главе офицерской подпольной группы, и соединился с подходившими чехословацкими войсками под командованием Гайды. Военный министр Западно-Сибирского правительства и командующий Сибирской армией. Ввиду разногласий с представителями союзнических миссий уехал на юг, в Добровольческую армию. Был одно время комендантом города Одессы. Был послан ген. Деникиным к адм. Колчаку с важными документами и письмами; во время плавания через Каспийское море застрелился, чтобы избежать плена.

ГУБАРЕВ Петр Дементьевич (1875—1920), фельдшер станицы Есентукской. В 1917 г. избран председателем Терского Войскового Круга. Организатор подпольной борьбы против большевиков. Сторонник безусловного сотрудничества с Добровольческой армией. В феврале 1920 г. во время отступления захвачен в плен Красной Армией и расстрелян в станице Урукской 20 февраля 1920 г.

ГУСЕЛЬЩИКОВ Адриан Константинович (1871—1936), генерал-лейтенант. Казак Гундоровской станицы. Окончил Новочеркасское казачье юнкерское училище (1900 г.). Участник первой мировой войны. Служил в Донских полках. В 1917 г. — войсковой старшина. Участник Белого движения. С мая 1918 г. — командир Гундоровского полка в Донской армии. С 10 октября 1918 г. — генерал-майор и начальник Северного отряда. За удержание Новочеркасска зимой 1919 г. произведен в генерал-лейтенанты. Во ВСЮР — начальник 8-й Донской дивизии, а затем командир 4-го Донского корпуса. В Русской армии ген. Врангеля — начальник 3-й Донской казачьей дивизии. После эвакуации Крыма в 1920 г. остался во главе дивизии, с которой переехал в Югославию. В начале 20-х гг. переехал во Францию и жил в городе Виши, где и скончался 21 февраля 1936 г. Похоронен на русском участке городского кладбища.

ДЕЛЬВИГ Сергей Николаевич, барон (1866—?), генерал-лейтенант. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, Михайловское арт. училище, Михайловскую арт. академию и Офицерскую артиллерийскую школу. Участник русско-японской и первой мировой войн. В 1909—1914 гг. — командир 24-й арт. бригады, затем инспектор артиллерии 9-го армейского корпуса. В 1915 г. — комендант крепости Перемышль. В 1916 г. — командир 40-го армейского корпуса, в который входила 4-я стрелковая («Железная») дивизия генерала Деникина.

ДЕНИКИН Антон Иванович (1872—1947), Генерального штаба генерал-лейтенант. Окончил Киевское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1899). Участник русско-японской войны. Произведен в полковники «за боевые отличия». В первой мировой войне — начальник 4-й («Железной») стрелковой дивизии, командир 8-го армейского корпуса. В 1917 г. — начальник штаба Верховного Главнокомандующего и командующий Юго-Западным фронтом. Генерал-лейтенант. За поддержку генерала Корнилова отрешен от должности Временным правительством и заключен в Быховскую тюрьму. Бежал из Быхова в Новочеркасск и принял участие в организации Добровольческой армии. Во время 1-го Кубанского похода, после гибели генерала Корнилова 31 марта 1918 г. под Екатеринодаром, принял командование

Добровольческой армией. С 26 декабря 1918 — Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России. 23 марта 1920 в Феодосии сдал командование генералу Врангелю и выехал за границу. С 1925 по 1945 жил во Франции. Издавал газету «Доброволец», часто выступал с публичными докладами в зарубежной прессе. Во время второй мировой войны призывал своих соратников отказываться от службы гитлеровской Германии и в то же время надеялся, что Красная Армия после победы, как он писал, «даст свободу российским народам». Считал, что «мы не смеем в какой бы то ни было форме солидаризоваться с советской политикой — политикой коммунистического империализма» (из писем ген. Денкина, см.: «Грани» № 149). Выехал в США в конце 1945 г. Скончался 7 августа 1947. Похоронен на русском кладбище в Джаксоне, штат Нью-Джерси. Автор фундаментального пятитомного труда «Очерки Русской Смуты» и неоконченных воспоминаний «Путь русского офицера» (Изд. имени Чехова, Нью-Йорк, 1953), многочисленных брошюр, а также сборника рассказов «Офицеры» (Париж, 1926) и др.

ДЗЕВАНОВСКИЙ Вячеслав Андреевич (1870—?), генерал-майор Ген. штаба. Окончил Киевскую классическую гимназию, военно-училищный курс при Киевском юнкерском училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1899). Участник русско-японской и первой мировой войн. Во время русско-японской войны — заведующий передвижением войск по железной дороге Забайкальского района. С начала первой мировой войны — начальник военных сообщений Одесского военного округа. В 1917 г. — генерал-майор и начальник военных сообщений армий Юго-Западного фронта. В 1917 г. проживал в Одессе. В конце года был назначен начальником военных сообщений Крымско-Азовской армии. В марте 1919 г. назначен ген. Деникиным начальником военной миссии в Италию. С 1922 г. проживал в Болгарии.

ДОЛГОПОЛОВ Николай Саввич (1880—1972), министр здравоохранения в правительстве при Главнокомандующем ВСЮР с декабря 1919 по март 1920 г. Окончил Московский университет и Военно-медицинскую академию в Петербурге. Депутат 2-й Государственной Думы. Во время войны 1914 г. организовал производство противогазовых масок. В 1917 г. был комиссаром Временного правительства на Черноморском побережье и в Кубанской области. Участник 1-го Кубанского похода. После роспуска правительства Мельникова при Главнокомандующем ВСЮР — инспектор Южно-Русской миссии американского Красного Креста в Крыму. Эмигрировал вместе с армией ген. Врангеля в ноябре 1920 г. Активный участник Земско-городского комитета в Париже. Председатель Земгора в Париже после второй мировой войны. Хлопотал о субсидиях на поддержку русских школ, на оплату уроков русского языка и Закона Божьего в русских приходских школах, организовал и создал Дом для престарелых в Кормеиан-Парижи, близ Парижа, на 200 человек. Руководил домом, построил при нем церковь и скончался сам в нем 24 июня 1972 г. Похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

ДОРМАН Павел Евстигнеевич (?), полковник Ген. штаба. Окончил два года Николаевской академии Генерального штаба в 1914 г. Участник первой мировой войны. Георгиевский кавалер. Служил младшим офицером в оперативном отделе генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии под начальством тогда еще полковника П. С. Махрова. С 22 марта 1915 г. по 1917 — старший адъютант штаба 22-го армейского корпуса. Оказывал большое влияние в оперативных вопросах на командующего корпусом генерала фон ден Бринкена. В Добровольческой армии с самого начала. Начальник оперативного отдела в штабе Кавказской армии при генерале Покровском осенью 1919 г. Полковник. С 15 марта 1920 г. назначен по рекомендации ген. П. С. Махрова вторым квартирмейстером штаба ВСЮР. Оставался в той же должности в штабе Русской армии ген. Врангеля, в составе которого выехал в Константинополь в ноябре

1920 г. До 1922 г. проживал в Константинополе, а затем переехал во Францию.

ДОСТОВАЛОВ Евгений Исаакович (1882—1937), генерал-лейтенант. Окончил Сибирский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище и 2 класса Николаевской академии Ген. штаба (1912). Участник русско-японской и первой мировой войн. С 1915 г. — подполковник по Ген. штабу. С конца 1916 г. — и. д. начальника штаба отдельной Балтийской морской дивизии. В 1917 г. — и. д. начальника штаба 15-й пехотной дивизии. В Добровольческой армии — начальник штаба 1-й дивизии. Во ВСЮР — начальник штаба Добровольческого корпуса ген. Кутепова. В Русской армии — ген.-лейтенант и начальник штаба 1-го армейского Добровольческого корпуса, с которым эвакуировался в ноябре 1920 г. в Галлиполи. Вернулся из Болгарии в Советскую Россию в 1922 г. Расстрелян в 1938 г.

ДРАГОМИРОВ Абрам Михайлович (1868—1955), генерал от кавалерии. Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Ген. штаба (1893). С 1910 по 1912 — командир 9-го гусарского Киевского полка, в начале первой мировой войны принял командование сводной кавалерийской дивизией, а с ноября 1914 г. — сводным кавалерийским корпусом. За бон во время галицийской битвы награжден орденами св. Георгия 4-й и 3-й степеней. В 1915 г. — командир 9-го армейского корпуса, а в 1916 г. назначен командующим 5-й армией. В 1917 до июня — Главнокомандующий армиями Северного фронта. С августа 1918 г. — помощник Главнокомандующего Добровольческой армией и с сентября 1918 г. — председатель Особого Сопещения при Главнокомандующем (возглавлял Гражданское управление). Во ВСЮР с сентября 1919 г. — главноначальствующий Киевской области и командующий группой войск киевского направления. В марте 1920 г. — председатель Военного совета, собранного по приказу ген. Деникина в Севастополе с целью избрания его преемника. В Русской армии ген. Врангеля — генерал для поручений, один из ближайших помощников Главнокомандующего. В эмиграции проживал сначала в Сербии, а затем в Париже. Активный участник РОВСа — генерал для поручений при председателе РОВСа ген. Миллере. Скончался 9 декабря 1955 г. в Ганьи под Парижем и похоронен на кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

ДРЕЙЕР Владимир Николаевич, фон (1876—1967), генерал-майор Ген. штаба. Окончил 2-й Оренбургский корпус, Павловское военное училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1903). Участник первой мировой войны. Начальник штаба 14-й кавалерийской дивизии и 1-го кавалерийского корпуса ген. Новикова в 1914 г. В 1915 по 1917 — командир 275-го пехотного Лебединского полка. В 1917 г. — начальник штаба 7-й кавалерийской дивизии и Сводного военного корпуса ген. Врангеля. После Октябрьского переворота жил в Москве. С трудом избег вербовки в Красную Армию и под видом украинца выехал в Крым. Весной 1919 г. прибыл в Екатеринодар, где ему было отказано в приеме в Добровольческую армию по подозрению в сношениях с немцами. Несмотря на оправдание по суду и на личную просьбу ген. Врангеля назначить ген. Дрейера начальником его штаба, Дрейеру так и не удалось вступить в Добровольческую армию. В эмиграции проживал во Франции до 1952 г., затем уехал в США. Вернулся и скончался в Монте-Карло 22 февраля 1967 г. Похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа. Автор очерка о гражданской войне на Юге России — «Крестный путь во имя Родины», Берлин, 1921, и воспоминаний — «На закате империи», Мадрид, 1965.

ДРОЗДОВСКИЙ Михаил Гордеевич (1881—1919), генерал-майор Ген. штаба. Окончил Киевский кадетский корпус, Павловское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1908). Участник русско-японской и первой мировой войн. В начале войны 1914 г. —

в оперативном отделе Управления генерал-квартирмейстера Северо-Западного фронта. В 1915 г. — и. д. начальника штаба 60-й пехотной дивизии. Полковник. В начале 1917 г. — и. д. начальника штаба 15-й пехотной дивизии. В апреле 1917 г. — командир 60-го Замосцкого полка. Георгневский кавалер. В конце войны назначен командиром 14-й пехотной дивизии. В конце декабря 1917 г. в Яссах, на Румынском фронте, по его инициативе началось формирование Первой отдельной бригады русских добровольцев. Вопреки приказу штаба Румынского фронта о прекращении создания подобных формирований, отряд русских добровольцев Румынского фронта в составе около 1 тыс. человек (в основном офицеры) под командованием полковника Дроздовского выступил 26 февраля 1918 г. из Ясс на Дон с целью соединения с Добровольческой армией генерала Корнилова. Пройдя походным порядком из Румынии до Ростова, Дроздовский занял Ростов после упорного боя с отрядами Красной Армии 21 апреля. Выйдя из Ростова, отряд Дроздовского помог казакам, восставшим против красных, удержать Новочеркасск. После отдыха в Новочеркаске отряд полковника Дроздовского в составе уже свыше 2 тыс. добровольцев выступил на соединение с Добровольческой армией и прибыл 27 мая 1918 г. в станицу Мечетинскую, где был назначен парад, который принимали Верховный руководитель Добровольческой армии генерал М. В. Алексеев и ее Главнокомандующий генерал А. И. Деникин. При переформировании Добровольческой армии отряд полковника Дроздовского был переименован в 3-ю пехотную дивизию и участвовал во всех боях 2-го Кубанского похода, в результате которого Кубань и весь Северный Кавказ были освобождены от красных. 31 октября 1918 г. Дроздовский был ранен под Ставрополем в ногу ружейной пулей. Уже находясь в госпитале, был произведен ген. Денкиным 8 ноября 1918 г. в генерал-майоры. Скончался от заражения крови 1 января 1919 г. в городе Ростове.

ДУМЕНКО Борис Моисеевич (1888—1920), командир Красной Армии. Участник 1-й мировой войны. Вахмистр. В ноябре 1918 г. — начальник 1-й Сводной кавалерийской дивизии 10-й армии. Участвовал в обороне Царицына. С сентября 1919 по февраль 1920 г. командовал Сводным конным корпусом. В мае 1920 г. осужден и расстрелян.

ДУТОВ Александр Ильич (1879—1921), генерал-лейтенант. Окончил Николаевское кавалерийское училище и прошел курс Николаевской академии Ген. штаба (не состоял в списках Ген. штаба). Участник 1-й мировой войны. Полковник, командир 1-го Оренбургского казачьего полка. В 1917 г. — атаман Оренбургского казачьего войска и председатель Казачьего союза. Член Учредительного собрания. В 1918 г. командовал казачьими войсками в Народной армии КОМУЧа. Генерал-лейтенант. При адмирале Колчаке был командующим Оренбургско-Юго-Западной армией и походным атаманом казачьих войск. Убит чекистами 6 февраля 1921 г. в китайском городе Суйдин после отхода казачьих войск в Синкианг.

ДЬЯКОВ (вероятно, Алексей Львович — 1876—1940), генерал-майор, Окончил 2-й Московский кадетский корпус и Новочеркасское военное училище. Провел войну в составе 46-го Донского казачьего полка и был произведен за боевые отличия в полковник. В Донской армии с мая 1918 г. Командир бригады, а затем дивизии. Генерал-майор. В Русской армии ген. Врангеля — в составе Донского корпуса. После пребывания на острове Лемнос проживал в Югославии, а с 1928 г. — в США. Умер в Нью-Йорке 6 декабря 1940 г.

ЕВДОКИМОВ Сергей Владимирович (?—1960), контр-адмирал. Служил на Черноморском флоте. Георгневский кавалер. Начальник штаба Черноморского флота в марте—апреле 1920 г. Участник Военного совета, собранного в марте 1920 г. для выборов нового Главнокомандую-

щего по приказу ген. Деникина. Скончался в Нью-Йорке 22 апреля 1960 г.

ЕГОРОВ Александр Ильич (1883—1939), маршал СССР. Окончил юнкерское училище в 1905 г. Участник 1-й мировой войны. Полковник. После Октябрьского переворота перешел на сторону сов. власти и примыкал к левым эсерам. С августа 1918 г. — командовал войсками на участке Балашов — Камышин. С декабря 1918 по май 1919 — командующий 10-й армией, оборонявшей Царицын. В июле 1919 г. — командующий 14-й армией, а с октября 1919 по декабрь 1920 — главнокомандующий войсками Южного фронта. Затем командующий войсками Юго-Западного фронта. В 1935 г. — начальник Ген. штаба и маршал СССР. Расстрелян в 1939 г. Автор книги: «Разгром Деникина — 1919», Гос. Военное изд. Москва, 1931.

ЕРМАКОВ Мстислав Петрович (1875—1960), генерал-лейтенант, инженер-механик флота. Окончил Морское инженерное училище в 1896 г. Служил на Черноморском флоте на броненосце «Ростислав». Во время первой мировой войны был главным морским инженером Дунайской флотилии. В 1920 г. подготовил с технической стороны и провел эвакуацию армии ген. Врангеля из Крыма в Константинополь. В эмиграции жил в Париже, был избран почетным членом Морского собрания и много сделал по линии благотворительности для больных туберкулезом русских беженцев. Скончался 26 августа 1960 г. в Париже и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

ЕФИМОВ Николай Павлович (1872—1943), генерал-лейтенант Ген. штаба. Окончил 2-й кадетский корпус, 1-е военное Павловское училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1899). Участник похода против Китая в 1900—1901 гг., русско-японской и первой мировой войн. В 1912 г. — начальник штаба 43-й пехотной дивизии. С ноября 1914 г. — командир 108-го Петрозаводского полка. Генерал-майор с августа 1915-го. В 1917 г. — начальник штаба 5-го Кавказского армейского корпуса. В Добровольческой армии с 1918 г. Во ВСЮР с мая по ноябрь 1919 г. — начальник штаба Добровольческой армии при ген. Май-Маевском. В марте 1920 г. — член Военного совета, собранного для выборов нового Главнокомандующего ВСЮР на место ген. Деникина. Эмигрировал с Русской армией ген. Врангеля в ноябре 1920 г. Проживал в Париже, где скончался 19 января 1943 г. Похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

ЖАНЕН Пьер (1862—1946), дивизионный генерал. Окончил академию Ген. штаба в 1892 г. Проходил курс в Николаевской академии Генерального штаба (сент. 1910—1911). Участник первой мировой войны. В 1916 г. — дивизионный генерал и начальник французской военной миссии в Ставке Верховного Главнокомандующего Русской армии. Принимал участие в формировании из военнопленных Чехословацкого корпуса в России. В 1917 г. вернулся во Францию. В ноябре 1918 г. был направлен в Сибирь в качестве Главнокомандующего Чехословацким корпусом и начальника французской военной миссии при адмирале Колчаке. Подвергся жестокой критике во Франции за то, что не сумел избежать выдачи чехословацким командованием адмирала Колчака в Иркутске. Автор книги «Ma mission en Sibirie». Paris — Plon, 1933.

ЖЛОБА Дмитрий Петрович (1887—1938), командир Красной Армии. Участник первой мировой войны. Младший унтер-офицер. В сентябре—ноябре 1918 г. — начальник 1-й «Стальной» дивизии. В феврале—июле 1920 г. — командир 1-го конного корпуса, разгромленного в северной Таврии. В 1921 г. — начальник 18-й кавалерийской дивизии. С июня 1922 г. — на хоз. работе. Расстрелян в 1938 г.

ЗАЕВ Алексей Николаевич (ок. 1882—1966), контр-адмирал. Окончил Морской корпус в 1902 г. Служил на кораблях Черноморского флота.

В 1917 г. — капитан 1-го ранга. В 1919 г. прикомандирован к начальнику военных сообщений Кавказской армии ген. П. С. Махрову для организации водного транспорта на Волге. Затем начальник Волжской флотилии. В 1920 г. — участник операции по высадке десанта на Кубани. Контр-адмирал. В ноябре 1920 г. ушел с флотом в Бизерту (Тунис). В эмиграции проживал в США. Долгие годы был председателем Общества офицеров Императорского флота. Скончался в Нью-Йорке 4 декабря 1966 г.

ЗЕЕЛЕР Владимир Феофилович (1874—1954), видный общественный деятель в городе Ростове. Кадет. В феврале месяце 1917 г. избран градоначальником Ростова. В 1920 г. — министр внутренних дел в Правительстве Юга России. В эмиграции — секретарь Союза русских писателей и журналистов в Париже, а также Объединения русских адвокатов во Франции. Член редакции газеты «Русская мысль» до самой смерти. Скончался в Париже и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

ЗИГЕЛЬ Дмитрий Михайлович, фон (1869—?), генерал-майор Ген. штаба. Окончил Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус, 2-е военное Константиновское училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1898). Участник военных действий в Китае 1900—1901 гг., русско-японской и первой мировой войн. В 1904 г. — старший адъютант (в оперативном отделе) Управления генерал-квартирмейстера 1-й Маньчжурской армии. В 1907 г. — подполковник и начальник штаба 2-й Сибирской пехотной дивизии. С августа 1914 г. — генерал-майор и начальник штаб 2-го Туркестанского армейского корпуса. В 1917 г. — командующий, а затем начальник 127-й пехотной дивизии. В Добровольческой армии с 1918 г. В июне 1919 г. — генерал-квартирмейстер Кавказской армии ген. Врангеля. В ноябре 1919 г. — начальник штаба Кавказской армии при ген. Покровском. В Русской армии — начальник гарнизона и комендант крепости города Керчи. В августе 1920 г. содействовал отходу десантных войск ген. Улагая с Кубани. Умер не позже 1922 г.

КАЗАНОВИЧ Борис Ильич (1871—1943), генерал-лейтенант Ген. штаба. Окончил Могилевскую классическую гимназию, Московское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1899). Участник русско-японской войны. В 1912 г. — начальник штаба 11-й пехотной дивизии. С декабря 1914-го — командир 127-го пехотного Путивльского полка. Генерал-майор. С марта 1918-го — начальник штаба 6-й Сибирской стрелковой дивизии, а в 1917-ом — командующий этой же дивизией. В Добровольческой армии с самого начала. В первом Кубанском походе — командир партизанского полка. С мая 1918 до конца июня — в секретной миссии в Москве по поручению генералов Алексеева и Деникина. По возвращении из Москвы — начальник 1-й пехотной дивизии во 2-м Кубанском походе. Во ВСЮР — командир 1-го армейского корпуса. Генерал-лейтенант. В Русской армии — начальник Сводно-Кубанской дивизии, участвовавшей в десанте ген. Улагая на Кубани. После эвакуации из Крыма и пребывания в Галлиполи проживал в Югославии. Председатель Главного правления Союза участников 1-го Кубанского похода и в то же время — председатель Общества офицеров Ген. штаба в Югославии, входивших в IV отдел РОВСа. Скончался 2 июня 1943 г. в Белграде и похоронен на Новом кладбище. Отрывок из воспоминаний — «Поездка из Добровольческой армии в Красную Москву», опубликован в Архиве Русской Революции, том VII, Берлин, 1922, сс. 184—202.

КАЛАБУХОВ Алексей Иванович (ок. 1880—1919), казак станицы Новопокровской Кубанского Казачьего Войска. Окончил Ставропольскую духовную семинарию и около десяти лет состоял приходским священником. После февраля 1917 г. занимался активной политической деятельностью на Кубани. В 1918 г. назначен Радой на должность члена правительства по внутренним делам. Отказался участвовать в 1-ом Ку-

банском походе и скрывался в Старополе. После ухода правительства в отставку был назначен членом Кубанской делегации на Парижской мирной конференции. В сентябре 1919 г. выступил с докладом на Раде с проектом дружбы и союза с Меджлисом горцев Кавказа, объявивших свою независимость. Выдан Кубанской радой генералу Покровскому, предан военно-полевому суду за измену и повешен 7 ноября 1919 г.

КАЛИНОВСКИЙ Константин Тимофеевич (?), генерал-майор Ген. штаба. Окончил два класса Николаевской академии Ген. штаба в 1914 г. Участник первой мировой войны. Подъесаул 24-го Донского казачьего полка. Причислен к Генеральному штабу в 1915 г.; в 1916 г. занимал должность старшего адъютанта штаба 27-го армейского корпуса. В Донской армии — с мая 1918 г. Исполнял должность начальника штаба 4-го Донского корпуса ген. Мамонтова во время его рейда, затем был начальником штаба у ген. Секретева. В эмиграции проживал в Субботице, Сербия.

КАМЕНЕВ Сергей Сергеевич (1880—1936), полковник Ген. штаба. Окончил Владимирский кадетский корпус, Александровское военное училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1907). Участник первой мировой войны. Старший адъютант отделения ген.-квартирмейстера штаба 1-й армии. В 1917 г. — командир 30-го пехотного Полтавского полка. После Октябрьского переворота, в начале 1918 г., вступил в Красную Армию и был военруком Невельского района Западного участка отрядов завесы. С сентября 1918-го по июль 1919-го — командующий Восточным фронтом, а с июля 1919-го по апрель 1920-го — Главнокомандующий Вооруженными силами Республики и член РВСР. С 1924 г. — начальник штаба РККА. Командарм 1-го ранга. Умер в Москве.

КАРПИНСКИЙ Николай Викторович (1863—?), полковник Ген. штаба. Окончил Мелитопольское реальное училище, Елизаветградское кавалерийское и Николаевскую академию Ген. штаба (1912). Участник первой мировой войны. В 1915 г. — и. д. помощника начальника оперативного отделения Управления ген.-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Западного фронта. С конца 1918 г. — в оперативном отделении ген.-кварт. штаба Добровольческой армии. С уходом начальника оперативного отделения полковника Немцова в строй, в начале 1919 г., был назначен на его место в штабе Главнокомандующего ВСЮР. В марте 1920 г. — новый генерал-квартирмейстер штаба ВСЮР, полковник Коновалов, освободил полковника Карпинского и назначил на его место начальника оперативного отдела полковника Шкеленко. В первые годы эмиграции полковник Карпинский занимал должности преподавателя и воспитателя в русских учебных заведениях в Болгарии.

КАРПОВ Николай Васильевич (?—1959), генерал-майор Ген. штаба. Окончил два класса Николаевской военной академии в 1914 г. В 1917 г. — подполковник, помощник начальника оперативного отделения Управления генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии. В Донской армии с мая 1917 г. Полковник. Во ВСЮР — инспектор пехоты в Донской армии. Генерал-майор. В марте 1920 г., при оставлении Екатеринодара, — помощник начальника гарнизона ген. Гандурина. В эмиграции проживал в Сербии. После второй мировой войны через Италию выехал в Аргентину. Скончался 5 июля 1959 г. в Вилла Балестар, в Буэнос-Айресе.

КЕЛЧЕВСКИЙ Анатолий Киприанович (1869—1923), генерал-лейтенант Ген. штаба. Окончил Псковский кадетский корпус, 2-е военное Константиновское училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1909). Заведующий обучающимися, а затем профессор Николаевской академии Ген. штаба. Участник первой мировой войны. С конца 1915 г. — ген.-квартирмейстер штаба 9-й армии. Генерал-майор. С сентября 1917 г. — командующий 9-й армией Румынского фронта. Ген.-лейтенант. В Белом движении — начальник штаба группы войск ген. К. К. Мамонтова,

а с февраля 1919 по 27 марта 1920 — начальник штаба Донской армии в составе ВСЮР. В конце марта 1920 г. назначен ген. Деникиным военным министром Южно-Русского правительства. В апреле 1920 г., будучи начальником штаба Донского корпуса в Крыму, арестован вместе с командиром корпуса ген. Сидориным за сочувствие казачьим сепаратистам и предан суду под председательством ген. А. М. Драгомирова. Отрешен от должности и выслан из Крыма ген. Врангелем. В эмиграции жил в Берлине, где сотрудничал с 1921 г. в редакции журнала «Война и мир» сменовеховской ориентации. Скончался в Берлине в 1923 г. от разрыва сердца.

КИРЕЙ Василий Фадеевич (1879—1942), генерал-лейтенант. Окончил Оренбургский кадетский корпус, Михайловскую артиллерийскую академию и два класса Николаевской академии Ген. штаба. Участник первой мировой войны. Известен как выдающийся артиллерист, обеспечивший артиллерийскую подготовку во время Брусиловского прорыва 1916 г. В 1917 г. — генерал-майор и командир 23-го армейского корпуса. В Добровольческой армии с самого начала — начальник артиллерийского снабжения. На той же должности в штабе Главнокомандующего ВСЮР. В Русской армии ген. Врангеля — начальник Военно-технического управления и в то же время ведет связь с повстанческим движением на Украине. Эвакуировался с армией ген. Врангеля и после недолгого пребывания в Югославии переехал в Прагу, где служил в Чехословацкой армии как крупный специалист. Скончался в Праге в 1942 г.

КИСЛОВ Александр Ильич (1875—1937), генерал-майор Ген. штаба. Окончил Пензенское реальное училище, Московское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1906). Участник русско-японской и первой мировой войн. В 1915 г. — подполковник и и. д. начальника штаба 48-й пехотной дивизии. Попал в плен к австрийцам вместе с ген. Корниловым, когда 48-я дивизия была окружена в Карпатах во время майского наступления ген. Макензена в Галиции. По возвращении из плена, с конца 1918 г. — в Добровольческой армии. В 1919 г. — полковник и ген.-квартирмейстер штаба Донской армии. В 1920 г. — генерал-майор. Составитель «Особого доклада», поданного ген. Сидориным 8 августа 1919 г., где он предложил прибегнуть к системе перемешивания добровольческих и казачьих частей. Отрешен от должности генерал-квартирмейстера вместе с начальником штаба, генерал-лейтенантом Келчевским, и командующим Донским корпусом ген.-лейтенантом Сидориным и выслан из Крыма в апреле 1920 г. генералом Врангелем. В 1922 г. числился по Генеральному штабу в списках Русской армии и проживал в Панчево, в Сербии. Скончался в Белграде и похоронен на Новом кладбище.

КОЛТЫШЕВ Петр Владимирович (1894—1988), полковник, причисленный к Генеральному штабу. Окончил Псковский кадетский корпус и Павловское военное училище. Участник первой мировой войны. Выступил на фронт в составе 2-го стрелкового Финляндского полка. Тяжело ранен в Восточной Пруссии. В 1916 г. — и. д. старшего адъютанта в штабе 40-го армейского корпуса. В 1917 г. окончил курсы (1-й очереди) при Николаевской военной академии и был причислен к Генеральному штабу. Капитан. В январе 1918 г. записался рядовым в 1-ю Добровольческую бригаду полковника Дроздовского. В составе 3-й роты офицерского стрелкового полка этой бригады выступил 1-го марта в поход из Румынии на Дон. Во время похода исполнял должность оперативного адъютанта. В Добровольческой армии и во ВСЮР — начальник штаба 3-й дивизии ген. Дроздовского. В сентябре 1918 г. назначен старшим помощником начальника оперативного отдела в Управлении генерал-квартирмейстера штаба Добровольческой армии и вскоре стал бессменным докладчиком по оперативной части при Главнокомандующем ВСЮР ген. Деникине, оставаясь на этой должности до марта 1920 г. Полковник. С отъездом ген. Деникина за границу вернулся

в строй Дроздовской дивизии сначала рядовым в свой 1-й офицерский ген. Дроздовского полка, а затем был назначен помощником командира этого полка. Дважды тяжело ранен. Будучи помощником коменданта Севастополя ген. Стогова, находясь на излечении в Севастополе, сформировал из выздоравливающих офицеров роту, которая прикрывала посадку Русской армии на суда во время эвакуации в ноябре 1920 г. После пребывания в Галлиполи в составе Дроздовского полка прибыл в Болгарию, в Свищев, откуда в 1924 г. переехал во Францию. Работая в Париже больше 35 лет таксистом, П. В. Колтышев непрерывно и безвозмездно помогал ген. Деникину вплоть до отъезда последнего в Америку в 1945 г. Собирал материалы для «Очерков Русской Смуты», организовывал публичные выступления ген. Деникина, сопровождал его в поездках в Лондон, Белград и Прагу и состоял фактическим секретарем редакции газеты «Доброволец». Оставил воспоминания, из которых опубликована часть, относящаяся к 1940—1941 гг., «На страже Русской чести» (Альманах «Русское прошлое» № 3, сс. 167—224). Скончался 9 августа 1988 г. и похоронен на участке Дроздовской дивизии на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа под Парижем.

КОЛЧАК Александр Васильевич (1874—1920), вице-адмирал. Окончил Морской корпус и участвовал в ряде арктических экспедиций. Участник русско-японской и первой мировой войн. Портартурец — командир эсминца «Сердитый». Один из создателей Морского Генерального Штаба после русско-японской войны и представитель в Комиссии Государственной Думы по осуществлению судостроительной программы. В начале первой мировой войны — флаг-капитан (нач. штаба) в штабе Командующего Балтийским флотом адмирала Эссена, затем — командующий минной дивизией. Контр-адмирал и Георгиевский кавалер. В 1916—1917 гг. — Командующий Черноморским флотом. Вице-адмирал. После Февральской революции направлен Временным правительством как специалист в США. В октябре 1918 г. занимает пост военного и морского министра в правительстве Уфимской Директории. После переворота 18 ноября 1918 г. в Омске — Верховный правитель и Верховный Главнокомандующий всеми русскими армиями. Признан в этом качестве генералами Деникиным, Юденичем, Миллером. 15 января 1920 г. выдан чешскими войсками эсеро-меньшевистскому Политическому центру, который передал его Иркутскому ВРК. По решению последнего расстрелян 7 февраля 1920 г.

КОЛЮБАКИН Владимир Николаевич (1873—1944), генерал-майор Ген. штаба. Окончил 2-й кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1902). Участник русско-японской и первой мировой войн. С 1915 г. — начальник этапно-хозяйственного отдела 7-й армии. Генерал-майор. В 1917 г. — начальник военных сообщений армий Западного фронта. В Добровольческой армии и во ВСЮР — помощник начальника военных сообщений ген. Тихменева. В эмиграции проживал в Белграде, где и скончался. Похоронен на Новом кладбище.

КОНДРАТЬЕВ Владимир Иванович (1871—?), генерал-майор Ген. штаба. Окончил Ставропольскую классическую гимназию, Тифлисское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1901). Участник русско-японской и первой мировой войн. В 1904—1905 гг. — обер-офицер для поручений в Управлении генерал-квартирмейстера 1-й Маньчжурской армии. В 1915 г. — начальник военно-дорожного отдела в Управлении начальника военных сообщений Северного фронта. Полковник. В 1917 г. — начальник военных сообщений 12-й армии. Генерал-майор.

КОНОВАЛОВ Герман Иванович (1882—1936), генерал-майор Ген. штаба. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище и два класса Николаевской академии Ген. штаба. В списках Ген. штаба с 1914 г.

В 1916 г. служил под начальством ген. П. С. Махрова в Оперативном управлении ген.-квартирмейстера штаба 8-й армии. В 1917 г. — и. д. помощника начальника отдела ген.-квартирмейстера штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Подполковник. В Добровольческой армии с конца 1918 г. Начальник штаба Екатеринославского отряда ген.-майора П. Г. Кислого, влившегося в Крымско-Азовскую армию ген. Боровского. Начальник оперативного отдела штаба Крымско-Азовской армии. Полковник. В 1920 г. — генерал-квартирмейстер штаба Главнокомандующего ВСЮР при начальнике штаба ген. Махрове. Как писал ген. Врангель, «Коновалов даже его врагами признавался за выдающегося по способностям офицера» (Ген. Врангель. Воспоминания, часть 2-я, с. 18). В августе 1920 г., будучи послан ген. Врангелем для организации отхода десантных войск, высаженных на Кубани, заменил ген. Драценко на посту начальника штаба ген. Улагая. Генерал-майор. Вплоть до эвакуации Русской армии из Крыма в ноябре 1920 г. — ближайший сотрудник ген. Врангеля по принятию оперативных решений. В эмиграции проживал сначала в г. Рушук в Болгарии, а с 1930 г. принял должность директора лесной концессии в городе Дерна в Румынии. Скончался 31 марта 1936 г. в клинике города Клуж, в Румынии, от последствий ранений, полученных во время покушения на него 18 ноября 1935 г. по инаущению владельца служащими концессии.

КОНОВАЛОВ Петр Ильич (1881—1960), генерал-лейтенант Генштаба. Окончил Учительскую семинарию, Новочеркасское казачье юнкерское училище и Николаевскую академию Генштаба 1912 г. Участник первой мировой войны. С декабря 1915 г. — штаб-офицер для поручений при штабе 7-го армейского корпуса. В 1917 г. подполковник. Георгиевский кавалер. В Донской армии с 1918 г. Генерал-майор. В 1919 г. — командир 2-го Донского корпуса, генерал-лейтенант. Эвакуировался с армией ген. Врангеля из Крыма и в 1922 г. находился в Ср. Митровица, Сербия. Скончался сбитый грузовиком в Нью-Йорке 27 апреля 1960 г.

КОНОНОВ Иван Анатольевич (1885—1959), контр-адмирал. Окончил Морской корпус в 1905 г. и Николаевскую Морскую Академию (1912). Участник первой мировой войны, в начале ее — в штабе Черноморского флота. С 1915 г. — капитан 2-го ранга и начальник Военно-морского управления Юго-Западного фронта. В 1916 г. капитан I ранга за участие в операциях в устье Дуная в составе Румынского фронта. Будучи казаком по происхождению, в конце 1917 г. пробирается на Дон и принимает участие в его освобождении весной того же года. Создает и вооружает Донскую и Азовскую флотилии. Произведен в контр-адмиралы атаманом Донского войска генералом Красновым в 1918 г. Продолжает командовать речными флотилиями в составе ВСЮР вплоть до начала 1920 г. В эмиграции обособливается в Париже, где работает инженером как специалист по подъему затонувших кораблей. Состоит в РОВСе, в Морском собрании и сотрудничает в периодической печати («Морской сборник», «Русская мысль» и др.), выступая со статьями об участии флота в первой мировой и гражданской войнах. Автор книги «Пути к Голгофе русского флота и морские рассказы», Нью-Йорк, 1961.

Скончался 23 января 1959 г. в Париже и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

КОНРАДИ Морис, швейцарский гражданин. Участник первой мировой войны в рядах Русской армии. Во время гражданской войны — офицер Дроздовского стрелкового полка. 10 мая 1923 г. застрелил главу советской делегации на Лозаннской конференции В. Воровского в ресторане гостиницы «Сесиль». Был оправдан судом присяжных во время процесса 5—16 ноября 1923 г. в Лозанне, на котором выступал в качестве защитника известный женевский адвокат Шарль Обер.

КОРВИН-КРУКОВСКИЙ Алексей Владимирович (1872—1943), генерал-майор. Окончил Нижегородский Александровский институт (4 класса) и Казанское пехотное юнкерское училище. Участник русско-японской и первой мировой войн. В 1915 г. — полковник, в 1917 — командир 6-го Финляндского стрелкового полка. В Добровольческой армии с самого начала. В Крымско-Азовской армии — начальник дивизии на стадии ее формирования. Генерал-майор. Во ВСЮР — начальник 4-й пехотной дивизии. С декабря 1919 г. и до марта 1920-го — комендант города Новороссийска (в период эвакуации). В Русской армии генерала Врангеля — на различных строевых должностях. В эмиграции жил в Белграде, активно участвовал в работе 4-го отдела РОВСа. Скончался в 1943 г. и похоронен на Новом кладбище в Белграде.

КОРНИЛОВ Лавр Георгиевич (1870—1918), генерал от инфантерии. Окончил Сибирский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1898). Участник русско-японской и первой мировой войн. Георгиевский кавалер 4-й и 3-й степени. В апреле 1915 г., будучи командиром 48-й пехотной дивизии, был взят в плен на Карпатах австрийцами. Бежал из плена в конце 1916 г. и командовал 25-м армейским корпусом. В 1917 г. командовал войсками Петроградского военного округа, 8-й армией, Юго-Западным фронтом и с 19 июля по 27 августа 1917 г. занимал пост Верховного Главнокомандующего. Отрешен от должности Керенским, арестован и заключен вместе со многими сторонниками в Быховскую тюрьму. 19 ноября 1917 г. бежал из Быховской тюрьмы в Новочеркасск и вместе с ген. М. В. Алексеевым создал Добровольческую армию. Первый командующий Добровольческой армией в Кубанском (Ледяном) походе. Погиб при штурме Екатеринодара 31 марта 1918 г.

КОРТАЦЦИ Георгий Иванович (1866—1932), генерал-майор Ген. штаба. Окончил Александровскую гимназию, Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1896). Участник русско-японской войны. Старший адъютант в Управлении ген.-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии. С 1906-го по 1910 г. — на службе в Главном управлении Ген. штаба. Участвовал в работах Совета Государственной Обороны и Морской Академии Ген. штаба. С 1910 г. — командир 133-го пехотного Симферопольского полка, во главе которого выступил на войну в 1914 г. Генерал-майор и дежурный генерал штаба армии Юго-Западного фронта с мая 1915-го. В 1917 — дежурный генерал в Ставке Верховного Главнокомандующего. Во ВСЮР — в распоряжении Главнокомандующего, а затем в 1919 г. — начальник снабжения после ген. Саеникова. В эмиграции жил сначала в Югославии, а затем в Париже, где и скончался 29 декабря 1932 г.

КРИВОШЕИН Александр Васильевич (1858—1921). Окончил юридический факультет Петербургского университета. Ближайший сотрудник П. А. Столыпина. В 1908—1915 гг. — главноуправляющий землеустройством и земледелием. Вышел в отставку после правительственного кризиса в сентябре 1915 г. После Октябрьского переворота возглавил Правый центр в Москве, участник Яского совещания от Государственного объединения в ноябре—декабре 1918 г. Возглавлял это объединение в Екатеринодаре в 1919—1920 гг. В январе 1920 г. генерал Деникин поручил ему заведение всеми делами продовольствия и тыла. В апреле 1920 г. назначен ген. Врангелем помощником Правителя и Главнокомандующего ВСЮР, а затем возглавил Правительство Юга России. Провел Закон о земле, предусматривающий передачу части помещичьих земель в собственность крестьянам, а также «Положение о волостном земстве». Скончался в Берлине 28 октября 1921 г.

КРЫМ Соломон Самойлович (Самуилович) (1867—1936). Родился и получил среднее образование в Феодосии. В Москве окончил юридический факультет и Сельскохозяйственную академию. Гласный Феодо-

сийской городской думы, уездного и губернского земства, а затем председатель Таврического губернского земского собрания. Депутат 4-й Государственной Думы и член Государственного Совета по выборам от земств. 15 ноября 1918 г. совещанием земских и городских гласных избран премьер-министром Крымского краевого правительства. Как сам Крым, так и большинство членов его правительства — в прошлом кадеты. В апреле 1919 г. при отходе Крымско-Азовской армии ген. Боровского на Ак-Манайские позиции выехал за границу из Севастополя с французской эскадрой. В эмиграции проживал во Франции. Участвовал в издании «Русского Альманаха» в Париже. Скончался 9 сентября 1936 г. в районе Тулона.

КУСОНСКИЙ Павел Алексеевич (1880—1941), генерал-лейтенант Ген. штаба. Окончил Петровско-Полтавский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1911). Участник первой мировой войны. С 1915 г. — старший адъютант оперативного отделения в Управлении генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. Подполковник. В 1917 г. — помощник начальника оперативного отделения в Управлении генерал-квартирмейстера Ставки Верховного Главнокомандующего. В ноябре 1917 г. полковник Кусонский был послан ген. Духониним в Быхов с тем, чтобы предупредить ген. Корнилова и его сторонников о приближении большевиков. Вслед за Корниловым уехал в Добровольческую армию. В июне 1918 г. зачислен в Добровольческую армию и назначен генералом для поручений при командующем Добровольческой армией. В январе 1919 г. назначен генерал-квартирмейстером штаба Добровольческой армии, переименованной в мае в Кавказскую Добровольческую армию. В июне 1919 г. — генерал-майор и начальник штаба 5-го кавалерийского корпуса ген. Юзефовича. В Русской армии ген. Врангеля — и. д. начальника гарнизона города Симферополя, с августа 1920 г. — начальник штаба 3-го армейского корпуса. В октябре 1920 г. — начальник штаба 2-й армии. После эвакуации Крыма назначен помощником начальника штаба Главнокомандующего Русской армии. Приказом от 16 февраля 1922 г. произведен за отличия по службе в генерал-лейтенанты. После 1922 г. переехал в Париж, где находился в распоряжении председателя РОВСа ген. Кутепова, а затем ген. Миллера. После ухода ген. Стогова в 1934 г. с поста начальника военной канцелярии РОВСа в Париже замещал его до 1937 г. В 1938 г. переехал в Бельгию, где работал переводчиком, одновременно помогая начальнику РОВСа ген. Архангельскому. 22 июня 1941 г. был арестован гестапо и интернирован в концлагере Брейндонк, в Бельгии. Скончался 22 августа 1941 г. от жестоких побоев. Похоронен семьей на кладбище Уксель в Брюсселе. Прах перенесен с воинскими почестями бельгийскими властями на почетный участок кладбища Юкль в Брюсселе 30 ноября 1944 г.

КУТЕПОВ Александр Павлович (1882—1930), генерал от инфантерии. Окончил Архангельскую гимназию и Петербургское пехотное юнкерское училище. Участник русско-японской и первой мировой войн. Командир роты, батальона, а в 1917 г. — командующий лейб-гвардии Преображенским полком. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с самого начала. Командовал офицерской ротой, батальоном, Корниловским ударным полком. С июня 1918 г. — начальник 1-й дивизии Добровольческой армии (после гибели ген. Маркова). Генерал-майор. Во ВСЮР — командир 1-го армейского корпуса в Добровольческой армии. Генерал-лейтенант. В Русской армии — сначала командир 1-го Добровольческого корпуса, а затем — командующий 1-й армией. Генерал от инфантерии. После эвакуации армии в ноябре 1920 г. — помощник Главнокомандующего ген. Врангеля и начальник Галлипольского лагеря. До 1924 г. находился в Болгарии и Сербии, оставаясь помощником ген. Врангеля. После 1924 г. переехал в Париж, где состоял при Великом Князе Николае Николаевиче, принявшем на себя общее руковод-

ство национальным движением. В 1928 г., после смерти ген. Врангеля, был назначен Великим Князем на должность председателя Русского Общевоинского Союза. 26 января 1930 г. похищен в Париже советской разведкой и согласно «Неделе» (№ 49 за 1989 г.) скончался «от сердечного приступа» на советском корабле по пути к Новороссийску.

На русском кладбище Сент-Женевьев де Буа, среди могил соратников-добровольцев, стоит памятник — символическая могила — генералу Кутепову.

ЛАМПЕ Алексей Александрович, фон (1885—1967), генерал-майор Ген. штаба. Окончил 1-й кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1913). Участник русско-японской и первой мировой войн. В 1916 г. — подполковник и штаб-офицер для поручений при штабе 18-го армейского корпуса. В 1917 г. — и. д. ген.-квартир. штаба 8-й армии. В Добровольческой армии — начальник оперативного отдела в группе войск ген. Врангеля, а затем на той же должности в Управлении ген.-квартирмейстера Кавказской Добровольческой армии. В 1920 г. выполняет различные поручения ген. Врангеля в Константинополе и за границей. Генерал-майор. В начале эмиграции занимает должности военного представителя Русской армии за рубежом: в Дании, в Венгрии и с 1923 г. в Германии. После ликвидации этих должностей возглавляет 2-й отдел РОВСа в Берлине. После роспуска РОВСа в Германии арестовывался гестапо.

После второй мировой войны переехал во Францию и стал заместителем начальника РОВСа ген. Архангельского. С февраля 1957 г. — его преемник, возглавлял РОВС до самой смерти. Скончался 28 мая 1967 г. в Париже и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа. В эмиграции издал 7 томов сборника «Белое дело», где в 4-м и 5-м томах впервые опубликованы воспоминания ген. Врангеля (Берлин, Изд. «Медный Всадник»), он также автор книги (сборник статей) «Пути Верных», Париж, 1960.

ЛОМНОВСКИЙ Петр Николаевич (1871—1954), генерал-лейтенант Ген. штаба. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Павловское военное училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1898). Участник русско-японской и первой мировой войн. В 1904 г. — начальник оперативного отделения в Управлении ген.-квартирмейстера Маньчжурской армии. В 1906 г. — начальник штаба 8-й Восточно-Сибирской дивизии, а с 1908 г. — командир 24-го Сибирского стрелкового полка. В 1912 г. — генерал-майор и генерал-квартирмейстер штаба Киевского ВО. В 1914—1916 гг. — начальник штаба 8-й армии ген. Брусилова. Георгиевский кавалер за успешное наступление 8-й армии в Карпатах. В 1916 г. — генерал-лейтенант и командир 8-го корпуса на Румынском фронте. В 1917 г. — главнокомандующий 10-й армией на Юго-Западном фронте. В начале формирования Добровольческой армии ген. Ломновский был назначен ген. Алексеевым ее представителем в Киеве, где и оставался до занятия Киева ВСЮР в 1919 г. После эвакуации Крыма в эмиграции проживал сначала в Софии, в Болгарии, а затем переехал с семьей во Францию и поселился в Ницце, где и скончался 2 марта 1956 г. Похоронен на русском кладбище Кокад.

ЛУКОМСКИЙ Александр Сергеевич (1868—1939), генерал-лейтенант Ген. штаба. Окончил Петровско-Полтавский кадетский корпус, 1-е Павловское военное училище, Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1897). С 1910 г. — начальник мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба. Подготовил и провел общую мобилизацию 1914 г., за что был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени на Георгиевской ленте. С 1915 г. — помощник Военного министра. В 1916 г. командовал 32-й пехотной дивизией на Юго-Западном фронте и в том же году назначен генерал-квартирмейстером Ставки и заместителем председателя Особого Совещания по обороне

государства. В 1917 г. — начальник штаба Верховного Главнокомандующего. В сент. 1917 г. арестован вместе с генералом Корниловым Временным правительством и заключен в Быховскую тюрьму. Бежал из Быхова на Дон и участвовал в организации Добровольческой армии. В августе 1918 г. — заместитель председателя Особого Сопещения при Верховном руководителе Добровольческой армии, а с сентября того же года — помощник Главнокомандующего и начальник Военного и морского управления при ген. Деникине. В сентябре—декабре 1919 г. — председатель Особого Сопещения. С декабря 1919 по март 1920 возглавлял правительство при Главнокомандующем ВСЮР. С марта 1920 г. — представитель генерала Врангеля в Константинополе. В эмиграции жил главным образом во Франции. Состоял в распоряжении председателя РОВСа. Скончался в 1939 г. в Париже и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа. Оставил воспоминания в двух томах. Изд. «Кирхнер», Берлин, 1922.

МАЙДЕЛЬ И. Н., барон (?—1931), генерал-лейтенант. Известный ученый-артиллерист. В 1919 г. — инспектор артиллерии Донской армии. В начале марта 1920 г. возглавлял оборону города Екатеринодара во время отступления ВСЮР к Новоросийску. В эмиграции проживал в Королевстве СХС, был профессором Люблянского университета. Скончался в Любляне 23 декабря 1931 г. Автор многочисленных трудов по артиллерии и математике.

МАЙ-МАЕВСКИЙ Владимир Зиновьевич (Зенонович) (1867—1920), генерал-майор Ген. штаба. Окончил 1-й кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1896). Участник первой мировой войны. В начале — командир 44-го пехотного Камчатского полка, затем — командующий 35-й пехотной дивизией (1916). После революции, в конце войны, генерал-майор, командующий 1-м гвардейским корпусом. В Добровольческую армию вступил на Дону в начале 1918 г. Командовал 3-й пехотной дивизией, а затем группой войск, состоявших из Добровольческих полков, с которыми он занял Донбасс. В мае 1919 г. армейская группа Май-Маевского была переименована в Добровольческую армию в составе ВСЮР. 27 ноября 1919 г. освобожден ген. Деникиным от должности за разложение тыла и кутежи и заменен генералом Врангелем. Скончался в Севастополе 30 октября 1920 г.

МАКЕЕВ (?) — генерал-лейтенант. Инспектор артиллерии Кавказской армии ген. Врангеля в 1919 г. В конце года назначен начальником Царицынского гарнизона. В феврале 1920 г. назначен главнокомандующим в Черноморской губернии и начальником гарнизона города Новоросийска.

МАЛЕВАНОВ Владимир Львович (1881—1961), генерал-майор Ген. штаба. Окончил Киевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1909). Служил в Приморском драгунском полку. Участник первой мировой войны. В 1916 г. — подполковник и начальник штаба 26-й пехотной дивизии. В 1917 г. — полковник. В 1919 г. — генерал для поручений в Кавказской армии при ген. Покровском. В эмиграции жил в Югославии и Франции, а после второй мировой войны — в США, где и умер в 1961 г.

МАМОНОВ (?) — полковник во 2-м Кубанском казачьем корпусе генерала Улагая. Принял участие в мае 1919 г. в сражении под Великокняжеской, «офицер совершенно исключительной доблести», по словам ген. Врангеля. В июне 1919 г. — генерал-майор и командир 3-й Кубанской казачьей дивизии, вместо раненого генерала Бабиева. Действуя на левом берегу Волги после взятия Царицына Кавказской армией, вошел в связь с разездами Уральского казачьего войска, имея в виду совместные действия с армиями адмирала Колчака. В августе 1919 г. вернулся в Царицын в связи с общим отступлением войск адмирала Колчака и

был назначен начальником 2-й Кубанской казачьей дивизии, так как ген. Бабиев возвратился в строй. Убит 27 сентября 1919 г. у хутора Грачи к северу от Царицына во время успешного боя с конницей Думенко.

МАНЖЕН Шарль (1866—1925), дивизионный генерал. Командующий 10-й французской армией во второй половине 1918 г. Член Высшего военного совета с 1920-го по 1925 г. Начальник французской миссии при Главнокомандующем Русской армией генерале Врангеле с марта по июль 1920 г.

МАНШТЕЙН Владимир Владимирович (?), генерал-майор. Командир 3-го стрелкового полка Дроздовской дивизии в 1920 г.

МАРКАДЕЕВ Павел Анисимович (1878—?), генерал-майор Ген. штаба. Окончил Тюменское реальное училище, Московское военное училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1904). Участник русско-японской и первой мировой войн. В 1916 г. — командующий 12-м Финляндским стрелковым полком. Георгиевский кавалер. В 1917 г. — и. д. командира армейского корпуса. В Добровольческой армии с конца 1918 г. В распоряжении штаба Главнокомандующего ВСЮР (1919). Член военно-полевого суда при штабе Главнокомандующего, а также член Комиссии по пересмотру военных уставов.

МАРКОВ Сергей Леонидович (1878—1918), генерал-лейтенант Ген. штаба. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1904). Участник русско-японской и первой мировой войн. С 1911 г. — штатный преподаватель в Николаевской военной академии. В 1915 г. — начальник штаба 4-й («Железной») дивизии ген. Деникина на Австрийском фронте. С марта 1915 г. — командир 13-го стрелкового полка в бригаде, развернутой в дивизию ген. Деникина. Георгиевский кавалер. В декабре 1915 г. — генерал-майор и генерал для поручений при командующем 10-й армией. Затем, после Февральской революции — 2-й генерал-квартирмейстер Ставки, начальник штаба Западного и Юго-Западного фронтов. Ген.-лейтенант. Арестован по «делу Корнилова» вместе с генералом Деникиным и заключен в Быховскую тюрьму. После бегства из Быховской тюрьмы 19 ноября 1917 г. прибыл на Дон, где участвовал в создании Добровольческой армии. В первом Кубанском походе командовал 1-м офицерским полком, затем 1-й бригадой и 1-й дивизией. Убит в бою у станции Шабалиевка 25 июня 1918 г. в самом начале второго Кубанского похода. Его именем был назван 1-й офицерский полк, развернутый потом в Марковскую дивизию.

МАХИН Федор Михайлович (1882—1945), полковник Ген. штаба. Окончил Оренбургское казачье юнкерское училище и Николаевскую военную академию (1913). Участник первой мировой войны. В августе 1916 г. — подполковник и помощник старшего адъютанта генерал-квартирмейстера штаба 11-й армии. В начале 1918 г. — эсер, добровольно вступил в Красную Армию. В июне 1918 г. — командующий группой войск в районе Уфы. В начале июля 1918 г. перешел на сторону Народной армии Комитета Учредительного собрания. После недолгого пребывания в Новониколаеве эмигрировал в Китай в связи с приходом к власти адмирала Колчака. В эмиграции жил в Берлине (в начале 1920-х гг.), в Праге, Париже, а затем в Белграде, где основал журнал на сербском языке «Русский Архив» (1928—1937). Во время второй мировой войны состоял советником при Верховном штабе Тито, был его приближенным. Награжден высшими орденами, установленными коммунистическим режимом в Югославии. Умер в Белграде 3 июня 1945 г.

МАХНО Нестор Иванович (1889—1934), анархист. Осужден за убийство, провел много лет в тюрьме, освобожден в феврале 1918 г. Создал партизанские отряды во время немецкой оккупации Украины

в 1918 г. В 1919 г. — вошел со своей бригадой в состав 2-й Украинской Красной Армии. После поражения, нанесенного ему корпусом генерала Шкуро, отошел на правый берег Днепра, откуда внезапно вернулся осенью 1919 г., угрожая Ставке ген. Деникина в Таганроге. Вынудил командованье ВСЮР снять ряд лучших частей с фронта для борьбы с ним во время решающей Орловско-Курской операции. Весной 1919 г. отказался выполнять приказы Красного командования, но уже осенью участвовал вместе с войсками Южного фронта под командованием Фрунзе в боях за крымские перешейки и его отряды вошли первыми в Симферополь в ноябре 1920 г. В декабре того же года объявлен командованием Красной Армии вне закона. В 1921 г. бежал в Румынию. В 1934 г. умер в Париже и похоронен на кладбище Пер-Лашез.

МАХРОВ Василий Семенович (1888—1940), полковник Ген. штаба. Окончил Минский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и два класса Николаевской военной академии (1914). Участник первой мировой войны. В 1915 г. — старший адъютант в штабе 20-го корпуса. Один из немногих офицеров, вышедших из окружения корпуса в Августовских лесах в январе 1915 г. вместе с полковником В. Н. фон Дрейером. В начале 1917 г. подполковник, помощник старшего адъютанта отделения генерал-квартирмейстера штаба 7-й армий. В Добровольческой армии с 1918 г. В ноябре 1918 г. ранен под Ставрополем в рядах Дроздовской дивизии. В начале 1919 г. — штаб-офицер для поручений в штабе Крымско-Азовской армии. В Русской армии ген. Врангеля полковник В. С. Махров исполнял должность офицера связи между штабом 2-го корпуса ген. Слацова и отрядом кораблей адмирала Машукова во время высадки в районе Кирилловки в мае 1920 г. с тем, чтобы действовать в тылу Перекопской группы 13-й Красной Армии. На той же должности офицера связи во время десанта генерала Улагая на Кубань летом 1920 г. В эмиграции проживал в Туннсе, находясь на службе при Министерстве земледелия. Скончался в Туннсе 19 октября 1940 г. Прах перенесен в Канны, на юге Франции, в июле 1991 г.

МАХРОВ Николай Семенович (1877—1936), генерал-майор Ген. штаба. Окончил Минское реальное училище, Алексеевское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1904). Участник русско-японской и первой мировой войн. В 1908—1909 гг. — обер-офицер для поручений при штабе Виленского военного округа. В 1910 г. — подполковник и старший адъютант штаба Приамурского военного округа. Во время первой мировой войны с июня 1915 г. — полковник и командир 313-го Балашевского пехотного полка. В 1917 г. — начальник штаба 2-й Туркестанской стрелковой дивизии, а затем — и. д. начальника штаба Туркестанского корпуса. Генерал-майор. В 1918 г. мобилизован в Красную Армию. С 31 мая 1918 г. — начальник 2-й Московской пехотной дивизии. С 26 сентября 1918 г. — начальник штаба 3-й стрелковой дивизии 13-й армии, а в августе 1919 г. — начальник этой дивизии. В 1935 г. ему присвоено звание комбрига. Скончался в Москве в 1936 г. и похоронен на Новодевичьем кладбище.

МЕЛЬНИКОВ Николай Михайлович (1881—1972), председатель Донского правительства и председатель Совета министров Южно-Русского правительства. Окончил Царицынскую гимназию и юридический факультет Московского университета. Избран депутатом во Всероссийское Учредительное собрание от казачьего населения Дона. В декабре 1919 г. назначается атаманом Богаевским председателем Донского правительства, а в феврале 1920 г. (до марта того же года) назначается генералом Деникиным председателем Правительства Юга России. Выехал за границу после ухода ген. Деникина с поста Главнокомандующего в марте 1920 г. В эмиграции в 1922 г. назначается снова на пост председателя Донского правительства атаманом Богаевским. На этом посту остается до смерти атамана в 1934 г. В начале 20-х гг. участвует в организации

Донской исторической комиссии, издавшей 3 тома «Донской Летописи», историческую работу проф. Сватикова «Россия и Дон» и ряд др. изданий. Автор книг «Митрофан Петрович Богаевский», «Алексей Максимович Каледнн — герой Луцкого прорыва и Донской атаман». Скончался в доме для престарелых в Кормей-ан-Паризи под Парижем 11 декабря 1972 г.

МОРОЗОВ Николай Аполлонович (1875—?), генерал-майор Ген. штаба. Окончил Псковский кадетский корпус, Павловское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1905). Участник первой мировой войны на Кавказском фронте. С 1913 г. полковник. В 1916 г. — командир 1-го Кавказского стрелкового полка. В 1919 г. во ВСЮР прикомандирован к штабу атамана Кубанского казачьего войска. В 1920 г. — помощник начальника штаба Кубанского казачьего войска ген. Болховитниова. С 13 апреля 1920 г. — командующий Кубанской армией (точнее ее остатками) в районе Сочи. После 17 апреля 1920 г. вступил в переговоры с командованием Красной Армии о сдаче ей остатков Кубанской армий.

НАУМЕНКО Вячеслав Григорьевич (1883—1979), генерал-лейтенант Ген. штаба. Походный атаман Кубанского казачьего войска. Окончил Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и два класса Николаевской академии Ген. штаба (1914). Участник первой мировой войны. Старший адъютант штаба 1-й Кубанской казачьей дивизии. В Добровольческой армии с 1918 г. Командир Корниловского конного полка, а затем бригады в 1-й конной дивизии ген. Врангеля. Генерал-майор в ноябре 1918 г. по представлению ген. Врангеля. В декабре — начальник 1-й конной дивизии и в то же время избирается походным атаманом Кубанского казачьего войска. В 1919 г. — командир 2-го Кубанского конного корпуса в составе Кавказской армии ген. Врангеля. В Русской армии в сентябре 1920 г. принял командование конной группой ген. Бабиева после гибели последнего. В эмиграции — бессменный походный атаман Кубанского казачьего войска. Во время второй мировой войны временно исполнял должность, вместо ген. П. Е. Краснова, начальника Главного управления казачьих войск. После войны выехал в США и умер в доме Толстовского фонда под Нью-Йорком 30 октября 1979 г. Автор книги (сборник материалов и документов) «Великое предательство» — о выдаче казаков в Лиенце и в других местах (1945—1947), Нью-Йорк, 1962.

НЕВОДОВСКИЙ Николай Дмитриевич (1878—1939), генерал-лейтенант. Окончил 2-й Московский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище. Участник первой мировой войны. В 1915 г. — полковник (за боевые отличия), Георгиевский кавалер и командир артиллерийского дивизиона 15-й арт. бригады. В мае 1917 г. — генерал-майор и командующий 64-й арт. бригадой. В конце 1917 г. — инспектор артиллерии 12-го армейского корпуса. В феврале 1918 г. покинул службу и прибыл в 1-ю отдельную бригаду русских добровольцев полковника Дроздовского. Зачислен рядовым, но вскоре был назначен начальником артиллерии бригады. Принял участие в походе отряда полковника Дроздовского от Ясс до Новочеркасска и вошел в состав Добровольческой армии 12 мая 1918 г. 31 мая назначен инспектором артиллерии Добровольческой армии. В январе 1919 г. назначен инспектором артиллерии Крымско-Азовской Добровольческой армии. Генерал-лейтенант. После расформирования Крымско-Азовской армии в июне 1919 г. назначен инспектором артиллерии войск Северного Кавказа. В октябре 1919 — январе 1920 г. — н. д. начальника гарнизона города Кисловодска и всего Минераловодского района. В эмиграции проживал в Париже, возглавлял Союз добровольцев и был издателем основанной в 1936 г. генералом Деникиным газеты «Доброволец». Трагически погиб в Кенси под Парижем в октябре 1939 г. и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

НЕЖЕНЦЕВ Митрофан Осипович (1886—1918), полковник Ген. штаба. Окончил Александровское военное училище. Участник первой мировой войны. В 1914 г. окончил два курса Николаевской военной академии и был причислен к Ген. штабу. Капитан. Будучи начальником разведывательного отделения штаба 8-й армии, когда во главе нее стоял ген. Корнилов, прнступил к формированию Добровольческого ударного отряда. 1 августа 1917 г. сформированный им Корниловский ударный полк прибыл в Ставку после успешных боев на Юго-Западном фронте. Георгиевский кавалер. Ген. Корнилов воспротивился использованию этого полка во время своего выступления в конце августа 1917 г. В ноябре—декабре 1917 г. кадры и значительная часть рядового состава полка прибыли в Новочеркасск, образовав 1-й полк Добровольческой армии. Произведенный в полковники, Неженцев командовал полком во время 1-го Кубанского похода и был убит при штурме Екатеринодара 12 апреля 1918 г.

НЕНЮКОВ Дмитрий Всеволодович (1869—1929), вице-адмирал. Окончил Морской корпус в 1889 г. Участник русско-японской и первой мировой войн. Портартурец. Во время русско-японской войны участвовал на флагманском броненосце «Цесаревич» в сражении на Желтом море 28 августа 1904 г. Был ранен. Георгиевский кавалер «за отличие». В 1908 г. проходил курс в Военно-морском отделении Николаевской академии. В 1910—1911 гг. — офицер Морского Генерального штаба. В 1912 г. командовал эскадренным броненосцем «Пантелеймон», а затем снова служил в Морском Генеральном штабе, являясь заместителем начальника по судостроению. В 1914 г. — контр-адмирал. С 1916 г. — на Черноморском флоте — вице-адмирал. С 1918 г. активно участвовал в спасении флота и занимал различные должности в Морском управлении при Главнокомандующем ВСЮР. С 1919 г. по февраль 1920 г. — командующий Черноморским флотом. 8 февраля 1920 г. уволен ген. Деникиным вместе с начальником штаба контр-адмиралом Бубновым за выступления в пользу назначения генерала Врангеля на место ген. Шиллинга главнокомандующим в Крыму. После избрания ген. Врангеля Главнокомандующим ВСЮР в марте 1920 г. адмирал Ненюков часто заменял больного адмирала Саблина, назначенного снова Командующим флотом 28 апреля 1920 г. Играл выдающуюся роль в деле восстановления Черноморского флота при ген. Врангеле и во время эвакуации Русской армии из Крыма в ноябре 1920 г. В эмиграции жил в Королевстве СХС, где скончался в Земуне 23 июля 1929 г. и похоронен на Новом кладбище в Белграде.

НОВИКОВ Александр Васильевич (1864—?), генерал-лейтенант Ген. штаба. Окончил Нижегородскую графа Аракчеева военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1891). В 1905—1907 г. начальник Тверского кавалерийского училища, с 1907 по 1910 — Елизаветградского кавалерийского училища. Участник первой мировой войны. Начальник 14-й кавалерийской дивизии, затем командир 1-го кавалерийского корпуса. С июня 1915 г. — командир 43-го армейского корпуса. В апреле 1917 г. уволен в отставку. В начале 1918 г. привлечен на службу сов. власти — начальник штаба Северо-Западного и Западного участка обороны. Затем служил в РККА.

НОЛЬКЕН Александр Людвигович, барон (1879—1958), генерал-майор Ген. штаба. Окончил Орловский кадетский корпус, Николаевское училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1908). Участник первой мировой войны. Штаб-офицер для поручений в Управлении ген.-квартирмейстера Главнокомандующего Западного фронта. В 1917 г. — полковник и и. д. ген.-квартирмейстера штаба 9-й армии. В Добровольческой армии с конца 1918 г. Состоял при французской миссии. Во ВСЮР и в Русской армии — при иностранных миссиях. Генерал-майор. В эмиграции — сначала в Сербии, а потом во Франции. Активный член Общества Генераль-

ного штаба и Объединения инженерной академии и училища в Париже. Незадолго до смерти избран председателем Гвардейского объединения. Скончался 22 апреля 1958 г. в Париже и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

ОБЕР Шарль Теодор (?—1963). Известный швейцарский адвокат. Защищал в ноябре 1923 г. Мориса Конради на судебном процессе в Лозанне в связи с убийством Воровского. Основал «Лигу Обера», занимавшуюся сбором и изучением документов о большевистском терроре в России. Скончался в Женеве 19 января 1963 г.

ОСТЕЛЕЦКИЙ Павел Павлович (1880—?), капитан 1-го ранга. Окончил Морской корпус в 1899 г. Участник русско-японской и первой мировой войн. Портартурец. В 1911 г. окончил курс Военно-морского отделения Николаевской академии. Во время первой мировой войны служил на различных кораблях Черноморского флота. Едва избежал расстрела во время массового террора в Крыму в январе—марте 1918 г. Во ВСЮР сначала находился при Морском управлении штаба Главнокомандующего, а затем в 1919 г. — на Черноморском флоте. 10 сентября 1919 г. командовал десантом, взявшим Одессу. В 1920 г. командовал отрядом кораблей Черноморского флота и в ноябре 1920 г. ушел с его остатками в Бизерту (Тунис).

ПАВЛИЧЕНКО Иван Дмитриевич (?—1961), генерал-майор, кадровый казачий урядник в конвое наместника на Кавказе до начала первой мировой войны. Во время войны — в Запорожском полку на Кавказском фронте, где за боевые отличия получил все четыре степени солдатского Георгиевского креста и был произведен в офицеры. В 1917 г. — сотник. По возвращении с фронта на Кубань в начале 1918 г. был привлечен Красным командованием на должность командира конного казачьего полка. Во время 2-го Кубанского похода (лето 1918), перешел со всем полком на сторону белых и вошел в состав конной группы ген. Эрделн. В декабре 1918 г. — есаул и командир 1-го Запорожского полка, входившего в состав 1-й конной дивизии ген. Врангеля. Произведен последовательно в полковники, а затем в ген.-майоры по представлению ген. Врангеля. Командир 3-й Кубанской дивизии. 19 раз ранен. Оставался на должности командира дивизии во ВСЮР и в Русской армии. В эмиграции проживал сначала в Сербии, в Малом Саду, а затем во Франции. После второй мировой войны выехал в Бразилию, где и скончался в Сан-Паоло 9 августа 1961 г.

ПАВЛОВ Александр Александрович (1863—1935), генерал-лейтенант. Участник русско-японской и первой мировой войн. Начал службу в лейб-гвардии гусарском полку. Во время русско-японской войны и сразу после нее командовал Нерчинским казачьим полком. В 1915—1916 гг. — в кавалерийской дивизии 8-й армии ген. Бруслова. В 1917 г. — командир кавалерийского корпуса. Генерал-лейтенант. Во ВСЮР — командир корпуса и конной группы — 2-го и 4-го Донских корпусов. В январе 1920 г. нанес сильный удар по 1-й конной армии Буденного под Ростовом. Потерпел поражение в Егорлыкском сражении с 1-й конной армией в феврале 1920 г. В эмиграции проживал в Белграде, где и умер в 1935 г. Похоронен на Новом кладбище.

ПАРСКИЙ Дмитрий Павлович (1866—1921), генерал-лейтенант Генштаба. Окончил Орловский кадетский корпус, 2-е военное Константиновское училище и Николаевскую академию Генштаба (1893). Участник русско-японской и первой мировой войн. Начальник оперативного отдела в Управлении ген.-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии (1904—1905). В 1908 г. — командир 140-го пехотного Зарайского полка. В 1915 г. — начальник 55-й пехотной дивизии, в 1916 — командир гренадерского корпуса, в 1917 — командующий 12-й армией. Генерал-лейтенант. В феврале 1918 г. согласился возглавить Нарвский оборонительный

район в РККА и стал вскоре военным руководителем Северного участка завесы. Осенью 1918 г. недолго командовал Северным флотом, а затем стал членом и редактором Военно-исторической комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг. В 1919—1921 гг. — председатель Комиссии по разработке уставов. Умер от тифа 20 декабря 1921 г.

ПАРХОМОВ Дмитрий Николаевич (1871—1925), генерал-лейтенант Ген. штаба. Окончил 4-й Московский кадетский корпус, 3-е военное Алексеевское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1899). Участник русско-японской и первой мировой войн. Проходил службу главным образом в штабе Варшавского военного округа. Был близок с ген. Деникиным. В 1904—1911 гг. — штаб-офицер для поручений при штабе Варшавского военного округа. С 1911 г. — начальник строевого отдела Варшавской крепости. В 1915 г. — генерал-майор и командир бригады 12-й пехотной дивизии. В 1916—1917 гг. — начальник штаба 11-го армейского корпуса. В Добровольческой армии с 1918 г. С начала 1919 г. — начальник штаба Крымско-Азовской Добровольческой армии. Генерал-лейтенант. С апреля 1919 г. — в распоряжении Главнокомандующего ВСЮР. В Русской армии ген. Врангеля — на административных должностях. В эмиграции проживал сначала в Банья Лука, а затем в Белграде, где и умер в 1925 г. Похоронен на Новом кладбище.

ПЕТЛЮРА Симон Васильевич (1879—1926). Учился в духовной семинарии. Участник первой мировой войны. После Февральской революции основал и возглавил Украинский фронтальный комитет Центральной рады в Кневе, секретарь по иностранным делам Генерального секретариата Центральной рады. После ухода германских войск и падения гетмана в ноябре 1918 г. — член Украинской Директории в Головной атаман (командующий войсками). С февраля 1919 г. — председатель Директории. В 1920 г. эмигрировал во Францию. Был убит в Париже в мае 1926 г.

ПЕТРОВ (по всей вероятности, **Василий Петрович**) (1869—1929), генерал-майор Ген. штаба. Окончил Курское военно-топографическое училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1903). В 1911 г. — полковник, состоял преподавателем в Иркутском, а потом в Чугуевском военном училище. С сентября 1916 г. на фронте — командир 126-го пехотного Рыльского полка. В конце 1918 г. — дежурный генерал в Добровольческой армии ген. Врангеля, а с мая 1919 г. на той же должности в Кавказской Добровольческой армии вплоть до начала 1920 г. Проживал в эмиграции в Королевстве СХС. Скончался в Белграде в 1929(?).

ПИСАРЕВ Петр Константинович (1874—1967), генерал-лейтенант. Участник первой мировой войны в рядах 42-го Донского казачьего полка. В 1917 г. — полковник и н. д. командира полка. В Добровольческую армию прибыл одним из первых в ноябре 1917 г. В 1-м Кубанском походе — генерал-майор и командир партизанского (Алексеевского) полка. В Кавказской армии ген. Врангеля с июля 1919 г. — начальник 6-й пехотной дивизии, а затем и. д. командира 1-го Кубанского корпуса в Русской армии ген. Врангеля. Короткое время — комендант Севастополя. С мая 1920 г. — командир Сводного корпуса. Генерал-лейтенант и перед эвакуацией из Крыма — командир 1-го армейского (Добровольческого) корпуса. После короткого пребывания в Сербии переехал во Францию, где после смерти ген. Невадовского тайно во время немецкой оккупации по поручению ген. Денкина возглавлял Союз добровольцев. Скончался 22 декабря 1967 г. в Шелле под Парижем и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

ПЛЮЩИК-ПЛЮЩЕВСКИЙ Юрий Николаевич (1877—1926), генерал-майор Ген. штаба. Окончил Александровский кадетский корпус, Кон-

стантинское артиллерийское училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1905). Участник первой мировой войны. С 1915 г. — командир 202-го пехотного Горныйского полка. В 1917 г. — и. д. генерала для поручений в Управлении дежурного генерала при Верховном Главнокомандующем, а затем и. д. 2-го генерал-квартирмейстера штаба Верховного Главнокомандующего. В Добровольческой армии с самого начала. Во ВСЮР — с начала 1919 г. по февраль 1920 — генерал-квартирмейстер штаба Главнокомандующего. Оставил свою должность по болезни. В эмиграции сначала в Петровардине (Сербия), а затем в Париже, где и скончался. Похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

ПОКРОВСКИЙ Виктор Леонидович (1889—1922), генерал-лейтенант Окончил Павловское военное училище и Севастопольскую авиационную школу. Участник первой мировой войны, военный летчик, Георгиевский кавалер. В 1917 г. — штабс-капитан и командир 12-го армейского авиационного отряда в Риге. После Октябрьского переворота сформировал в Кубани 2-й Добровольческий отряд. После первоначальных успехов был вынужден оставить Екатеринодар 1 марта 1918 г. Назначен Кубанской радой командующим войсками Кубанской области и произведен в полковники, а затем в генерал-майоры. Командовал Кубанской армией, ушедшей в Ледовый поход, вплоть до ее соединения с Добровольческой армией в ауле Шенджий. В Добровольческой армии — командир коной бригады и дивизии. Во ВСЮР — командир 1-го Кубанского казачьего корпуса в составе Кавказской армии ген. Врангеля. Произведен в генерал-лейтенанты ген. Деникиным за взятие Камышина. С ноября 1919 г. по февраль 1920 г. — командующий Кавказской армией после ген. Врангеля. В Русской армии ген. Врангеля не получил назначения на командную должность и эмигрировал в апреле 1920 г. Убит террористами 9 ноября 1922 г. в Кюстендиле (Болгария).

ПОЛЗИКОВ Михаил Николаевич (1876—1938), генерал-майор. Окончил Орловский кадетский корпус, Павловское военное училище. Участник первой мировой войны. Командир батареи и дивизиона. Полковник. Вступил добровольцем в отряд полковника Дроздовского в конце декабря 1917 и в должности командира легкой батареи совершил поход Яссы—Новочеркасск в начале 1918 г. Вплоть до эвакуации из Крыма в ноябре 1920 г. участвовал во всех боях Дроздовской дивизии. Был последовательно назначен командиром артиллерийского дивизиона и бригады Дроздовской дивизии. В Русской армии ген. Врангеля — генерал-майор. После пребывания в лагере Галлиполи и в Болгарии переехал на жительство в Люксембург. Скончался в Вассербилге 6 июня 1938 г.

ПЯТНИЦКИЙ Владимир Николаевич (?—1963), полковник. В Добровольческой армии — начальник штаба 34-й дивизии в конце 1918 — начале 1919 г. Осенью 1919 г. — штаб-офицер для поручений в Кавказской армии в период командования ею генералом Покровским. В эмиграции проживал в Париже. Был администратором и одним из помощников ген. Н. Н. Головина на Высших военно-научных курсах в Париже. Затем помощник ген. Туркула по созданию Российского Национального Союза участников войны. Редактор газеты «Сигнал». В конце второй мировой войны участвовал в формировании РОА ген. Власова. Вернулся во Францию после второй мировой войны, жил в Париже. Покончил самоубийством 19 ноября 1963 г.

РАДКО-ДМИТРИЕВ Радко Дмитриевич (1859—1918). Генерал от инфантерии «за боевые отличия» с 3 сентября 1914 г. С марта 1916 — снова числился по Ген. штабу. Родился и начал службу в Болгарии. Перешел на русскую службу после заговора против кн. Александра Баттенбергского. Окончил Николаевскую академию Ген. штаба (1884). Служил на Кавказе. Вернулся в Болгарию и участвовал в Первой Балканской войне. 13 августа 1913 г. — назначен болгарским посланником в России. Принял русское подданство и в начале первой мировой войны

добровольно вступил в русскую армию. Успешно командовал 7-м армейским корпусом и 3-й армией (после ген. Рузского) во время Галицийской битвы в 1914 г. В 1917 г. — командующий 12-й армией. После Февральской революции вышел в отставку. 18 октября 1918 г. был зверски убит большевиками вместе с ген. Н. В. Рузским и др. в Пятигорске.

РЕННЕНКАМПФ Павел Карлович, фон (1854—1918), генерал от кавалерии и генерал-адъютант. Окончил Гельсингфорское пехотное училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1882). В 1895—1899 гг. — командир 36-го Ахтырского драгунского полка. В 1900 г., во время Боксерского восстания в Китае, — начальник сводного отряда, совершившего рейд по Маньчжурии и последовательно занявшего Цицпар, Гири и Муكدен. Георгневский кавалер 4-й и 3-й степени. Во время русско-японской войны — генерал-майор и начальник Забайкальской кавалерийской дивизии и 7-го Сибирского корпуса. Ранен. Пронзведен в генерал-лейтенанты за боевые отличия. В 1905—1912 гг. — командир 3-го Сибирского и 3-го армейского корпусов. С 1912 г. — генерал от кавалерии и командующий войсками Виленского военного округа. В начале первой мировой войны вступил в командование 1-й армией Северо-Западного фронта и нанес поражение 8-й германской армии под Гумбиненом в Восточной Пруссии. Отрешен от командования 1-й армией в ноябре 1914 г. после выхода германского корпуса из окружения во время Лодзинской операции. Не получил нового назначения и находился в распоряжении Военного министра до февраля 1917 г. Арестован Временным правительством по обвинению в подавлении беспорядков на Сибирской железнодорожной магистрали в 1905 г. После октября 1917 уехал на жительство в Таганрог. 3 марта 1918 г. (по ст. ст.) арестован по приказу Антонова-Овсеенко, который предложил генералу Ренненкампу занять высокий пост в Красной Армии. После отказа поступить на службу в Красную Армию генерал Ренненкамф был зверски казнен (изрублен) в ночь с 31 марта на 1 апреля 1918 г. (по ст. ст.).

РОМАНОВСКИЙ Иван Павлович (1877—1920), генерал-лейтенант Ген. штаба. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, Константиновское кавалерийское училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1903). Участник русско-японской и первой мировой войн. В начале первой мировой войны — начальник штаба 25-й пехотной дивизии, затем — командир 206-го Сальянского пехотного полка. В июле 1916 г. — генерал-майор и генерал-квартирмейстер штаба 10-й армии. В 1917 г. — начальник штаба 8-й армии, затем генерал-квартирмейстер штаба Верховного Главнокомандующего. Арестован Временным правительством вместе с ген. Корниловым в сентябре 1917 г. и находился в заключении в Быховской тюрьме. Бежал на Дон в ноябре 1917 и принял участие в создании Добровольческой армии, ее первый начальник штаба при ген. Корнилове. Бессменный начальник штаба в Добровольческой армии, а затем начальник штаба Главнокомандующего ВСЮР. Ген.-лейтенант. По настоянию многих военачальников белых армий был заменен приказом ген. Денкина от 16 марта 1920 г. на этом посту генералом П. С. Махровым. Выехал за границу из Феодосии вместе с ген. Денкиным после сдачи командования ВСЮР генералу Врангелю. Убит 5 апреля 1920 г. в Константинополе поручиком М. А. Хоружиним.

РОМАНОВСКИЙ Сергей Георгиевич, князь, герцог Лейхтенбергский (1890—1974), капитан 2-го ранга. Окончил Морской корпус в 1911 г. Участник первой мировой войны. Состоял при Главнокомандующем Черноморским флотом адмирале Эбергарде. В 1916 г. прикрывал команду отрядом катеров, десантную операцию, закончившуюся взятием Трапезунда. В Белом движении с 1919 г. Состоял в отряде кораблей, освободивших Херсон и Николаев. Как офицер связи от флота был прикомандирован к штабу 2-го корпуса генерала Слащова во время обороны крымских перешейков зимой 1920 г. 1 июля 1920 г. был отправлен гене-

ралом Врангелем к своему отчиму Великому Князю Николаю Николаевичу, проживавшему тогда в Италии, в связи с обнаружением в Севастополе заговора молодых офицеров-монархистов, утверждавших, как пишет ген. Врангель, что «вместо меня будто бы во главе армии станет Вел. Князь Николай Николаевич, а временно, до его приезда, пасынок его, герцог Сергей Георгиевич Лейхтенбергский» (ген. П. Н. Врангель. Воспоминания, т. 2, с. 100). Генерал Врангель пишет далее, что он поставил крест на этом деле, отправив молодых офицеров на фронт и написав Вел. Князю, чтобы он оставил кн. Романовского у себя. В эмиграции кн. Романовский проживал в Риме, где возглавлял Русское собрание, ведавшее Гоголовской библиотекой и помогавшее немущим эмигрантам. Будучи по матери двоюродным братом короля Умберто, имел возможность помогать сразу после второй мировой войны многим русским, которым грозила насильственная репатриация. После второй мировой войны одно время состоял почетным председателем Русского Национального Объединения (РНО), созданного главным редактором журнала «Часовой» В. В. Ореховым. Скончался в Риме 16 декабря 1974 г., где и похоронен.

РЮЭ Мари Венсен (1869—1941), бригадный генерал. Полковник на Салоникском фронте в декабре 1916—мае 1919 г. В январе—апреле 1920 г. в Севастополе командовал отрядом из частей 156-й дивизии и др.

РЯБИНИН Николай Александрович (1885—?), капитан 1-го ранга. Окончил Морской корпус в 1910 г. Участвовал в первой мировой войне, плавал на различных судах Черноморского флота. С начала 1919 г. — снова на флоте в составе ВСЮР. В феврале 1920 г. в чине капитана 2-го ранга был назначен начальником штаба Командующего Черноморским флотом вице-армирала Герасимова и прибыл с ним из Новороссийска в Севастополь 16 февраля 1920 г. На Военном совете в Севастополе, собранном по приказу ген. Деникина в марте 1920 г., выступил как активный сторонник ген. Врангеля. В конце 1920 г. ушел с остатками Черноморского флота в Бизерту (Тунис).

САБЛИН Михаил Павлович (1869—1920), вице-адмирал. Окончил Морской корпус в 1890 г. Участник военных действий против Китая в 1900—1901 гг., русско-японской и первой мировой войн. После японской войны служил в Черноморском флоте. В 1912—1914 гг. командовал линейным кораблем «Ростислав». После 1918 г. — участник Белого движения, занимал различные должности в Морском управлении при Главнокомандующем ВСЮР. Командовал Черноморским флотом и был начальником Морского управления с 9-го по 17 февраля и снова с 28 апреля по конец сентября 1920 г. 17 октября 1920 г. скончался в Севастополе от рака печени.

САВИНҚОВ Борис Викторович (1879—1925), эсер. Писал под псевдонимом В. Ропшин. В 1917 г. — комиссар Временного правительства при Ставке Главнокомандующего. Товарищ военного министра. За связь с ген. Корниловым исключен в сентябре 1917 г. из партии эсеров. Зимой 1918 г. организовал в Москве «Союз защиты Родины и Свободы», подготовивший восстания в Ярославле и в Муроме. В 1919 г. — член Русского политического совещания в Париже, выступившего перед правительствам держав Антанты от имени белых армий. В 1920 г. в Варшаве возглавлял Русский политический комитет и заявил о признании правительства генерала Врангеля. Арестован 16 августа 1924 г. после перехода советской границы в результате операции чекистов. 29 августа 1924 г. на Московском процессе приговорен к расстрелу, замененному лишением свободы на 10 лет. 7 мая 1925 г. погнб в тюрьме. Согласно официальной версии покончил самоубийством.

САННИКОВ Александр Сергеевич (1866—1931), генерал-лейтенант Ген. штаба. Окончил Киевский кадетский корпус, Павловское военное

училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1892). В 1908—1910 гг. — командир 2-го уланского Чугуевского полка. С 1910 г. — генерал-квартирмейстер штаба Принамурского военного округа, а с 1913 г. по ходатайству командующего войсками Принамурского военного округа ген. Лечицкого — начальник штаба этого округа. Участник первой мировой войны, сначала на должности начальника штаба 2-й армии (с декабря 1914 г.), а с февраля 1915 г. снова в качестве начальника штаба ген. Лечицкого — командующего 9-й армией. Георгиевский кавалер за подготовку прорыва 9-й армией Австрийского фронта в мае 1916 г. В 1917 г. получает назначение главным начальником снабжения Румынского фронта. После революции, в начале 1918 г., принимает на короткое время выборную должность Одесского городского головы. В начале августа 1918 г. прибывает в Добровольческую армию и назначается генералом Деникиным на должность начальника снабжения. С января по март 1919 г. ген. Деникин назначает его на пост главнокомандующего в Одессе, откуда он отъезжает в силу непримлемости Добровольческим командованием политической линии французского генерала Ансельма. По возвращении в Екатеринодар принимает снова должность начальника снабжения ВСЮР, на которой остается до конца 1919 г. В 1920 г. — в распоряжении Главнокомандующего Русской армией. В эмиграции жил сначала в Константинополе, затем в Сербии, в Земуне, откуда выехал во Францию. Скончался в Париже 16 февраля 1931 г.

САТТЕРУП Дмитрий Владимирович (1873—?), генерал-майор. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, Александровское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1904). В 1910—1911 г. — старший адъютант Виленского военного округа. Затем помощник начальника, а потом и начальник Мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба. В 1910 г. — полковник, в 1917 г. — генерал-майор. В 1918 г. мобилизован в Красную Армию, где продолжал служить в Мобилизационном отделе. В 1923 г. числился в списках лиц с высшим образованием, служащих в РККА. Его имя отсутствует в списках получивших персональные воинские звания в 1925 г.

СЕЙМУР М. Кулле (1867—1925), английский адмирал. В 1919 г. — командующий Британской морской эскадрой в Черном море. В 1920 г. — заместитель командующего Британскими морскими силами в Средиземном море. В 1925 г. — 2-й лорд Адмиралтейства.

СЕКРЕТЕВ Александр Степанович (род. около 1880 — после 1922), генерал-лейтенант. Окончил Донской кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Участник русско-японской и первой мировой войн. После японской войны вернулся в свой лейб-гвардии Атаманский полк, но вскоре вынужден был уйти в запас. В 1913 г. зачислен в 15-й казачий полк. В конце 1917 г. — командир 25-го Донского казачьего полка — полковник. Во время всеобщего Донского восстания весной 1918 г. командовал 1-м конным полком. В Донской армии ген. Краснова — командир бригады и ген.-майор. Весной 1919 г. — начальник 9-й конной дивизии. Во главе этой дивизии участвовал в рейде 4-го Донского корпуса генерала Мамонтова по тылам красных армий. Во время отступления к Новороссийску зимой 1920 г. временно командовал 4-м Донским корпусом. После эвакуации из Крыма в 1920 г. находился в Болгарии. В 1922 г. примкнул к Союзу возвращения на Родину, созданному агентами ГПУ. Подписал обращение «К войскам Белой армии» с призывом возвращаться в Советский Союз. Приказами по казачьим войскам и по РОВСу был исключен из списков всех казачьих частей и лишен права носить казачью форму. В 1922 г. или в самом начале 1923 г. вернулся в СССР, где вскоре бесследно исчез.

СЕЛИВАЧЕВ Владимир Иванович (1868—1919), генерал-лейтенант. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1894), но по Генеральному штабу не служил. Участник первой мировой войны. Вы-

шел на фронт командиром 4-й Финляндской бригады (развернутой потом в дивизию) в составе 22-го армейского корпуса. В 1917 г. — генерал-лейтенант и командир 49-го армейского корпуса, с которым одержал крупную победу у Зборова 18 июля 1917 г. Мобилизован в Красную Армию. В 1919 г. — помощник командующего Южным фронтом и одновременно командующий ударной группой в составе 8-й в части 13-й красных армий. Вывел свою группу из окружения, готовившегося генералом Деникиным. Внезапно умер 17 сентября 1919 г. Генерал Деникин считал, что его отравили, подозревая в сочувствии к белым и в измене. Это предположение ген. Деникина было частично подтверждено сравнительно недавно опубликованными четырьмя телеграммами Ленина от 16 сентября 1919 г. Военному совету фронта и лично Троцкому, прямо указывающими на возможную измену Селивачева (Ленин В. И., Полное собр. соч. Т. 51, с. 49—51).

СЕМЕНОВ Григорий Михайлович (1890—1946), генерал-лейтенант. Окончил Оренбургское военное училище (1911). Участник первой мировой войны. Служил под начальством Н. Н. Врангеля, тогда полковника в Нерчинском полку. Есаул. В 1917 г. — комиссар Временного правительства в Забайкалье по формированию Добровольческих частей. С сентября 1918 г. — командир корпуса Временного Сибирского правительства, а затем — командующий войсками Читинского военного округа. В начале 1919 г. — избран атаманом Забайкальского казачьего войска. 30 июля 1919 г. назначен адмиралом Колчаком помощником командующего войсками и главного начальника Приамурского края ген. С. Н. Розанова. С 24 декабря 1919 г. — главнокомандующий всеми белыми силами в тылу. С января 1920 г. принял всю полноту власти как преемник адмирала Колчака. В ноябре 1920 г. отступил в Приамурье, откуда продолжал борьбу, а в сентябре 1921 г. эмигрировал в Маньчжурию. В сентябре 1945 г. захвачен советскими войсками и казнен 30 августа 1946 г.

СЕРБИН Юрий Владимирович (1888—1964), полковник, причисленный к Ген. штабу. Окончил первый Московский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище. Участник первой мировой войны в составе горного дивизиона Кавказской кавалерийской дивизии. В 1917 г. окончил курсы (первой очереди) при Николаевской военной академии и был причислен к Генеральному штабу. В 1917 г. — старший адъютант в штабе 5-й Кавказской казачьей дивизии. Участник 1-го Кубанского похода в 1918 г. Состоял начальником штаба отряда генерала Покровского. После этого был начальником штаба дивизии и генералом для поручений при командующем Кавказской армией в период, когда ею командовал ген. Покровский. В Русской армии ген. Врангеля в Крыму был начальником штаба Кубанской казачьей дивизии ген. Бабиева. Был тяжело контужен в бою 30 сентября 1920 г., в котором был смертельно ранен генерал Бабнев. В эмиграции жил в Югославии и служил в Военном министерстве. Во время второй мировой войны выехал в Германию, откуда переехал в Аргентину. Скончался в Буэнос-Айресе 10 марта 1964 г.

СИДОРИН Владимир Ильич (1882—1943), генерал-лейтенант. Окончил Донской кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и Николаевскую военную академию (1910). Участник русско-японской и первой мировой войн. В 1915—1917 гг. — начальник штаба 102-й пехотной дивизии. В 1917 г. полковник, заместитель председателя Союза офицеров армии и флота. С декабря 1917 г. участвовал в борьбе с большевиками на Дону. Начальник штаба походного атамана Войска Донского генерала П. К. Попова в Степном походе в 1918 г. Генерал-майор. Во ВСЮР — командующий Донской армией с 15 февраля 1919 г. по 27 марта 1920 г. Генерал-лейтенант. После эвакуации Новороссийска командовал остатками Донской армии, прибывшими в Евпаторию, в Крым, сведениями в Донской корпус. 18 апреля 1920 г. по приказу генерала Вран-

геля отрешен от должности вместе со своим начальником штаба ген. Келчевским и предан суду. Приговорен к 4 годам каторги, но помилован ген. Врангелем и уволен в отставку без права ношения мундира. С мая 1920 г. — в эмиграции в Болгарии и Сербии.

СКОБЕЛЬЦЫН Владимир Степанович (1872—1944), генерал-лейтенант Ген. штаба. Окончил Орловский кадетский корпус, 1-е военное Павловское училище и Николаевскую академию Ген. штаба. В 1906—1907 гг. служил в Управлении генерал-квартирмейстера Ген. штаба. Участник первой мировой войны, которую начал командиром 2-го Финляндского стрелкового полка. Генерал-майор с октября 1914. Начальник штаба 17-го, а затем 40-го (во время Брусиловского прорыва 1916 г. корпусов. В 1917 г. — помощник главнокомандующего Северным флотом. После революции вернувшись в Финляндию. С 1919 г. — в Северной армии ген. Миллера — командующий на петрозаводском направлении. Отшел в Финляндию в феврале 1920 в связи с эвакуацией Архангельска ген. Миллером. В 1921 г. приехал во Францию и проживал сначала в Версале, а затем на юге Фраиции на ферме в Мазерсе неподалеку от города По, где и скончался в 1944 г.

СКОБЛИН Николай Владимирович (1894—1937?), участник первой мировой войны. В 1914 г. — прапорщик 126-го пехотного Рыльского полка. В 1917 г. — штабс-капитан, вступил в 1-й ударный отряд (затем Корниловский ударный). В Добровольческой армии с самого начала. В конце 1917 г. — в Корниловском ударном полку под командой полковника Неженцева. Командир роты, командир батальона. В ноябре 1918 г. — полковник и командир Корниловского полка. В Русской армии ген. Врангеля — начальник Корниловской дивизии, произведен в генерал-майоры. В Галлиполийском лагере — командир Корниловского полка, сформированного из остатков дивизии. Переехал с полком в Болгарию, где в 1923 г. был отрешен от командования полком генералом Врангелем. В 1919 г. был восстановлен во главе объединения Корниловского ударного полка генералом Кутеповым в Париже. В сентябре 1930 г. был завербован советской разведкой и выполнял ее задания вплоть до похищения председателя РОВСа генерала Е. К. Миллера в сент. 1937 г. Был разоблачен, бежал, по-видимому, в Испанию.

СКОРОПАДСКИЙ Павел Петрович (1873—1945), генерал-лейтенант. Окончил Пажеский корпус (1893) и вышел в лейб-гвардии конный полк. Флигель-адъютант свиты Императора Николая II. Участник русско-японской и первой мировой войн. В 1916 г. — начальник 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. В 1917 г. — командующий 34-м армейским корпусом. С конца 1917 г. возглавлял воинские формирования Центральной рады. После Брест-Литовского мира, 29 апреля 1918 г., избран с согласия германских оккупационных властей гетманом Украинской державы. 14 декабря 1918 г. эмигрировал в Германию. Погиб при бомбежке Берлина в конце второй мировой войны.

СЛАЦОВ Яков Александрович (1883—1929), генерал-лейтенант. Окончил Павловское военное училище в 1905 г. В 1911 г. — окончил Николаевскую академию Ген. штаба по 2-му разряду, без права причисления к Генеральному штабу из-за низкого среднего бала. Участник первой мировой войны в лейб-гвардии Финляндском полку. Георгиевский кавалер, полковник, с июля 1917 г. — командующий гвардии Московским полком. В Добровольческой армии с января 1918 г. Послан в качестве эмиссара ген. М. В. Алексеевым на Северный Кавказ. В мае 1918 г. — начальник штаба партизанского отряда А. Г. Шкуро. В апреле 1919 г. произведен в ген.-майоры и назначен начальником 5-й пехотной дивизии ВСЮР. В ноябре 1919 г. — командующий 3-м армейским корпусом, с которым он зимой 1919—1920 гг. успешно руководил обороной Крыма. После принятия ген. Врангелем главного командования ВСЮР Слацов был произведен в генерал-лейтенанты и продолжал успешно

оборонять крымские перешейки. После неудачи корпуса Слашова в августе 1920 г. под Каховкой ген. Врангель принял его отставку. В ноябре 1920 г. эвакуировался с армией ген. Врангеля в Константинополь, где в ряде писем и выступлений резко осудил Главнокомандующего и его штаб. По суду чести Слашов был уволен от службы без права ношения мундира. В ответ на это решение суда Слашов выпустил в январе 1921 г. книгу «Требую суда общества и гласности», в то же время он вступил в переговоры с советской властью и по личному указанию Дзержинского прибыл 21 ноября 1921 г. в Севастополь, откуда далее в вагоне Дзержинского выехал в Москву. В Москве выпустил несколько воззваний, призывая солдат и офицеров армии генерала Врангеля подчиниться советской власти, а также книгу «Белый Крым». Получил место преподавателя тактики в школе комсостава «Выстрел». 11 февраля 1929 г. был убит в помещении школы, якобы из личной мести, хотя по времени его убийство совпадает с волной репрессий, обрушившейся на бывших офицеров белых армий.

СОБОЛЕВСКИЙ Степан (Мустафа) Яковлевич (Якубович) (1879—ок. не позже 1922?), полковник Ген. штаба. Окончил Полоцкий кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1908). Участник русско-японской и первой мировой войн. В ноябре 1910 г. — подполковник и помощник старшего адъютанта Приамурского военного округа. В 1915 г. — полковник. В 1917 г. — начальник штаба 112-й пехотной дивизии. В Белом движении с начала 1919 г. Один из помощников начальника военных сообщений в Крымско-Азовской армии зимой 1919 г. Летом—осенью 1919 г. — начальник штаба 9-й Донской конной дивизии, участвовавшей в составе 4-го Донского корпуса в Мамонтовском рейде. В октябре 1919 г. — помощник начальника военных сообщений Кавказской армии. Умер не позже 1922 г. В списке офицеров Генерального штаба Русской армии начала 1922 г. его имя отсутствует.

СОЛОВЬЕВ (видимо, Михаил Петрович) (1863—1930), генерал-майор. Помощник начальника военных сообщений в Крымско-Азовской армии ген. Дзеваниовского в 1919 г. С марта 1919 г. — в распоряжении Главнокомандующего ВСЮР. Скончался в Белграде в 1930 г. и похоронен на Новом кладбище.

СОРОКИН Иван Лукич (1884—1918), участник первой мировой войны. Есаул. В начале 1918 г. — эсер, организовавший революционный отряд на Кубани. С апреля 1918 г. — помощник главнокомандующего войсками Кубанской Советской республики. С августа 1918 г. — главнокомандующий Красной Армией Северного Кавказа, а затем и. д. командующего 11-й армией. После поражений, понесенных этой армией, объявлен вне закона, арестован, заключен в тюрьму в Ставрополе, где был убит без суда 1 ноября 1918 г.

СОФРОНОВ Николай Степанович, генерал-майор при штабе Крымско-Азовской армии в 1919 г.

СТАРИКОВ Терентий Михайлович (1880—1934), генерал-лейтенант. Казак станицы Екатерининской Войска Донского. Окончил Новочеркасское военное училище в 1902 г. Участник первой мировой войны в составе 5-го Донского казачьего полка. В 1917 г. — полковник, участвовал в Общеказачьем съезде в Петрограде, где был избран членом Донского Войскового Круга. Во время гражданской войны командовал весной 1918 г. отрядом повстанцев станиц Екатерининской, Усть-Быстринской и Усть-Белокалитвенской. В Донской армии с лета 1918 г. командовал 7-й дивизией, 2-й дивизией, сводным казачьим корпусом. В 1919 г. — генерал-лейтенант. Во время отступления исполнял должность командующего 4-м конным корпусом, перевезенным затем из района Сочи в Крым по приказу ген. Врангеля. Эвакуировался с Русской армией

и после недолгого пребывания в Югославии переехал в Чехословакию. Автор многочисленных статей о гражданской войне и по истории казачества. Умер в Праге 11 декабря 1934 г. и похоронен на Ольшанском кладбище.

СТОГОВ Николай Николаевич (1873—1959), генерал-лейтенант Генерального штаба. Окончил Николаевский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище, Николаевскую академию Ген. штаба (1900). В первой мировой войне — командир 3-го Финляндского стрелкового полка. Георгиевский кавалер. Генерал-майор Ген. штаба за боевые отличия в феврале 1915, начальник штаба 8-й армии в сентябре 1916. Закончил войну начальником штаба Юго-Западного фронта. В Красной Армии — начальник штаба Всероссийского Главного штаба с мая по август 1918 г. Активный участник подпольной деятельности Национального центра в Москве под руководством Н. Н. Щепкина. Собирал и готовил кадры для Добровольческой армии Московского района. Бежал к генералу Деникину во время арестов членов Московской организации Национального центра. Во ВСЮР — начальник штаба Кубанской армии ген. Шкуро. В Русской армии ген. Врангеля — комендант Севастопольской крепости и командующий войсками тылового района. В эмиграции работал на заводе в Париже, затем — начальник военной канцелярии РОВСа при ген. Кутепове и ген. Миллере (1928—1934). После 2-й мировой войны — председатель Союза Георгиевских кавалеров и последний председатель Общества офицеров Генерального штаба. Скончался 7 декабря 1959, похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа.

СТРОЕВ (до 1914 г. — Рихтер) **Михаил Павлович(?)**, подполковник Ген. штаба. Окончил два года Николаевской академии Генерального штаба в 1914 г. В 1915 г. — капитан и старший адъютант штаба 4-й пехотной дивизии. В 1917 г. назначен и. д. штаб-офицера для поручений при полевом генерал-инспекторе военного воздушного флота. В Красной Армии с 1918 г. В январе 1920 г. находился на службе в штабе 1-й конной армии Буденного, взят в плен Добровольческой армией.

СУББОТИН Владимир Федорович (1874—?), генерал-майор. Окончил Орловский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и Николаевскую инженерную академию. Участник русско-японской и первой мировой войн. В 1910 г. — полковник и начальник штаба инспектора инженерной части Кавказского военного округа. В 1917 г. — генерал-майор и начальник инженеров 1-й армии. Во ВСЮР с сентября 1919 г. по февраль 1920 г. — комендант Севастопольской крепости и градоначальник. После ареста в Симферополе авантюристом капитаном Орловым подал в отставку. В Русской армии ген. Врангеля — начальник инженеров, руководивших работами по укреплению позиций на Перекопе в Крыму.

СУЛЬКЕВИЧ Матвей Александрович (1865 — не позже 1922), генерал-лейтенант. Окончил Воронежский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1894). Участник военных действий против Китая (1900—1901), русско-японской и первой мировой войн. С августа по декабрь 1900 г. — штаб-офицер для особых поручений десантного корпуса (во время похода на Пекин). В 1903—1905 гг. — начальник штаба 15-й пехотной дивизии на Маньчжурском фронте. В 1905—1910 — командир 57-го Модлинского пехотного полка. Генерал-майор. 1910—1914 — генерал-квартирмейстер штаба Иркутского военного округа. В 1915 г. — генерал-лейтенант. В 1917 г. — начальник 33-й пехотной дивизии. После заключения Брест-Литовского мира, во время немецкой оккупации Крыма, ген. Сулькевич, будучи по вероисповеданию магометанином, возглавил 25 июня 1918 г. Крымское краевое правительство. Занимал в нем посты премьер-министра, министра внутренних и военных дел. В связи с уходом немцев из Крыма

и прибытием союзников в Севастополь передал 18 ноября 1918 г. власть Крымскому краевому правительству во главе с кадетом С. С. Крымом и оставался еще некоторое время в Крыму. В списках Генерального штаба Русской армии 1922 г. не числится.

СУТУЛОВ Александр Михайлович (1880—1958), генерал-лейтенант. Окончил Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище. Долгие годы служил курсовым офицером в Новочеркасском, а затем в Николаевском кавалерийском училище. Участник первой мировой войны. Полковник. В Донской армии с мая 1918 г., командир бригады, а затем дивизии. В 1919—1920 гг. — командир 2-го Донского корпуса. Эвакуировался из Крыма с армией генерала Врангеля в ноябре 1920 г. Проживал в Югославии, а потом на юге Франции. Скончался в городе Канны 3 июля 1958 г.

ТИХМЕНЕВ Георгий Михайлович (1873—?), генерал-майор Ген. штаба. Родной брат ген.-лейтенанта Николая Михайловича Тихменева. Окончил Нижегородский кадетский корпус, 2-е Константиновское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1901). Участник русско-японской и первой мировой войн. В 1909 г. — полковник и штаб-офицер для поручений при штабе 4-го армейского корпуса. С декабря 1914 г. командовал на фронте 157-м Имеретинским полком. В 1915 г. — генерал-майор и начальник штаба 45-й пехотной дивизии. В 1917 г. — начальник штаба 13-го армейского корпуса. В 1918 г. мобилизован в Красную Армию и в мае 1918 г. назначен начальником штаба Уральского военного округа.

ТИХМЕНЕВ Николай Михайлович (1872—1954), генерал-лейтенант Ген. штаба. Окончил Московское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1897). Участник русско-японской и первой мировой войн. Командир 60-го Замоиского полка. Генерал-майор Ген. штаба с конца 1914. Начальник военных сообщений в Ставке Верховного Главнокомандующего. В Добровольческой армии — ближайший сотрудник ген. Деникина, начальник военных сообщений во ВСЮР. В эмиграции — многолетний председатель Союза ревнителей памяти Императора Николая II. Скончался в Париже 12 июня 1954 и похоронен на русском кладбище Сент-Жеанвьев де Буа.

ТИХОБРАЗОВ Дмитрий Николаевич (1886—1974), генерал-лейтенант Ген. штаба. Окончил Киевский кадетский корпус, Михайловское арт. училище и Николаевскую военную академию (1913). В 1917 г. — младший штаб-офицер для поручений в Управлении генерал-квартирмейстера в Ставке Верховного Главнокомандующего. Подполковник. В 1920 г. — полковник, начальник Отдела иностранных миссий в штабе Главнокомандующего ВСЮР. В марте 1920 г., заболев, выехал в Константинополь. В эмиграции проживал в городе Канны во Франции. Скончался 20 декабря 1974 г.

ТОПОРКОВ Сергей Михайлович (1880—1931), генерал-лейтенант. Участник первой мировой войны. Как офицер Кубанского казачьего войска вернулся на Кубань. В Добровольческой армии с начала 1918 г. В августе 1918 г. — полковник и командир 1-го Запорожского полка в 1-й конной дивизии генерала Врангеля. Командир бригады, а затем 1-й конной дивизии в 1-м армейском корпусе. В ноябре 1918 г. — генерал-майор по представлению ген. Врангеля. В начале января 1919 г. — командир им же сформированной 1-й Терской казачьей дивизии в 3-м конном корпусе генерала Шкуро. Весной — летом 1919 г. — командир 4-го, а затем 2-го Кубанского корпуса в Кавказской армии ген. Врангеля. Генерал-лейтенант. В декабре 1919 г. назначен ген. Деникиным начальником резерва — сводным корпусом из Кубанских и Терских частей под Ростовом. После отхода ВСЮР к Новороссийску — командир сводного корпуса в Крыму. Участник заседания Военного совета в Севасто-

поле в марте 1920 г., избравшим генерала Врангеля Главкомандующим ВСЮР. В эмиграции жил в Сербии. Скончался в Белграде в 1931 г. и похоронен на Новом кладбище.

ТРОЦКИЙ (БРОНШТЕЙН) Лев Давыдович (1879—1940), председатель Реввоенсовета Республики (1918—1925). Ближайший соратник Ленина, организатор и возглавитель Красной Армии в период гражданской войны.

ТРУССОН Эжэн (1872—1938), бригадный генерал. Окончил Высшую военную академию в 1908 г. Подполковник в 1915 г. и помощник начальника штаба Главкомандующего союзными войсками на Востоке (дек. 1917— апр. 1919). В то же время будучи уже полковником — начальник союзных войск в Крыму (дек. 1918— март 1919). Возглавлял эвакуацию Севастополя в начале апреля 1919 г.

ТРУХАЧЕВ Сергей Михайлович (1879—1942), генерал-майор Генштаба. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генштаба (1906). Участник первой мировой войны. В 1916 г. — командир 16-го Мингрельского гренадерского полка. В 1917 г. — генерал-майор и н. д. начальника инспектора отдела дежурного генерала при Верховном Главкомандующем. В Добровольческой армии со дня ее основания. С лета 1918 г. — дежурный генерал штаба Главкомандующего Добровольческой армии, а затем штаба Главкомандующего ВСЮР. На той же должности в штабе Русской армии ген. Врангеля. После эвакуации Крыма в Сербии — помощник начальника Отдела личного состава штаба Главкомандующего в Сремски Карловци, вплоть до 1923 г. Затем выехал во Францию. Скончался в Ницце 26 ноября 1942 г. и похоронен на русском кладбище Кокад.

ТУРБИН (?), генерал-лейтенант. В марте 1920 г. комендант Севастопольской крепости. Участник заседания Военного совета в Севастополе в марте 1920 г., избравшего ген. Врангеля Главкомандующим ВСЮР.

ТУРКУЛ Антон Васильевич (1892—1957), генерал-майор. Первую мировую начал вольноопределяющимся 75-го пехотного Севастопольского полка. Заслужил два солдатских Георгиевских креста и был произведен в офицеры. Штабс-капитан в конце войны, фельдфебель в офицерской роте в первом походе от Ясс до Новочеркасска ген. Дроздовского в 1918 г. В 1919 г. — командир 1-го и 2-го офицерского генерала Дроздовского полка в Добровольческой армии и во ВСЮР. В Русской армии ген. Врангеля произведен в генерал-майоры и назначен начальником Дроздовской дивизии. После эвакуации Крыма назначен ген. Врангелем командиром сводного Дроздовского полка. В эмиграции основал в 1935 г. Национальный союз участников войны и встал во главе него. В годы 2-й мировой войны участвовал в формировании Российской Освободительной Армии (РОА). Скончался 20 августа 1957 г. в Мюнхене. Похоронен 14 сентября 1957 г. на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа под Парижем. Автор книги «Дроздовцы в огне» (лит. обработка И. Лушкаша).

УЛАГАЙ Сергей Георгиевич (1875—1947), генерал-лейтенант. Окончил Воронежский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Участник русско-японской и первой мировой войн. В 1917 г. — полковник, Георгиевский кавалер и командир 2-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска. В сентябре 1917 г. арестован по делу Корнилова, бежал на Кубань, где в конце 1917 г. организовал партизанский отряд. В Добровольческой армии — начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии с июля 1918 г. Генерал-майор. Во ВСЮР — командир 2-го казачьего корпуса в Кавказской армии ген. Врангеля. Генерал-лейтенант. В Русской армии ген. Врангеля — командующий группой войск, высадившихся на Кубани в августе 1920 г. После неудачи десанта уволен

из армии. В эмиграции проживал в Сербии и во Франции. Скончался 20 марта 1947 г. в Марселе. Прах генерала был перенесен на кладбище Сент-Женевьев де Буа 22 января 1949 г.

УСПЕНСКИЙ Николай Митрофанович (1875—1930), генерал-майор Ген. штаба. Окончил Ставропольскую классическую гимназию, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1905). Участник русско-японской и первой мировой войн. С 1915 г. — командир 1-го Хоперского полка Кубанского казачьего войска. В 1917 г. — генерал-майор и начальник штаба 4-й Кубанской казачьей дивизии. С 1 ноября 1917 г. и по январь 1918 г. — заведующий военными делами в Кубанском правительстве. Участник 1-го Кубанского похода. В Добровольческой армии — командир сводной казачьей дивизии. Во ВСЮР, в Кавказской армии ген. Врангеля, с июня 1919, временно командовал 4-м корпусом. 11 ноября 1919 г. избран атаманом Кубанского казачьего войска. Умер от сыпного тифа в январе 1920 г.

ФИЛИМОНОВ Александр Петрович (1867—1948), ген.-лейтенант, атаман Кубанского казачьего войска. Окончил Киевский кадетский корпус, Александровское военное училище в Москве, Военно-юридическую академию и одновременно прошел курс Императорского археологического института. Служил долгое время атаманом Лабинского отдела Кубанского казачьего войска. В 1917 г., будучи полковником избран председателем Кубанского краевого правительства, а в октябре 1917 г. Кубанским войсковым атаманом. Произведен в генералы. Участник Ледового похода Кубанской армии в 1918 г., ушедшей на соединение с Добровольческой армией, с которой она и встретилась в ауле Шенджий. 17 марта 1918 г. в станции Ново-Дмитриевской подписал протокол, согласно которому войска Кубанского правительства перешли в полное подчинение командующему Добровольческой армией ген. Корнилову. Занимал умеренную позицию в отношении сепаратистов и не одобрял строгих мер, применяемых к ним со стороны Главнокомандующего ВСЮР. 10 ноября 1919 г. сложил свои полномочия как атаман Кубанского казачьего войска. В эмиграции проживал в Югославии. После кончины ген. Казановича был одно время председателем Союза участников первого Кубанского похода. Скончался в городе Осек 4 августа 1948 г. Оставил записки: «Разгром Кубанской рады» (Архив русской революции. Т. 5, Берлин, 1922, с. 322) и «Кубанцы» (Белое Дело. Т. 2, Берлин, 1927, сс. 62—107).

ФРАНШЕ д'Эспере Лун Феликс (1856—1942), маршал Франции. Окончил Военную академию в 1886 г. Дивизионный генерал и командир 1-го армейского корпуса в начале первой мировой войны. Во время сражения на Марне, в сентябре 1914 г., назначен командующим 5-й армией. В июне 1918 г. назначен Главнокомандующим на Салоникском фронте. С ноября 1918 г. до конца 1920 г. — Главнокомандующий союзными оккупационными войсками в Константинополе и прилегающих районах. В 1921 г. — маршал Франции и член Верховного военного Совета до 1938 г. Скончался в замке Сент-Шамо в Додоне.

ФРЕЙДЕНБЕРГ Анри (1876—1975), корпусной генерал. В декабре 1918 г. полковник, начальник штаба Командующего союзными войсками на юге России генерала д'Ансельма. Начальник гарнизона города Одессы до назначения ген. Шварца. Пользовался большим влиянием на своего начальника.

ФРОЛОВ Александр Григорьевич (1866—?), полковник Ген. штаба. Окончил 3-е реальное училище в С.-Петербурге, Петербургское юнкерское пехотное училище и два курса Николаевской академии Ген. штаба (1914). В 1917 г. — полковник и старший адъютант штаба 131-й пехотной дивизии. В 1918 г. — начальник Полтавского центра Добровольческой армии, действовавшего подпольно во время немецкой оккупации. В конце 1918 г. — и. д. начальника военных сообщений в штабе Крымско-Азов-

ской армии генерала Боровского. Во ВСЮР — начальник штаба 34-й пехотной дивизии. В Русской армии ген. Врангеля — преподаватель тактики в Константиновском военном училище, а затем начальник штаба 2-го армейского корпуса. В эмиграции проживал в Сербии.

ХАБАЛОВ Сергей Сергеевич (1858—?), генерал-лейтенант Ген. штаба. Окончил 2-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1886). Участвовал только в русско-турецкой войне (1877—1878). Сотник. С 1900 г. занимал различные должности в военных училищах: инспектор классов, начальник Московского военного училища в 1903 г., а с 1905 г. по 1914 — начальник Павловского военного училища. После недолгого пребывания в Уральской области в качестве военного губернатора назначен командующим войсками Петроградского военного округа. На этом посту его застала Февральская революция, к событиям которой он совершенно не был готов. В 1919 г. уехал с семьей на Украину, но в Белом движении активного участия не принимал. Эвакуировался за границу в начале 1920 г. — в Салоники (Греция).

ХАРЖЕВСКИЙ Владимир Георгиевич (1892—1981), генерал-майор. В 1914 г. — студент Горного института в Петербурге. Призван в армию как прапорщик запаса. Георгиевский кавалер. В 1917 г. — капитан на Румынском фронте. Вступил добровольцем в отряд полковника Дроздовского и совершил в его рядах поход из Ясс до Новочеркасска в начале 1918 г. Участвовал во всех боях 2-го Кубанского похода Добровольческой армии в рядах Дроздовского полка летом—осенью 1919 г. Во ВСЮР, при развертывании полка в Дроздовскую дивизию, назначен в октябре 1919 г. командиром 2-го Дроздовского полка. Полковник. В Русской армии ген. Врангеля участвовал во всех боях в северной Таврии в составе Дроздовской дивизии и произведен в генерал-майоры за боевые отличия. В последних боях на Перекопе и на Юшунских позициях вступил в командование Дроздовской дивизией вместо заболевшего ген. Туркула. Из лагеря Галлиполи направляется в 1921 г. командованием корпуса в Прагу, где заканчивает Горный институт. Работает по специальности и в то же время возглавляет Общество галлиполийцев в Праге. В конце второй мировой войны переезжает в Германию, а затем в Марокко, оттуда — в США. Отданым накануне смерти приказом начальника РОВСа генералом Лампе (от 19 мая 1967) назначается начальником РОВСа и остается им до самой смерти в Лейквуде (США) 4 июля 1981 г. Последний начальник РОВСа в чине генерала.

ХАРЛАМОВ Василий Акимович (ок. 1876—1957), донской общественный деятель, депутат Государственной Думы всех созывов. Председатель Донского Войскового Круга. В эмиграции проживал в Югославии. После второй мировой войны выехал в Аргентину. Скончался в Буэнос-Айресе.

ХОЛЬМАН Герберт (1869—1949), генерал-лейтенант (1926). В 1919—1920 гг. генерал-майор и начальник Британской Военной миссии на Юге России.

ЧЕЛИЩЕВ Владимир Николаевич (1871—1952), видный кадет, член Национального центра в Москве в 1918 г. В 1919, после переезда на юг, — начальник Управления юстиции в Особом Совещании при Главнокомандующем ВСЮР. Соавтор совместно с Н. Астровым, М. Берняцким и др. Записки от 16 декабря 1919 г., предлагавшей ген. Деникину распустить Особое Совещание и заменить его Советом при Главнокомандующем. Эмигрировал в 1920 г. и проживал в Париже. После второй мировой войны переехал в Америку. Скончался в Сан-Франциско 1 мая 1952 г.

ЧЕРНАВИН Виктор Васильевич (1877—?), генерал-майор Ген. штаба. Окончил Омскую гимназию, Николаевское военное училище и Николаев-

скую академию Ген. штаба (1904). Участник русско-японской и первой мировой войн. В 1916 г. — начальник штаба 34-й дивизии, в 1917 г. — и. д. генерал-квартирмейстера штаба 6-й армии. Полковник. Во ВСЮР — генерал-квартирмейстер штаба Крымско-Азовской армии ген. Боровского (конец 1918 — начало 1919). Затем, летом—осенью 1919 г., начальник штаба группы войск ген. Шиллинга. В январе 1920 г., после эвакуации Одессы, будучи начальником штаба войск Новороссии, был арестован в Симферополе авантюристом Орловым. После освобождения подал в отставку. В эмиграции проживал в Праге (Чехословакия).

ЧЕСНАКОВ Петр Владимирович (1875—1948), генерал-майор Ген. штаба. Окончил Полоцкий кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1901). Участник русско-японской и первой мировой войн. Генерал-майор с августа 1915 г. и начальник штаба 2-й кавалерийской дивизии. В 1917 г. — начальник штаба 1-го кавалерийского корпуса. Во ВСЮР в 1919—1920 гг. командовал кавалерийской дивизией и кавалерийским корпусом. В эмиграции жил в Сербии, где и скончался 20 сентября 1948 г.

ШАТИЛОВ Павел Николаевич (1881—1962). Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Ген. штаба (1908). Участник русско-японской и первой мировой войн на Кавказском фронте. Последняя должность — генерал-квартирмейстер штаба фронта. Генерал-майор. В Добровольческой армии с лета 1918. Начальник 1-й конной дивизии и командир 4-го конного корпуса. Произведен генералом Деникиным в генерал-лейтенанты за успешные бои под Великокняжеской. Во ВСЮР — начальник штаба Кавказской армии. С декабря 1919 г. по начало января 1920 г. — начальник штаба Добровольческой армии при генерале Врангеле. В Русской армии в Крыму — начальник штаба ген. Врангеля. Произведен ген. Врангелем в генералы от кавалерии за успешную эвакуацию Крыма в ноябре 1920 г. В эмиграции — сначала при ген. Врангеле в Константинополе а затем с 1924 по 1934 — начальник 1-го отдела РОВСа во Франции. В конце жизни посвятил много времени музею лейб-казацкого полка в Курбевуа под Парижем. Скончался 5 мая 1962 г. в Аньере под Парижем и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

ШВАРЦ Алексей Владимирович (1874—1953), генерал-лейтенант. Окончил Николаевское инженерное училище и Николаевскую инженерную академию (1902). Участник обороны Порт-Артура во время русско-японской войны. Георгиевский кавалер. В 1914 г. назначен комендантом крепости Ивангород, за успешную оборону которой в сентябре—октябре 1914 произведен в генерал-майоры. В 1916 г. назначен начальником Трапезундского укрепленного района на Кавказском фронте, а в марте 1917 г. — и. д. начальника Главного военно-технического управления. После октября 17-го и до подписания Брестского мира командовал Северным и Петроградским участками обороны, однако вскоре бежал на Украину. В марте 1919, во время французской оккупации Одессы, был назначен (без согласия ген. Деникина) генералом Франше д'Эспре генерал-губернатором Одессы и командующим всеми русскими войсками в Одесском районе. После эвакуации Одессы французами в апреле 1919 г. уехал в Италию. Вскоре пересел в Аргентину, где в течение многих лет читал лекции в качестве профессора в Академии Ген. штаба и в Высшей технической академии. Скончался в Буэнос-Айресе 27 сентября 1953. Автор многочисленных трудов по фортификации и воспоминаний «Ивангород в 1914—1915», Париж, 1969.

ШИЛЛИНГ Николай Николаевич (1870—1945), генерал-лейтенант. Окончил Николаевский кадетский корпус, Павловское военное училище (1890). Служил в гвардии. Участник первой мировой войны. В 1917 г. — командир 17-го армейского корпуса. Генерал-лейтенант. В Добровольческой армии с 1918 г. Во ВСЮР в 1919 г. — главноначальствующий в Таврической губернии, а затем командующий Киевской группой войск, заме-

нив на этом посту ген. Драгомирова. В конце 1919 года — начале 1920 г. — командующий войсками Новороссии, а после сдачи Одессы с января 1920 г. — главноначальствующий в Крыму. После принятия власти Врангелем в марте 1920 г. — в резерве Главнокомандующего. В эмиграции в 30-х гг. проживал в Чехословакии, сотрудничал в журнале «Часовой». Умер в Праге в 1945 г.

ШИФНЕР-МАРКЕВИЧ Антон Мейгардович (Михайлович) (1887—1921), генерал-майор Ген. штаба. Окончил кадетский корпус Императора Александра II Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1913). Участник первой мировой войны. С августа 1916 г. и по июль 1917 г. — штаб-офицер для поручений при штабе 30-го армейского корпуса. Подполковник. Затем, до января 1918 г., начальник штаба 34-й пехотной дивизии и и. д. начальника штаба 7-го армейского корпуса. В начале 1918 г. принял участие в формировании Добровольческих частей на Румынском фронте при штабе 6-й армии. С апреля 1918 г. по конец июля — в Управлении по ликвидации Румынского фронта. 7 августа 1918 г. прибыл на Кубань, явился к ген. Деникину и был зачислен в Добровольческую армию, получив назначение на должность начальника штаба в партизанскую бригаду А. Г. Шкуро, вскоре развернутую в 1-ю Кавказскую конную дивизию. Во ВСЮР — начальник штаба 3-го Кубанского казачьего корпуса ген. Шкуро. С мая 1919 г. — начальник 1-й Кавказской конной дивизии в составе 3-го Кубанского корпуса. Генерал-майор. 15 июля 1919 г. взял лихим налетом вопреки директиве город Екатеринослав (Днепропетровск). В Русской армии ген. Врангеля — начальник 2-й Кубанской конной дивизии. Участвовал со своей дивизией в десанте ген. Улагая на Кубань в августе 1920 г., во время которого был тяжело ранен. Вновь ранен в последних боях на Перекопе в октябре 1920 г. Скончался 21 января 1921 г. в лагере Галлиполи. На его могиле был поставлен крест с надписью «Сим победиши».

ШКЕЛЕНКО Антон Максимович (1889—?), полковник Ген. штаба. Окончил Виленское пехотное юнкерское училище и два класса Николаевской военной академии (1914). Участник первой мировой войны. В 1916 г. — штаб-капитан и помощник старшего адъютанта (оперативного) отделения генерал-квартирмейстера 8-й армии. В 1917 г. — капитан и и. д. помощника начальника отделения 1-го отряда Управления генерал-квартирмейстера в штабе Верховного Главнокомандующего. В Добровольческой армии с 1918 г. Во ВСЮР в 1919 г. — полковник и помощник начальника оперативного отдела Управления генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего. С марта 1920 г. (по предствлению ген. Махрова) — начальник оперативного отдела при генерал-квартирмейстере штаба ВСЮР полковнике, а затем генерале Коновалове. На той же должности в штабе Русской армии ген. Врангеля. В эмиграции проживал в Праге, Чехословакия.

ШКУРО Андрей Григорьевич (1887—1947), генерал-лейтенант. Окончил 3-й Московский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище (1907). Участник первой мировой войны. В 1915 г. сформировал Кубанский конный отряд особого назначения для действий в тылу на Германском фронте. В 1917 г. — полковник и командир отряда в конном корпусе ген. Н. Н. Баратова в Персии. Полковник. Весной 1918 г. организовал партизанский отряд в районе Кисловодска. В июне 1918 г. сформировал на Кубани партизанскую дивизию, которая соединилась с Добровольческой армией. Командовал в Добровольческой армии дивизией, 3-м Кубанским казачьим корпусом и в начале 1920 г. Кубанской армией. Генерал-лейтенант. Во время отступления к Новороссии уступил командование Кубанской армией ген. Улагая, оставаясь на Черноморском побережье с остатками этой армии. Был уволен из армии генералом Врангелем и выехал из Крыма в 1920 г. В эмиграции жил

в Париже, работал наездником в цирке. В годы второй мировой войны принимал участие в формировании антисоветских казачьих частей, подчиненных германскому командованию. В мае 1945 г. выдан английскими оккупационными властями в Лиенце советскому командованию. 16 января 1947 г. казнен по приговору военной коллегии в Москве. В 1961 г. в Буэнос-Айресе вышли его воспоминания — «Записки белого партизана».

ЩЕРБИЦКИЙ Николай Леонтьевич (1879—?), полковник Ген. штаба. Получил домашнее образование, окончил Одесское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1912). Участник первой мировой войны. С 1915 г. исполнял обязанности офицера для поручений при штабе 8-го армейского корпуса. Подполковник. В феврале 1917 г. — исполняющий должность начальника штаба находящейся в стадии формирования 6-й стрелковой дивизии в 40-м армейском корпусе. В Добровольческой армии с самого начала. Начальник общего отдела в штабе ВСЮР. Полковник. На той же должности в штабе Русской армии ген. Врангеля. В эмиграции проживал сначала в Вильно и числился в списках по Генеральному штабу Русской армии 1922 г. По некоторым данным (согласно полковнику П. В. Колтышеву) скончался в середине 20-х гг. в своем имени на Волыни в Польше.

ЭБЕРГАРД Андрей Августович (1856—1919), адмирал. Окончил Морской корпус в 1877 г. В 1899—1901 командовал канонерской лодкой «Маньчжур». В 1903—1905 — флаг-капитан штаба командующего эскадрой Тихого океана и заместителя на Дальнем Востоке. В 1906 г. — командир эскадренного броненосца «Паителеймон». В 1908—1911 гг. — начальник Морского Генерального штаба. С 1911 по 1916 гг. — Командующий Черноморским флотом, руководил блокадой Босфора, десантом под Трапезундом и провел ряд удачных для Российского флота операций. В 1916 г. заменен адмиралом Колчаком и назначен в Государственный Совет.

ЭКК Эдуард Владимирович (1851—1937), генерал от инфантерии. Получил домашнее образование и окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1878). Участвовал в русско-турецкой войне в 1877—1878 гг., в русско-японской и первой мировой войнах. В 1895—1897 гг. — командир 26-го пехотного Могилевского полка. Генерал-майор. В 1900—1902 гг. — помощник начальника штаба Одесского военного округа. В 1904 г. — начальник 71-й пехотной дивизии на Маньчжурском фронте. Генерал-лейтенант. С 1907 по 1912 г. — командир гренадерского корпуса. Генерал от инфантерии (1910). С 1912 г. командир 7-го армейского корпуса, с которым вышел на войну в 1914 г. Кадры дивизий этого корпуса, 13-й и 34-й, послужили для восстановления этих дивизий во ВСЮР. За бои в Галиции — Георгиевский кавалер 4-й и 3-й степени. В 1917 г. командир 23-го армейского корпуса. Во ВСЮР в 1919 г. — председатель Военно-полевого суда при штабе Главнокомандующего. В эмиграции проживал в Сербии, где был одно время начальником IV отдела РОВСа и председателем Совета объединенных офицерских организаций. Скончался в Белграде 5 апреля 1937 г. и похоронен на Новом кладбище.

ЭНГЕЛЬКЕ Владимир Александрович (1875—?), генерал-майор Ген. штаба. Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба (1903). Участник русско-японской и первой мировой войн. В 1914—1917 гг. — начальник этапно-хозяйственного отдела 9-й армии. В 1917 г. — начальник снабжения армии и генерал-майор. В 1919 г. — помощник начальника снабжения в штабе ВСЮР, заменивший ген. Сапникова. В эмиграции проживал в Сербии в Белграде.

ЭРДЕЛИ Иван Георгиевич (1870—1939), генерал от кавалерии. Окончил Николаевское кавалерийское училище и Военную академию (1897). В 1910—1912 — командир лейб-гвардии драгунского полка. Участник

первой мировой войны. Начальник 14-й кавалерийской дивизии и командир 18-го армейского корпуса. В июле 1917 г. — командующий Особой армией на Юго-Западном фронте. За поддержку ген. Корнилова арестован и заключен в Быховскую тюрьму. В Добровольческой армии с самого начала. В 1-м Кубанском походе — командир конного полка, затем начальник Кав. дивизии. Во ВСЮР — командующий войсками Терско-Дагестанского края и главноначальствующий на Северном Кавказе. В эмиграции — начальник 1-го отдела РОВСа во Франции с июня 1934 и председатель Комиссии по расследованию предательства ген. Скоблина («Особая Комиссия» в составе ген. Эрдели, ген. Тихменева, И. Д. Тхоржевского и полк. гр. Шереметьева) в 1938 г. Скончался в Париже 7 июля 1939 г. и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

ЭРН Николай Францевич (1879—1972), Генерального штаба ген.-майор, впоследствии генерал-лейтенант Парагвайской армии. Окончил 2-ю Тифлисскую гимназию, Елизаветградское кавалерийское юнкерское училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1906). Участник первой мировой войны. В 1915 г. — начальник штаба 1-й Кавказской казачьей дивизии. С 1916 г. — командир 18-го драгунского Северного полка. В 1917 г. — генерал-майор. В Добровольческой армии с самого начала. Помощник дежурного генерала штаба Главнокомандующего. На той же должности во ВСЮР. После эвакуации Русской армии из Крыма состоял при штабе Главнокомандующего в Ср. Карловци. После 1923 г. выехал в Парагвай, где был приглашен на должность профессора Военной академии. Участник войны с Бolivией. Генерал-лейтенант в Парагвайской армии и представитель РОВСа в Парагвае. Скончался 19 июля 1972 г. в Асунсьоне.

ЭТЬЕВАН Эрнест (1866—1941), бригадный генерал. Окончил Военную академию в 1898 г. Находился в составе французской военной миссии в Прибалтике (апр.—окт. 1919). В июле 1920 г. временно заменял генерала Манжена на посту начальника французской военной миссии при Главнокомандующем Русской армией, а затем, вплоть до ноября 1920 г., начальник штаба нового начальника французской военной миссии генерала Брюссю.

ЮЗЕФОВИЧ Яков Давыдович (1872—1929), генерал-лейтенант Ген. штаба. Окончил Полоцкий кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Ген. штаба (1899). Участник русско-японской и первой мировой войн. В 1904—1905 — помощник начальника оперативного отделения Управления генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии. В 1910 г. — начальник отделения Главного управления Ген. штаба. В начале первой мировой войны, с августа 1914 г., — начальник штаба Туземной дивизии (обычно называемой «Дикой» дивизией — Юзефович был магометанского вероисповедания, он происходил из литовских татар). Генерал-майор в 1915 г. и начальник штаба 2-го кавалерийского корпуса. В 1917 г. — командир 26-го армейского корпуса. Генерал-лейтенант. В Добровольческой армии с середины 1918 г. С января 1919 г. — начальник штаба Кавказской Добровольческой армии ген. Врангеля. Летом 1919 г. и до отхода в Новороссийск в марте 1920 — командир 5-го конного корпуса. В Русской армии в апреле 1920 г. во время наступления 13-й Красной Армии на Перекопе, руководил укреплением позиций на перешейках и строительством Юшунской подъездной дороги. В мае 1920 — инспектор кавалерии в Русской армии ген. Врангеля. После переговоров в Париже ген. Миллера и русского посла Маклакова с французским правительством и представителями Польши о формировании 3-й Русской армии на территории Польши выехал 17 декабря в Париж, сопровождая министра иностранных дел П. В. Струве, с тем чтобы в дальнейшем возглавить 3-ю Русскую армию, к формированию которой приступил П. С. Махров. Однако Рижский мир Польши с Советской Россией остановил эти намерения ген. Врангеля. В эмиграции проживал сначала в Висбадене (Германия), а затем в Эстонии, где и скончался.

ЯЗЫКОВ Сергей Михайлович (1872—?), генерал-майор Ген. штаба. Окончил Казанскую классическую гимназию, Виленское пехотное училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1904). Участник русско-японской и первой мировой войн. В 1912 г. — полковник и заведующий передвижениями жел. дорог и водных сообщений Омского района. В 1915 г. — начальник этапно-транспортного отдела в Управлении начальника военных сообщений армий Юго-Западного фронта. В 1917 г. — генерал-майор и начальник почтово-телеграфной части Главного управления военных сообщений. Во ВСЮР в 1919 г. — в распоряжении ген. Тихменева, начальника военных сообщений штаба Главнокомандующего. В эмиграции проживал в Болгарии, в Созополе.

ЯНОВ Георгий Петрович (род. около 1875—?), генерал-майор. В 1917 г. — полковник и офицер войскового штаба в Новочеркасске. Член первого Войскового Круга при атамане генерале Каледине. Уцелел, спрятавшись, в Новочеркасске во время занятия его красными во главе с Голубевым зимой 1917—1918 г. Во время общедонского восстания в мае 1918 г. избран председателем Круга Спасения Дона и Временного Донского правительства. При генерале Краснове — член президиума Донского Войскового Круга. В сентябре 1918 г. — начальник Донской Войсковой стражи. В 1919 г. — окружной атаман Черкасского округа. В эмиграции жил в Югославии.

ЯСЕВИЧ (возможно Константин Константинович, проживавший до 1938 г. в Новом Саду, в Сербии). В марте 1920 г. — начальник сводной партизанской Донской дивизии.

ПРИЛОЖЕНИЯ

НАЧАЛЬНИК ШТАБА
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Вооруженными Силами
на Юге России

8 Апреля 1920 г.

Гор. Севастополь

СЕКРЕТНО

В собственные руки

Доклад
Главногокомандующего Вооруженными Силами
на Юге России

Излагаемые ниже соображения мною частично докладывались Генералу ДЕНИКИНУ и Вашему Превосходительству, и некоторые из указанных мероприятий уже проводятся в жизнь, но считаю нужным все это систематизировать и изложить в настоящем докладе, дабы иметь одобренный Вами общий план работы.

Причем, касаясь и мероприятий, не относящихся к кругу моего ведения, имею в виду, что все эти вопросы настолько тесно связаны между собой, что без немедленного их разрешения Вооруженные Силы Юга России не найдут себе опоры в широких массах народа для доведения начатого дела до конца.

Исключительно трудная обстановка, в которой оказались Вооруженные Силы Юга России, вынуждает к лихорадочной работе по всем отраслям.

При всяких условиях, какие нам придется в дальнейшем переживать, несомненно одно положение: борьба с большевиками-коммунистами должна продолжаться до полного их поражения и свержения советской власти.

Для успеха этой борьбы необходимо:

- 1) принятие соответственной политическому моменту внутренней и внешней политики;
- 2) экономическое возрождение занимаемых нами областей;

Примечания, сделанные ген. Врангелем на полях доклада, даны нами в сносках; места, подчеркнутые им, выделены курсивом.— Н. Р.

- 3) политическая борьба с большевизмом;
- 4) всемерное продолжение открытой вооруженной борьбы с советской властью.

Необходимые по каждому из перечисленных вопросов мероприятия таковы:

I. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Внутренняя политика должна опираться на здоровую массу населения.

Все данные указывают, что подавляющая часть русского народа почти исцелилась от большевистской заразы; ненавидит советскую власть и с радостью пойдет за тою властью, которая, освобождая народ от большевистского ига, осуществит ожидаемые народом чаяния.

Для привлечения народных масс на свою сторону необходимо твердо знать эти чаяния, навсегда вкоренившиеся в народную душу.

Они всем известны, это: 1) земля, 2) народоправство, 3) лозунг «Долой гражданскую войну», 4) рабочий вопрос, 5) восстановление гражданского порядка и законности¹.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС

Сущность земельного вопроса понимается всеми, кроме крайних социалистических и крайних правых партий, одинаково.

Крестьяне должны быть наделены дополнительно землею; крупное землевладение должно прекратить свое существование.

Мы должны привлечь на свою сторону среднее крестьянство и мелкое землевладение, сохраняя незыблемым, в противовес социалистам, принцип собственности и укрепив его всеми мерами и столь ожидаемым крестьянином юридическим порядком (выкуп и «бумага с орлом»).

Нарушение всероссийского крестьянского взгляда на землю было одной из главных причин нашего только что пережитого крушения.

После трех лет бесконечных теоретических и практических выяснений вопроса нельзя более откладывать его на обсуждение комиссии, а необходимо разрубить этот истинно гордиев узел, разрубить со всей решительностью.

Для сего нужны следующие конкретные меры.

Объявить в декларации максимум земельной единолич-

¹ Необходимо затронуть и религиозный вопрос.

ной собственности, обратив теперь же все остальное в государственный земельный фонд².

Только это решение и будет первой реальной мерой, которая одна заставит население поверить, что новая власть взяла новый курс и не уподобится старой в желании оттянуть дело и вернуть землю в полном объеме прежним владельцам.

Только это решение даст правительству доверие, даст мобилизуемых, даст право потребовать от населения всяких жертв для борьбы с врагом.

Правительство сразу получит земельный фонд, который и начнет раздавать при помощи земельных комитетов или иных органов.

Максимум владения назначить такой, чтобы привлечь «средняка», хуторян и мелких землевладельцев, имея в виду, что многие крестьяне владеют по 50 десятин, что средний размер частновладельческого и крестьянского владения во всей Европейской России — 27 десятин, что надо сохранить для собственников хотя ограниченную, но некоторую надежду на увеличение имущества, что в Польше, где население гуще (на одного человека — ... [оригинал испорчен. — Н. Р.] десятины, а у нас — 13 десятин), уже принят максимум в 100 десятин.

Все это дает цифру максимума единоличного владения — 100 десятин, не более.

Из-за того, что цифра эта окажется не отвечающей всем районам России, что часть хозяйств погибнет и так далее, — не следует откладывать решение.

Всякое замедление будет истолковано народом как уклонение.

Не следует бояться и того, что Учредительное Собрание изменит норму.

Пока для одного Крыма это не имеет значения, а практические благие последствия от проведения аграрной реформы нечислимы.

Итак, в декларации должно объявить максимум владения и теперь же приступить к осуществлению земельного передела.

НАРОДОПРАВСТВО

Идея участия всего народа в управлении страной настолько сильна в широких слоях населения, что убить ее

---

² Это верно, но сейчас невозможно, ибо отчуждение связано с расценкой, каковую фактически сделать нельзя. Нет и средств для оплаты отчужденной земли. Первый шаг для облегчения земельных сделок — парцеляция казенных земель и обязательная обработка всей годной площади, чем достигается переход ее трудящимся.

можно было только опираясь на реальную силу, а получить эту силу от самого же народа, отвергая самый принцип народоправства, невозможно; поэтому необходимо стать на путь широкого, разумно понимаемого демократизма, отвергая все левые искажения этой идеи и продолжающиеся попытки крайних правых совершенно отвергнуть этот принцип.

Практически надлежит:

1) в декларации Верховной власти подтвердить, что задачей внутренней политики ставится созыв Всероссийского Учредительного Собрания;

2) во исполнение сего объявить о *выборах*³ членов этого Собрания, положенных от Крыма, и немедленно к этим выборам приступить.

Эти члены Учредительного Собрания должны быть привлечены к участию в работе Правительства, с предоставлением им совещательного голоса.

По мере очищения соседних областей от большевиков должны выбираться члены Учредительного Собрания от них.

Таким образом, постепенно была бы избрана большая часть Учредительного Собрания и, что самое главное, население теперь же увидело реальное подтверждение и доказательства объявленного лозунга «За Учредительное Собрание», чего до сих пор не дали ни большевики, ни прежняя Южно-Русская власть.

Таким образом, будет осуществлен принцип участия народа в строительстве управления государством, принцип, без которого не может быть надежды на успех воссоздания России.

Система выборов должна быть установлена той комиссией, которая вообще будет вырабатывать детали законов и проект декларации.

Вопросом внутренней политики является и вопрос об отношении к различным областям Российского государства, заявляющим права на ту или другую степень самостоятельности.

В этом отношении в декларации должен быть смело поставлен лозунг федеративности и единства России⁴ (что совершенно не противоречит одно другому, как то мы видим в Америке и Швейцарии).

Надлежит объявить, что области, в которых сконструировалась власть, будут входить в наше государственное объединение, борющееся с большевиками как свободные и равные члены, но под знаменем федеративной России и единства; это будет, в настоящий период, выражаться единой

³ На каких основаниях? (Слово «выборы» выделено ген. Врангелем. — Н. Р.).

⁴ Верно.

верховой властью Правительства в отношении единства командования армией и флотом, единства иностранных сношений.

Украина, Грузия, Азербайджан, Латвия, Эстония, Белоруссия приглашаются вступить в федерацию для общей борьбы с большевизмом, для скорейшего окончания гражданской войны, для восстановления мира в Европе, который немыслим без восстановления России как культурного члена Европейской семьи народов, для восстановления нормальной экономической жизни всех народов России и Европы, чего не смогла достичь советская власть.

В развитие сего и в обеспечение спокойствия надлежит объявить, что в самоуправляющихся областях уже свободных или освобожденных от большевиков (то есть вне театра военных действий) будут содержаться лишь войска, сформированные попечением правительств данных областей.

В вопросе внутренней частной политики в Крыму надлежит:

1) возобновить деятельность органов земского и городского самоуправления, привлекая их к помощи в деле снабжения армии и упорядочения экономического и санитарного состояния тыла, а также для фактического хозяйственного контроля⁵.

2) Главнокомандующему показать свое сочувствие общественности, посетив Земский съезд, пополненный представителями от всех слоев Крымского населения⁶ (крестьян, татар, немцев, профессиональных кооперативов, сельских хозяев), в Симферополе и, сказав программную речь на основах декларации, созвать специальный крестьянский съезд для обсуждения земельных нужд.

Итак, в области внутренней политики необходимо:

- 1) поставить лозунг «Учредительное Собрание» и приступить к осуществлению выборов в него;
- 2) принять принцип федеративности;
- 3) призвать к работе самоуправления;
- 4) объявить декларацию в торжественной форме.

РАБОЧИЙ ВОПРОС

Рабочие круги, как Крыма, так и губерний России, которые в минувшем году занимались Добрармией, в массе своей настроены оппозиционно к Добрармии и в меньшинстве враждебны.

Рассчитывать на привлечение рабочих целиком на нашу сторону трудно вследствие того, что даже в чисто демократических странах большинство рабочих всегда настроено

⁵ ВЕРНО!

⁶ ВЕРНО!

оппозиционно в отношении власти, видя в этой оппозиции возможность для дальнейшей борьбы за свои классовые и политические интересы.

Исходя из изложенного, основой более или менее удовлетворительного разрешения рабочего вопроса явится необходимость известных гарантий чисто конституционного характера, при которых рабочие могут быть уверенными, что их интересы будут защищаться при участии их представителей.

Все остальные мероприятия по удовлетворению нужд рабочего класса будут паллиативом, но все же, учитывая необходимость для Главного Командования искать здоровую опору, для достижения своей цели в здоровых народных кругах, надлежит теперь же разрешить наиболее острые и неотложные нужды рабочих.

Самое проведение их в жизнь должно быть выполнено решительно, быстро и жизненно при участии в решении некоторых вопросов представителей от рабочих с тем, чтобы заставить поверить рабочие круги, что это не есть обещание на бумаге, а искреннее желание Главного Командования стать на путь реальной защиты рабочих интересов⁷.

Только при этом условии рабочие Крыма пойдут нам на помощь в делах агитации в советской России и в рабочих кругах Крыма наступит то успокоение, которого не наблюдается сейчас как результат отсутствия веры новому Главному Командованию, прямо в силу закона инерции⁷.

К мероприятиям, подлежащим разрешению теперь же, должны быть отнесены:

- 1) подтверждение восьмичасового рабочего дня;
- 2) пересмотр существующих и издание нового закона об обеспечении и выдаче пенсии потерявшим трудоспособность и за выслугу лет за счет предприятий.

Причем ставки вознаграждения по прежнему закону (еще царского правительства) настолько устарели, что рабочие совершенно отказались от участия в пенсионных кассах;

- 3) пересмотр законов об охране детского и женского труда;

- 4) введение третейских судов и примирительных камер;

- 5) открытие богаделен для инвалидов труда и приютов для сирот рабочих, содержание которых должно быть отнесено за счет казны;

- 6) содействие и укрепление развития профессиональных организаций и культурно-просветительной работы среди рабочих;

- 7) поручение Начальнику Управления Снабжений разработку вопроса о хотя бы частичной натурализации труда

⁷ Правильно, но не все можно сделать при нашем положении финансов. (Это примечание относится и к дальнейшему тексту до пункта 6 включительно. — Н. Р.)

для крупных предприятий, так как иначе требование повышения заработной платы будет расти непрерывно⁸ (имеются сведения о требовании повышения заработной платы, обостренной действительной дороговизной жизни — до 3 тысяч рублей в день), что в свою очередь ведет к росту дороговизны и еще большему обесценению денег.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ПОРЯДКА И ЗАКОННОСТИ

Одной из наиболее важных причин недавно пережитой катастрофы является крайне неудачное разрешение вопроса об установлении административной власти в местностях, освобожденных Добрармией от большевиков. Возвращение к жизни органов администрации прежнего времени со всеми ее отрицательными сторонами, возбуждавшими в населении сильную к себе ненависть и нетерпимость (взяточничество, произвол, фактическая полная безответственность), и игнорирование выдвинутых самой жизнью требований реформ административного механизма в корне подорвали доверие освобожденного населения к серьезному решению Высшего Командования взять новый курс в области правления страной, способный водворить в ней порядок и покой.

Коренная ошибка внутренней политики Верховного Командования заключалась в стремлении обосновать свою опору не на народ в широком смысле этого слова, а исключительно на офицерстве, представляющем собою проблематичную реальную силу, и на некоторых партиях, принесших много родовых бед вновь создаваемой России. Общее со стороны всех слоев населения недовольство возрожденными органами старой административной власти, перешедшее в некоторых местах почти в открытое возмущение, перенесение ненависти с администрации на Добрармию, явно враждебное отношение к последним и не скрываемое горячее желание населения избавиться от администрации и от Добрармии — явились результатом такой ошибочной внутренней политики. Этот печальный опыт убедительно и наглядно показал, что реформа в области административного управления безусловно необходима и что будущие органы расформированной администрации должны не отрываться от народа, а работать в тесном единении с его представителями в лице избранных им же земских и городских самоуправлений.

В основу (административной) реформы должен быть положен принцип совместной работы органов администрации

⁸ ВЕРНО.

по назначению правительства с представительными от народа учреждениями. Только в таком случае народ может почувствовать уверенность в том, что возведенные еще манифестом 17 Октября 1905 года основные начала прав гражданской свободы будут введены в жизнь и станут действительно незыблемыми и реальными и что правительство серьезно вступило на путь обновления государственного строя.

Воссоздание этой уверенности и явится началом общественного и политического успокоения, так как утратится всякий смысл классовой борьбы.

Разработка организации новой административной власти и установлений взаимных отношений с органами городских и земских самоуправлений должны быть возложены на особо назначенную для того комиссию.

Поэтому необходимо объявить в декларации:

1) что все основы гражданских свобод, заключающихся в действительной неприкосновенности личности, свободе слова, совести, собраний и союзов, признаются в полной мере и что все настоящие ограничения этих свобод имеют лишь временный характер, вызываемый состоянием Крыма на осадном положении;

2) что ограничения местного административного управления будут реорганизованы в соответствии с новыми требованиями жизни и что органы администрации будут работать в тесном единении с органами местного самоуправления;

3) что городские и земские учреждения принимают активное и широкое участие в местном управлении.

В связи с реформой местного административного управления необходимо провести, в целях восстановления законности, реформы и в области отправления правосудия судебными учреждениями гражданского ведомства⁹.

Беглый обзор деятельности этих судов за последнее время указывает на частую фактическую их бездеятельность, особенно суда присяжных. В то время, когда ежедневно совершаются тягчайшие преступления: убийства, разбои, грабежи, насилия, когда тюрьмы переполнены и когда деятельность в судах, казалось, должна быть наиболее интенсивной, — к слушанию назначались дела восьми—десятилетней давности и притом в большинстве случаев мелкие: о незначительных кражах, пополненных растратах, драках и т. п. Дела эти в настоящее время утратили всякое значение, да к тому же фактически большинство из них и не могло разбираться, так как по таким давним делам при современной

⁹ Это общие места — надо другое: подбор лиц, беспощадная кара за всякое злоупотребление и практическое разрешение рядом конкретных мер наиболее назревших вопросов. (Это примечание относится также и к вышестоящим пунктам 1, 2, 3. — Н. Р.)

разрухе не представлялось возможным разыскать или обвиняемых, или свидетелей; кроме того, откладывались слушанием и из-за недостаточного числа явившихся присяжных заседателей.

Таким образом, великие задачи суда теперь в сущности свелись к выполнению одних лишь формальностей, сопряженных с огромным бумажным делопроизводством, и, кроме того, для присутствия при выполнении части этих никому не нужных формальностей привлекается в качестве присяжных целый ряд лиц различных профессий, отрываемых от работы, столь необходимой в настоящее тяжелое для нашей родины время.

Такое положение дела может подорвать высокое значение суда в глазах населения, что явилось бы огромным государственным бедствием, поэтому необходимо принять надлежащие меры к устранению этого ненормального положения в судах.

К числу таких мер относятся:

1) прекращение производством дел о мелких преступлениях, совершенных по известное время, например до 1916 года включительно, дабы суд имел возможность разгрузиться от этих дел¹⁰ и приступить к рассмотрению неотложных более важных дел о преступлениях, совершенных в недавнее время;

2) временный отказ от привлечения к отправлению правосудия присяжных заседателей, заменив таковых представителями от городских и земских органов самоуправления¹¹, являющихся также выборными от народа¹¹. Представители эти принимают участие в решении дел в качестве временных членов суда с правом решающего голоса как в определении виновности подсудимого, так и в применении к преступным деяниям законов о наказании;

3) число временных членов суда должно быть ограничено возможным минимумом¹²; совершенно достаточно для состава присутствия 4-х таких членов суда, при одном постоянном в качестве председателя;

4) все процессуальные сроки должны быть сокращены¹³ и доведены до сроков, установленных военно-уголовными законами в военное время;

5) самое судопроизводство необходимо упростить¹⁴, введя при разрешении всех дел порядок применительно к порядку, установленному Военно-Судебным Уставом;

¹⁰ ВЕРНО.

¹¹ Вопросительный знак.

¹² ВЕРНО.

¹³ ВЕРНО.

¹⁴ ВЕРНО.

6) органом предания суду по всем делам, подведомственным окружным судам, является распорядительное заседание суда, на рассмотрение которого вносится заключение прокурорского надзора;

7) ввиду фактической бесцельности наказаний каторжными работами и содержанием в арестантских отделениях и тюрьмах, заменить эти наказания назначением на государственные и общественные работы по расчету: каторга — день работы за день наказания, арестантские отделения — один день работы за два дня содержания; тюрьму и арест — один день работы за три дня заключения в тюрьме с лишением свободы до отбытия наказания¹⁵;

8) так как наблюдение над подсудимыми-рецидивистами дает основание утверждать, что из различных мест заключения, вместо исправившихся граждан, часто приходят более совершенные преступники, то необходимо предоставить суду право по отношению к лицам, совершившим первое преступление, применять условное осуждение, дабы, с одной стороны, оградить их от пагубного влияния закоренелых преступников и, с другой — разгрузить тюрьмы от переполняющих их элементов¹⁵ и

9) с целью разгрузки Окружных Судов от мелких дел расширить подсудность мировым судебным учреждениям в соответствии с изменившимися условиями общественной жизни.

Разработка реформы отправления гражданского судопроизводства должна быть проведена в срочном порядке особо назначенной комиссией¹⁶.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВОПРОС

Экономический подъем в областях нами занятых всецело зависит как от общеполитического курса власти, проводимого ею строго последовательно во всех отраслях жизни края, так и мер, проведение которых является жизненно необходимым, а именно:

1) разрешение земельного вопроса и тем самым привлечение симпатий к власти больших масс наиболее спокойного крестьянского элемента и

2) строгое проведение указаний власти на местах подбором надежных и честных исполнителей.

¹⁵ ВЕРНО.

¹⁶ Проект едва ли применим для Крыма при настоящем его положении — осажденной крепости.

Аппарат управления во всех отраслях должен быть прост и не носить характера общегосударственной Российской власти, пригодной лишь для управления при нормальном течении жизни страны.

Без этих мер ни один частный капитал не рискнет производить крупные затраты, которые несомненно потребуются для восстановления промышленно-производственной жизни страны, и у промышленного класса явится уверенность в прочности внутреннего положения, что в свою очередь даст ему возможность спокойно заняться своим делом.

УДЕШЕВЛЕНИЕ ЖИЗНИ

Самым острым вопросом момента является разрешение вопроса по удешевлению жизни, которое, конечно, не может быть во всей полноте осуществлено без разрешения промышленного кризиса, так как до тех пор, пока промышленность бездействует и, таким образом, правительственный налоговый аппарат прямого и косвенного обложения не функционирует и сельское хозяйство продуктами промышленного производства не снабжает,—немыслим подъем курса рубля, а вместе с тем и удешевление продуктов питания.

ЗАГРАНИЧНЫЙ ЭКСПОРТ

Частичное разрешение в улучшении жизни (так! — *Н. Р.*), получаемое посредством товарообмена с деревней продуктами промышленного производства, добываемых из-за границы, к сожалению, по началу своей деятельности ПРАВИТЕЛЬСТВА В. С. Ю. Р., не получило должного направления, ибо выдача разрешений на вывоз сырья всем и каждому закончилась расхищением единственного валютного фонда.

Между тем, как казалось бы, к использованию этого единственного оставшегося богатства должны отнестись особенно осторожно, производя его исключительно через организованные на сей предмет правительственные аппараты.

ТРАНСПОРТ

Артерией жизни каждой страны является надежный транспорт, без которого немыслимо существование и нормальная деятельность всей промышленной и хозяйственной жизни.

Недостаточно вдумчивое отношение к вопросу восстановления транспортных средств и непринятие своевременно рациональных мер по его приведению в надлежащий вид не дало своевременно возможности снабдить железные дороги, водный транспорт, фабрики, заводы, мельницы и города достаточным количеством из имеющегося огромного запаса угля и нефтяных продуктов.

Как неотложная потребность в жизни Крымского полуострова и подготовка к продвижению вперед необходима срочная и широкая разработка лесных площадей, Бешуйского угля, Чингелекской нефти и полное напряжение всех морских транспортных средств к доставке из Батума нефтяных продуктов и из Зунгулдака каменного угля.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И РЫБНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

Нужды сельского хозяйства и рыбных промыслов могут быть восстановлены исключительно посредством товарообмена с границей как по снабжению сельскохозяйственными машинами, так и рыболовными снастями, ибо наша разрушенная промышленность по указанным выше причинам не может справиться с их грандиозными потребностями.

Вышеизложенные основные положения указывают на невозможность создания какого-либо правопорядка в экономической и политической жизни страны без принятия нижеследующих решительных мер:

1) срочное обследование бездействующих или работающих не в полном объеме промышленных предприятий с привлечением к этому обследованию заинтересованных в этом классов¹⁷ (промышленников, технического персонала и рабочих каждого данного предприятия) для выяснения как технических, так и материальных средств для немедленной организации работ, субсидирование тех из них, владельцы которых безвестно отсутствуют, на условиях арендного пользования этих предприятий, с учетом и контролем по распределению предметов производства правительственным органом¹⁸; и широкая поддержка вновь зарождающихся промышленных предприятий¹⁹ с вмешательством ПРАВИТЕЛЬСТВА, по примеру Западной Европы, при конфликтах между предпринимателями и рабочими. Немедленное снабжение промышленных предприятий необходимым техническим оборудованием и нужд сельского хозяйства инвентарем посредством товарообмена с границей, по строго выработанному для каждого отдельного района плану потребностей;

2) немедленная отмена всех выданных разрешений на экспорт частными лицами нашего сырья и запрет им вывоза, и организация вывоза его правительственными органами, используя частный капитал лишь на принципах комиссионного вознаграждения;

¹⁷ ВЕРНО.

¹⁸ ВЕРНО. КОНТРОЛЬ НУЖЕН. НУЖЕН И ЧАСТНЫЙ КАПИТАЛ.

¹⁹ БЕЗ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЧАСТНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА СОВЕРШЕННО НЕВОЗМОЖНО УЛУЧШИТЬ ХОЗЯЙСТВО КРЫМА.

3) воспрещение иностранным подданным скупки, как непосредственно ими, так и через наши банки или подставные лица, нашего сырья, крайне взвинчивающих цену на него на нашем рынке, благодаря чему сильно затрудняется и удорожается снабжение необходимыми продуктами наших армии и населения и удорожается стоимость привозимых в обмен на это сырье заграничных товаров;

4) немедленная организация правительственного торгово-промышленного органа с предоставлением ему возможности проводить через свой аппарат до 50% всех привозимых и производимых в каждой данной местности товаров, предметов первой необходимости, чем образовать мощный пресс, регулирующий частную торговлю²⁰;

5) срочное обследование при посредстве правительственных и общественных органов технических нужд сельского хозяйства и рыбных промыслов и удовлетворение наиболее не терпящих отлагательства нужд²¹ посредством экспорта их из-за границы в товарообмене на наше сырье. А также организация на местах нашей промышленности, удовлетворяющей их потребности.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Великая Россия испокон веков отличалась всегда красивыми побуждениями и желаниями.

Ее политика в отношении к другим нациям никогда не была чисто реальной, направленной к соблюдению интересов и выгод русского государства, а всегда носила идеальный характер.

Россия часто выступала на защиту совершенно чуждых ей интересов и даже во вред своим национальным задачам.

Не было у руководителей русской внешней дипломатии талантливо разработанного плана национальной политики, систематически год за годом проводимого в жизнь. Вся русская политика носила случайный, иногда талантливый, но все же не планомерный характер.

И даже в годы гражданской войны, то есть в период высшего напряжения всех здоровых национальных сил, повторилась старая ошибка — у нас не было строго проводимого в жизнь плана внешней политики.

Мы снова совершили ряд ошибок.

Дабы теперь нам, наученным горькими опытами прошлого, не пришлось повторять старых ошибок во внешней и

---

²⁰ ЭТО УЖЕ СДЕЛАНО.

²¹ ВЕРНО.

окраинной политике — надо установить новые, здоровые принципы в этом отношении²², а именно:

1) политика должна быть вполне *реальная*, направленная к защите национальных и исторических интересов России²³;

2) она должна базироваться на идее общеславянского объединения и всю работу вести в этом направлении²⁴;

3) она должна использовать добрососедские отношения для развития нашего экономического благосостояния и для быстрого восстановления сельскохозяйственной жизни, промышленности, торговли и транспорта в стране²⁵.

Нам надлежит жить в мире со всеми Европейскими Странами.

Договоры заключать только те, которые дают определенные выгоды и не грозят нам непредвиденными случаями.

Версальский договор перекроил карту Европы; появилось много новых государств; некоторые из них нам должны быть особенно интересны, а именно Юго-Славия, Чехия, Галиция и Польша.

Необходимо немедленно войти в тесную дружественную связь с Сербией, где у нас пока еще имеется много друзей, с чехо-словаками, видные руководители которых — КРАМАРЖ и другие, до сих пор являются лучшими проводниками русофильской политики.

В отношении Галиции необходимо сейчас же поддержать те группы, которые имеют давно уже тяготение к России²⁶.

Необходим немедленный объезд двумя-тремя уполномоченными и особо доверенными лицами всех этих стран для установления на местах единообразного принципа работы наших представителей в этих государствах.

До тех пор, пока наша фабрично-заводская деятельность, торговля и промышленность будут в хаотическом состоянии, до тех пор, пока мы сами не начнем работать, не покладая рук, мы будем в зависимости от иностранных товаров, от иностранного капитала.

Естественно для нас, русских, получать все товары оттуда, где они дешевле, и из *той страны, которая к нам ближе*²⁷.

Такое положение диктует нам неотложную необходимость немедленного экономического сближения с экономически

²² Основа всего дела.

²³ Основа всего дела. / Слово «реальная» выделено ген. Врангелем. — *Н. Р.*)

²⁴ Верно.

²⁵ Верно.

²⁶ Верно. (Примечание относится ко всем предыдущим абзацам, особенно к абзацу о Галиции. — *Н. Р.*)

²⁷ Верно. (Выделено в тексте доклада ген. Врангелем. — *Н. Р.*)

сильными европейскими странами, использование имеющихся там запасов одежды, сельскохозяйственных орудий и прочее.

Необходимо привлечь также транспортные технические силы и специалистов для нашего возрождения и восстановления промышленной и торговой жизни, также транспорта.

Надо иметь в виду, что ослабевшая Турция все время сейчас только и мечтает войти в союз с Россией.

Вот что необходимо использовать сейчас.

Необходимо использовать Болгарию, у которой проснулось чувство горечи и сознания в совершенных ошибках.

Необходимо обратить самое серьезное внимание на желание Америки войти с нами в близкие отношения и немедленно использовать ее как для борьбы с большевиками, так и для получения отсюда различных предметов вооружения, снаряжения и питания.

Следует также иметь в виду наше отношение с Японией, сильной духом и организованной страной Дальнего Востока.

Путем определенного договора с Японией немедленно создать в Сибири снова новый фронт, объявив там те же принципы демократической диктатуры, которые объявляются новым Главнокомандующим здесь.

Надлежит также всемерно использовать общее желание всех народов бывшей Великой России скорее кончить гражданскую войну, выбросив новый лозунг: «Долой гражданскую войну», «Давайте мирно трудиться и работать»²⁸.

С этой целью можно использовать также все окраинные образования, которым ныне угрожает воинствующий большевизм, а именно: Эстонию, Латвию, Литву, Белоруссию, Украину, Грузию, Азербайджан и друг.

Объявив лозунг «Долой гражданскую войну», образовать единый противобольшевистский фронт и *угрозой затяжной гражданской войны и соответствующей пропагандой в Советских сферах снова толкнуть народ на восстания в советской России*²⁹.

Необходима, кроме того, немедленная смена всех бывших представителей Русского Министерства Иностранных Дел за границей, которые все отошли от действительной жизни³⁰, и (представительства) вылились в рутинные бюрократические учреждения, не понимающие жизни и не видящие новых путей во внешней политике.

Назначение неудачных представителей может принести бесчисленные бедствия впоследствии.

²⁶ ВЕРНО.

²⁹ Подчеркнуто Главкомом.

³⁰ ВЕРНО.

Большевизм, как таковой, в чистом виде недостижимая химера фанатически настроенных руководителей.

В России большевизм мог иметь успех только в начале революции, в темных, безграмотных, некультурных массах русского народа, для которого бросаемые в толпу демагогические лозунги казались откровением свыше.

В них народ видел выход из полуголодного, полускотского существования, влачимого им до того.

Захват власти большевиками в октябре 1917 года и бесконтрольное хозяйничание в течение трех лет по всей Руси комиссаров, чрезвычайек, коммунистов, достойных агентов рабоче-крестьянской власти, доказали темному народу истинное лицо большевизма и его руководства.

Народ на самом себе испытал все те блага, которые сулили ему большевики.

Вместо тяжелой, трудовой и бедной жизни дореволюционного времени он получил от большевиков — каторжную жизнь.

Вместо воли и земли по всей Руси слышится один сплошной стон — «Порядка и хлеба».

Народ видит всю прелесть советской власти: голод, холод, мор, повальные болезни, грабежи, угон скота, расстрелы непокорных и протестующих, издевательство над верою и обычаями предков, насилие над женщинами.

Топлива нет, нет одежды, нет хозяйства, нельзя обрабатывать полей, нет работников... вот те основные данные, на которых должна была строить свой успех Добровольческая Армия.

И действительно, первые наши успехи с середины 1919 года показали воочию, как ждал и ждет русский народ освобождения от насилия и произвола; как он хочет спокойной, трудовой жизни, как жаждет права и порядка.

Всем памяты встречи добровольцев в Харькове, Киеве, Курске и Воронеже, когда измученное население пело «Христос Воскресе», стояло на коленях и целовало избавителей-добровольцев.

Но вместо порядка мы принесли те же насилия, грабежи, издеательства...

Вместо чрезвычайек — порки шомполами, расстрелы и т. п.

Отсутствие твердой власти на местах, отсутствие определенной во внутренней и внешней политике, высокомерие, нежелание встать ближе к народу — создали нам бесконечное множество врагов, вызвали восстания в тылу, помогли развитию и усилению большевистской пропаганды, которая питалась нашими же ошибками.

Великое дело освобождения истрадавшей Родины было осквернено и отодвинуто далеко назад.

Нам не верили, нас боялись...

И вот мы потеряли Дон, Кубань, Терек, весь юг России и откатились в Крым.

Тяжелое наследство выпало на долю новому Главному Командованию.

Нет доверия народа; войска развращены, тыл распропагандирован, немного осталось и материальных сил.

Вот обстоятельства и условия, при которых нам приходится продолжать великое дело освобождения России.

А это дело можно и должно продолжать. Надо победить большевиков и большевизм не силою оружия³¹ (что не всегда дает полный успех), надо победить его идейно, используя, пока не поздно, все ошибки, все тактические и политические промахи советской власти.

Политическая борьба — борьба самая серьезная, она не (только) требует идейных работников, высокого знания своего дела и безукоризненной честиности.

Она также требует строго планомерной работы.

Никакое нарушение плана политической борьбы недопустимо со стороны каких-либо других лиц, иначе все обречено на гибель.

Наша же борьба, при условии ее интенсивности, даст положительные результаты и привлечет на нашу сторону снова симпатии широких слоев населения, если мы немедленно разрешим земельный и рабочий вопросы, дадим стране законность и порядок и восстановим самоуправление.

Дадим хорошую администрацию на местах, и только тогда возможен успех нашей работы, проходящей теперь в исключительно тяжелых условиях недоверия и вражды к нам как со стороны рабочего, так и со стороны крестьянского населения.

Вся наша работа распадается на три группы:

1) Наша разрушительная работа в Совдепии, имеющая целью разложить их организацию.

С этою целью у нас уже имеются в Совдепии свои группы, которым поставлено целью следующие задачи: а) организация и поднятие восстаний в тылу красных, б) разрушения и порча железных дорог, подрыв мостов, взрывы и уничтожение складов огнестрельных припасов, в) организация покушений на главных руководителей власти, г) организация в советских частях своих ячеек, ведущих тайную агитацию в пользу контрбольшевистских групп, д) объединение всех настроенных антибольшевистски граждан в больших населенных пунктах под видом кооперативов, артелей труда

³¹ ГЛУБОКО ПРАВИЛЬНО.

(грузчиков, чистильщиков сапог, газетчиков, извозчиков и т. п.), е) вхождение в комитеты, комиссариаты, революционные трибуналы и штабы в качестве членов таковых.

Развитие такой работы и план ее в деталях были изложены Вашему Превосходительству в особом докладе, уже утвержденном Вашим Превосходительством.

Для успешного же проведения его в жизнь необходимо, чтобы Министерство Финансов пошло навстречу в отпуске средств на эту работу.

Только тогда ее можно поставить на должную высоту и вести ее в таких размерах, чтобы достичь действительных результатов, то есть свалить воинственный большевизм.

Необходимо при этом указать, что с первых дней захвата власти в России большевиками (с октября 1917 года) ими тратятся громадные средства на пропаганду своих идей за границей почти во всех странах света, на подкуп прессы, общественных или политических работников и на многое другое³².

ж) Широкое распространение среди офицеров и солдат красной армии известий о коренном изменении в отношениях как к бывшим офицерам старой Русской армии (кадровым), так и к современным офицерам-курсантам, а также и в отношениях к пленным красным солдатам.

Ошибка, допущенная прежним Командованием в этом направлении, привела ко многим нежелательным результатам и явилась одной из причин, расколовших офицерскую среду на несколько враждебно относившихся друг к другу партий, результатом чего явилось и постепенное расслабление всей армии.

2) Наша борьба с большевистскими агентами и их пропагандой у нас.

Со времени наших успехов прошлого года большевики выбросили в наш тыл целую сеть своих агитаторов, богато снабдив их золотом, драгоценностями, николаевскими и керенскими денежными знаками.

В настоящее время в Крыму работа большевистских агентов усилилась отчасти вследствие наших недавних успехов на Кубани, а отчасти из опасения нашей пропаганды, изменившей с января свою организацию и заменившей собою бывший «Осваг».

Эта наша работа в Крыму сумела завоевать расположение рабочего и крестьянского населения.

С этой целью у нас уже имеется 37 культурно-просветительных ячеек на Крымском полуострове в деревнях, в селах и городах.

Кроме того, имеется 5 групп подвижных-агитационных, с лекторами, которые объезжают Крым по указанным им Центром направлениям.

Независимо от того, для специального выявления ведущих у нас большевистскую работу агентов — реорганизована контрразведка.

Создано новое Центральное Отделение в отделе 2-го Генерал-Квартирмейстера Шт. Гл. наблюдательное, которое и будет ведать вопросами:

а) Борьба с организациями и лицами, занимающимися военным шпионажем в пользу иностранного государства или враждебной стороны, а также с организациями и лицами, нарушающими интересы армии и препятствующими им в достижении поставленных Командованием целей.

б) Борьба с организациями и лицами, занимающимися пропагандой в армии идей и учений, ведущих к ее разложению как государственного военного механизма.

в) Борьба с организациями и лицами, занимающимися пропагандой в армиях и подготовкой на территории Вооруженных Сил Юга России организованных выступлений большевистского характера.

г) Негласная охрана Командного персонала от террористических покушений (актов) мерами непрерывного и своевременного раскрытия последних.

Для достижения общих целей и установления общего единства — органы гражданской власти (Государственная Охрана и Уголовно-Розыскные Отделения) должны способствовать в полной мере работе Наблюдательного Отделения на основании Особой инструкции, разработанной по соглашению с представителями всех учреждений, ведающих этой работой.

Кроме того, необходимо объединить работу морской и сухопутной контрразведок³³.

Работа Наблюдательного Отделения будет вестись на совершенно новых началах.

Все старые способы, как то: вымогательство, угроза, истязания и прочее отныне прекращены.

Работа чинов введена в строго законные рамки, и все органы военно-юридические всемерно должны идти навстречу для скорейшего разрешения всех дел, передаваемых на их разрешение.

Прежняя волокита в делах, когда одно дело рассматривалось в течение пяти-шести месяцев, уничтожается и будет преследоваться законом.

3) Для ведения нашей работы по пропаганде идей Главного Командования, по осведомлению войск и прифронтовой

³³ ВЕРНО.

полосы о всех событиях в Крыму, для распространения воззваний, обращений и приказов Главнокомандующего, а также для снабжения фронта и войск газетами уже давно на фронте существовали Отделения Особой Части Штаба Главнокомандующего, ведущие там свою работу в частях войск, и агенты наши не раз доказали верность своей идее, умирая в окопах и ведя агитацию даже во время боев, поддерживая дух слабеющих.

Ныне все эти Отделения преемственно продолжают работу уже от Политической Части Штаба Главнокомандующего и, в связи с общей интенсивной работой центра, напрягают и свою работу. Такие Отделения имеются: а) в корпусе Генерала Слащова — Отделение Полковника Ноги; б) в добровольческом корпусе Генерала Кутепова — Отделение Штабс-капитана Неадера; в) в дольском корпусе — Отделение инженера Афанасьева³⁴.

В Симферополе и Севастополе имеются бесплатные народные читальни (Матросский клуб), в Севастополе — Вечерние Курсы и Народный Университет.

Имелись две образцовые унтер-офицерские инструкторские школы войсковых агитаторов (Мариупольская и Ново-Черкасская).

Для правильного и усиленного снабжения войск и фронта, тыловых гарнизонов и частей газетами, листовками и прочими литературными материалами в ближайшее время выходит на территории Крыма 5 новых газет (одна — «ВОЕННЫЙ ГОЛОС» — уже вышла; две — на татарском языке и одна — народная).

Все газеты будут получать одинаковые задания и проводить в толщи солдат и народа идеи, проводимые Главным Командованием³⁵.

Для скорейшего доставления газет и листовок на фронт, в воинские части и населению, а также для развоза информационного и агитационного материала по всему Крыму организуется служба связи: Велосипедно-Мотоциклетный Взвод.

Кроме того, от Начальника Авиации Генерала Ткачева потребовано полное содействие аэропланами для развоза и разбрасывания литературы у нас и у красных.

Образовано специальное кино-фотографическое отделение, имеющее целью:

а) зафиксировать все наиболее выдающиеся события из боевой и общественной жизни В. С. Ю. Р.;

³⁴ Должен быть особо тщательный отбор людей.

³⁵ Надо оставить идею «Освага» — никаких газет правительственных, кроме одной военной. Поддержка самая широкая частной печати и подбор цензоров — образованных и идейных.

б) демонстрировать бесплатно войскам и народу фильмы и картины агитационного характера.

Производить снимки, могущие иметь историческую ценность.

Кроме того, организована береговая агитация, распространение газет и журналов между населением побережья, а также для информирования его о событиях в Крыму.

Заказаны портреты, плакаты и прочее за границей.

Бывшая до сего работа агентов «Освага» за границей не дала никаких результатов и всеми признавалась не отвечающей своему назначению³⁶.

Ныне отдаются распоряжения о приведении дел и отчетности в полный порядок, и в самом ближайшем времени за границу будут командированы новые представители Политической Части Штаглава для ведения там работы на новых началах, снабженные точной инструкцией; и принимаются меры для установления радиосвязи в целях широкой информации о событиях на Юге России.

ИНТЕНСИВНОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТКРЫТОЙ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ С БОЛЬШЕВИКАМИ

Открытая борьба с большевиками неизбежна, возможно, и сулит благоприятные результаты, но лишь при соблюдении и немедленном проведении в жизнь целого ряда мер в области политико-стратегической и в области организации нашей армии на несколько иных началах, чем те, которые существовали в Добровольческой армии до настоящего времени.

1. В области политическо-стратегической должно быть положено в основу полное военное взаимодействие всех противобольшевистских сил. Всякая сила, так или иначе выступающая против советской власти, должна иметь право на нашу поддержку (явную или тайную — это все равно)³⁷.

Район борьбы с большевиками должен быть расширен возможно больше, дабы красные имели меньше спокойной территории и не могли бы собрать подавляющих сил против их главного врага, каковым является русская Крымская Армия.

Исходя из последнего положения, надо стремиться создать очаги вооруженной борьбы там, где население с большевистским режимом помириться не может.

Таковыми очагами могут и должны быть: *Северный Кавказ, Дон, Крым и Украина*³⁸.

³⁶ Информации за границей и проведению там в печати нашей политики придаю первенствующее значение — до сего времени это дело стояло отвратительно.

³⁷ ВЕРНО.

³⁸ Подчеркнуто Главкомом.

На северном Кавказе у нас в настоящее время имеется боеспособная Сочинская группа Ген. Улагая. Составляющие ее Кубанцы желают продолжать борьбу. Мы должны всемерно в этом помочь им посылкой продовольствия, фуража и огнеприпасов. Эта группа и должна составить ядро, которое в недалеком будущем послужит опорой повстанческого движения на Северном Кавказе.

Ближайшая задача ген. Улагая — удерживать Сочинский район, привести в порядок свои части и готовиться, совместно с горцами, к наступлению на Кубань и, прежде всего, в район Баталпашинского, Лабинского и Майкопского Отделов.

Терцы действуют совместно с Кубанцами до выхода в район указанных Отделов, а затем Кубанцы направляются на Екатеринодар, а Терцы на Владикавказ.

На случай, если бы группа Ген. Улагая вынуждена была отойти в пределы Грузии, необходимо заблаговременно предпринять шаги перед союзниками о недопущении разоружения наших войск грузинами, а сохранения их для общей и совместной борьбы против большевиков, которые несомненно будут стремиться захватить Грузию и Батум.

Желательно и необходимо создать на территории Кубани другое ядро, подобное Сочинскому. Местом такого ядра должна быть Тамань, захват которой будет сравнительно нетрудной боевой операцией, обеспечит нам спокойное владение Керченским проливом и даст Крыму богатый запас продовольствия.

Силой, при помощи которой можно создать Таманский очаг борьбы с большевизмом, должны служить Кубанцы, эвакуированные в Крым. Во главе этой силы должен быть обязательно поставлен человек, пользующийся доверием большинства казачьего населения Кубани.

В частности полагаю *посылку туда Ген. Покровского*³⁹ совершенно недопустимой как лица в политическом отношении неприемлемого для Кубанской массы. Опасаюсь также, что набираемые им партизаны, не казаки, по своему нравственному облику могут провалить дело на Кубани.

Дальнейшая задача нашей Таманской группы — действия по северному берегу Кубани.

В общем, образованием двух очагов борьбы на Северном Кавказе (Сочинского и Таманского) мы создадим твердую опору для освобождения от большевиков Северного Кавказа и, в первую очередь, Кубани⁴⁰.

³⁹ ВЕРНО. (Подчеркнуто Главкомом.)

⁴⁰ ПРАВИЛЬНО.

Пока нет данных, указывающих на восстания на Дону, но, несомненно, большинство населения там нам сочувствует. Отсутствие же крупных волнений объясняется, главным образом, тем, что наиболее активный элемент Донского казачества оставил пределы родного края, рассеялся по Северному Кавказу и отчасти эвакуировался в Крым.

Этот элемент необходимо вернуть в Донскую область для организации там борьбы с большевизмом.

В первую очередь надлежит вывозить, главным образом, элемент небоеспособный, который после предварительной подготовки агитаторами (следует) высаживать на берега Донской области под видом военнопленных, бежавших из Крыма, и т. д. Этот элемент должен разойтись по станицам. Среди него должны быть агитаторы и организаторы партизанских действий, богато снабженные денежными средствами, литературой и патронами.

Из отборных казаков в Крыму должна быть сформирована крепкая Донская часть, которую потом, после того, как Донское казачество начнет подыматься против советской власти, надлежит высадить где-либо в районе Ростов—Таганрог, дабы она могла послужить надежным ядром противобольшевистского движения на Дону.

Во главе указанной отборной Донской части должны быть поставлены совершенно новые начальники, пользующиеся доверием казаков.

Посылка Донцов на Кубань через Таманский полуостров вряд ли сулит выгоды, ввиду розни между Донскими и Кубанскими казаками⁴¹. Кроме того, необходимо провести красной нитью: Кубанцы и Донцы должны сами освободить соответственно свои области, получая лишь материальную и моральную поддержку от Верховного Командования.

I. КРЫМСКИЙ РАЙОН

Ближайшей задачей должна быть активная оборона Крымских перешейков впредь до окончания приведения в порядок и снабжения всем необходимым Крымских войск Русской Армии.

Для удержания Крыма необходимо, не жалея средств, *привести оборонительную линию в сильную укрепленную позицию*⁴², для чего деятельно продолжать постройки проволочной сети, *закладку мин, фугасов, постройку батарей и*

⁴¹ ЭТО ПРАВИЛЬНО.

⁴² ПЕРЕЖДЕ ВСЕГО. (Выделены в этом абзаце места ген. Махровым и ген. Врангелем. — Н. Р.)

блокгаузов. Скорейшее окончание железной дороги *Джанкой—Юшунь* имеет первостепенное значение.

Для успешной работы по укреплению позиции и постройке железной дороги необходимы материалы, рабочие и транспортные средства. Проволока — есть на месяц работы, необходимо заблаговременно просить союзников доставить из Салоник 100 тысяч пудов колючей проволоки. Коляя постепенно добываются из лесных разработок, желательно усилить рубку этих кольев и доставку их на фронт. В Севастополе есть много различных башен, стальных плит, мин, орудий и проч., что будет извлечено учрежденной комиссией и направлено на фронт. Руководство работами организовано, и имеется большой кадр инженерных офицеров. Самый острый вопрос — это с рабочими и транспортными средствами. Полагаю, что этот вопрос можно было бы наилучшим образом разрешить путем обращения к общественности. Пусть каждый уезд даст артель рабочих и конский транспорт на один месяц, — и работы можно будет значительно подвинуть, но это возможно лишь при симпатии населения к нам, к нашему делу, для чего и нужны указанные выше реформы. Нельзя вести борьбы, не опираясь на население, ибо мы попадем в полный тупик оторванности и изолированности. Частично рабочие средства дадут Донцы, а транспорт может быть несколько облегчен ускорением подвоза бензина для грузовиков.

Попутно ряд фуражировок на побережье Азовского моря для улучшения продовольствия в Крыму и притягивания к морю сил красных; такими операциями могли бы быть десанты⁴³ в районе Бейсукского лимана и Скадовска — для захвата хлеба, Ейска, Таганрога, Мариуполя, Бердянска — для вывоза плавучих средств и в районе Очаков, Херсон — для привлечения сил красных, перебрасываемых с запада на Крымский фронт.

Следующей нашей задачей должен быть захват Северной Таврии, которая может дать нам хлеб, скот и другие продукты питания.

Дальнейшими задачами будут движение на север вдоль левого берега Днепра и захват каменноугольного района.

В случае, если группа Ген. Улагая должна быть увезена с Кавказа, то можно ее использовать и для немедленных десантных операций: а) Кубанцев совместно с находящимися на Керченском полуострове — для овладения Таманским полуостровом, как указано выше; б) Донцов и Астраханцев — для совместной с Донцами, находящимися в Крыму, высадки или в районе Ростов—Таганрог, или Скадовска, в последнем случае — с целью захвата и удержания хлеб-

⁴³ ВЕРНО.

ного района Перекоп—Каховка—Алешки. Во всяком случае, желательно принять все меры к тому, чтобы части Кавказской группы, желающие продолжать борьбу, так или иначе сохранили своих лошадей и оружие и были использованы.

Наконец, четвертым *районом борьбы с большевизмом должна быть Украина*. Опорой этой борьбы в настоящее время являются так называемые Петлюровские войска и русские части Ген. Бредова.

С Петлюровцами у нас должен быть *военный союз*⁴⁴, их мы должны поддерживать снарядами, патронами и денежными средствами и при их помощи в первую очередь освободить от большевиков правобережную Украину.

Разграничительной линией между нашей Крымской Армией и Петлюровцами может быть вначале река Днепр от устья до Екатеринослава.

Таким образом, резюмируя изложенное, полагаю необходимым: вести борьбу в тесном союзе со всеми противобольшевистскими силами; создать и поддерживать возможно больше очагов борьбы с большевизмом, в ближайшее же время такие очаги необходимо иметь в Сочинском районе, на Таманском полуострове, в Донской области, в пределах бывшей Таврической губернии и на Украине.

II. ОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ

Донское, Кубанское войско и Терское, а если последует соглашение, то и Украинская армия автономны и только в оперативном отношении подчиняются Главкому. Поэтому реорганизация этих войск есть дело их правительств и атаманов.

Наша Крымская Русская Армия нуждается в коренной реорганизации. Мы должны создать армию регулярную и иметь гражданское мужество сознаться, что в настоящее время на регулярную армию вооруженные силы юга России походят очень мало.

Нужно признать, что принятый до сих пор план разворачивания вооруженных сил юга России путем восстановления частей старой русской армии безнадежно провалился.

Результатом этой системы было образование бесчисленных кадров войсковых частей, заводивших самостоятельные хозяйства, громадные обозы, живших большей частью за счет местного населения и совершенно не дававших фронту бойцов.

Особенно убедительным доказательством этого положения служат попытки возродить старую гвардию и русскую регулярную конницу (5-й кавалерийский корпус).

⁴⁴ НЕОБХОДИМО. (Подчеркнуто Главкомом.)

Кадры старой русской армии, в том числе и гвардии, надлежит использовать на общем основании.

Название «Добровольческая Армия» как не соответствующее системе пополнения по мобилизации упразднить, а сосредоточенные в Крыму части назвать «Крымской русской армией»⁴⁵.

Крымская русская армия должна быть организована следующим образом: формируются первый и второй корпуса, первый состоит из Корниловской, Марковской, Алексеевской и Дроздовской дивизий; второй корпус из 1-й и 2-й пех. дивизий.

Две наши кавалерийских дивизии пополнить за счет упразднения мелких, назвать 1-й и 2-й, а входящие в них полки назвать 1-й конный п., 2-й конный п. и т. д.

Части должны быть полнорядными; лучше меньше частей, но с большим боевым составом.

Необходимо вести дальнейшую борьбу с существованием массы тыловых частей и учреждений, что совершенно не соответствует числу бойцов.

Минимальный аппарат управления и снабжения — все остальное в строй.

Поддержание порядка в тылу должны взять на себя части из категорийных и также учреждения, вооруженные и организованные в строевые части на случай выступления большевиков.

В своем штабе я последнее уже провел в жизнь.

Все, что не желает сражаться, а бесполезно сидит в тылу, не имеет права на получение содержания и удаляется из пределов Крыма.

III. ОРГАНИЗАЦИЯ ФЛОТА

Наш флот по громоздкости аппарата управления и соотношения боевых единиц и небоевого элемента превзошел армию.

Необходимо значительно упростить весь аппарат управления и тыла флота и значительно сократить личный состав⁴⁶ до размеров, действительно необходимых для обслуживания наших скудных морских сил.

Старших офицеров ввиду их излишка и отсутствия достаточного числа должностей — уволить со службы с пенсией. Не стесняться выдвижением молодого энергичного элемента, среди которого есть лица с большим опытом, самостоятельностью, знанием и пониманием своего дела.

⁴⁵ ПРОСТО «РУССКАЯ».

⁴⁶ ВЕРНО.

Личный состав флота, оказавшийся излишним для обслуживания такового, мог бы быть использован частично для организации казенного рыболовства и большей частью (брошен) на формирование полевой морской пехотной бригады не менее 5-ти тысяч штыков для действий на фронте или, еще лучше, для непрерывных десантных операций, как указано выше.

Материальную часть флота необходимо теперь же пересмотреть, выявить недочеты на всех судах, определить, какие судна годны к боевой работе, на них сосредоточить все внимание⁴⁷, а со всех старых негодных снять ценные части и самые суда обратить на слом и продать; во всяком случае, не держать на них личного состава и не держать эти суда у пристаней, где они только занимают места.

IV. МЕРЫ ДЛЯ ПОДНЯТИЯ НРАВСТВЕННОГО УРОВНЯ ОФИЦЕРОВ

Революция и гражданская война стерли в сознании многих тысяч русского офицерства прежние понятия о чести и воинском долге. Для возрождения этих чувств в офицерстве необходимыми являются следующие меры:

1) Восстановление офицерских судов чести с предоставлением этим судам права представлять к разжалованию в солдаты⁴⁸ как единственному средству в руках суда чести в настоящих условиях (уже объявлено).

2) Ввести аттестации начальников⁴⁹ и аттестационные совещания для высшего командного состава от командира отдельной части до командира корпуса включительно⁵⁰.

3) Заняться энергичной очисткой офицерского состава от негодного по безнравственности⁵¹, бесталантности и дряхлости элемента, пусть будет меньше офицеров, но сильных и чистых.

4) Введение обязательного ношения полковых и иных частей и учреждений внешних отличий на погонах⁵² (номер или буква с особым знаком по родам войск и родам тыловых учреждений).

5) Дабы каждый носящий военную форму находился под постоянным контролем как своего начальства, так и особых органов (комендантов городов), надо безусловно воспретить ношение военной формы⁵³ лицам, не состоящим

⁴⁷ ПРАВИЛЬНО.

⁴⁸ ВЕРНО.

⁴⁹ Опыт прежнего времени доказал их несостоятельность.

⁵⁰ ВЕРНО.

⁵¹ ВЕРНО.

⁵² ВЕРНО.

⁵³ ВЕРНО.

на действительной службе в Крымской русской армии. Эта мера подымет престиж офицерских погон.

6) Официально объявить, что в «Крымской⁵⁴ Русской Армии» занятие какой-либо должности не зависит от чина, а потому малая должность с высоким чином занимающего ее не только не умаляет достоинства носящего этот чин, но служит признаком верности долгу перед родиной и, наоборот, возвышает лицо, занимающее данную должность.

V. МЕРЫ К ПОДНЯТИЮ ДИСЦИПЛИНЫ И БОЕСПОСОБНОСТИ ВОЙСК

В то время как большевики перешли в своей армии к строгому «регулярству» и ведут борьбу на основах военно-научных, наши войска продолжают воевать по-обывательски.

Англичане, посетившие в феврале месяце бои на Перекопском фронте, указывают, что управление боем, стрельба и маневрирование сильно хромают.

Необходимо перейти к муштре для дисциплинирования войск и к научной подготовке начальника и бойца⁵⁵.

Желательно помимо основной подготовки войск в резервах основать в тылу целый ряд курсов и школ, а именно:

1) Пополнить тыловой молодежью существующие школы: Корниловскую, Алексеевскую и Константиновское военное училище. Юнкеров последнего вернуть с фронта в училище.

2) Сергиевское артиллерийское военное училище вернуть с фронта в Севастополь и пополнить.

3) Возобновить занятия в Севастопольской артиллерийской подготовительной школе.

4) Развить Одесские инструкторские пулеметные курсы (в Феодосии) и создать такие же в Бахчисарае.

5) Открыть повторительные курсы для офицеров⁵⁶ в Симферополе и Севастополе, куда назначить по двести офицеров из числа шатающихся в тылу и расформированных учреждений и заведений армии.

6) В корпусах, кроме того, в периоды затишья собирать часть офицеров частей, хотя бы на две-три недели для изучения приемов и методов войны и их дисциплинирования.

Все указанные школы и курсы, помимо своего прямого назначения, дадут опору власти для проведения в жизнь своих предначертаний.

⁵⁴ Вопросительный знак, слово «Крымской» подчеркнуто Главкомом.

⁵⁵ СОВЕРШЕННО НЕОБХОДИМО.

⁵⁶ ЗАНЯТИЯ С ОФИЦЕРАМИ И ПОДНЯТИЕ УРОВНЯ ИХ ЗНАНИЙ ВСЕМИ МЕРАМИ — НЕОБХОДИМО.

VI. БОРЬБА С РАСТЛЕВАЮЩИМИ ЯВЛЕНИЯМИ (грабежи, пьянство, разврат)

Для борьбы с грабежами необходимо:

1) Сделать начальников ответственными за грабежи подчиненных⁵⁷.

2) Установить, что за взятое незаконно возмещение производится из хозяйственных сумм частей, а не казной⁵⁸.

3) В *дивизиях*⁵⁹ учредить и заместить должности военных следователей, подчиненных главному военному прокурору.

4) Образовать уездные военно-следственные комиссии.

5) Запретить всякие реквизиции, как то уже было сделано Генералом Шиллингом⁶⁰, но не исполняется. Все необходимое армии покупается интендантскими органами.

6) Обеспечить войска деньгами и довольствием от интендантства и ускорить снабжение войск обозом.

Для прекращения пьянства совершенно воспретить продажу и употребление спиртных напитков в ресторанах, на вокзалах и других общественных местах⁶¹.

Появление на улице в явно нетрезвом виде считать преступлением, влекущим преданию военно-полевому суду и смертной казни.

С целью устранения разврата воспретить пребывание в прифронтовой полосе в частях, учреждениях и заведениях *доброволиц* и других женщин, за исключением сестер милосердия⁶², и то не ближе штабов дивизий.

VII. ПОДГОТОВКА АРМИИ

Противник имеет полную возможность постепенно вывести из строя всю нашу армию, причем красные, благодаря обширности занимаемой ими территории, имеют неисчерпаемый источник людского состава.

Ввиду этого нам приходится с особой тщательностью изыскать источники пополнения уже редющих рядов фронта.

Таковых источников четыре.

1) Как изложено выше — сокращение тылов⁶³.

2) Наши лечебные заведения с 20-ю тысячами больных и раненых. Необходимо лишь организовать их возвращение

⁵⁷ ВЕРНО.

⁵⁸ ВЕРНО.

⁵⁹ В КОРПУСАХ. (Подчеркнуто Главкомом.)

⁶⁰ ДА.

⁶¹ НЕТ, НО БЕСПОЩАДНО КАРАТЬ ЗА ПЬЯНСТВО.

⁶² В ПРИКАЗ.

⁶³ ДА.

в строй по выздоровлении, что в настоящее время не наблюдается. С указанной целью нужно усилить надзор⁶⁴ за выпи-сывающимися из госпиталей и лазаретов, обязательно пере-давать всех в команды выздоравливающих, а в последних формировать маршевые роты и непрерывным потоком от-правлять выздоровевших по своим частям.

3) Возвращение наших больных и раненых, эвакуирован-ных за границу и уже вполне окрепших для строевой служ-бы, для чего соответственно снестись с союзниками⁶⁵.

4) Мобилизация. В Крыму призваны нормальные сроки службы до 34-летнего возраста включительно. Можно еще призвать восемь сроков от 35 до 43-летнего возраста и два досрочных призыва молодых людей в возрасте 19 и 20 лет⁶⁶.

Мобилизацию допускаю лишь при условии установления взаимных благожелательных отношений между войсками и населением, что зависит всецело от проведения демократи-ческих реформ и прекращения грабежей и насилий со сто-роны войск, а также при наличии снаряжения и оружия.

Мобилизацию лучше произвести двумя сроками: в конце апреля четыре старших и один досрочный призывы, и лишь по постановке их в строй остальные пять возрастов.

Все десять возрастов дадут около 15—20 тысяч человек.

Предварительно постановке мобилизованных в строй— необходимо зачисление их в запасные батальоны и надле-жащая муштра.

Для успешного пополнения войск надлежит принять принцип, что люди—это те же деньги, и каждый человек должен быть на счету.

VIII. СНАБЖЕНИЕ АРМИИ

Снабжение армии должно базировать на местных сред-ствах, подвозе из-за границы союзниками и нами на коммер-ческих началах путем товарообмена, а также фуражировка на побережье⁶⁷.

В частности: продовольствие до нового урожая не вызо-вет затруднений. Желательно широко привлечь население к снабжению армии и обязательно организовать *казенное рыболовство*⁶⁸. Одежда— даже если не будет подвоза англи-

⁶⁴ ДА.

⁶⁵ ДА.

⁶⁶ ДОСРОЧНЫЕ — ДА. ОСТАЛЬНЫЕ ПОКА НЕТ.

⁶⁷ НЕОБХОДИМО ИСПОЛЬЗОВАТЬ ПОЛИТИЧЕСКИЙ МОМЕНТ, И ПОКА ЕЩЕ ВОЗМОЖНО, ПОЛУЧИТЬ ПОМОЩЬ ОТ СОЮЗНИ-КОВ, СОСЪЕДОТЧИТЬ ВСЕ ЭТО МОЖНО В КРЫМУ, ДАБЫ СО-ЗДАТЬ СЪЮЮ СОБСТВЕННУЮ БАЗУ.

⁶⁸ ДА. (Подчеркнуто Главкомом.)

чанами — летом также затруднений особенных не вызовет.

Боевые припасы — необходимо призвать научные силы и приступить к изготовлению и переснаряжению снарядов, патронов, развив военную промышленность в Крыму, как то было во время большой войны⁶⁹.

Лошади — приобретать за границей.

IX. МЕРЫ НА СЛУЧАЙ НЕОБХОДИМОСТИ ОСТАВЛЕНИЯ КРЫМА

Ввиду выгод обороны перешейков между Геническим и Перекопом, оставление нами линии Сиваша может иметь место лишь при большом превосходстве сил со стороны противника, почему рассчитывать на успех боя внутри Крыма не придется.

Ввиду этого приняты меры к выяснению страны, которая может приютить армию, и сделаны все подготовительные соображения по сосредоточению войск к портам, посадке их на транспорт и продовольствию во время переезда морем.

Необходимо чаще напоминать союзникам и славянским правительствам о необходимости учесть возможность оставления нами русской территории и, следовательно, заблаговременного указания страны, куда могут переехать наши войска.

Главнейшая мера успешности морской перевозки — это срочная добыча угля⁷⁰, для чего нельзя жалеть никаких средств.

Однако, подготавливаясь к худшему и изыскивая пути укрыть армию за границей, необходимо определенно установить, что это есть крайний, весьма нежелательный и исключительный случай, к которому придется прибегнуть при полном отсутствии у нас территории.

Полагаю, что надлежащая работа на Кубани, соответствующая политика с Грузией и Украиной и новый внутренний курс могут дать нам возможность, на случай оставления Крыма, переброситься в пределы Кавказа и Кубани или Одессы для продолжения борьбы с большевиками.

Имея флот, морской транспорт и уголь, мы можем, по сосредоточению красными большого кулака в одном месте, быстро перемещаться в другое и, продолжая борьбу, выждать окончательного падения большевизма в России.

Для осуществления сего, кроме изложенных выше мер, необходимо тщательно наблюдать за положением на Кавказе и в Херсонской губернии, чтобы принять отвечающее обстановке решение.

⁶⁹ НЕОБХОДИМО.

⁷⁰ НЕОБХОДИМО.

Для свободы действий необходимо в трюм всех кораблей теперь же, в виде балласта, погрузить как валютные грузы, так и (кроме расходного запаса) боевое и иное военное имущество.

На случай, если Вашим Превосходительством будут одобрены основные принципиальные мысли, изложенные в настоящем докладе, прилагаются два проекта обращения к гражданам России.

Подл. подп. генерального штаба
Генерал-Майор МАХРОВ

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕЙ
РУССКОЙ АРМІЕЙ

1 ноября 1921 г.

№ 9676.—

г. Константинополь,
Россійское Посольство.

Милостивый Государь
ПЕТРЪ СЕМЕНОВИЧЪ,

Тяжелыя финансовыя условія, въ которыхъ находится Командованіе Русской арміи, къ великому моему сожалѣнію заставляютъ меня отказаться отъ использованія такого незамѣнимаго и полезнаго для защиты русскихъ интересовъ и нашего дѣла в Польшѣ учрежденія, какимъ являлось Ваше представительство.

Работая вмѣстѣ съ Вами съ самаго начала моего командованія Русской арміей, я не разъ имѣлъ случаи убѣдиться въ полезности Вашей идейной, самоотверженной, полной энергіи и такта работъ, какъ въ начальный Крымскій періодъ Вашей боевой дѣятельности въ роли моего Начальника Штаба, такъ и въ Варшавѣ въ роли моего Представителя, несмотря на всю тяжесть и невыгодность для выполненія Вами Вашихъ задачъ мѣстной и международной политической обстановки.

Его Прев-ству
Генераль-Лейтен.
П. С. МАХРОВУ.

Съ сожалѣніемъ разставаясь съ Вами, первымъ поддержавшимъ меня въ роли Главнокомандующаго сотрудникомъ, прошу принять отъ лица службы

русскому дѣлу самую глубокую и сердечную признательность за тяжелый, отвѣтственный Вашъ трудъ, — а также выразить увѣренность, что и впредь, въ зависимости отъ обстановки, въ близкомъ или болѣе отдаленномъ будущемъ, мы будемъ служить и работать вмѣстѣ на общую пользу нашей Родины.

Примите увѣреніе въ моемъ отличномъ къ Вамъ уваженіи и глубокой преданности

A handwritten signature in black ink, appearing to read "N. S. Zhurav". The signature is written in a cursive style with a large, sweeping initial flourish on the left side.

Приказъ
Генерала Врангеля
№ 59

Сремски Карловци.

23 декабря 1924 года.

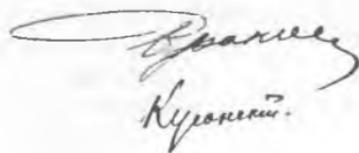
Генераль-Лейтенантъ Махровъ былъ назначенъ моимъ военнымъ представителемъ въ Польшѣ еще въ періодъ вооруженной борьбы съ большевиками въ Крыму и съ тѣхъ поръ непрерывно исполнялъ эту должность въ теченіе свыше 4 лѣтъ, неся огромный и отвѣтственный трудъ въ крайне тяжелыхъ условіяхъ, объединяя, не взирая ни на какія препятствія, заброшенное судьбою въ Польшу русское воинство и заботясь объ офицерахъ, солдатахъ и казакахъ, оказавшихся въ Польшѣ, болѣе чѣмъ въ какой либо другой странѣ, безправными и совершенно не обеспеченными работами.

Нынѣ стѣсненные матеріальныя возможности заставляютъ меня освободить Генерала Махрова отъ занимаемой имъ должности.

Исключительныя дарованія, горячая любовь къ родному военному дѣлу и рѣдкая работоспособность Генерала Махрова во многомъ облегчали мнѣ мою работу.

Считаю своимъ долгомъ выразить глубокоуважаемому Петру Семеновичу мою самую сердечную благодарность за исключительно цѣнную его службу нашему общему дѣлу.

ГЕНЕРАЛЪ

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Рутыч. К «Воспоминаниям» генерала П. С. Махрова (Краткий биографический очерк)	5
От публикаторов	12
Часть первая. На службе в Крымско-Азовской Добровольческой армии	14
При штабе генерала Деникина	43
В Кавказской армии генерала Врангеля	64
В Кубанской армии генерала Шкуро	125
Часть вторая. В Ставке Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России	138
Биографический справочник	215

Приложения

Приложение I. П. С. Махров. Доклад Главнокомандующему Вооруженными Силами на Юге России. 8 апреля 1920 г.	265
Приложение II. Письмо генерала Врангеля генералу Махрову от 1 ноября 1921 г.	298
Приложение III. Приказ генерала Врангеля от 23 декабря 1924 г.	300

Махров П. С.

М36 В Белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России / Под общ. ред. Н. Н. Рутыча и К. В. Махрова; Вступ. статья Н. Н. Рутыча. — СПб.: Издательство «Logos», 1994. — 304 с.: ил. (Историческая серия. XIX—XX век).

ISBN 5-87288-072-3

«Записки» генерал-лейтенанта П. С. Махрова, последнего начальника штаба Вооруженных Сил на Юге России посвящены судьбоносному периоду гражданской войны с начала 1919 г. по апрель 1920 г. В воспоминаниях автор дает развернутые характеристики многих видных генералов белых армий. В настоящем издании опубликован также доклад П. С. Махрова Главнокомандующему ВСЮР, в котором вскрываются причины поражений белых армий. В то же время доклад является программой продолжения борьбы. Многие его положения не потеряли актуальности и в наши дни. Все это делает книгу П. С. Махрова далеко выходящей за рамки обычной мемуарной литературы.

М 4702010101 — без объявл.
Г73(03)-94

ББК 84.Р1

Петр Семенович Махров

В Белой армии генерала Деникина

Записки начальника штаба Главнокомандующего
Вооруженными Силами Юга России

Редактор И. Л. Наровлянская

Корректор В. И. Калганова

Художник В. Е. Корнилов

Технический редактор А. А. Кабанова

ЛР № 030078 от 20.08.91. Сдано в набор 25.01.94. Подписано в печать 10.03.94.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская. Печать высокая. Усл. печ. л. 19. Ти-
раж 3000 экз. Заказ 82.

Издательство «Logos». 190000, Санкт-Петербург, пер. Пирогова, 18

ГППП-3. 191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 55

П. С. МАХРОВ

П. С. Махров (1876-1964) - генерал-лейтенант, последний начальник штаба Вооруженных Сил на Юге России. "Записки" охватывают судьбоносный период гражданской войны с начала 1919 г. по апрель 1920 г.

Генерал Махров оставил в своих воспоминаниях развернутые характеристики многих видных генералов белых армий. В настоящем издании опубликован также его доклад Главнокомандующему ВСЮР, многие положения которого не утратили своей актуальности и в наши дни. Все это делает книгу П. С. Махрова далеко выходящей за рамки обычной мемуарной литературы.